

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

1 9 5 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
заместитель главного редактора И. И. Потехин,
М. О. Косвен, П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 23. XI. 1955 г. Формат бумаги $70 \times 108 \frac{1}{16}$ Бум.
Т 09145 Печ. л. 15,75+2 вклейки Зак. № 1729. Уч.-изд. листов 19,0 Тираж 25
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский п

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. Г. ЛЕВИН и Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ И ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ

(К постановке вопроса)

Вопрос о причинах сходства и различия в культуре разных народов, стоящих на более или менее одинаковом уровне социально-экономического развития, всегда составлял одну из центральных тем этнографической науки. Давно уже обращали на себя внимание исследователей такие требующие объяснения факты, как значительное в ряде случаев сходство в культуре народов, говорящих на различных языках, и, напротив, большое культурное разнообразие среди народов, говорящих на родственных языках. Далеко не всегда это сходство или различие может быть объяснено уровнем социально-экономического развития. Попытки разрешения этих вопросов в буржуазной этнографии делались представителями разных школ и направлений. Последователи так называемой «культурно-исторической школы» конструировали определенные «культурные круги», или «культурные комплексы», распространением которых из гипотетических центров они и объясняли сходство в культуре народов различных материков. Так, например, «меланезийскую культуру лука» они находили не только в Меланезии, но и в Западной Тропической Африке, и в бассейне Амазонки и связывали эту общность с миграциями культур. Для Гребнера, Анкермана, Шмидта и других адептов этой школы культурные круги представляли собой некую имманентную сущность, не связанную с определенными этническими группами. Сама культура рассматривалась ими как нечто самодовлеющее, оторванное от реальных народов.

Известной разновидностью того же направления можно считать школу американских диффузионистов. Представители этой школы видели разгадку сходства культуры разных народов в распространении (диффузии) отдельных культурных элементов. И у них эти культурные элементы распространяются независимо один от другого, без всякой связи с конкретной историей человеческого общества и отдельных народов.

Американский этнограф Уисслер разработал вопрос о «культурных ареалах» применительно к доколумбовой Америке. Эта попытка обобщения фактического материала в свое время, несомненно, сыграла положительную роль в развитии наших представлений о культурах коренного населения Америки. К сожалению, дальнейшее развитие американской этнографии пошло по иному пути, который привел реакционную часть американских этнографов к научно бесплодному и противоречащему духу гуманизма учению о «моделях культуры». Агностицизм, проявляющийся в современной буржуазной науке, стремление отрицать всякие закономерности в истории человеческого общества нашли свое отражение в том, что

вопросы о причинах сходства и различия в культуре различных народов или не ставятся совсем, или разрешаются с позиций расовой теории — объявляются порождением расового сходства или различия¹.

Указанные направления противоречат научному объяснению причин сходства и различия в культуре отдельных народов.

Марксистская наука вскрыла общие закономерности развития человеческого общества, определила решающие факторы этого развития и открыла путь для подлинно научного объяснения рассматриваемых вопросов. В процессе изучения этих вопросов советские этнографы сформулировали понятие о «хозяйственно-культурных типах», или группах, и о «историко-этнографических» («историко-культурных») областях. Более подробно был разработан вопрос о хозяйственно-культурных типах. С ним был освещен в работах С. П. Толстова, не только сформулировавшего понятие о хозяйственно-культурных типах, но и сделавшего попытку измерить их историко-хронологическое соотношение². На материалах археологии и этнографии Северной Азии эта тематика разрабатывалась А. М. Золотаревым, А. П. Окладниковым, М. Г. Левиным³. Менее разработанным остается вопрос об историко-этнографических областях⁴.

Под хозяйственно-культурными типами следует понимать исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития. Мы говорим именно о хозяйственно-культурных, а не просто о хозяйственных типах, так как направление хозяйства и географическая среда в очень значительной степени определяют особенности материальной культуры народов — типы их поселений и жилища, средства передвижения, пищу и утварь, одежду и т. д. Речь идет об исторически сложившихся чертах хозяйства и культуры, потому что к одному хозяйственно-культурному типу могут быть отнесены только народы, характеризующиеся близким уровнем развития производительных сил. Таким образом, говоря о направлении хозяйственной деятельности, мы в то же время подчеркиваем необходимость принимать во внимание и самый уровень ее развития.

Приведем несколько примеров конкретных хозяйственно-культурных типов. Так, у народов Северной Сибири до самого недавнего времени был представлено несколько основных хозяйственно-культурных типов, восходящих к различным эпохам и относящихся к различным этапам развития социально-экономических отношений. Это следующие типы: 1 — таежные охотники и рыболовы; 2 — арктические охотники на морского зверя

¹ Критический разбор различных направлений буржуазной этнографии см., например, в следующих работах: С. П. Толстов, *Расизм и теория культурных кругов*, Сборник «Наука о расах и расизм», М.—Л., 1938, стр. 137—170; Сборник «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, том XII, М., 1951; М. Г. Левин и С. А. Токарев, *Культурно-историческая школа на новом этапе* (По поводу сборника «Kultur und Sprache»), «Советская этнография», 1953, № 4, стр. 148—156.

² См. С. Толстов, *Очерки первоначального ислама*, «Советская этнография» 1932, № 2, стр. 31—33. Более развернуто эти вопросы излагались С. П. Толстовым в курсе общей этнографии, который он в течение ряда лет читал на историческом факультете Московского гос. университета (см. Программу курса «Основы этнографии для исторических факультетов гос. университетов», изд. МГУ, М., 1949).

³ См. «Обзор прений по докладам по этногенезу народов Севера», «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941, стр. 129—132, а также М. Г. Левин, *К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», II, 1947.

⁴ Эти вопросы частично освещались в ряде работ С. П. Толстова, С. А. Токарева и авторов настоящей статьи, опубликованных в послевоенные годы в журнале «Советская этнография» и в «Кратких сообщениях Института этнографии». В зарубежной литературе также появились работы, посвященные этой тематике; см., например К. Н. Otto, *Archäologische Kulturen und die Erforschung der konkreten Geschichte von Stämmen und Völkern*, «Ethnografisch-archäologische Forschungen», I, Herausgegeben von H. Kothe und K. N. Otto, Berlin, 1953.

3 — рыболовы бассейнов крупных рек; 4 — охотники-оленоводы тайги; 5 — олениводы тундры. Первый тип был характерен для юкагиров, занимавших в прошлом огромные пространства Восточной Сибири, для удэгейцев, отчасти орочей; сюда же относились отдельные безоленные группы манси, хантов, кетов. В хозяйстве этих народов важную роль играла охота на пушного зверя, требовавшая постоянных передвижений во время охотничьего сезона и связанная поэтому с подвижным образом жизни. Пушная охота — явление относительно позднее в истории народов Севера; она была вызвана развитием обмена, тем спросом на северные меха, который предъявляли рынки Китая, Средней Азии, а в последние столетия — русский рынок. Развитие пушной охоты знаменовало разложение древнего натурального хозяйства таежных охотников и рыболовов, в котором важнейшее значение имела охота на мясного зверя. Археологические материалы по таежной полосе Средней Сибири позволяют реконструировать этот хозяйственно-культурный тип, который своими корнями восходит к палеолиту и хорошо прослеживается в неолите Прибайкалья, Якутии и далее к западу и востоку⁵. Этот тип характеризуется отсутствием выраженной специализации в хозяйстве: охота на мясного зверя совмещается с рыболовством, роль которого очень велика; большое значение имеет, повидимому, подледный лов рыбы. Упряжное собаководство и оленеводство еще отсутствуют. Многие элементы этого древнего типа сохранились у охотников тайги в позднейшее время. Землянка или полуземлянка как зимнее жилище, легкий шалаш (часто типа конического чума) как летнее жилище, охотничья ручная нарта — в качестве основного сухопутного транспортного средства, лодки-берестянки и однодеревки, распахная одежда из шкур, — таковы некоторые характерные особенности материальной культуры охотников и рыболовов тайги.

В специфических условиях арктического побережья, богатого морским зверем, выработался иной хозяйственно-культурный тип — арктических охотников и рыболовов. Обилие основных объектов охоты — различных морских животных — обеспечивало длительное пребывание на одном месте, оседлый образ жизни. В связи с этим сложился и характерный тип жилища — землянка. Отсутствие дерева в безлесных пространствах арктического побережья привело к возникновению своеобразного типа отопления и освещения — жировой лампы. Вместо дерева и бересты здесь основным материалом служит кожа морского зверя, идущая на изготовление лодок (каяк, байдара), домашней утвари и т. д. Возможность прокормить значительное количество собак позволила развить упряжное собаководство как основной вид сухопутного транспорта. Характерна также для арктических охотников глухая (не распахная) одежда. Ее преимущество в том, что она хорошо сохраняет тепло, недостаток же в том, что она стесняет свободу движений. В условиях подвижного образа жизни таежных охотников этот недостаток делает глухую одежду совершенно непригодной; в условиях же оседлого образа жизни арктических охотников, пользующихся для дальних переездов собаками, преимущества такой одежды очевидны, а ее недостатки здесь отступают на второй план. Этот хозяйственно-культурный тип был характерен для эскимосов, приморских чукчей и отчасти коряков. Судя по археологическим данным, он был широко распространен по берегу Ледовитого океана далеко на запад. Хронологически возраст этого типа недостаточно выяснен. Он очень ясно представлен археологическими материалами так называемой берингоморской культуры, датируемой рубежом нашей эры⁶, но восходит, как можно предполагать, к значительно более древнему времени.

⁵ См. А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование, ч. I и II, «Материалы и исследования по археологии СССР» (в дальнейшем цит. МИА), 18, 1950 (приведена обширная библиография).

⁶ Обзор обширной литературы по данному вопросу см.: С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, М.—Л., 1947.

В бассейнах крупных рек Сибири, богатых рыбой (Амур, Обь и некоторые другие), издавна возник и развился еще один хозяйственно-культурный тип, экономическую основу которого составило рыболовство. Основная пища здесь в течение круглого года — рыба, которая во время рыболовного сезона заготавливается впрок, главным образом в вяленом виде (юкола). И для этого типа характерны сравнительно оседлый образ жизни, постоянное жилище, нередко типа землянки или полуземлянки. И здесь, независимо друг от друга, в разных районах развивается упряжное собаководство. В качестве материала для одежды широко используются рыба и кожа, обработка которой достигает высокой степени совершенства. Характерными представителями этого типа были нивхи (гиляки) в низовьях Амура, некоторые группы хантов и манси по Оби и ее притокам; этот же тип в древности преобладал и у ительменов Камчатки, описанных в середине XVIII в. С. П. Крашенинниковым.

Распространение оленеводства, возникшего у народов Северной Азии под влиянием коневодства⁷, привело к развитию на основе древнего типа таежных охотников нового хозяйственно-культурного типа — таежных охотников-оленьеводов. В условиях тайги оленеводство получило преимущественно транспортное значение. Появление этого нового вида транспорта сделало таежного охотника еще более подвижным, позволило ему значительно расширить район кочевания. Основные особенности материальной культуры с распространением оленеводства остались в значительной степени прежними: тот же чум, лодка-берестянка, распахнутый тип одежды и т. д. Оленеводство в этом хозяйственно-культурном типе — выючно-верховое, что связано, с одной стороны, с малой пригодностью нартовой езды в сибирской тайге, с другой же стороны, — с небольшими размерами оленьего стада. Самыми характерными представителями этого типа являются эвенки, расселившиеся на огромном пространстве от Енисея до Охотского побережья. Сюда же относятся эвены (ламуты) и некоторые другие группы таежной полосы Сибири.

Наконец, в полосе тундры выработался в еще более позднее время хозяйственно-культурный тип оленеводов тундры. Богатые пастбища пространства тундры создали возможность значительного увеличения численности оленьих стад. Здесь олень является не только и даже не столько транспортным животным, сколько основным источником существования: мясо его — главная пища, шкура служит и для изготовления одежды, для покрытия жилища, и для разных домашних поделок. Транспортное оленеводство — нартово-упряжное. Одежда — глухого покроя; при езде на оленей нарте в открытой тундре она вполне пригодна; при верховой езде на олене в тайге одежда этого типа, напротив, неудобна. Рассматриваемый хозяйственно-культурный тип имеет две географические области распространения: на крайнем северо-востоке Сибири у чукчей и коряков и на северо-западе — у ненцев и соседних с ними народов.

Мы довольно подробно остановились на хозяйственно-культурных типах Сибири с тем, чтобы показать, что: 1) один и тот же хозяйственно-культурный тип может сложиться у разных народов и в разных, даже отдаленных друг от друга областях при условии одинакового уровня развития производительных сил в сходной географической среде; 2) различные типы на той или иной территории имеют определенную историческую преемственность — на основе одного типа в известных исторических условиях развивается другой; 3) особенности культуры, характерные для каждого типа, определяются в первую очередь направлением хозяйства в данных географических условиях.

Сформулированные нами положения становятся особенно очевидными, если выйти за пределы Сибири. Так, у эскимосов и индейцев Севера

⁷ Г. М. Василевич и М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение «Советская этнография», 1951, № 1.

Америки из пяти описанных хозяйственно-культурных типов еще в начале XIX в. были отчетливо представлены первые три. Таежные охотники и рыболовы до экспансии европейцев занимали огромные пространства всей лесной полосы современной Канады и севера Соединенных Штатов между Тихим и Атлантическим океанами (многие алгонкинские и атапаскские племена). Если в Сибири, как указывалось выше, тип этот сохранялся лишь в виде реликтов, с развитием оленеводства уступив свое место другому, то в Америке, куда оленеводство не проникло, характерные особенности хозяйства и культуры таежных охотников и рыболовов сохранялись в полной мере. Представлены в Северной Америке также типы оседлых рыболовов и арктических охотников на морского зверя. К первому из них относились главным образом племена северо-западного побережья (тлинкиты, хайда и другие), у которых на основе развитого рыболовства возникли прочная оседлость, постоянные деревянные жилища и другие черты рассматриваемого хозяйственно-культурного типа⁸. Арктические охотники представлены в Северной Америке эскимосами, расселенными в Арктике от Аляски на западе до Гренландии на востоке. Отсутствие оленеводства и в этом случае способствовало более полному сохранению древнего типа⁹.

Если в Сибири и Северной Америке хозяйственно-культурные типы, характерные для ранних этапов исторического развития, хорошо прослеживаются на этнографических материалах, то в Европе, народы которой давно уже прошли эти этапы, древние хозяйственно-культурные типы могут быть выделены преимущественно по данным археологии. Так, например, большинство населения лесной полосы Восточной Европы между Уралом и Балтийским морем в период развитого неолита (III—II тысячелетия до н. э.) принадлежало к таежным охотникам и рыболовам, с которыми связываются хорошо изученные советскими археологами различные варианты культур с ямочно-зубчатой керамикой. Сходные формы хозяйства и культуры примерно в то же время были характерны и для племен Скандинавии и Британских островов, оставивших так называемую «культуру стоянок» и памятники типа Питерсбору. В прибрежных районах больших европейских рек и озер развитие хозяйства неолитического населения шло в сторону усиления роли рыболовства и возникновения на базе более прочной оседлости характерных черт хозяйственно-культурного типа оседлых рыболовов. Можно предполагать на основании археологических данных также существование на крайнем севере Европы — на берегах Ледовитого океана — древней культуры охотников на морского зверя. Оленеводство в Европе не получило широкого распространения, если не считать своеобразного оленеводства лопарей, возможно, также связанного с Сибирью, и оленеводства ненцев, бесспорно сибирского происхождения. Таким образом, этнографические и археологические материалы по Америке и Европе еще раз подтверждают вывод об отсутствии обязательной связи между хозяйственно-культурными типами и определенными этническими общностями¹⁰.

⁸ Следует отметить, однако, что упряжное собаководство здесь не развилось.

⁹ Как уже указывалось, попытка дать картину географического распространения культурных типов у американских индейцев была сделана К. Уисслером (Kl. Wissler, *American Indians*, N. Y., 1922). Уисслер выделил ряд «культурных ареалов», как, например, ареал возделывателей маиса, ареал рыболовов лосося, ареал охотников за бизонами и другие. Однако эти ареалы определены им недостаточно четко: с одной стороны, это, бесспорно, хозяйственно-культурные типы, с другой же стороны, некоторые из этих ареалов представляют собой не столько хозяйственно-культурный тип, сколько историко-культурную область. Все же заслуга Уисслера несомненна, и мы в какой-то степени можем назвать его в числе своих предшественников в разработке данных вопросов.

¹⁰ Археологическая литература о неолитических культурах лесного севера Восточной Европы очень обширна. Из новейших работ советских авторов можно указать: А. Я. Брюсов, *Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху*, М., 1952; М. Е. Фосс, *Древнейшая история севера Европейской части СССР*, МИА, 29, М., 1952. В указанных работах приведена и обширная библиография.

Очевидно, что перечисленные хозяйственно-культурные типы охватывают только небольшую часть эйкумены. Ни в какой степени не став перед собой задачи дать сколько-нибудь полный обзор всех хозяйственно-культурных типов мира, мы перечислим основные из них, наиболее распространенные в различных частях света, и попытаемся наметить их историко-хронологическое соотношение.

Одним из древнейших среди ныне сохранившихся хозяйственно-культурных типов, возраст которого восходит по крайней мере к раннему неолиту, является тип собирателей и охотников тропических лесов. Его представителями можно считать в Южной и Юго-Восточной Азии веддов Цейлона, сеноев и семангов Малакки, кубу Суматры, тоала Целебеса в Африке сюда относятся так называемые пигмеи бассейна Конго; в Южной Америке — ряд племен бассейна Амазонки, почти не знакомых земледелием (сириано, курунгуа и другие). Можно предполагать, что в прошлом тип этот был распространен значительно шире: к нему принадлежало, вероятно, все древнейшее население тропического пояса. Возникновение и распространение мотыжного земледелия привело к постепенному сокращению ареала этого типа; процесс этот прослеживается вплоть до настоящего времени (сенои и семанги, например, к мотыжному земледелию перешли совсем недавно).

Сходен с этим типом по уровню развития производительных сил другой хозяйственно-культурный тип — охотников и собирателей степей и полупустынь. По этнографическим данным этот тип выступает наиболее ясно у австралийцев, а также у бушменов Южной Африки и ботокудов Бразильского плоскогорья. Археологические данные позволяют предполагать, что в далеком прошлом — в эпоху мезолита — он был распространен в степях и полупустынях многих областей земного шара. Так, можно думать, что он был представлен в Центральной и Средней Азии, в Передней Азии и Северной Африке, где племена охотников и собирателей предшествовали скотоводам.

Исторически более поздним хозяйственно-культурным типом, получившим широкое распространение в тропиках и отчасти в субтропиках, является тип мотыжных земледельцев жаркого пояса. Он представлен, например, различными отсталыми группами Индии, Индо-Китаю, южной Китая и Индонезии, папуасами, меланезийцами, многочисленными племенами тропической Африки, племенами бассейнов Амазонки и Ориноко в Южной Америке. По уровню своего развития перечисленные народы не одинаковы, но основные особенности рассматриваемого хозяйственно-культурного типа проявляются у них достаточно ясно (мотыжное земледелие с культивированием в основном корнеплодов и клубнеплодов, наличие из домашних животных только собаки и у некоторых групп свиньи и домашней птицы, сравнительно прочная оседлость, каркасно-столбовые постоянные жилища, преимущественно прямоугольного плана, скудная поясная одежда из растительных волокон, наличие гончарства без гончарного круга, высоко развитое искусство плетения при отсутствии ткачества и многое другое).

К зоне преобладания типа мотыжных земледельцев жаркого пояса северном, а частично и в южном полушарии, с неолитического периода прилегал почти столь же обширная область распространения другого хозяйственно-культурного типа — мотыжных земледельцев степей и сухих предгорий. К этому типу можно отнести неолитические племена Азии Европы, оставившие памятники таких культур, как Яншао в северной Китае, Анау в Средней Азии, Триполье и близкие к нему культуры с крашеной керамикой на юго-востоке Европы¹¹. Для всех этих культур харак

¹¹ О «культурах крашеной керамики» литература очень обширна. Из новейших монографий советских авторов см. Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, 10, М., 1949.

терны такие особенности, как развитое мотыжное земледелие с преобладающей ролью зерновых, в первую очередь пшеницы и проса (а в Америке — маиса), наличие крупного и мелкого рогатого скота, оседлый образ жизни, плоскодонная керамика, часто с богатой полихромной росписью, изготовлявшаяся еще без помощи гончарного круга, прямоугольное каркасно-столбовое жилище с земляным или глинобитным полом и плетеными, обмазанными глиной, или глинобитными стенами; для этого типа характерно также ткачество на примитивном стане. На более высоком уровне развития здесь возникает искусственное орошение.

В различных областях степной зоны и в разное время соотношение земледелия и скотоводства не оставалось, конечно, одинаковым. В Америке, где к рассматриваемому хозяйственно-культурному типу можно отнести племена индейцев «пуэблос», а также многие народы области древних высоких культур Центральной Америки и Андийского нагорья, скотоводство, как известно, или вовсе отсутствовало или, хотя и возникло, но не получило большого распространения (лама и альпака). Во многих районах Восточной, Средней и Передней Азии, а также Южной Европы и Северной Африки, где географические условия вызвали необходимость и обеспечивали возможность применения ирригации, на базе того же хозяйственно-культурного типа в дальнейшем сложились высокие культуры плужных земледельцев. На основе плужного земледелия развивались, как известно, древнейшие классовые общества и государства.

В условиях степного ландшафта, где отсутствовали возможности широкого развития орошения, но зато имелись обильные пастбища, все большее и большее экономическое значение приобретало скотоводство. Преобладающая хозяйственная роль скотоводства характерна, например, для так называемых «культур степной бронзы» II тысячелетия до н. э. (андроновская культура Казахстана и Южной Сибири, тазабагыбская культура Хорезма, срубно-хвалынская культура южнорусских степей, различные культуры со шнуровой керамикой в Восточной и Центральной Европе и другие)¹². В значительно более позднее время (I тысячелетие до н. э.), уже на грани классового общества, возникает новый хозяйственно-культурный тип — кочевнико-скотоводов. Хозяйство здесь высоко специализировано; как показывает самое название этого типа, он связан с кочевым образом жизни, что в свою очередь накладывает глубокий отпечаток на всю культуру кочевников. Разводят главным образом лошадей, крупный и мелкий рогатый скот (особенно овец); в некоторых областях большую хозяйственную роль играет также разведение верблюдов. Основу питания составляет мясная и молочная пища, в связи с чем способы изготовления молочных продуктов очень разнообразны (различные виды квашеного молока и сыр, приготовление из молока опьяняющих напитков и т. д.). Главный тип жилища — переносный шатер (форма его варьирует), крытый полотнищами из шерсти, ткаными или валяными, или, реже, кожей. Утварь преимущественно кожаная; гончарство, как правило, отсутствует. Если из древних народов характерными представителями этого типа можно считать скифов-кочевников и сарматов, то из современных народов к нему следует отнести монголов, значительную часть тибетцев, казахов, киргизов и часть туркмен (до периода социалистической реконструкции их хозяйства), кочевые иранские, тюркские и арабские племена стран Передней Азии и Северной Африки. Сюда же относятся, в известной степени, некоторые народы Восточной и Южной Африки.

Еще одним хозяйственно-культурным типом можно считать земледельцев лесной зоны умеренного пояса. В лесных областях Европы тип этот был широко распространен с периода позднего неолита вплоть до про-

¹² См. С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951; С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948; П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953.

никновения сюда с юга плужного земледелия на заре классового общества. Экономическую основу рассматриваемого типа составляло подсечно-огневое земледелие, главными сельскохозяйственными культурами были ячмень, овес и рожь. Заметную, но все же подсобную роль играло скотоводство (главным образом крупный рогатый скот и свиньи). Существенное хозяйственное значение сохраняли рыболовство и охота. Заметную роль играло также бортничество. Образ жизни — оседлый. Жилище — деревянное (каркасно-столбовое или срубное), обычно с высокой крышей, внутренним очагом или печью, иногда полуземляночное. Развито гончарство, различные виды обработки дерева; известно ткачество (главным образом из льна и конопли). В лесной зоне Европы и, может быть, некоторых областей Азии (например, Маньчжурия, Северная Корея, Уссурийский край) рассматриваемый тип пришел на смену более древнему на этих территориях хозяйственно-культурному типу охотников и рыболовов тайги; это было связано с распространением земледелия из более южных районов. Придя на смену древнему типу, мотыжные земледельцы лесной полосы унаследовали от него многие хозяйственные и культурные черты: орудия охоты и рыболовства, типы лодок (берестянка и однодеревка), лыжи и др. В Европе к рассматриваемому хозяйственно-культурному типу относились, несомненно, предки славянских, балтийских (лето-литовских), германских, кельтских, а частично и угрофинских народов¹³.

Этим, конечно, далеко не исчерпывается все разнообразие хозяйственно-культурных типов земного шара. Мы вовсе не касались таких, географически более ограниченных типов, как типы высокогорных земледельцев и скотоводов (Тибет, Памир, Кавказ и др.), кочевников-охотников степей (прерии и пампасы Америки), примитивных рыболовов-собираателей морских побережий (Огненная земля, Андаманские острова) и др. Но авторы и не ставили перед собой, как указывалось, таких задач, а имели в виду дать общее понятие о хозяйственно-культурных типах, их распространении и историко-хронологическом соотношении.

До сих пор при характеристике хозяйственно-культурных типов мы касались только материального производства. Несколько слов о социальной организации и идеологии. Общественный строй различных народов того или иного хозяйственно-культурного типа связан с этим типом, поскольку он отражает определенный уровень развития производительных сил. Так, например, у таежных охотников и рыболовов (если отсутствовал обмен с более развитыми обществами) не было экономической основы для возникновения сколько-нибудь заметного имущественного неравенства; у оленеводов, особенно в тундре, напротив, такой основой служило сосредоточение значительного количества оленей в руках отдельных хозяев.

В большей степени, чем в социальном строе, различия между хозяйственно-культурными типами проявляются в области духовной культуры. И здесь различия определяются уровнем развития производительных сил; однако известную роль играет и направление хозяйства. С этим направлением связаны, несомненно, некоторые особенности изобразительного искусства, фольклора (например, образы культурных героев), первобытной религии и культа (пантеон духов, представления о загробной жизни, космогонические мифы и т. д.).

Переходим к определению понятия «историко-этнографической», или «историко-культурной», области. Под историко-этнографической областью мы понимаем территорию, на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту территорию, сложилась определенная культурная общность. Следует сразу же подчеркнуть, что понятие историко-этнографической области — категория историческая. Ни характерные особенности, ни границы исто-

¹³ См., например, П. Н. Третьяков, Указ. раб.

рико-этнографических областей не остаются неизменными. Однако в каждый конкретный исторический отрезок времени историко-этнографические области представляют вполне определенную реальность.

В результате работ советских этнографов в Сибири¹⁴, например, могут быть выделены следующие историко-этнографические области: ямало-таймырская, западносибирская, алтае-саянская, восточносибирская, камчатско-чукотская и амуро-сахалинская. Первая из них включает почти всех ненцев от низовьев Енисея на востоке до Канинско-Тиманской тундры на западе, в значительной степени энцев и нганасанов, а также северные группы хантов и манси, заимствовавшие оленеводство у ненцев. Все эти группы характеризуются наличием ряда общих культурных особенностей; следует подчеркнуть, что эти особенности не могут быть сведены к общему типу хозяйства — тундровому оленеводству. Здесь общность не ограничивается наличием таких особенностей, как запряжка оленей в нарты, переносный чум, крытый шкурами, глухая меховая одежда и т. д. Сходство проявляется в данном случае во многих культурно-бытовых деталях, которые не могут быть объяснены принадлежностью всех перечисленных народов к определенному хозяйственно-культурному типу, но свидетельствуют, несомненно, о существовании длительных и тесных исторических связей между группами различного происхождения. У всех этих групп распространено упряжное оленеводство особого типа, который характеризуется наличием пастушеской собаки, веерной упряжкой нескольких оленей в массивную нарту с наклонно расположенными копыльями, управлением оленями при помощи вожжи, проходящей слева, и рядом других деталей. Чум также обладает рядом конструктивных деталей, общих у всех этих групп, но не встречающихся у других сибирских народов. То же относится к особенностям покроя и орнаментации одежды. Много общего у всех этих групп и в духовной культуре.

Мы не будем останавливаться на описании всех историко-этнографических областей Сибири, дадим только характеристику камчатско-чукотской и амуро-сахалинской областей, представляющих для нашей темы особый интерес. К камчатско-чукотской области относятся чукчи, коряки и ительмены, говорящие на близко родственных языках, а также эскимосы и алеуты. Культурная общность выявляется здесь не столько на современных этнографических материалах, сколько воссоздается ретроспективным путем. Она восходит к тому времени, когда оленеводство, имеющее здесь сравнительно небольшой возраст, еще не получило распространения. С распространением же оленеводства сложилось положение, при котором единая историко-этнографическая область включает два различных хозяйственно-культурных типа: оленеводов тундры и арктических охотников на морского зверя. Эти хозяйственно-культурные типы бытуют, как известно, даже у одного народа (оленные и приморские чукчи).

На примере чукотско-коряцкого оленеводства, с одной стороны, и ненцкого, с другой, — можно ясно видеть принципиальное различие между хозяйственно-культурным типом и историко-этнографической областью. Хозяйственно-культурный тип у чукчей и коряков, с одной стороны, и у ненцев, с другой, — один и тот же. Тип этот определяется общим направлением их оленеводческого хозяйства (оленеводство мясного направления, использование для транспорта оленней упряжки и т. д.); однако многие существенные черты оленеводства здесь различны: в отличие от ненцев, чукчи и коряки не знают пастушеской собаки, запрягают обычно одного оленя в легкую нарту с гнутыми дугообразными копыльями, управляют оленями вожжой справа и т. д. И в других элементах материаль-

¹⁴ Очень большой материал содержится, в частности, в подготовленном коллективом сектора Сибири Института этнографии под руководством Л. П. Потапова и М. Г. Левина Сибирском этнографическом атласе.

ной культуры при общем их сходстве, обусловленном направлением хозяйства и географической средой, между чукчами и коряками на востоке и ненцами на западе наблюдаются существенные различия.

Наконец, несколько слов об амуро-сахалинской историко-этнографической области. В эту область входят нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы, нивхи и в значительной степени негидальцы. Несмотря на языковое разнообразие и существенные различия в хозяйстве и быте, все эти народы обнаруживают значительное сходство по очень многим элементам материальной и духовной культуры. Сходство это настолько велико, и смена одних культурных особенностей другими происходит настолько постепенно (если не считать удэгейцев, более резко обособленных от соседних групп), что — отвлекаясь от языка — очень трудно было бы провести границу между отдельными народами. На примере амуро-сахалинской историко-этнографической области можно проследить, как в результате постепенного проникновения тунгусо-маньчжурских групп в древнюю на этой территории палеазиатскую этническую среду складывалась культурная общность при сохранении кардинальных языковых различий.

Рассмотрение историко-этнографических областей Сибири показывает, что в состав одной историко-этнографической области могут входить группы, различные по языку, происхождению и даже принадлежащие — в некоторых случаях — к разным хозяйственно-культурным типам. Те же отношения можно проследить, рассматривая историко-этнографические области других территорий. В качестве примера приведем соответствующие данные по Восточной Европе. Вполне определенно выделяется в качестве особой историко-этнографической области Среднее Поволжье и Прикамье — зона расселения различных по языку народов: финноязычных мордвы, марийцев, удмуртов и отчасти коми (пермяков), тюркоязычных чувашей, татар и значительной части башкир, а в более позднее время также русских, игравших огромную роль в экономической и культурной истории всей рассматриваемой территории.

Для волго-камской историко-этнографической области характерно, в первую очередь, хорошо прослеживаемое как по археологическим, так и по этнографическим материалам взаимодействие двух хозяйственно-культурных типов — лесных земледельцев и кочевников-скотоводов (при сохранении заметных традиций третьего, еще более древнего типа — охотников и рыболовов лесной полосы). Особенности этих хозяйственно-культурных типов представлены у различных народов Среднего Поволжья и Прикамья в разных пропорциях. Так, например, культурные черты древних охотников и рыболовов лучше всего сохранились у северных башкир, отчасти также у отдельных (преимущественно северных) групп коми-пермяков, удмуртов и марийцев. Земледелие приобрело наибольшее хозяйственное значение, если не считать более поздних пришельцев на этой территории — русских, у мордвы, чувашей (особенно у верховых, «вирьяла»), горных марийцев, татар, южных удмуртов, коми-пермяков и — в меньшей степени — у западных башкир. Традиции, связанные с кочевым скотоводством, наиболее ярко выражены, — если не считать юго-восточных башкир, исторически теснейшим образом связанных с северо-западными казаками, — у татар, частично также у южных удмуртов, «низовых» чувашей («анатри») и мордвы-мокши.

При всем хозяйственно-культурном разнообразии народов волго-камской области у всех у них можно проследить общие этнографические черты, отражающие длительные исторические связи. К подобным чертам относятся, например, бытование такого специфического пахотного орудия, как тяжелый плуг типа сабана, наличие в жилище нар и вмазанного около печи котла, многие формы одежды и головных уборов (туникообразная женская рубаша с вышитым богатым геометрическим орнаментом, штаны, как принадлежность женского костюма, девичья шапочка типа «тахьи» и др.). Если каждую из перечисленных особенностей можно нередко

встретить и за пределами рассматриваемой историко-этнографической области, то их сочетание для нее в высшей степени характерно¹⁵.

В качестве другого примера ясно выделяющейся историко-этнографической области Восточной Европы можно привести Прибалтику. Здесь, как известно, с глубокой древности (по крайней мере со II тысячелетия до н. э.) расселялись и взаимодействовали различные по происхождению и языку этнические группы — лето-литовская (включая прусов), говорящая на балтийских языках, и эстоно-ливская, говорящая на прибалтийско-финских (западнофинских) языках. Принеся в Прибалтику различные хозяйственно-культурные типы — лесных охотников и рыболовов у предков прибалтийских финнов, скотоводов и земледельцев у предков лето-литовцев — и обладая различными культурно-бытовыми особенностями, эти народы в ходе длительного исторического взаимодействия выработали много общего и в хозяйстве, и в культуре. Существенную роль в этом процессе сыграли тесные связи всех народов Прибалтики с соседними славянами, главным образом восточными (русские и белорусы), а частично и западными (поляки); в этом же направлении действовали и влияния, шедшие с запада (из Скандинавии и Германии), которые коснулись, хотя и в разной мере, также всех народов Прибалтики.

Несмотря на резкие различия в языке между литовцами и латышами, с одной стороны, эстонцами и ливами, с другой, — всем им свойственны многие общие хозяйственные и культурно-бытовые черты. Перечислим лишь некоторые из них: широкое распространение в прошлом двухлемешной сохи в качестве основного пахотного орудия и молотба при помощи палкообразного била или цепа, значительная хозяйственная роль коневодства¹⁶ и свиноводства, повсеместное распространение срубного жилища с духовой печью или камином, наличие хлебосушилок с печью (риги), туникообразная рубаша с наплечными нашивками, кругло-выпуклые женские застежки (по-латышски «скаты») и др.

На примере прибалтийской историко-этнографической области можно рассмотреть и следующий важный для нашей темы вопрос — о подразделениях внутри историко-этнографических областей. Выделяя в предыдущем изложении такие области в Сибири и в Восточной Европе, мы оперировали обширными географическими территориями. Необходимо подчеркнуть, что внутри подобных территорий могут быть выделены и более мелкие районы, отличающиеся друг от друга более второстепенными, хотя обычно и более многочисленными культурными особенностями. Так, в только что рассмотренной прибалтийской историко-этнографической области вполне отчетливо выделяются три подобласти: юго-восточная, охватывающая восточные части Литвы и Латвии (Аукштайтия, Латгале, часть Видземе), а также юго-восток Эстонии, в особенности территорию расселения сету; юго-западная, включающая западные районы Литвы и Латвии (Занеманье, Жемайтия, Курземе и отчасти Земгале), и северная, к которой относятся эстонские острова и соседние районы запада и северо-запада материковой Эстонии. Как и всюду, между этими подобластями расположены переходные в этнографическом отношении зоны. Для юго-восточной подобласти характерны такие земледельческие орудия, как двухлемешная соха в различных вариантах, борона типа смыка или суковатки, серп с зубчатым рабочим краем в качестве основ-

¹⁵ Из обширной этнографической литературы по народам Волго-Камья наибольшее значение для вопросов, разбираемых в данной статье, имеют следующие труды: С. И. Руденко, Башкиры. Историко-этнографические очерки, М.—Л., 1955; Н. И. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1953; В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, том X, М., 1951.

¹⁶ Еще в начале средних веков литовцы, по свидетельству некоторых источников, употребляли кумыс; до самых последних десятилетий не только у литовцев и латышей, но и у эстонцев была широко распространена верховая езда как мужчин, так и женщин.

ного орудия жатвы, различные формы цепов. Жилище в юго-восточной подобласти состояло из теплого помещения с русской духовой печью и холодных сеней, клетки бывали обычно одноэтажными, крытые гумна с ригами имели ворота — въезд на короткой стороне. В женской одежде большую роль играли различные виды передников и головные уборы в виде полотенца («нуометас» у литовцев, «наметс» у латышей, «линник» у сету). В орнаменте преобладали узоры красного цвета. Для юго-западной подобласти также были характерны пахотные орудия типа сохи. Однако при бороновании здесь уже очень давно употреблялась рамная борона с деревянными зубьями, а при жатве — коса с прямой рукоятью (которой предшествовал, вероятно, серп с гладким рабочим краем). Жилище состояло из теплых сеней с открытым очагом или камином и пристроенных к ним жилых помещений, отапливаемых из сеней. Клетки были почти всегда двухэтажными, риги-гумна имели ворота на длинной (боковой) стороне. В женской одежде рано распространились различные безрукавки и тяжелые шерстяные юбки. В орнаменте большую роль играли синий и зеленый цвета. Северная подобласть характеризуется распространением однолемешного рала в качестве основного пахотного орудия (соха здесь, видимо, совсем не была известна), своеобразной «коленчатой» бороны, состоящей из нескольких звеньев, палкообразным билом, употребляемым при молотье, серпом с гладким рабочим краем. Жилищем служила «рехетуба» (жилая рига), хозяйственные постройки были очень немногочисленны. Из составных частей женского костюма для этой подобласти характерны так называемые «кяйсед» (буквально — рукава) — тип короткой кофты, не доходившей до пояса, а также сложные головные уборы с твердой основой¹⁷.

Итак, мы выделили в Прибалтике три историко-этнографические подобласти. Вопрос о подразделениях внутри той или иной области должен решаться, конечно, в каждом отдельном случае на основе конкретных этнографических материалов. То же относится к «масштабам» самих историко-этнографических областей. Так, имеются основания для выделения на Кавказе двух историко-этнографических областей — северокавказской и закавказской. Но в то же время нельзя отрицать и наличия известной историко-культурной общности между всеми народами Кавказа таким образом, можно говорить и о крупной «кавказской» историко-этнографической области. Аналогично этому нельзя отрицать также наличия ряда общих культурных черт, характерных для Восточной Европы или для Средней Азии в целом. Вопрос о масштабе выделяемых историко-этнографических областей требует дальнейшей разработки и обсуждения.

Так как нашей задачей является дать лишь общее понятие об историко-этнографических областях, мы не будем рассматривать другие конкретные области в различных частях света.

Что дают понятия хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей для конкретных этнографических исследований? Начнем с того, что эти понятия позволяют в каждом конкретном случае различать явления, непосредственно связанные с уровнем хозяйственного развития в определенных естественно-географических условиях, от явлений, обусловленных сохранением этнических традиций, которые, хотя сложились в прошлом на известном уровне развития в определенной природной среде, продолжают в дальнейшем длительное время сохраняться

¹⁷ См. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XII (посвященный этнографии Советской Прибалтики), М., 1950; «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XXIII, М., 1954; Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этнической истории народов Советской Прибалтики в свете новых этнографических и антропологических данных, «Изв. АН Эст. ССР», 1953, № 4, стр. 494—504. Хорошей сводкой фактических данных по материальной культуре эстонцев является книга: I. Manninen, Die Sachkultur Estland B.1-II, Tartu, 1931—1933.

уже в новых исторических условиях. Выделение хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей весьма существенно также для построения этнографической классификации. Надо помнить, что все принятые в настоящее время классификации народов мира построены, собственно говоря, на чисто лингвистических принципах. Ни в какой степени не отрицая значения таких классификаций, нельзя не признать назревшей необходимости создать и собственно этнографическую классификацию, основанную на выделении историко-этнографических областей и подобластей по характерным особенностям их хозяйства и культуры. Разработка такой классификации для народов Советского Союза, а затем и всего мира стоит в порядке дня советской этнографической науки. Наконец, очень существенное значение имеет разработка рассматриваемого вопроса для понимания тех культурно-географических общностей, которые выделяются археологами и фигурируют в археологической литературе под общим наименованием «культур».

Термин «культура» применяется в археологии в различных смыслах¹⁸. Так, иногда говорят о шелльской, мустьерской, мадленской и других палеолитических «культурах», понимая под этим определенные стадии развития техники первобытного общества. Обычно же в археологической литературе словом «культура» обозначается группа памятников, характеризующая сходством находимых в них вещей, по имени которых нередко получает свое название и сама культура (например, «культура крашеной керамики», «культура колоколовидных сосудов», «культура боевых топоров»). Наряду с этим фигурируют также наименования «культур», производимые от названий наиболее типичных памятников (например, «фатьяновская культура», «трипольская культура», «культура Яншао»). Наконец, в некоторых случаях в наименование археологических «культур» вкладывают этническое содержание и говорят, например, о «кельтской», «сарматской» культуре и т. д. Совершенно очевидно, что в указанных случаях речь идет о понятиях различного содержания.

У большинства советских археологов не вызывает сомнений положение о том, что «культура», или, точнее, «культуры» крашеной керамики не могут быть связаны ни с какой-либо определенной группой родственных племен, ни даже с группой племен, находившихся между собой в длительных исторических связях. Вопреки утверждениям Андерсена, Карлгрена и некоторых других зарубежных археологов, культуры эти возникли самостоятельно в различных областях, среди этнически и антропологически разных групп, живших на определенном уровне социально-экономического развития в сходных естественно-географических условиях. Общие черты, характерные для всех культур крашеной керамики, не являются этнически специфичными; перед нами, несомненно, не особая историко-этнографическая область. Правильнее всего видеть в рассматриваемой области определенный хозяйственно-культурный тип, который мы называли выше «типом мотыжных земледельцев степей и сухих предгорий». Иначе следует трактовать ту общность, которую археологи выделяют как «андроновскую культуру». Несмотря на то, что область распространения этой культуры была весьма обширной (Южная Сибирь, степи Казахстана, южное Приуралье), здесь прослеживаются специфические особенности, свидетельствующие о тесных исторических связях и взаимных культурных влияниях человеческих коллективов, заселявших во II тысячелетии до н. э. все это огромное пространство. В данном случае речь может идти, конечно, не о хозяйственно-культурном типе, а об ином виде общности. Вопрос о том, имеем ли мы здесь дело с этнической общностью или с историко-

¹⁸ О применении в археологии термина «культура» см., например, М. Е. Фосс, О терминах «неолит», «бронза», «культура», «Краткие сообщения ИИМК», XXIX, 1949, стр. 33—48; А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР..., Введение.

этнографической областью, в состав которой входили различные этнические группы, говорившие на разных языках, но находившиеся в течение длительного времени в тесных культурных взаимоотношениях, требует специального исследования. Можно высказать предположение, что в состав одной историко-этнографической области входили различные племенные группы лесной полосы Восточной Европы, оставившие нам памятники культуры ямочно-зубчатой керамики между Уралом и Балтийским морем. Наконец, по отношению к ряду археологических культур, большей частью распространенных на сравнительно небольших территориях, можно предполагать общность другого типа — этническое родство. Так, например, определенным родственным племенным группам можно приписать такие культуры неолитического и энеолитического периодов, как «фатьяновская», «балановская», «культура Яншао» и другие.

Итак, под термином «культура» в археологии понимают общности различных типов. Совершенно очевидно, что там, где речь идет о культуре, соответствующей хозяйственно-культурному типу, предполагать этническую или языковую общность нельзя. Сложнее обстоит дело с теми археологическими культурами, которые соответствуют по своему характеру историко-этнографическим областям. В этих случаях бывает невозможно ответить на вопрос о том, имеем ли мы здесь дело с родственными по происхождению и близкими по языку группами или же с разноразличными группами, выработавшими в результате длительного исторического контакта общие черты в своей культуре. Если представить себе, что об этнической принадлежности населения Прибалтики (или Приамурья) XVIII-XIX вв. пришлось бы судить исключительно по предметам материальной культуры, т. е. изучать их теми методами, какими только и могут располагать археологи, то, вероятно, был бы сделан вывод о языковом родстве и этнической близости населения Прибалтики (или Приамурья). А ведь этого, как мы знаем, нет. Пример этот должен служить, как нам кажется, предостережением против поспешных выводов о языковой или этнической принадлежности носителей тех или иных археологических культур. Это не значит, конечно, что археологи должны отказаться от стремления разрешать указанные вопросы; но их изучение должно основываться на сопоставлении многих особенностей культуры, в первую очередь тех, которые сравнительно мало зависят от уровня развития, направления хозяйства и географической среды. Всякое такое изучение, как нам кажется, должно включать решение вопроса о том, имеем ли мы дело со стадией развития, хозяйственно-культурным типом или историко-этнографической областью¹⁹.

Мы уже касались вопроса о соотношении хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей с языковыми общностями. Кратко резюмируем некоторые выводы, относящиеся к этому вопросу. Какая-либо связь между хозяйственно-культурным типом и языком, очевидно, отсутствует: языковая общность всегда предполагает исходную историко-географическую общность, а одни и те же хозяйственно-культурные типы, как мы видели, могут складываться самостоятельно у народов, живущих на разных территориях; с другой стороны, один язык может распространяться среди народов, относящихся к разным хозяйственно-культурным типам. Историко-этнографическая область может включать как группы, близкие по языку, так и группы, говорящие на языках, не связанных между собой по происхождению. Конечно, известные взаимные влияния между народами, входящими в определенную историко-этнографическую область, проявляются в какой-то степени и в сфере

¹⁹ Следует отметить работы А. П. Окладникова, посвященные выделению на археологическом материале культурных областей древнего населения Сибири. В известной степени можно проследить преемственность выделяемых А. П. Окладниковым «неолитических провинций» с позднейшими историко-этнографическими областями.

языка; но различные языки у этих народов могут сохраняться и в пределах единой историко-этнографической области.

Нам остается еще кратко остановиться на вопросе о соотношении хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей с антропологическими типами²⁰. Ясно, что к одному хозяйственно-культурному типу могут принадлежать этнические группы совершенно различного антропологического состава. Так, например, среди мотыжных земледельцев тропического пояса мы встречаем негроидов Африки, различные веддо-австралоидные и южномонголоидные группы Юго-Восточной Азии, а также Океании, наконец, индейцев Центральной и Южной Америки. Еще более разнообразен антропологический состав кочевников-скотоводов степей, к которым принадлежат и негроиды Южной и Восточной Африки, и европеоиды Передней Азии, и классические представители монголоидной расы в степях центральной части азиатского материка. К охотникам и рыболовам лесной полосы — хозяйственно-культурному типу, в прошлом широко распространенному как в Северной Азии, так и в Северной Европе, относились и монголоидные, и европеоидные по своему антропологическому составу группы.

Что касается историко-этнографических областей, то здесь известная связь с антропологическим составом их населения может существовать. Формирование любого антропологического типа предполагает, как известно, длительные брачные связи внутри определенного коллектива и относительную изоляцию этого коллектива от соседних. Внутри одной историко-этнографической области имеются, очевидно, условия для этого процесса. Это не значит, конечно, что в состав каждой историко-этнографической области входит только один антропологический тип: образование любой историко-этнографической области могло ведь происходить на расово-разнородной основе. Но существование историко-этнографической области всегда ведет в той или иной степени к общению между входящими в ее состав группами, к брачным связям и, следовательно, к сглаживанию антропологических различий между ними. Так, среди народов, входящих в состав камчатско-чукотской историко-этнографической области, преобладает арктический монголоидный тип²¹, а среди населения западносибирской области — уральский антропологический тип²². Подобно этому в Прибалтике преобладающим типом является восточнобалтийский, постепенное распространение которого с востока на запад можно хорошо проследить по антропологическим данным, относящимся к различным историческим эпохам. Распространение это, по существу, и отражало те исторические процессы, которые вели к формированию самой прибалтийской историко-этнографической области²³.

Мы далеко не рассмотрели всей суммы вопросов, связанных с понятиями хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. Это невозможно сделать в рамках короткой журнальной статьи.

Перед этнографами стоит задача дальнейшей углубленной разработки рассматриваемой проблемы. Настоящая статья является лишь попыткой осветить некоторые ее стороны, и естественно, что многие затронутые здесь вопросы остаются дискуссионными.

²⁰ См. подробнее: Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова, Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза, «Советская этнография», 1952, № 1, стр. 22—35.

²¹ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, том XVII, М., 1951.

²² Там же.

²³ Н. Н. Чебоксаров, Указ раб.

А. И. ПЕРШИЦ

РАЗВИТИЕ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ОСНОВА ПЕРИОДИЗАЦИИ ЕГО ИСТОРИИ

Ф. Энгельс, говоря о родовом строе германцев, писал: «...вопрос не стоит уже больше так, как он ставился еще от Маурера до Вайца, — о личной или частной собственности на землю, — теперь вопрос стоит о *форме* общей собственности»¹.

Приходится отметить, что если вопрос о характере первобытно-общинной собственности в целом представляется решенным, то поставленный Энгельсом вопрос о развитии ее конкретных форм не получил в литературе должной разработки. Между тем он имеет большое значение не только для правильного понимания отдельных археологических культур и этнографических обществ, но и для разработки такой кардинальной проблемы, как периодизация первобытной истории. Дискуссия о периодизации истории первобытного общества, проходившая в 1952—1953 гг., показала, что у нас еще существует множественность периодизаций, в основу которых положены частные, хотя и важные признаки: материал и техника изготовления орудий труда — у археологов, формы общественной организации — у этнографов. Но единственно правильным критерием периодизации может быть только тот, который положен в основу всей марксистской периодизации исторического процесса, — способ производства. Отсюда очевидно, что задача периодизации первобытной истории заключается в том, чтобы выявить периоды становления, расцвета и разложения первобытно-общинного способа производства, в частности выявить различия в формах первобытно-общинных производственных отношений, основу которых составляли определенные формы собственности на средства производства.

Основным средством производства в первобытном обществе являлась земля, к которой с экономической точки зрения относились также водоемы, леса, недра. Земля, как указывает Маркс, была не только первоначальной кладовой пищи первобытного человека и первоначальным арсеналом его средств труда, не только предметом труда, но и всеобщим средством труда, «потому что она дает рабочему *locus standi* [место, на котором он стоит], а его процессу — сферу действия (*field of employment*)»². Это определяет исключительное значение земли среди других средств производства, а следовательно и значение форм земельной собственности.

Среди орудий производства главную роль играли механические средства труда — каменные и иные орудия, оружие и т. п. Позднее в состав средств производства большей части человечества важное место занял скот. Наряду с земельной собственностью, собственность на орудия и скот определяла собой характер производственных отношений первобытного

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 145.

² К. Маркс, Капитал, 1950, т. I, стр. 187.

Настоящая статья не ставит задачей установить и охарактеризовать все формы и варианты первобытной собственности, существовавшие у первобытного человечества в различные времена и при разных видах хозяйственной деятельности. Для этого необходима целая серия специальных и весьма солидных исследований. В данном случае делается лишь попытка предварительно наметить исторические формы первобытной собственности на главные средства производства и проследить общую тенденцию развития этих форм.

1

Трудно что-либо сказать о характере собственности в самый ранний период развития человечества — эпоху питекантропа, синантропа и неандертальца. Археологический материал без соответствующих этнографических параллелей здесь нем, этнография же никогда не знала людей, стоявших на подобной стадии развития. Но одно несомненно: рассматривая это время как этап перехода от животного состояния к человеческому обществу, мы неизбежно должны признать, что именно тогда происходило постепенное становление тех форм собственности, которые мы находим в позднейшем человеческом обществе.

В. И. Ленин в письме к М. Горькому характеризует начальный период человечества как время обуздания «зоологического индивидуализма»³. Ископаемый человек приспособлялся к окружающим условиям не только путем биологических изменений, но и путем избавления от животного индивидуализма, животной анархии⁴. Он приобретал сознательные навыки коллективного труда, приучался к взаимной терпимости в распределении пищи, в половой жизни, постепенно осознавал свою связь с другими членами коллектива. Уровень производительных сил в эпоху раннего палеолита был таков, что выжить могли лишь те группы, которые выработали в себе черты коллективизма и прежде всего кооперировали трудовые усилия своих членов; общий же труд, как замечает И. В. Сталин, вел к общей собственности на средства производства, равно как и на продукты производства⁵. Таким образом, постепенное становление уже в самый ранний период развития человечества коллективной собственности на основные средства производства, прежде всего на кормовую территорию, было закономерным и неизбежным действием закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. О наличии уже у неандертальца общей собственности на продукты производства косвенно свидетельствуют такие археологические факты, как, например, большие, несомненно коллективные запасы охотничьей добычи в альпийских мустьерских гротах Петерсхеле и Драхенлох⁶.

В это же время, наряду с коллективной собственностью, должны были возникать и те формы личной собственности на ручные орудия труда, которые мы находим позднее, в уже сформировавшемся человеческом обществе⁷.

Но указанному полуживотному периоду в истории первобытного человечества нельзя приписывать какие-либо установившиеся социальные нормы. Следовательно, этот период не с у щ е с т в о в а н и я, а лишь с т а н о в л е н и я форм первобытной собственности. Этот период, характеризующийся становлением присущих человеческому обществу социальных начал, удачно назван в литературе эпохой первобытного человеческого стада.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 93.

⁴ См. Я. Я. Рогинский, Проблема происхождения homo sapiens, «Успехи современной биологии», 1936, т. 9, вып. 1 (4).

⁵ И. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, 1952, стр. 26.

⁶ П. П. Ефименко, Первобытное общество, 3-е изд., Киев, 1953, стр. 234—237.

⁷ См. ниже, стр. 22 и сл.

С переходом к позднему палеолиту и появлением *homo sapiens* первобытное человечество вступило на ту стадию развития, для понимания которой мы имеем возможность с известной долей приближения использовать данные этнографии.

Наименее развитыми из известных этнографии обществ являлись племена бродячих охотников и собирателей — тасманийцы, австралийцы, бушмены, ведда, аэта и некоторые другие. По характеру выделяемых инструментов труда эти племена еще в XVIII — XIX вв. напоминали поздние палеолитическое и раннеолитическое общества. Поэтому особенно существенны свидетельства о формах собственности на основные средства производства, имеющиеся в отношении этих племен.

О тасманийцах — едва ли не самой отсталой из известных нам групп человечества, полностью истребленной в XIX в., — сведений очень мало. Все же имеются сообщения, что отдельные территории острова принадлежали коллективам, насчитывавшим до 50 человек, — так называемым ордам или локальным группам⁸. Более определенны свидетельства о коллективной собственности в локальных группах австралийцев. «Племя арунта, — сообщают Спенсер и Гиллен, — распадается на значительно число небольших локальных групп, каждая из которых занимает и, помимо, владеет определенной частью страны, границы которой туземцам хорошо известны»⁹. «Эти локальные группы, — пишет Смон, — составляют единое целое, небольшой локальный союз, насчитывающий обычно 40—50 членов, живущих совместной охотой на общей территории, которую они рассматривают как свою собственность»¹⁰. Аналогичны сообщения Хоуитта, Брауна, Юнга и ряда других авторов¹¹. Коллективный характер потребления в австралийской локальной группе на большом этнографическом материале показан Малиновским¹². Кунов, который потратил много сил на то, чтобы опровергнуть это положение, в конце концов должен был признать, что «в целом раздел приводит в большинстве случаев все-таки к тому, что почти всякий взрослый человек, находящийся в становище, получает что-нибудь»¹³.

У ведда, по словам Зелигмана, локальные группы, из которых состоит общество, сообще обладают правом охоты, собирания меда, рыбной ловли в потоках и обитания в пещерах на определенной территории¹⁴. То же говорит Шебеста о семангах Малакки. У них племя распадается на группы или орды, «в пределах которых никто не владеет землей, ибо она — собственность орды и ею наследуется»¹⁵. В отношении аэта о коллективной собственности всей локальной группы на кормовые угодья сообщает Вановерберг¹⁶, о коллективном потреблении охотничьей добычи — миссионер Мозо в 1763 г.¹⁷. Аналогичны данные о бушменах: они разделены на орды из нескольких десятков человек, каждой из которых принадлежит определенная охотничья территория, рассматриваемая как общая собствен-

⁸ H. Ling Roth, *The Aborigines of Tasmania*, Halifax, 1899, стр. 72.

⁹ B. Spenser and F. Gillen, *The Arunta*, London, 1927, vol. I, стр. 8.

¹⁰ R. Semon, *In australische Busch und an den Küsten Korallenmeers*, Leipzig, 1896, стр. 248.

¹¹ Сводку по этому вопросу см. в работе А. М. Золотарева «Происхождение экзотических племен» (Изв. ГАИМК, 1931, т. X, вып. 2—4, стр. 38).

¹² B. Malinowski, *The family among the Australian Aborigines*, London, 1913, стр. 284 и сл.

¹³ Г. Кунов, *Всеобщая история хозяйства*, М.—Л., 1929, т. I, стр. 61.

¹⁴ C. Seligman, *The Veddas*, Cambridge, 1911, стр. 62.

¹⁵ P. Schebesta, *Gesellschaft und Familie bei den Semang auf Malakka*, *Anthropos*, 1928, Bd. XXIII, стр. 235—236.

¹⁶ M. Vanoverbergh, *Negritos of Northern Luzon*, *Anthropos*, 1925, Bd. XX, № 1—2, стр. 148 и сл.

¹⁷ «The Philippine islands 1493—1898», v. 48, стр. 96. Цитировано по Г. Кунову, *Указ. раб.*, стр. 82.

венность всей орды¹⁸; все члены орды имеют свою долю в добыче каждого¹⁹.

Нет нужды умножать число подобных примеров. Очевидно, что в обществах бродячих собирателей и охотников не существовало иной формы собственности на землю, кроме общей собственности всего производственного коллектива. Что представлял собой этот коллектив? Повидимому, род, хотя и в специфической, обусловленной определенными конкретно-историческими условиями форме. Действительно, у тасманийцев локальная группа экзогамна и, судя по некоторым данным, тотемна²⁰. Вопрос о роде у австралийцев сложен и все еще до конца не ясен; можно думать, что в прошлом локальная группа совпадала с материнским родом и лишь впоследствии, с деформацией (в условиях колонизации) всего родового строя, это совпадение нарушилось²¹. О локальных группах семангов²² и бушменов²³ вполне определенно сообщается как о кровнородственных коллективах; так же, повидимому, могут рассматриваться экзогамные локальные группы ведда²⁴.

Повсюду здесь род выступает недостаточно четко, родовой и производственный коллективы совпадают не полностью. Однако не следует забывать о том длинном историческом пути, который отделяет известные этнографии общества охотников и собирателей от их первобытных предков. На протяжении этого пути первобытная родовая община должна была претерпеть значительные изменения, связанные с условиями географической и особенно исторической среды, с влиянием более развитых цивилизаций, колонизацией и т. п.²⁵.

Так, в Тасмании и Австралии родовые общины могли измельчать и частично утратить свою монолитность еще до европейской колонизации ввиду отсутствия крупных и опасных объектов охоты. Бушмены, ведда, аэта ко времени их изучения уже пользовались железными орудиями, получаемыми от соседних народов: эти новые производственные возможности не могли не отразиться в какой-то степени на их социальной организации, способствовали частичной деформации первоначальной родовой общины.

Довольно отчетливые формы общеродовой собственности на землю известны у племен, переходящих или перешедших к оседлому охотничье-рыболовному хозяйству, — андаманцев²⁶, ительменов, а из уже перешедших к мотыжному земледелию — у некоторых папуасских племен Меланезии. Все это племена с неолитической в основном техникой производства орудий, с развитым родовым строем.

У ительменов, по словам Крашенинникова, «жители острожка, расположенного по какой-нибудь реке, считают ее владением своего рода и

¹⁸ S. Passarge, *Die Buschmänner der Kalahari*, Berlin, 1907, стр. 31.

¹⁹ I. Barrow, *An Account of Travels into the Interior of S. Africa in the year 1797/98*, London, 1804, v. I, стр. 287; H. Lichtenstein, *Reise in südlichen Afrika*, Berlin, 1912, Bd. II, стр. 3.

²⁰ J. Backhouse, *Narrative of a Visit to the Australian Colonies*, London, 1843, стр. 171; А. Б. Пиотровский, Тасманийцы, «Советская этнография», 1933, № 3—4, стр. 172.

²¹ Современная локальная группа австралийцев обычно в основном совпадает с отцовским родом (см. А. Элькин, *Коренное население Австралии*, М., 1952, стр. 93, примечание С. А. Токарева), однако, как справедливо указывает С. П. Толстов, «„патриархальные“ элементы общественной организации австралийцев должны рассматриваться как результат распада их древней, последовательно матриархальной организации за последние 150 лет под влиянием европейской колонизации» (С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Советская этнография», 1946, I, стр. 27—28).

²² P. Schebesta, *Указ. раб.*, стр. 236.

²³ I. Schapera, *The Khoisan Peoples of South Africa*, London, 1930, стр. 81 и сл.

²⁴ См. А. М. Золотарев, *Указ. раб.*, стр. 27.

²⁵ См. С. П. Толстов, *Указ. раб.*, стр. 27.

²⁶ A. R. Brown, *The Andaman Islanders*, Cambridge, 1922, стр. 23 и сл.

оттуда на другую реку никогда не переселяются... Вдоль каждой реки : вут члены одного рода, происходящие от одного прародителя» ²⁷.

Родовому строю меланезийцев посвящена одна из ранних ра С. А. Токарева ²⁸, содержащая обширную сводку данных о собственности производства и потреблении в меланезийской родовой общине. Несмотря на известную искусственность в расположении и освещении материи обусловленную стремлением автора отграничить первобытную «тотемическую» общину от «родовой», материал, по крупицам собранный С. А. Токаревым, представляет большую ценность. Он с очевидностью показывает, что родовая собственность на землю и связанные с этим коллективистические формы производства и потребления были характерны для не менее развитых папуасских племен внутренних областей больших островов Меланезии — банаро, папуасов бассейна р. Мамберамо и других. Собранные С. А. Токаревым данные могут быть пополнены сообщениями Г. Паудермекер о коллективной земельной собственности и совместном труде в родовых общинах племени лезу (Н. Ирландия) ³⁰. Заслуживает быть особо отмеченным, что у племен Н. Британии зафиксирована принадлежность земельной собственности матрилинейным фратриям, т. е. первоначальным архантическим родам ³¹.

Итак, собственность на «всеобщее средство труда» в племенах, уровню производства наиболее близких к обществу позднелитического и неолитического времени, являлась коллективной собственностью родовой общины. Но земля, будучи главным, не была единственным средством производства: наряду с ней существовали орудия, транспортные средства, скот.

Этнографический материал показывает, что в коллективной собственности даже сравнительно поздней родовой общины могли находиться многие орудия производства, особенно такие, изготовление и сохранение которых требовало коллективного труда. Это прежде всего огонь, находивший самое широкое применение в производстве орудий, охоте загоном и выкуриванием из нор, подсечном земледелии и, возможно, сыгравший немаловажную роль в приручении животных. Отношение к огню как к родовой собственности, не могущей быть переданной члену другого рода, известно у нивхов, чукчей, эвенков, алтайцев и у целого ряда других народов. Родовой собственностью являлись рыболовные сети у центральных племени (Калифорния) ³², большие лодки у ряда прибрежных племен Меланезии (Н. Гебриды, Шортлендские о-ва) ³³ и т. п.

Известны факты существования родовой собственности на ручное оружие. Так, например, по сообщению Риверса, у меланезийцев о. Амбрия древнее оружие — копья и палицы принадлежали всему роду, в то время как луки и пращи, вошедшие в обиход недавно, являлись личной собственностью ³⁴. Такие сообщения, впрочем, весьма редки и, может быть, мало достоверны. Огромное количество этнографических данных, относящихся ко всем частям света, показывает, что в соответствии с характером своего изготовления и использования ручные орудия труда и оружие находились в личной собственности отдельных членов родовой общины. И

²⁷ С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, М., 1948, стр. 169—170.

²⁸ С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии. «Советская этнография», 1933, № 2—6.

²⁹ С. А. Токарев, Указ. раб., «Советская этнография», 1933, № 2, стр. 18 и сл.

³⁰ H. Powdermeyer, Life in Lesu, London, 1933, стр. 51 и сл.

³¹ G. Pheil, Studien und Beobachtungen in der Südsee, Braunschweig, 1899, стр. 21. I. Brown, Notes on the Duke of York Group, N. Britania and N. Ireland, «Journal of the Royal Geographical Society of London», 1877, XLVII, стр. 149; G. Brown, Melanesians and Polynesians, London, 1910, стр. 28.

³² E. Gifford, Notes on Central Pomo, «American Anthropologist», 1928, № 3, стр. 678.

³³ С. А. Токарев, Указ. раб., № 3—4, стр. 54.

³⁴ W. H. R. Rivers, Social organisation, London, 1924, стр. 105 и сл.

можно было обменивать или подарить³⁵, они, как это широко засвидетельствовано археологическим материалом, сопровождали в могилу своего хозяина. Основываясь на подобных фактах, И. В. Сталин писал о первобытной общине: «Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства...»³⁶. Отрицать наличие личной собственности на ручные орудия труда в первобытном обществе было бы грубым упрощением³⁷, но еще более грубая ошибка смешивать эту личную собственность с частной.

Примитивные ручные орудия труда были доступны всем, потребление их служило удовлетворению главным образом общественных нужд, а производительность оснащенного ими труда была настолько низкой, что личная собственность на эти орудия не могла повести к появлению прибавочного продукта и эксплуатации человека человеком. Однако и в этих условиях над личной собственностью довлел примат родовой собственности, исключавший возможность монопольного распоряжения личными орудиями труда. Так, даже у эскимосов Гренландии, общество которых в описываемое Ринком время далеко ушло от первоначальной родовой общины, обычай строго ограничивал накопление личной собственности: если у кого-либо был лишний лук или лишний челнок, общественное мнение принуждало передать эти вещи другому³⁸. Столь же характерно, что орудия труда, как и другие личные вещи, не могли быть свободно завещаны. Еще Лафито отмечал, что у гурунов и ирокезов личное имущество мужа не могло достаться дому жены: оно являлось законным наследством собственного рода покойного³⁹. Со времени Лафито накопилось большое число подобного рода примеров, относящихся к самым различным племенам.

«Можно представить себе владеющим единичного дикаря,— писал Маркс.— Но тогда владение не есть правоотношение»⁴⁰. Иными словами, личная собственность члена первобытной общины была скорее его отношением к вещи, нежели отношением между людьми. Этим последним отношением являлась коллективная родовая собственность, определявшая характер производственных отношений в первобытной общине.

Не вполне ясен вопрос о формах первоначальной собственности на домашних животных. Хотя ни этнографический материал, ни древнейшие исторические источники не знают примеров существования общеродовой собственности на скот⁴¹, широчайшее распространение родовых тамг позволяет думать, что эта собственность существовала даже в таких сравнительно развитых обществах, как общества кочевников-скотоводов⁴². Дру-

³⁵ У ведда, например, отец девушки дарил жениху «часть своей личной собственности — лук или одну-две стрелы...» (См. С. Seligman, Указ. раб., стр. 97). Обмен оружием был широко распространен по всей Северной Америке, в результате чего отдельные вещи передавались на огромные расстояния.

³⁶ И. Сталин, Указ. раб., стр. 26.

³⁷ Такое упрощение было допущено, например, С. И. Быковским в его статье «Энгельс и проблема происхождения общественных классов», Сб. «Пятьдесят лет книги Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“» М.— Л., 1936, стр. 817. В недавно вышедшей работе М. В. Калганова («Собственность в социалистическом обществе», изд. АН СССР, 1953, стр. 21) без каких-либо видимых оснований различаются личная собственность на орудия труда в родовом обществе и коллективная — в родовом.

³⁸ Н. Rink, *Tales and Traditions of the Eskimo*, Edinburgh and London, 1875, стр. 9 и сл.

³⁹ J.-F. Latiteau, *Moeurs des sauvages americains, compares aux mœurs des premiers temps*, Paris, 1724, v. I, стр. 72.

⁴⁰ К. Маркс, К критике политической экономии, 1953, стр. 72.

⁴¹ Единственное исключение составляет малодостоверное известие об общинной собственности на лам в древнем Перу.

⁴² Имеются и другие косвенные свидетельства: см. Л. Потапов, О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, «Вопросы истории», 1954, 6, стр. 76.

гой вопрос, была ли эта родовая собственность обезличенной. Приручение диких животных требовало их длительного и прочного контакта с определенными, немногими людьми. В этой связи характерно, что в Меланезии, например, мы находим собак и свиней в личной собственности, но человек, заколовший выращенную им свинью, не вправе присвоить себе ее мясо: он должен разделить его между рядом родственников и соседей таким образом, что ему самому достается едва ли не меньше всех. Обычай обязательного дележа продуктами скотоводства и скотом широко известен у ряда скотоводческих народов Африки и Азии. Все это свидетельствует в пользу того, что если первобытной общине и была известна личная собственность на домашних животных, то она, так же как и личная собственность на ручные орудия, являлась лишь конкретной формой существования коллективной родовой собственности. Во всяком случае обобщающей формы собственности, характерные для второй эпохи развития первобытного общества, не противопоставляли друг другу: общинно-родовая и личная собственность составляли неразрывное единство, определяя экономическое единство, экономическую монолитность рода.

Здесь уместно коротко остановиться на вопросе о характере родового единства. Выражение «экономическая монолитность рода» не следует понимать формально. Не нужно думать, что весь род всегда и все производил и потреблял в полном своем составе. В зависимости от естественных условий местности и сезонных условий охоты, рыболовства, собирательства, в зависимости от формы хозяйственной деятельности и численности коллектива родовая община в одних случаях трудилась сообща, в других распадалась на меньшие группы ближайших родственников, вновь образуя единый коллектив, когда этого требовали обстоятельства. Подобного рода внутриродовые группки мы находим уже внутри локальной группы собирателей и охотников семангов. Такая группа, по словам Шебеста, «аспект образует стойбище, которое разделяется с тем, чтобы потом собраться вместе», тем не менее «эта кровнородственная орда составляет единое целое, внутри которого отдельные семьи делят между собой пищу взаимно помогая друг другу в работе»⁴³. По сообщению Рэдклиф-Броуна локальная группа полуседлых охотников и рыболовов андаманцев большую часть года совместно проживала в главном лагере, а в остальное время в связи с началом сезона рыбной ловли и сбора черепаших яиц разбивалась на более мелкие группы ближайших родственников⁴⁴. У папуасов бассейна р. Мамберамо рубка и выжигание леса, а также последующее огораживание расчищенных участков земли производились соединенными силами всех мужчин родового поселка, посадка же клубней бататов велась женщинами на обособленных участках крупных отдельных домохозяйств⁴⁵. Естественно, что с разрастанием внутриродовых групп увеличивалась их экономическая самостоятельность по отношению к роду, они как бы превращались в дочерние роды и теряли локальное единство. Классическим примером такой внутриродовой группы является описанный Морганом длинный дом — овачира ирокезов, ко времени колонизации Северной Америки уже стоявших на грани распада родового строя.

Говоря о монолитности первобытно-общинного коллектива, нельзя не остановиться и на вопросе о парной семье и ее хозяйственной роли. Теория изначальности моногамной семьи продолжает иметь хождение в буржуазной науке. Ее сторонники ссылаются на сообщения, согласно которым уже у тасманийцев, австралийцев и других наименее развитых племен в период знакомства с ними европейцев имелись отдельно кочующие и хозяйствующие индивидуальные семьи. У семангов, по словам Шебеста,

⁴³ P. Schebesta, Указ. раб., стр. 236.

⁴⁴ A. R. Brown, Указ. раб., стр. 29.

⁴⁵ С. А. Токарев, Указ. раб., № 3—4, стр. 48—49.

кочующая группа «может состоять из семьи в строгом смысле слова, т. е. из отца, матери и детей, хотя в большинстве случаев состоит из ряда родственных семей»⁴⁶. То же сообщает Рэдклиф-Броун об андаманцах⁴⁷, а в отношении австралийцев значительный материал этого рода подобран в специальной работе Малиновского⁴⁸. В данном вопросе необходимо различать две принципиально различные стороны: факт существования таких семей и их экономическое значение.

«Известное сожителство парами, — указывает Энгельс, — на более или менее продолжительный срок, имело место уже в групповом браке или еще раньше»⁴⁹. Несомненно, что эти сожительствующие пары и у современных отсталых народов, и в первобытном обществе могли временами бродить отдельно, занимать отдельную хижину в общем стойбище или отдельное помещение в общем доме, делать известные запасы. Однако все это не делало пару экономической ячейкой общества. Пара не имела в своем распоряжении индивидуального участка кормовой области, принадлежавшей, как мы видели, всему родовому коллективу. Личное имущество мужчины и женщины, в силу их принадлежности к разным родам, было раздельно: это широко засвидетельствовано и для такой уже деформированной семьи, как семья австралийцев⁵⁰, и для настоящих парных семей племен Меланезии и Америки. В Меланезии случается, что за ущерб, причиненный мужем имуществу жены, он должен рассчитываться с ее родом⁵¹. Имеются многочисленные свидетельства о том, что парные семьи у этих племен не самостоятельны и в области потребления: коллективное потребление в ирокезской овачира достаточно определенно охарактеризовано Морганом, о местах для «коммунальной варки пищи» в меланезийских родовых поселках говорят Г. Паудермекер⁵², Бургер⁵³ и другие авторы. Наконец, есть не менее выразительные данные, показывающие, что даже при матрилокальном поселении муж сохранял известные хозяйственные связи со своими сородичами, помогая им в работе, делясь с ними добычей и т. п. Очевидно, что не только эпизодически сожительствовавшие пары, но даже более постоянные парные семьи не могли нарушить экономическую консолидированность родового коллектива. Как личная собственность поглощалась общинной, так индивидуальное хозяйство поглощалось коллективным, а парная семья — родом.

Это последнее обстоятельство — отсутствие иной формы экономической организации общества, кроме кровнородственных связей, — следует признать специфичным для рассматриваемого этапа первобытности. Общину коллективных собственников образовывали кровные родственники, ибо родство было простейшей формой связи, единственно возможной на той стадии развития общества. Недаром включение чужеродца в коллектив всегда сопровождалось его усыновлением, установлением, за отсутствием биологического родства, родства общественного. «Все более ранние первобытные общины покоятся на кровном родстве своих членов», — писал Маркс в черновиках писем к В. Засулич⁵⁴. Эту же мысль он еще более определенно сформулировал в «Капитале»: древнейшие производственные организации покоятся на «незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми...»⁵⁵. Разумеется, речь могла идти только о материнском родстве. В ус-

⁴⁶ P. Schebesta, Указ. раб., стр. 236.

⁴⁷ A. R. Brown, Указ. раб., стр. 23.

⁴⁸ B. Malinowski, Указ. раб.

⁴⁹ Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 45.

⁵⁰ См., например, E. Curr, Australian Race, Melbourne, 1886, v. I, стр. 66.

⁵¹ R. Neuhaus, Deutsch-Neu-Guinea, Berlin, 1911, Bd. III, стр. 85.

⁵² G. Powdermaker, Указ. раб., стр. 51.

⁵³ F. Burger, Die Küsten- und Bergvölker der Gazellehalbinsel, Stuttgart, 1913, стр. 50.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 680.

⁵⁵ К. Маркс, Капитал, 1950, т. I, стр. 85.

ловиях группового брака род мог возникнуть только как матрилинейный род, и поэтому производственные отношения в первобытной общине в основном совпадали с материнско-родовыми отношениями, коллективная собственность была собственностью материнского рода, первобытной материнско-родовой общины⁵⁶.

3

В развитом неолите и особенно с началом века металлов производительные силы первобытного общества заметно шагнули вперед. Археологический материал свидетельствует о дальнейшем развитии специализированной охоты или рыболовства в одних районах, земледелия или скотоводства — в других. Возрастает техническая вооруженность человека в его борьбе с природой: появляются шлифованный и просверленный топор, лодка, распространяются культурные растения и различные породы домашних животных. В результате возникают объективные условия для хозяйственной жизни численно меньших коллективов, так или иначе самостоятельных по отношению к родовой общине. Археологически, в самом общем виде, этот процесс отражен некоторым уменьшением размеров общинных жилищ (например, у трипольцев или у обитателей свайных построек Швейцарии)⁵⁷. Более конкретное представление о происшедших изменениях дает этнография.

У ирокезов, ко времени колонизации Северной Америки еще только вступавших в медный век, «индеец мог сделаться владельцем никем не занятого участка земли, если он его обрабатывал, и в этом случае он укреплял за собой право на пользование землей, признаваемое и охраняемое обычаями племени»⁵⁸. У целого ряда племен Меланезии, стоявших приблизительно на такой же стадии развития, также намечалось семейное владение участками родовой земли (племена побережья залива Папуа, островов Бугенвиль, Амбрим, Сан-Кристобаль, киваи на Н. Гвинее); местами эти участки даже передавались по наследству (Порт Моресби, северо-западная часть британской Н. Гвиней)⁵⁹. Еще большие чем в земледелии производственные возможности открывались в разведении домашних животных, значение которого в позднем неолите повсеместно возросло.

Появившаяся возможность «парцеллярного труда как источника частного присвоения»⁶⁰ сделалась могучим фактором превращения коллективной собственности в частную, а средоточием этого процесса стала патриархальная семейная община — основная ячейка вновь возникшего отцовского рода.

Дело в том, что известная возможность присвоения в рамках отдельных семей повлекла за собой принципиальное изменение в характере первобытной родовой общины: на смену материнскому роду пришел отцов-

⁵⁶ Мы не касаемся здесь вопроса о матриархате; отметим лишь попутно, что наблюдаемое в развитом материнском роде общественное преобладание женщин, очевидно, также связано с наличием материнско-родовой собственности на основные средства производства. При матрилокальном поселении реальными коллективными собственниками оказывались именно женщины, братья и сыновья которых уходили в селение жены. Говоря об основах матриархата, обычно ограничиваются указаниями на последствия разделения труда между полами и оставляют без внимания весьма важное, на наш взгляд, замечание Энгельса: «Коммунистическое домашнее хозяйство, в котором все женщины или большинство их принадлежит к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам, служит реальной основой того повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщины, открытие которого составляет третью заслугу Бахофена» (Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 48—49. Разрядка наша.— А. П.).

⁵⁷ См. Е. Ю. Кричевский, Индогерманский вопрос, археологически разрешенный, «Известия ГАИМК», 1933, вып. 100, стр. 170 и сл.

⁵⁸ Л. Г. Морган, Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934, стр. 52.

⁵⁹ С. А. Токарев, Указ. раб., № 3—4, стр. 60—61.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 695.

ский. С развитием скотоводства, подсечного и ирригационного земледелия, высокоразвитой охоты и т. п. хозяйственное значение мужчины значительно возросло. Между тем при матрилокальном поселении мужчина не был членом родовой общины того селения, где он жил, и в то же время он все более отрывался от своей собственной родовой общины. В этих условиях постепенно создавалась собственность, отдельная от родовой, которую отец стремился передать своим, теперь уже известным ему сыновьям. О прямой связи между зарождением этой отдельной собственности и возникновением отцовского счета родства говорят обычаи ряда племен, описанных на стадии перехода от материнского к отцовскому роду.

По свидетельству Кодрингтона, у меланезийцев о. Флориды и Бансковых островов издавна возделываемые родовые земли оставались внутри материнского рода, но индивидуальные участки семей, собственными силами отвоеванные у леса и возделанные, передавались, как и движимое имущество, от отца к детям⁶¹. Аналогичный порядок зафиксирован у северной группы туарегов, в XIX в. еще сохранявшей материнско-родовую организацию. Здесь различались два вида собственности: «незаконная», полученная по наследству от материнских родичей или добытая с помощью рода, и «законная», добытая собственным трудом. Первый вид собственности наследовался внутри материнского рода, второй — передавался отцом сыновьям⁶². У гереро, на переходное состояние которых от материнского рода к отцовскому указывает двойной счет родства, земельная собственность и козы оставались в материнском роде, основной же скот — коровы и овцы — наследовались по отцовской линии. При разделе наследства здесь еще нередки были столкновения между детьми покойного и его материнской родней, и обычно отец, умирая, стремился различными способами закрепить имущество за своими детьми. Приводя эти данные о гереро, Д. А. Ольдерогге пишет: «Здесь ясно сказываются крепнущие новые семейные отношения: семья выделяется из рода и старается удержать имущество у себя»⁶³.

Энгельс не раз подчеркивал, что именно появление частных богатств обусловило превращение материнского рода в отцовский, а вместе с тем и начало распада всего родового строя.

«...Богатства,— писал Энгельс,— поскольку они однажды перешли в частное владение отдельных семей и быстро у них умножались, нанесли сильный удар обществу, основанному на парном браке и на материнском роде»⁶⁴. В другом месте Энгельс указывал: «Материнское право уступило место отцовскому; и с этим возникающее частное богатство пробивает свою первую брешь в родовом строе»⁶⁵. Действительно, пришедший на смену материнскому отцовский род с самого начала выступал как форма распада первобытной общины. Не род, а большая семья, несшая с собой начала частной собственности, являлась на данном этапе развития общества его основной хозяйственной ячейкой. Это положение достаточно хорошо показано в ряде специальных работ: из последних назовем работы Д. А. Ольдерогге о патриархальной семье у банту⁶⁶. М. О. Косвена о семейной общине на Кавказе⁶⁷ и его обобщающую работу о семейной общине⁶⁸.

⁶¹ R. H. Codrington, *The Melanesians*, Oxford, 1891, стр. 62 и сл.; ср. W. H. R. Rivers, *The history of Melanesian society*, Cambridge, 1914, v. 1, стр. 55 и сл.

⁶² A. Duveugrier, *Les Touaregs du Nord*, Paris, 1864, стр. 393 и сл.

⁶³ Д. А. Ольдерогге, Энгельс и проблема происхождения отцовского рода, Сб. «Пятьдесят лет книги Ф. Энгельса...», стр. 865.

⁶⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 55.

⁶⁵ Там же, стр. 102.

⁶⁶ Д. А. Ольдерогге, Из истории семьи и брака, «Советская этнография», 1947, 1.

⁶⁷ М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, гл. 1 — Семейная община, «Советская этнография», 1946, 2.

⁶⁸ М. О. Косвен, Семейная община, «Советская этнография», 1948, 1.

Но будучи основной, большая семья, конечно, не могла быть самодеющей экономической ячейкой общества. Первобытное земледелие, к правилу, связанное с подсекой леса, ирригацией или дренажными работами, требовало совместных усилий численно больших коллективов. В скотоводстве, особенно кочевом, условия прокорма и размножения стад вызвали необходимость их дробления, но устройство водоемов и охрана пастбищ и стад также требовали коллективных усилий. В охотничьем рыболовческом хозяйстве ту же роль обычно играли облавные охоты, снаряжение загонов, запруд и т. п. Поэтому во всех случаях семейная община не могла стать экономически вполне самостоятельной, и хотя на данном этапе возможности частного присвоения значительно возросли, продолжала оставаться экономически связанной с другими подобными же семьями. Однако теперь эта связь редко носила только кровнородственный, родового характера. Возросшая самостоятельность отдельных семейных общин, а вместе с тем разнообразные формы перехода от материнского рода к отцовскому, смена матрилокальности патрилокальностью и матрилинейности патрилинейностью не могли не вызвать массовой децентрализации родовых коллективов. В селениях, теперь, как правило, состоявших из нескольких различных родовых групп, распадавшиеся родовые связи переплетались с соседскими. Возникла соседская община, эта, по выражению Маркса, последняя фаза первичной общественной формации.

Под соседской общиной в широком смысле слова следует понимать не только такую сравнительно позднюю организацию, в которой большинство семей не родственно между собой, а родовые связи полностью распались, но и такую, которая состоит из нескольких, даже немногих, подразделений разных родов, связанных между собой теми или иными экономическими отношениями. Совокупность этих семей и патронимий, разбросанных в разных соседских общинах, образует децентрализованный отцовский род; поэтому с точки зрения исторической перспективы отцовский род и соседская община — явления в значительной степени одновременные⁶⁹. В тех случаях, когда в селении имеется несколько домохозяйств, принадлежащих к одному роду, между ними существует известная связь, переплетающаяся с соседскими связями. К сожалению, это переплетение совершенно не изучено, так как полевые этнографы, обычно ставившие себе задачу выявить пережитки только родовой организации, как правило, не обращали внимания на организацию соседскую.

Тем не менее имеется немало фактов, показывающих сосуществование отцовского рода и соседской общины. В папуасском племени мекео (Н. Гвинея) деревня состояла из нескольких подразделений различных отцовских родов. Семьи каждого рода образовывали особые кварталы. В соответствии с этим во всех селениях имелась земля, принадлежавшая всей деревне, земля, принадлежавшая группе родственников между собой семейных общин, и земля, принадлежавшая отдельным семейным общинам⁷⁰. Сходные порядки отмечены в Меланезии на Шортлендских островах, Н. Гебридах, о. Амбрим, причем в отношении последнего сообщается особенно определенно: земля принадлежит деревне в целом, но отдельные участки ее распределены между различными проживающими здесь родовыми группами⁷¹. То же зафиксировано на Фиджи, где до второй

⁶⁹ Здесь и выше имеется в виду такой, все же наиболее распространенный порядок, когда материнско-родовая организация переходит в отцовско-родовую. Но возможно, помимо, и другой путь, при котором сменяющая первобытную материнско-родовую общину первобытная соседская община не переплетается с элементами отцовского рода, так как последний не развивается (например, у чукчей, коряков, эскимосов). Впервые поставленный С. П. Толстовым вопрос о том, «насколько патриархальный род является вообще обязательным в качестве длительно существующей последней стадии родового строя» (С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 329), ждет еще своего исследования.

⁷⁰ C. Selegman, The Melanesians of British New-Guinea, Cambridge, 1910.

⁷¹ С. А. Токарев, Указ. раб., № 3—4, стр. 57—58.

половины XIX в. принадлежавшая деревне общинная земля распределялась по нескольким неродственным между собой мелким родовым группам (явуза) и большим семьям (вувале); угодья здесь не распределялись и находились в совместном пользовании всей соседской общины⁷².

Переплетение отцовско-родовых отношений с соседско-общинными в ряде случаев прослеживается и у народов Северной Сибири. Таковы, например, нивхи, децентрализованный отцовский род которых некоторыми исследователями рассматривался чуть ли не как классическая родовая община. Нивхи жили селениями, состоявшими из нескольких неродственных между собой родовых групп. А. М. Золотарев и Е. А. Крейнович, изучавшие отношения внутри этих родовых групп, оставили соседские связи без внимания, но имеется весьма характерное сообщение Л. Я. Штернберга: «всякий, у кого вышли запасы (сушеной рыбы.— А. П.), берет ее у соседа без всяких возражений»⁷³. Нивхи отнюдь не составляли какого-либо исключения. Большой заслугой М. Г. Левина и Б. О. Долгих является доказательство того, что народы Северной Сибири, несмотря на сохранение у них многих элементов родовой структуры, сравнительно давно в основном перешли к объединению по территориальному принципу. Дело не менялось от того, что внутри территориальных объединений у нивхов, эвенков, чукчей и других народов встречались экономически связанные семьи одного рода: в целом род давно и повсеместно был децентрализован и уступил место территориально-производственным общинам⁷⁴. Наконец, на более позднем этапе аналогичное переплетение родовых отношений с соседскими ясно видно на примере средневековой соседской общины афганцев, представлявшей «своеобразное соединение нескольких родовых общин»⁷⁵, или же кочевой общины арабских племен Сирии, Палестины, Ирака. Здесь группа, обычно именовавшаяся «родом», но состоявшая из более или менее крупных осколков самых различных родов, совместно владела пастбищной территорией и водоемами, совместно кочевала и была связана многочисленными обычаями взаимопомощи; напротив, связь с другими осколками тех же родов была почти полностью утрачена⁷⁶.

Маркс, анализируя в черновиках писем к В. Засулич экономический строй соседской общины, подчеркивал свойственный ей дуализм: переплетение и борьбу начал коллективной и частной собственности. Позиции коллективной собственности уже не являлись прочными: они были подорваны возможностью присвоения в рамках отдельных семейных коллективов. У земледельцев сельскохозяйственный двор со всеми его орудиями и постройками, у скотоводов скот и т. д.— все это в процессе развития производительной деятельности и обмена, с появлением прибавочного продукта и развитием грабительских походов превращается из личной собственности в частную, составляя экономическую основу начинавшейся эксплуатации патриархальных рабов, соседей, сородичей. Появляющаяся частная собственность находится в противоречии с общинной собственностью на землю. Более того, пока последняя еще существует, частная собственность на двор, скот, орудия производства не может получить полного и всестороннего развития, ибо «частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь

⁷² B. Seeman, Viti, Cambridge, 1862, стр. 193; L. Fison, Land Tenure in Fiji, «Journal of the Anthropological Institut of Great Britain and Ireland», 1881, v. 10, стр. 338—339.

⁷³ Л. Я. Штернберг, Гиляки, «Этнографическое обозрение», 1904, стр. 77.

⁷⁴ Б. О. Долгих и М. Г. Левин. Переход от родовых связей к территориальным в истории народов Северной Сибири, сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XIV, М., 1951, стр. 96 и сл.

⁷⁵ И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954, стр. 183.

⁷⁶ См. например, T. Ashkenazi, Tribus seminomades de la Palestine du Nord, Paris, 1938, и нашу рецензию на эту книгу в журнале «Советская этнография», 1947, 2, стр. 254—255.

там, где... *внешние условия труда принадлежат частным лицам*»⁷⁷. Этому с развитием и укреплением частной собственности на орудия труда и т. п. она неизбежно должна была породить частную собственность на пахотную землю, пастбища, охотничьи или рыболовные угодья. Механизм этого процесса в соседской общине земледельцев показана Марксом в черновиках писем к В. Засулич. В недавнее время Л. П. Потапов, основываясь на положениях Маркса, рассмотрел вызревание частной собственности на землю в кочевой аульной общине⁷⁸. Применительно к обществу рыболовов и охотников аналогичный процесс прослеживается на примере индейцев С.-З. Америки, в частности хайда. Селения хайда в XIX столетии состояли из некоторого числа подразделений различных, давно уже декализованных родов. Основной экономической единицей являлась семья, причем наряду с индивидуальными семьями сохранялись семейные общины численностью до 30—50 человек. Соседские отношения в селениях хайда, к сожалению, не изучены. Исследователи сообщают, что орудия производства (лодки, сети т. п.), а также рабы являлись частной собственностью, промысловые угодья же считались собственностью рода (т. е. не большой группы родственных домохозяйств, имевшихся в данном селении и составлявших его часть), но были разделены на наследственные семейные участки. Хозяин усадьбы, застраиваемой в течение нескольких поколений, считал землю своей и никому не давал срубить дерево вблизи своего жилья; глава сильной семьи претендовал на определенный участок и никому, кроме своих друзей, не разрешал на нем охотиться. Обладатели лучших рыболовных участков приглашали за издольное вознаграждение членов других семей помогать ловить рыбу и только по окончании лова могли разрешить пользоваться рыбалкой другим сородичам⁷⁹. Это последнее обстоятельство показывает, что от равного, направленного на удовлетворение только собственных нужд использования общинных угодий не осталось почти ничего, они фактически превратились в частную собственность. Поэтому Ю. П. Аверкиев не прав, когда она, исходя из того, что семейные участки не могли свободно отчуждаться, считает возможным говорить только лишь о пользе и общинной земле. Частная собственность в докапиталистических формациях далеко не всегда могла быть свободно отчуждаема: ее главным признаком было не право отчуждения, а монопольное распоряжение ею, дававшее возможность эксплуатации человека человеком⁸⁰.

Конечно, история знает немало случаев, когда общинное землепользование или коллективное пользование пастбищами сохранялись в рабовладельческом или в феодальном обществе, доживая до эпохи капитализма. Но тогда общинное землепользование являлось лишь реликтовой формой, облекавшей феодальную или иную частную собственность. Поэтому во всех случаях с возникновением частной собственности на внешние условия труда первобытная соседская община, которая, «будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации»⁸¹, перестает быть первобытной, вступает в классовое общество и здесь соответствующим образом видоизменяется.

На последнем, третьем этапе развития первобытного общества в связи с появлением частной собственности и распадом экономически монолитной первобытной родовой общины меняется специфика организации производственного коллектива. В состав патриархальной семьи включились

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 688.

⁷⁸ Л. Потапов, Указ. раб.

⁷⁹ Ю. П. Аверкиев, Рабство у индейцев Северной Америки, М.—Л., 1941, стр. 37—38.

⁸⁰ См. дискуссию по указанной выше книге М. В. Калганова в журнале «Коммунист», 1954, 8, стр. 125.

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 695.

патриархальные рабы, что нарушило исключительно родственную в прошлом организацию производственного коллектива. В еще более широком и принципиальном плане бывшее совпадение производственных отношений с естественно-родственными нарушилось в соседской общине: «Земледельческая община» была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»⁸². Это новое явление не было, конечно, случайным. Дело в том, что широкие отношения родства, составлявшие стихийно возникшую форму производственных отношений в первобытной родовой общине, на новом этапе развития превратились в обузу, своего рода тормоз развития производительных сил. Отношения родства и связанные с ними обязанности родовой взаимопомощи препятствовали свободному накоплению имущества, становлению частной собственности, расслоению общества на богатых и бедных, — иными словами, всем тем прогрессивным началам, которые должны были прийти на смену примитивной первобытной уравнительности. Поэтому «власть этой первобытной общины должна была быть сломлена»⁸³. Едва ли можно найти к этому положению более яркую иллюстрацию, чем титул IX «Салической Правды» — «О желающем отказаться от родства», где говорится о богатом человеке, не желающем нести материальной ответственности за своих родственников и поэтому формально порывающем родственные связи. О переплетении этих родственных связей с соседскими свидетельствуют другие титулы «Салической Правды»: XLV — «О переселенцах» и LVIII — «О горсти земли». Как известно, порядки, отраженные всеми этими титулами, гораздо древнее редакции «Салической Правды».

Аналогичные порядки, т. е. стремление богатых людей уйти подальше, обособиться от своих бедных сородичей, засвидетельствованы Б. О. Долгих у якутов района озера Есая, эвенков района Эконгда.

Явившиеся на смену родовым связям связи соседские больше соответствовали содержанию новых производственных отношений. Соседские отношения позволяли всегда, когда это было нужно, кооперировать труд входивших в общину семейств и в то же время не препятствовали накоплению собственности: с сородичем нужно было делиться безвозмездно, соседу же давали в долг и обычно не без выгоды для себя. Поэтому соседские связи, дававшие удобную форму производственным отношениям эпохи, прочно держались до тех пор, пока такие порядки, как уравнилельный передел и общинная регламентация (например, ограничение права продажи сельскохозяйственных продуктов в немецкой гмине), не пришли в противоречие с дальнейшим развитием частной собственности.

* * *

Все изложенное приводит нас к следующим выводам.

В начальный период развития человечества — эпоху первобытного стада — формируются коллективная собственность на основные средства производства и личная собственность на ручные орудия труда. Ведущей, прогрессивной является в это время коллективная форма собственности, которая одна только может обеспечить существование человека при крайне низком уровне развития производительных сил. С развитием и укреплением коллективной собственности первобытное человечество вступает во вторую, основную эпоху своего развития — эпоху первобытной родовой общины. Существующая на этом этапе личная собственность не противостоит коллективной: она образует с ней неразрывное единство, является одной из конкретных форм ее существования. Однако с дальнейшим ростом производительных сил, породившим

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 694.

⁸³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи., стр. 101.

известные возможности для частного, парцеллярного присвоения, а затем и получения прибавочного продукта, личная собственность превращается в частную. Становясь ведущей, прогрессивной формой, последняя вступает в борьбу с коллективной собственностью — теперь уже не родовая, а соседская. Первобытное человечество вступает в третью и последнюю эпоху своего существования — эпоху первобытной соседской общины, являющуюся «переходным периодом от общей собственности к частной собственности»⁸⁴.

Указанные здесь основные этапы периодизации истории первобытного общества не являются новыми. Родовая и соседская общины как этапы развития первобытного общества были выделены Марксом в черновике его писем к В. Засулич; стадо как этап, предшествовавший первобытной общине, выделен Лениным в письме к М. Горькому. И первобытное стадо и первобытная родовая община так или иначе фигурируют как основные эпохи первобытной истории во всех серьезных вариантах периодизации предложенных советскими историками (С. П. Толстов⁸⁵, П. П. Ефименко⁸⁶, М. О. Косвен⁸⁷). В настоящей статье мы лишь попытались дать дополнительное обоснование — со стороны форм собственности — это периодизации Маркса — Ленина.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 681.

⁸⁵ С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества.

⁸⁶ П. П. Ефименко, Указ. раб., стр. 16.

⁸⁷ М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, «Советская этнография», 1952, 3; его же, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 9.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

М. Г. РАБИНОВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ БЫТА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РУСИ В XI—XVII вв.

(По материалам археологических раскопок в Москве в 1946—1951 гг.)

Быт средних и беднейших слоев городского населения Руси, в особенности в период после монгольского нашествия, еще далеко не достаточно изучен. А между тем, жизнь горожан-ремесленников, непосредственных производителей материальных благ, на чьем труде покоилось развитие феодальных городов, которые Энгельс называет «наиболее ярким цветком средневековья», представляет для нас особый интерес.

В древних письменных источниках мы найдем очень мало сведений о жизни простых людей. Это и понятно, так как летописи посвящены преимущественно политическим событиям и лишь изредка упоминают о жизни народных масс. Обильный актовый материал, вновь изданный недавно в нескольких сборниках документов¹, отражает преимущественно земельные и правовые отношения и лишь изредка содержит материалы о домашнем быте крестьян и горожан. Писцовые книги различных областей Московского государства и переписные книги городов, хотя и говорят преимущественно о крестьянах и горожанах, но вследствие своих специфических задач содержат лишь сведения, необходимые для налогового обложения — размер крестьянской пашни, а в городе — положение двора и его население.

Несколько больше материала для нашей темы дает исследование древних рисунков (прежде всего — миниатюр «лицевых» летописей и житий «святых»). Но и здесь показан преимущественно быт светских и духовных феодалов. Мы можем увидеть, например, пришещенную комнату княжеского дворца² или монастырскую поварню³, но не найдем изображения внутренних помещений дома рядового горожанина или крестьянина. Яркую картину быта богатого русского дома в XVI в. дает знаменитый «Домострой».

Бедностью письменных источников и недостаточной разработанностью археологических материалов можно в какой-то мере объяснить отсутствие сколько-нибудь значительных работ по истории быта народных масс в дореволюционной русской исторической литературе. Достаточно сказать, что задуманный одним из крупнейших исследователей, родоначальником

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв., М., 1950; Акты феодального землевладения и хозяйства, М., 1952.

² Кенигсбергская летопись, листы 96-об., 107 и др.

³ Житие Антония Сийского, лист 276.

так называемого «историко-бытового» направления в русской историографии, И. Е. Забелиным многотомный труд «Домашний быт русского народа» вылился в два тома — «Домашний быт русских царей» и «Домашний быт русских цариц». Однако и самая неразработанность источников по истории быта простых людей является также следствием недостаточного интереса историков к этой стороне русской жизни. Почти не было попыток собрать даже те скудные сведения, которые имелись в письменных источниках, а из богатых археологических материалов выбирались преимущественно роскошные вещи, характеризовавшие быт высших слоев населения. И только этнографы занимались в какой-то мере бытом русских крестьян, хотя гораздо больше внимания уделяли быту других народностей.

Советские историки и археологи много поработали над изучением средневековых русских городов. Огромный материал, накопленный еще до Великой Отечественной войны, позволил по-новому осветить ряд важных проблем русской истории и прежде всего — проблему развития русского ремесла, достигшего в эпоху средневековья высокого уровня. Много было сделано и для изучения жизни народных масс. Уже в 1929 г. вышла небольшая работа В. Ф. Ржиги «Очерки по истории быта домонгольской Руси», а в 1949—1950 гг. — двухтомная «История культуры древней Руси», включающая и исследования вопросов быта — жилища, пищи, одежды, утвари и т. п. — преимущественно городского населения. Но эти исследования охватывают лишь период до монгольского нашествия, т. е. до середины XIII в. История же быта русского народа в период с XIII по XVII в. остается мало освещенной в нашей исторической литературе. Нужно сказать, что здесь сыграло большую роль стремление нашей археологической науки исследовать преимущественно памятники древней Руси (IX—XIII вв.), оставляя без должного внимания памятники более поздние. В результате получилось, что жизнь русского города в XIII—XVII вв. известна нам гораздо хуже, чем период более ранний, хорошо изученный археологически, и более поздний, хорошо изученный по обильным письменным источникам.

Большие археологические раскопки, проведенные в 1946—1951 гг. в Москве, дали новый богатый материал о жизни и быте преимущественно средних и беднейших слоев городского населения. Исследованы были два крупнейших ремесленных района столицы — устье р. Яузы и Зарядье, где богатые люди — дворяне, купцы, бояре — стали селиться только с конца XV в.⁴ Открытые при раскопках сооружения и множество предметов материальной культуры, найденных непосредственно среди этих сооружений, позволяют составить довольно полное представление о быте москвичей в XI—XVII вв. Нужно сказать, что более ранние горизонты культурного слоя Зарядья (XI—XIII вв.) довольно бедны находками бытовых предметов, так как наши раскопки охватили самую окраину тогдашнего города. Поэтому основная масса собранных при раскопках коллекций характеризует жизнь Москвы в XIII—XVII вв. Некоторые выводы, касающиеся устройства жилища и застройки городской усадьбы, уже опубликованы нами в настоящем журнале⁵. В предлагаемой статье мы попытаемся осветить некоторые стороны быта посадских людей — их подсобные занятия и домашний обиход, пользуясь в основном материалами раскопок в Москве и привлекая для сравнения результаты раскопок в других русских городах и этнографические материалы.

⁴ Публикацию материалов раскопок см.: М. Г. Рабинович, Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье р. Яузы, МИА СССР, 12, М., 1949; Его же, Археологические исследования Московского посада, «Вопросы истории», 1951, № 5; Его же, Материалы по истории Великого Посада Москвы, Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы, вып. V, М., 1954; М. Г. Григорьев, Древняя Москва, сб. «По следам древних культур. Древняя Русь», М., 1953.

⁵ М. Г. Рабинович, Дом и усадьба в древней Москве, «Советская этнография», 1952, № 3.

* * *

Подавляющее большинство москвичей занималось различными ремеслами и торговлей. Это относится и к людям свободным, и к людям зависимым от многочисленных светских и духовных феодалов. Однако, особенно для ранних периодов истории Москвы (XI—XV вв.), характерно то обстоятельство, что горожане еще не порвали полностью с сельским хозяйством. В древнейших горизонтах культурного слоя (XI—XIII вв.) найдены бывшие в употреблении сельскохозяйственные орудия — серпы, коса-горбуша (рис. 1, 1, 3 *). Почти целый серп найден под фундаментом Китайской стены, глубоко врытом в культурный слой. Но находки серпов, свидетельствующие о земледелии, немногочисленны и все относятся к домонгольскому времени. В более поздний период существования Москвы орудия пахоты выделялись московскими ремесленниками уже только для продажи в деревню. Об этом говорит находка парных сошников для двузубой сохи (рис. 1, 2), никогда не бывших в употреблении и явно сделанных для продажи окрестным крестьянам. Земледельческие орудия, находимые в слоях XIII—XVII вв., свидетельствуют о широком распространении огородничества. Почти во всех открытых при раскопках усадьбах найдены деревянные и металлические части таких орудий — железный наконечник мотыги (рис. 1, 7), деревянные зубья от граблей, «бойки» для посадки капусты (рис. 1, 8), железные оковки и деревянная основа лопаты (рис. 1, 4—6). Лопаты с деревянной основой и металлической оковкой края изображены и на древних рисунках⁶.

Среди находимых при раскопках семян много семян огурцов и тыквы. В письменных источниках по истории Москвы нередко встречаются упоминания огорода и специально «капустника»⁷. Павел Иовий, писавший свою книгу о Московии в XVI в. по рассказам москвича Дмитрия Герасимова, также сообщал, что «почти все дома имеют при себе отдельные сады как для пользования овощами, так и для удовольствия»⁸. Развитие огородничества в городе обуславливалось, конечно, стремлением жителей обеспечить себя дешевыми съестными припасами и создать запасы их на зимнее время. Характерно, что зерна огурцов были найдены прилипшими к днищу бочки в погребе одного из домов. Различные соленья составляли, как видно, важную часть пищевого рациона горожан.

Что касается находимых в Москве в большом количестве зерен ржи, пшеницы, ячменя, проса и гречихи, то у нас нет определенных данных о том, что эти злаки возделывались жителями самой Москвы. Скорее можно думать, что это зерно привозилось из окрестных или более отдаленных земель.

Хлеб привозился и продавался на московском рынке, очевидно, в виде зерна, а не молотый. Размол его производился в самом хозяйстве. В XVI в. в Москве было множество водяных мельниц, принадлежавших преимущественно крупным феодалам. Одна мельница на р. Неглинной принадлежала самому князю — Василию III⁹. Возможно, что этими мельницами могли (или, как в Западной Европе, обязаны были) на известных условиях пользоваться и рядовые горожане, но частые находки в

* Все предметы, изображенные на рисунках, хранятся в Музее истории и реконструкции г. Москвы. На всех рисунках контурными линиями показаны реконструированные части предметов.

⁶ Никоновская летопись, Лаптевский том, л. 210-об.

⁷ «Дополнения к актам историческим», т. I, СПб., 1846, стр. 6.

⁸ Павла Иовия Новокомского книга о посольстве Василия Великого государя Московского к папе Клименту, СПб., 1908, стр. 263.

⁹ П. В. Сытин, История планировки и застройки Москвы, Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы, вып. 1, М., 1950, стр. 50.

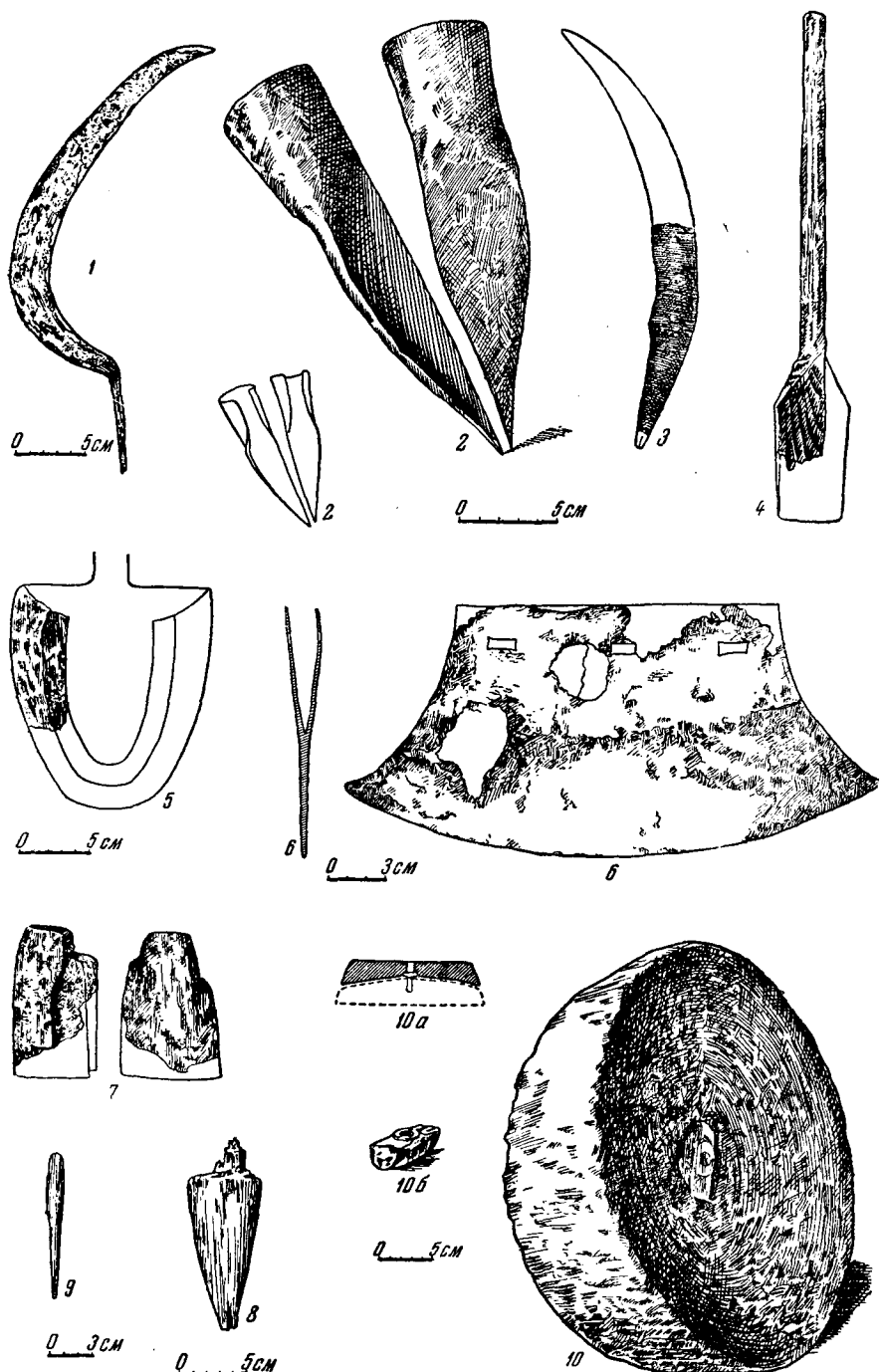

Рис. 1. Земледелие, огородничество, размол зерна: 1 — серп, 2 — сошники, 3 — косы, 4 — деревянная основа лопаты, 5, 6 — железные оковки лопат, 7 — наконечники мотыги, 8 — деревянная «бойка» для посадки капусты, 9 — деревянный зуб стиральной доски, 10 — каменный верхний жернов от ручной мельницы, 10а — схема ручной мельницы, 10б — деревянная «порхлица» жернова

различных местах Москвы ручных жерновов и их частей позволяют предположить, что горожане (по крайней мере те, кто не жил на земле феодалных владельцев) имели в своем хозяйстве небольшую ручную мельницу. Ручная мельница состояла из пары жерновов диаметром 40—60 см — нижнего, неподвижного, и верхнего, вращаемого рукой при помощи различных приспособлений. Жернова эти могли быть деревянными (как имеющиеся в Государственном историческом музее, зал XXIII, или как обнаруженные Г. С. Масловой в 1948 г., в дер. Федорово Архангельской обл.¹⁰), но при раскопках мы находили только каменные жернова и их части. Особенно интересен найденный в Зарядье целый верхний жернов XV в. с великолепно сохранившейся деревянной «порхлицей» — втулкой, в которую упиралась ось, проходившая через нижний жернов (рис. 10а, б). Ось эта могла быть также деревянной, но позднее у каменных ручных мельниц оси и порхлицы были железными. Зерно засыпалось в ручную мельницу, очевидно, сверху, через отверстие в центре жернова, поверх порхлицы, а размолотая мука высыпалась, отбрасываемая центробежной силой, по краям жернова.

Охота, повидимому, не играла почти никакой роли в жизни рядового москвича. Среди многих десятков тысяч костей животных, найденных в культурном слое Москвы, насчитываются буквально единицы костей диких животных — лося, зайца, бобра. Такую же картину можно наблюдать и в других городах. Очевидно, горожане употребляли в пищу почти исключительно мясо домашних животных. Возможно, что им была просто запрещена охота, составлявшая привилегию феодалов. На эту мысль наводят не только известные аналогии с Западной Европой (в частности с Англией) и упоминания письменных источников об обязанностях крестьян участвовать в охоте феодалов в качестве загонщиков¹¹, но, главным образом, факт находки в феодальном замке Гродно в Литве огромного количества костей диких животных при значительно меньшем числе костей домашних животных¹².

Чаще всего в культурном слое Москвы встречаются кости коровы, на втором месте — свиньи, на третьем — лошади, на четвертом — овцы и козы. Лошадь употреблялась только для транспорта и как тягловая сила для простейших машин (например, для построенной в начале XVII в. водоподъемной машины в Кремле). Шкуры лошадей шли для кожевенного производства. В. И. Цалкин, исследовавший кости животных из раскопок в Москве, установил, что и крупный рогатый скот, и лошади в большинстве принадлежали к мелким породам и обладали тонкой шкурой, весьма ценной для кожевенного производства. Сравнительное обилие конских костей и их раздробленность заставляют предположить, что в трудные времена лошадь употреблялась и в пищу.

О значительной роли молочных продуктов в пищевом рационе горожан говорят частые находки мутовок для сбивания масла, сделанных весьма остроумно из сучковатых ветвей ели (рис. 2, 2), сосудов со сливом у горлышка (рис. 2, 1), предназначенных, очевидно, для приготовления творога, а также упоминание в письменных источниках сыра (как в значении «творог», так и в нашем современном значении этого слова).

В качестве подсобного занятия большую роль играло рыболовство. Различные части рыболовных снастей являются едва ли не самой частой находкой в культурном слое Москвы. Больше всего встречается грузил (рис. 2, 4, 5, 6) — маленьких для леси удочки и больших — для сетей. Ча-

¹⁰ Архив Северо-русской экспедиции под руководством Г. С. Масловой, № 30, рис. 121.

¹¹ Акты исторические, т. I, СПб., 1841, № 176, стр. 339.

¹² В. И. Цалкин, Фауна из раскопок в Гродно, МИА СССР, 41, М., 1954, стр. 211.

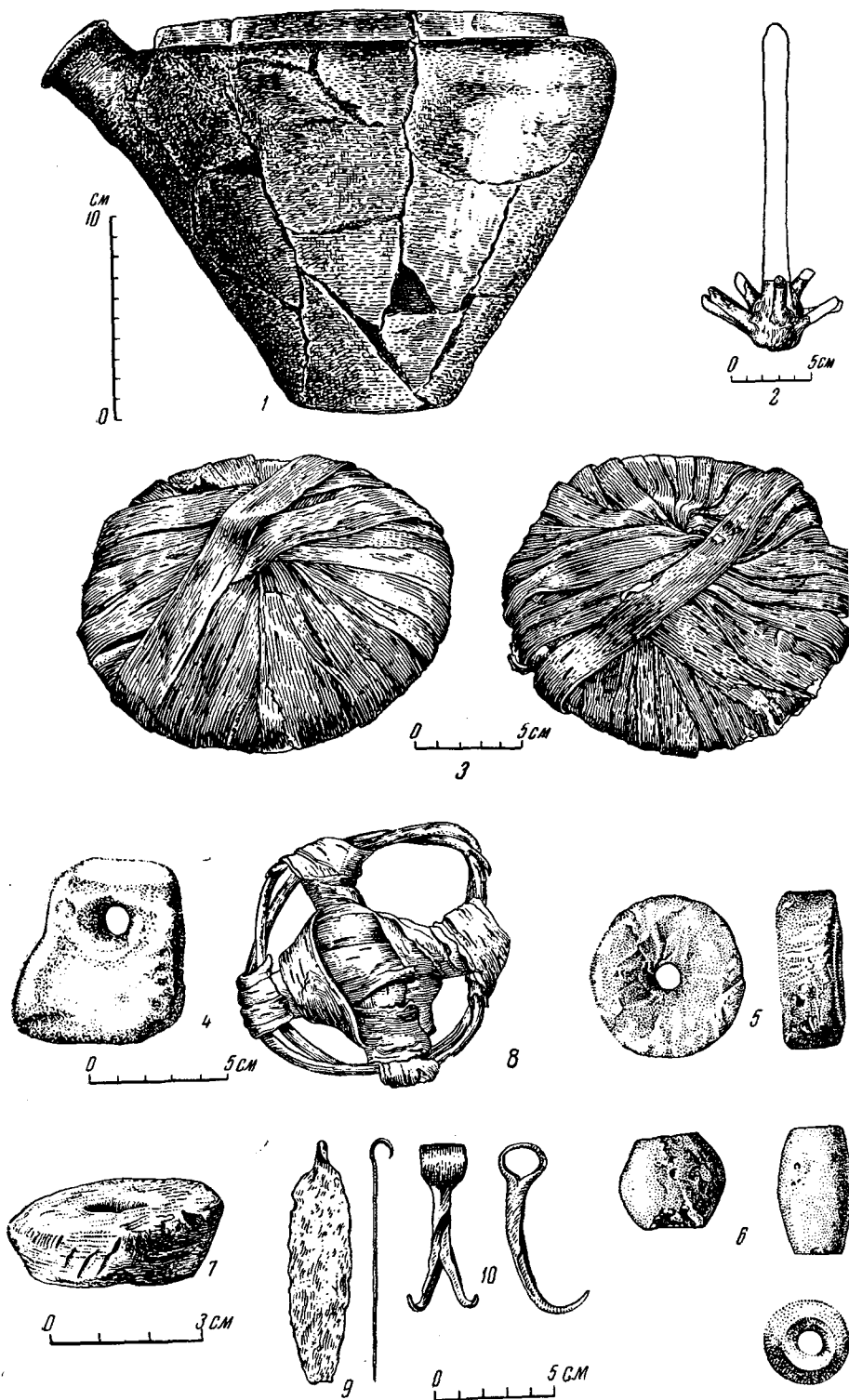

Рис. 2. Животноводство и рыбная ловля: 1 — глиняный сосуд для заквашивания молока, 2 — деревянная мутовка для сбивания масла, 3 — деревянные, обмотанные берестой поплавки для сетей, 4, 5 — каменные грузила, 6 — керамические грузила, 7 — деревянный поплавок для лесы, 8 — грузило из камня, обмотанное берестой, 9 — блесна, 10 — крючок для подвешивания рыбы

ще всего они глиняные, обожженные, в виде двух усеченных конусов, соединенных основаниями, с круглым каналом посередине. Встречаются также грузила плоские с отверстием в одном из краев, круглые и шарообразные. Для сетей употреблялись также грузила, сделанные из камня, обернутого берестой (рис. 2, 8). Поплавки для лесы и сетей обычно представляли собой куски свернутой в трубку бересты. Такие поплавки до сих пор употребляются рыбаками в окрестностях Новгорода. На сеть надевается несколько десятков их. Маленькие поплавки, вырезанные из кусков дерева или толстой коры, служили для ловли удочкой, большие (диа-

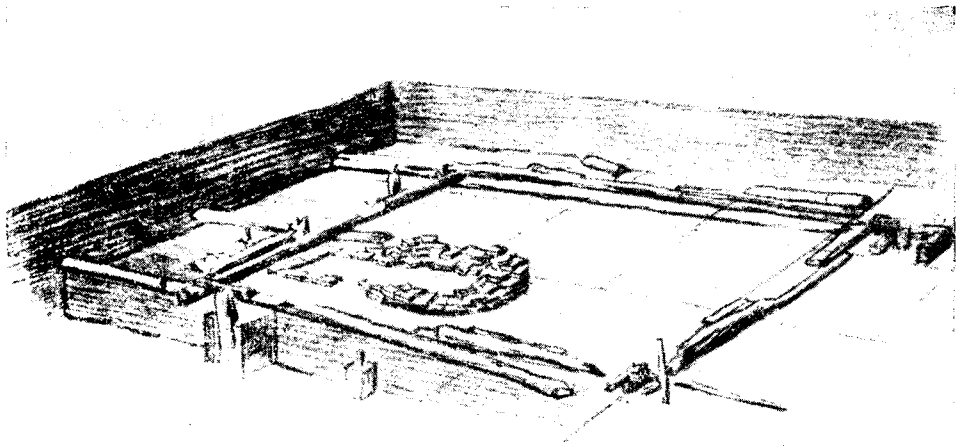

Рис. 3. Остатки рыбокопильни XVI в. Видна круглая печь с копильной камерой

метром до 12 см), сделанные из куска дерева и обмотанные берестой, так что по виду они напоминают волчки, употреблялись для сетей. Найдена также блесна, по величине и форме почти тождественная употребляющейся повсеместно и в наше время (рис. 2, 9). Ловля рыбы удочкой и сетями была широко распространена в Москве в течение всего рассматриваемого нами периода, как, вероятно, и во всех русских городах. Интересно, что одна из фигурных заглавных букв новгородской псалтири XIV в. («М») изображает двух рыбаков, тянущих в разные стороны сети и препирающихся между собой. В сетях нарисована пойманная рыба¹³. Рыболовство было важным подспорьем в хозяйстве горожанина, но иногда оно имело и промысловое значение. Рыбу, как видно, коптили впрок. При раскопках в Зарядье открыта рыбокопильня XVI в. — бревенчатое здание размером 4,5×6 м, с круглой печью в юго-западном углу (рис. 3). Печь снабжена особой копильной камерой. Найдены при раскопках и небольшие железные крюки для подвешивания рыбы (рис. 2, 10).

Одним из важнейших домашних занятий было изготовление тканей и шитье одежды. Хотя горожане имели возможность покупать на рынке привозные ткани и готовую одежду или отдавать одежду («порты») мастерам-портным, которые известны в русских городах по писцовым книгам XV в.¹⁴, широкие слои городской бедноты вынуждены были носить одежду домашнего изготовления. Почти в каждом доме женщины пряли нити из льняного и шерстяного волокна, ткали из них материю и шили одежду.

¹³ В. В. Стасов, *Славянский и восточный орнамент*, СПб., 1887, табл. XXI, рис. 6.

¹⁴ *Новгородские писцовые книги*, т. I, стр. 682; т. IV, стр. 109 и др.

О разведении технических культур и обработке их волокна в хозяйств москвичей говорят находки в культурном слое XV в. семян коноп.

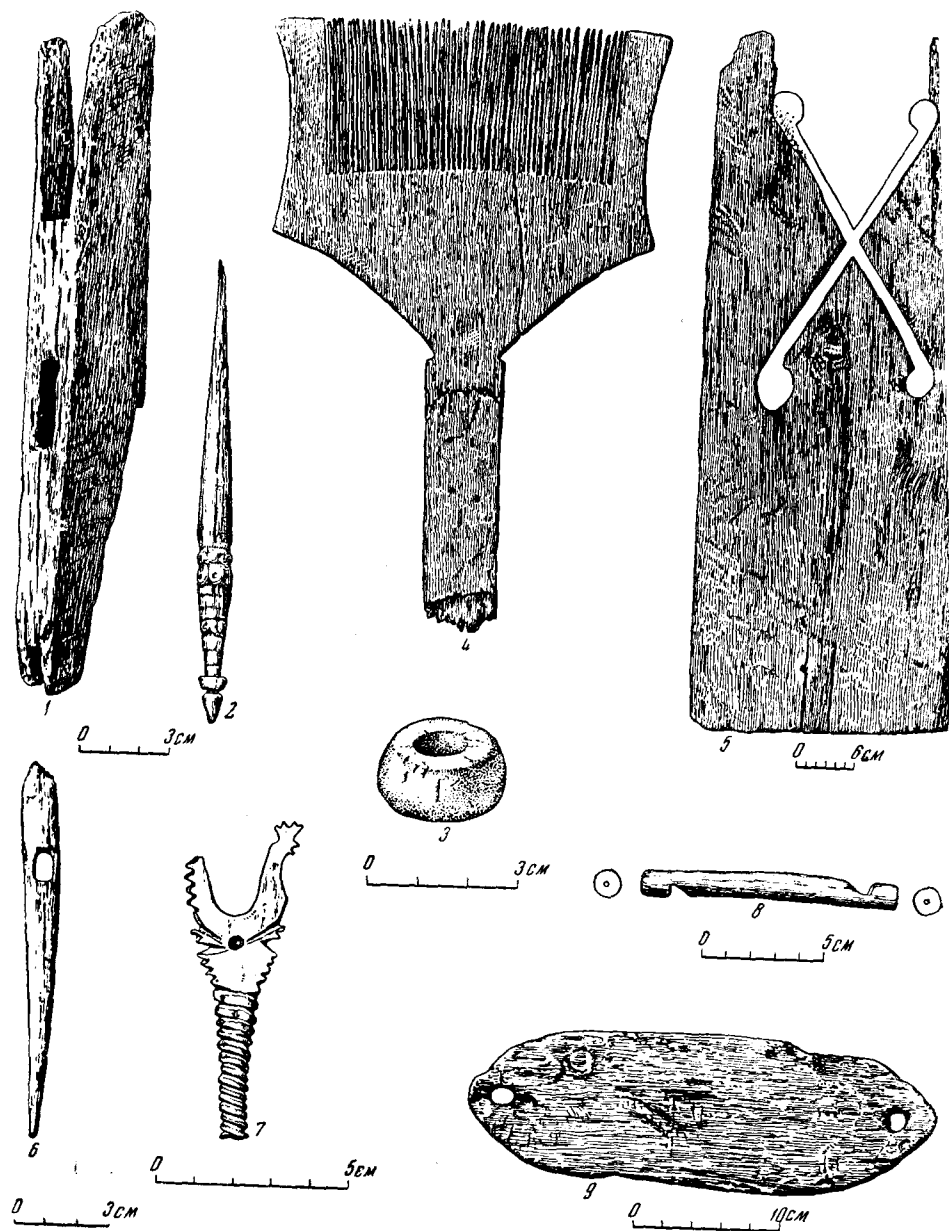

Рис. 4. Обработка волокна, прядение, ткачество, шитье: 1 — часть льномялки, 2 — веретено, 3 — шиферное пряслице, 4 — гребень от прялки, 5 — часть ткацкого станка (?), 6 — игла для плетения, 7 — костяная шпилька от прялки, 8 — «юрок» для наматывания ниток, 9 — педаль от самопрялки

и находка в усадьбе XVI в. части льномялки (рис. 4, 1), очень похожей на современные приспособления для той же цели¹⁵.

Очень много найдено в Москве грузиков для веретен — так называемых «пряслиц». Эти грузики, служившие своеобразными маховичками,

¹⁵ Аналогичные части льномялки нам случилось видеть в 1950 г. в дер. Тушков Городок Можайского района Московской обл. в доме колхозницы Е. В. Сидоровой.

обеспечивавшими ровное вращение веретена, а стало быть, и ровную нить, встречаются одинаково часто и в XI и в XVII вв. В самых нижних горизонтах культурного слоя найдено два пряслица из розового шифера, сделанных в овручских или киевских мастерских¹⁶. Большинство же пряслиц местного изготовления. Это — глиняные, реже костяные сферические грузики диаметром до 2 см, с круглым каналом в центре для надевания на веретено. Часто женщины сами делали пряслицы, употребляя для этого черепки разбитой посуды. Черепок грубо обтачивали на камне, придавая ему круглую форму, а в центре просверливали отверстие для веретена. Хорошая сохранность дерева в культурном слое Зарядья позволила найти и самое веретено (рис. 4, 2). Оно тщательно сделано из дерева и украшено резьбой. На конце имеется утолщение, заменяющее пряслице, как и у современных веретен.

В слое XIII — XIV вв. найден деревянный гребень для расчесывания льна. В нем 33 зуба. Длина гребня 12 см. Спинка его снабжена рукоятью с выемом для руки и двумя выступами по краям, напоминающими так называемые «конские головки» — характерное украшение древнерусских гребней¹⁷. Среди развалин дома, сгоревшего в 1468 г., найден деревянный вертикальный гребень от прялки (рис. 4, 4). В нем 46 зубьев. Ширина его 15 см. Длина зубьев 6 см. Подобные гребни встречались в русской деревне еще в XIX в.

Материалы раскопок позволяют предположить, что уже в XV в. в Москве распространяется самопрялка с ножным приводом. Несколько раз найдены деревянные педали от самопрялок. Это — дощечки овальной формы с насечками, чтобы не скользила нога, и с отверстиями по концам для прикрепления к приводу колеса (рис. 4, 9). И в устье р. Яузы, и в Зарядье найдены костяные шпильки от самопрялок. Они представляют собой костяной стержень, укрепленный в верхней части как бы винтовой нарезки (рис. 4, 7). Навершие шпильки сделано в виде фигуры петушка с поднятыми головой и хвостом (между ними и проходит волокно) и с одним или четырьмя отверстиями под туловищем птицы. Эта форма шпилек очень распространена в городах древней Руси. Обе шпильки, найденные в Москве, датируются XV в. В слое того же времени в Новгороде на Славенском холме найдена костяная шпилька, по форме совершенно сходная с описанными выше московскими¹⁸. Рисунки аналогичных шпилек изданы Н. Д. Полонской в ее атласе по русской истории¹⁹. Самопрялки, бытовавшие в деревнях Московской губ. в конце XIX в., имели шпильки, похожие на древние. Подобную самопрялку нам случилось видеть в 1950 г. в дер. Тушков Городок Можайского района Московской обл. у 60-летней колхозницы Е. В. Сидоровой, получившей ее в наследство от своей матери. Прялка стояла без употребления уже ряд лет.

Нам не удалось найти определенных деталей ткацкого станка, за исключением доски с вырезом в виде буквы «X» (рис. 4, 5), найденной в хозяйственной постройке усадьбы XVI в.; она, по мнению некоторых исследователей, могла принадлежать ткацкому станку. Однако ткацкий стан (по всей вероятности, горизонтальный) был хорошо знаком москвичам.

Находимые при раскопках в Москве остатки одежды XV — XVI вв. очень немногочисленны. Это — пояса, связанные из шерстяных нитей (за-

¹⁶ Б. А. Рыбаков, *Ремесло древней Руси*, М., 1948, стр. 467.

¹⁷ Л. А. Динцес, *Изучение русского народного искусства КСИИМК*, стр. 144; см. также В. А. Городцов, *Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве*, Труды Гос. исторического музея (ГИМ), вып. 1, М., 1928, стр. 32.

¹⁸ М. Г. Рабинович, *Гончарная слобода Москвы*, МИА СССР, 7, стр. 75; А. В. Арциховский, *Раскопки в Новгороде на Славне*, МИА СССР, 11, стр. 143; М. Г. Рабинович, *Археологические раскопки в Москве в 1948 г.*, КСИИМК, 44, М., 1952, стр. 120.

¹⁹ Н. Д. Полонская, *Историко-культурный атлас по русской истории*, вып. 2 Киев, 1913, табл. XVI, № 13.

частую разного цвета, так что получается узор из темных точек (рис. 5, 9) Ярkokрасный шерстяной пояс с таким узором из черных нитей находим среди коллекций из Рязанской обл. конца XIX — начала XX в. Встречены части грубой верхней одежды — обшлаг рукава, куски пол.

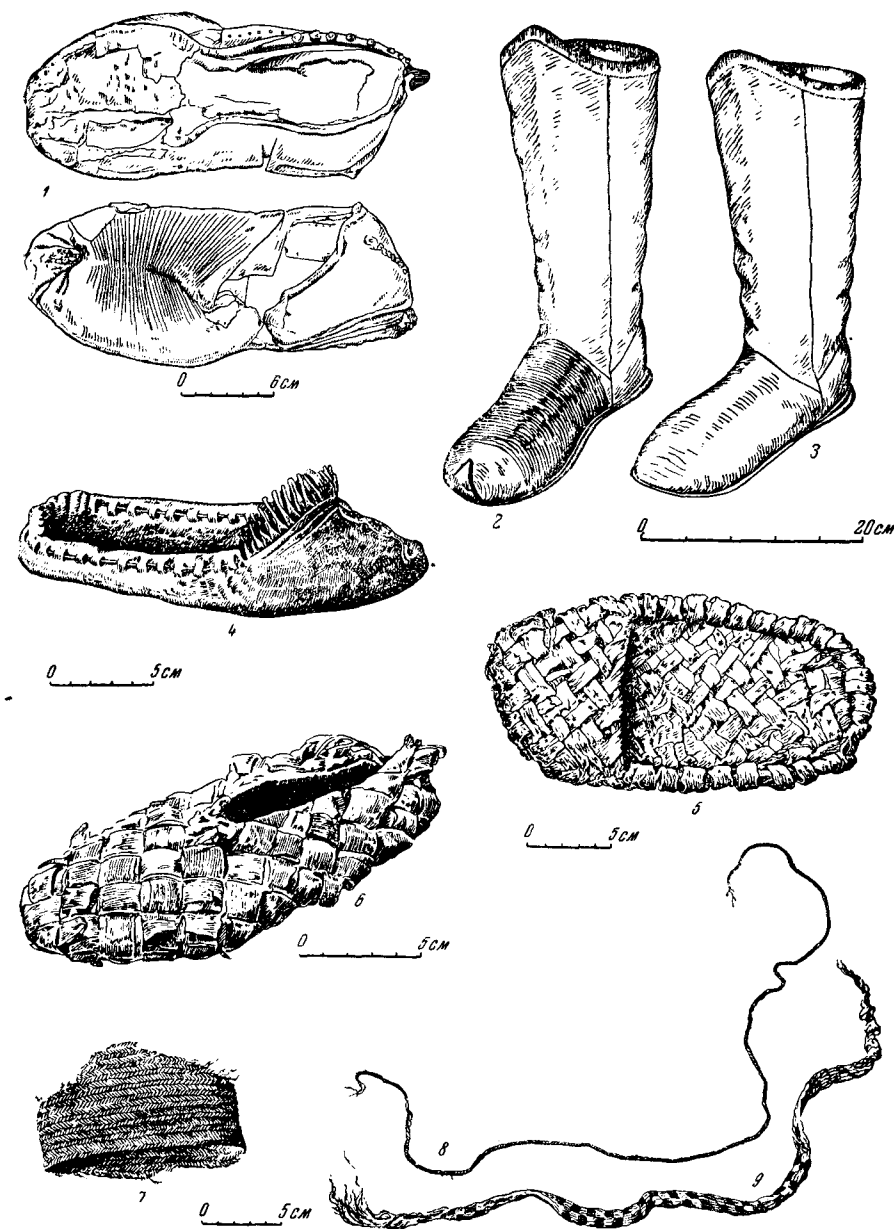

Рис. 5. Обувь и одежда: 1 — головка сапога с тисненым «передом», 2, 3 — сапоги (реконструкция Ю. П. Зыбина), 4 — «поршень» (кожаный туфель), 5 — лыковый лапоть, 6 — лапоть из кожи и лыка, 7 — обшлаг шерстяной одежды, 8, 9 — шерстяные пояса

Горожане очень берегли свою одежду, не бросали ее до полного износа, передавали по наследству. Этим и объясняется редкость находок частей одежды при археологических раскопках городов. Но если в нашем распоряжении нет самой одежды, то ряд находок говорит о ее домашнем шитье. Часты находки железных ножниц современной формы, служив-

ших, очевидно, для кройки. Однажды найдена даже часть больших, специально портновских ножниц, но большинство находок — обычные домашние ножницы. В древних слоях, относящихся к XI — XIII вв., находили костяные иглы с просверленным в тупом конце отверстием для вдевания нитки. В более позднее время, очевидно, применялись исключительно металлические иглы. Во всяком случае, в XVI в. среди профессий ремесленников, занимавшихся обработкой металла, названы и игольники, т. е. мастера, специально выделявавшие железные иглы, производством которых в особенности славилась Тверь²⁰. Что касается бронзовых игл, то употребление их на территории Москвы подтверждается находками, имеющими глубокую древность. Однако металлическая игла, по всей вероятности, была еще долгое время предметом роскоши, и женщины из небогатых семейств шили костяной иголкой до XII—XIV вв.

Производство обуви уже с XI — XII вв. было в Москве одним из наиболее развитых ремесел. Рассмотрение его — тема особой статьи, поэтому здесь мы ограничимся только указанием на то, что подавляющее большинство горожан носило кожаную обувь (сапоги, чоботы, поршни и т. п.), изготовлявшуюся городскими сапожниками. Дома делали только лапти, которые изредка попадают среди находок. Целые лыковые лапти найдены всего три раза — в усадьбе посадского в устье р. Язуы (XV в.) и дважды в Зарядье в слоях того же времени. Плетение их косое (см. рис. 5, 5, 6), какое наблюдалось в этих местах и в XIX в. В мастерских сапожников дважды найдены лапти с укрепленной кожаным плетением подошвой. Но надо сказать, что лапти составляют лишь незначительную долю процента среди всей обуви, которой найдено (считая и фрагменты) несколько тысяч экземпляров. Характерно, что в Новгороде на много тысяч находок кожаной обуви приходится также лишь единичные находки лаптей.

Итак, земледелие, огородничество, животноводство, рыболовство, домашнее производство тканей и одежды — вот основные подсобные занятия, игравшие важную роль в хозяйстве рядового горожанина-ремесленника.

С развитием товарно-денежных отношений эта роль несколько уменьшилась, так как усиливалось значение рынка в домашнем сбыходе горожан. Все больше продуктов покупалось на рынке, все меньше изготовлялось дома. В этом отношении горожанин-ремесленник шел впереди феодала, который, даже живя в городе, стремился обеспечить себя и съестными припасами из своих деревенских владений, и изделиями собственных мастеров. Но в XV — XVI вв. и феодалы все больше прибегают к рынку. Об этом красноречиво повествует, например, расходная книга церкви Успения во Пскове на Завеличье за 1531 г. Эта церковь владела землей и собирала с арендаторов третий, четвертый или пятый сноп, т. е. получала ренту продуктами, которые хранились в особом складе — «житной палате». Однако все необходимое как для богослужения, так и для нужд причта, вплоть до березовых ветвей и иной зелени, чтобы убрать церковь к троицыну дню, покупалось на городском рынке²¹.

Москва, к XVII в. уже становящаяся центром всероссийского рынка, была в этом отношении, конечно, впереди других русских городов.

* * *

В хозяйстве посадских людей Москвы немалую роль играло хранение тех небольших запасов съестных продуктов, какими располагало каждое, даже бедное семейство. Нам уже случалось упоминать, что непременною частью каждой московской усадьбы составлял погреб, ставившийся, как

²⁰ Б. А. Колчин, *Обработка железа в Московском государстве в XVI в.*, МИА СССР, 12, М., 1949, стр. 200—201, карта.

²¹ Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического об-ва (ЗОРСА), т. I, СПб., 1851, отд. III, стр. 1—3.

правило, отдельно от дома, в числе надворных построек²². Иногда небольшим погребом служил какой-либо крупный сосуд — деревянная бочка или глиняная корчага, вкапывавшиеся для этой цели в землю. Так, при работах на строительстве метрополитена на Метростроевской улице был найден врытый в землю большой горшок-корчага, диаметром 0,6 м, высотой 0,6 м, накрытый небольшим каменным жерновом²³. Этот своеобразный погреб XV в. принадлежал одному из домов находившегося здесь в ту пору с. Семцинского. Жерновом корчага была прикрыта для того, чтобы в нее не насыпалась земля, не проникали крысы, а отверстие в центре жернова обеспечивало необходимую вентиляцию²⁴. Для той же цели

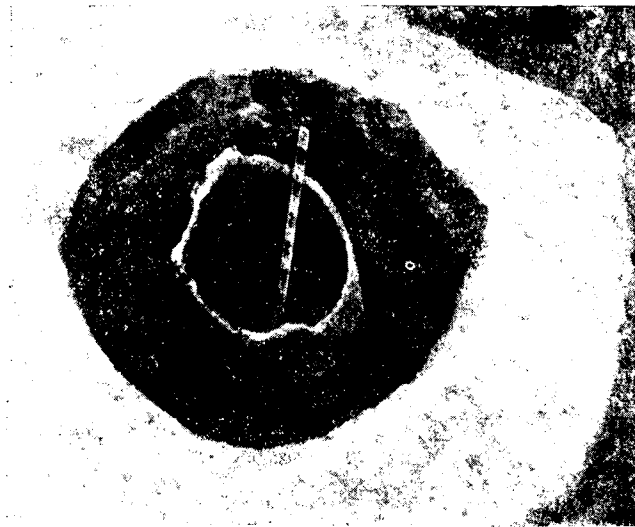

Рис. 6. Бочка-погреб XIVв.

могла предназначаться большая (диаметром 42 см) корчага, найденная в гончарной мастерской XIV—XV вв. в Зарядье (рис. 7, 1). К XIV в. относится открытый в Зарядье оригинальный погреб, представляющий собой также до верха врытую в землю большую (диаметром 1,10 м, высотой 1,20 м) бочку, выдолбленную из цельного ствола липы. Бочка сохранила форму пня (рис. 6). Вырезанного, как обычно у бочек, дна она не имела. Вместо него на дне ямы были положены доски. Крышка бочки не сохранилась.

Клепаные бочки, по конструкции не отличающиеся от современных, использовались в Москве для хранения самых разнообразных продуктов — как жидких, так и сыпучих. Найденные неоднократно в погребках большие деревянные пробки от бочек (диаметром 6—8 см; рис. 7, 3) свидетельствуют о хранении в них жидкостей — упоминаемых в летописях «медов»²⁵, пива и т. п. Найденный во дворе усадьбы, сгоревшей в 1468 г. бочонком с вырезанным в днище отверстием-«чопом» (рис. 7, 2) сохранил до наших дней резкий запах дегтя. Деготь, очевидно, доставали помазка-

²² М. Г. Рабинович, Дом и усадьба в древней Москве, стр. 60.

²³ А. А. Потапов, Древний погреб близ Крымской площади, Сб. «По трассе первой очереди Московского метрополитена», М., 1936, стр. 149.

²⁴ Хранение запасов во врытых в землю крупных глиняных сосудах широко распространено у ряда народов с глубокой древности до наших дней. Для этой цели служат, например, крупные среднеазиатские сосуды — хумы. В богатых кладовых их находят по несколько десятков.

²⁵ ПСРЛ, т. 25, М., 1949, стр. 207.

ми через «чоп» для смазывания телег и т. п. В подклете дома посадского человека XV в., открытом нами в устье р. Яузы, хранилось в бочках и бочонках различное зерно, приносимое в дом из погреба в небольшом ко-

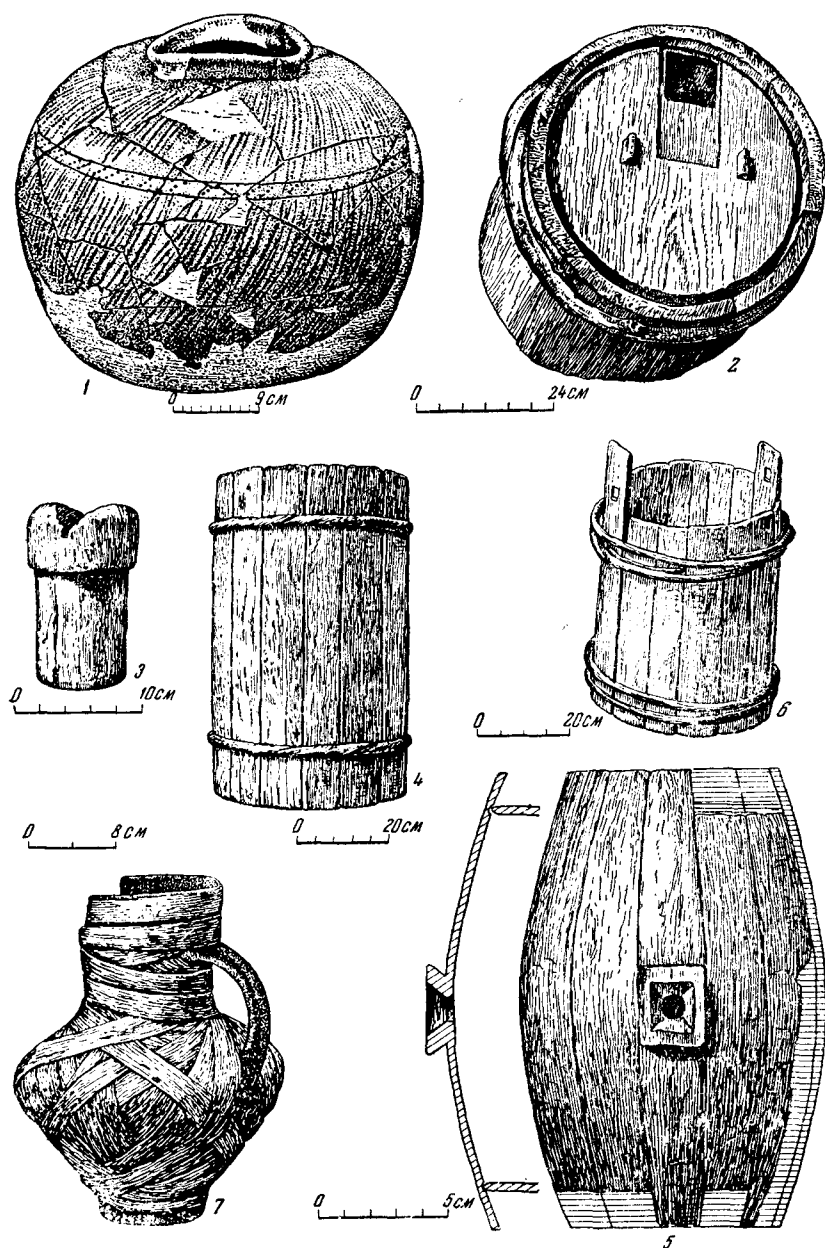

Рис. 7. Сосуды для хранения продуктов и поставания воды: 1—глиняная корчага, 2—бочонок для дегтя, 3—деревянная пробка от бочки, 4—клепаная бочка, 5—бочонок для вина (реконструкция), 6—деревянное ведро, 7—оплетенный берестой кувшин для доставания воды из колодца

личестве для текущих надобностей. Наконец, найденный при раскопках в Зарядье миниатюрный бочонок (диаметром 11 см, высотой 18 см; рис. 7, 5) служил для хранения какой-то дорогой влаги, всего вернее — вина.

Для хранения продуктов служили и обычные горшки. Во всяком случае, горшки, оплетенные берестой (рис. 8, 7), найденные при раскопках в Зарядье несколько раз, могли служить только для хранения, а не для приготовления пищи.

Большую роль в быту играли различные приспособления для доставания и переноски воды. Можно думать, что уже на очень ранней стадии развития города Москвы жители стали брать воду не только непосредственно из рек и иных водоемов, которыми изобиловала в те отдаленные времена территория Москвы, но главным образом из специально вырытых колодцев. Но первые колодцы, открытые на территории Москвы, относятся лишь к XV—XVI вв. Колодцы в то время существовали не только в высоких частях города, но и в низменном районе современного Зарядья, в непосредственной близости от Москвы-реки. Возможно, что в то время москвичи предпочитали питьевую воду из колодцев, употребляя речную воду для хозяйственных надобностей. Наиболее древний колодец (XV в. неглубок (до 1 м). Он закреплен вертикально вбитыми в землю березовыми горбылями. По положению этого колодца можно предположить, что он обслуживал две соседние усадьбы. В наше время столь несовершенное крепление применяется только для временных колодцев в лесной полосе. Колодцы XVI в. и более поздние закреплены деревянными срубам, рубленными обычно «в обло». В нижней части они расходятся шатром, создавая камеру, где накапливается вода²⁶. Иногда колодцы использовались в течение нескольких столетий, соответственно перестраиваясь и укрепляясь.

Старинные рисунки сохранили изображения московских колодцев с укрепленными на шарнирах длинными шестами для поднимания бадей (так называемые «журавли») возле них.

Сосуды, которыми черпали воду, были разнообразны. В Зарядье найдено несколько деревянных ведер (см. рис. 7, 6). Это расширяющиеся книзу (наподобие усеченного конуса) клепаные сосуды с деревянными обручами и ушками для ручки; ручка могла быть также деревянной или лыковой. Попадаются изредка и железные ручки от ведер. Такие ведра могли иметь и металлические обручи. Емкость единственного целого ведра, найденного при раскопках в Зарядье, — около 16 л., т. е. примерно в 1,5 раза больше емкости современного ведра. Деревянные ведра несколько меньших размеров, но сходные по форме с приведенными выше, употреблялись в северных великорусских деревнях еще в начале нашего столетия. Севернорусская экспедиция 1948 г. отметила такие ведра в одном из домов дер. Федорово Архангельской обл.²⁷

Значительнее чаще, чем ведра, употреблялись для доставания воды из колодцев глиняные кувшины. В старых колодцах находят множество таких кувшинов. В исследованных А. В. Арциховским двух колодцах XVI в. на Моховой улице найдено 13 кувшинов высотой от 26 до 35 см. При наших раскопках в устье р. Яузы в одном колодце XVII в. был найден небольшой кувшин, оплетенный берестой (рис. 7, 7), которая должна была предохранять кувшин от ударов о стенки колодца²⁸. Нужно думать, что еще в XVI—XVII вв. воду не только доставали, но и переносили главным образом в кувшинах. Тогда наряду с традиционным образом русской девушки, идущей по воду с коромыслом и ведрами, появится и образ девушки, несущей на плече кувшин, который сейчас мы обычно связываем с южными и восточными народами. На одной из древнерусских миниатюр с кувшинами на плечах изображены монахи.

²⁶ А. В. Арциховский, Находки в колодцах на Моховой, «По трассе первой очереди Московского метрополитена», стр. 134—135.

²⁷ Архив Института этнографии АН СССР, № 30, табл. 134.

²⁸ М. Г. Рабинович, Гончарная слобода Москвы, стр. 60.

Находимая при археологических раскопках посуда позволяет составить представление о различных сторонах домашнего быта москвичей. Со

Рис. 8. Глиняная и металлическая посуда: 1—4 — кувшины, 5 — кумган, 6—9 — горшки, 10 — бутылка-«кубышка», 11—15 — рукомынники и их части, 16 — фляга, 17 — медный ковш, 18 — медная чаша с чеканным орнаментом

временем несколько менялись формы сосудов, увеличивалось разнообразие их видов. В древнейший период (XI — XIII вв.) основной формой сосуда, наиболее употребительной в обиходе рядового населения Москвы,

был глиняный горшок²⁹. В горшках варилась пища в домашней печи, в них же она хранилась и подавалась на стол. Горшки XI—XIII вв. отличаются от более поздних богатством орнамента, покрывающего их плечи в виде полос, образованных прямыми и волнистыми линиями, оттисками разного рода штампов (рис. 8, б), а также тем, что они обычно плохо обожжены. Иногда горшки снабжались крышками.

Ели, по всей вероятности, из мисок, глиняных или деревянных. В Миске до настоящего времени еще не найдено ни целых мисок этого времени, ни их фрагментов, достаточных для реконструкции формы целого сосуда. Можно лишь предполагать, что миски были небольшого диаметра.

Рис. 9. Посуда, открытая в разрушенной печи дома ремесленника XIV в. Видны рухнувший свод печи, горшки и кувшин

низкие, с несколько вогнутым внутрь краем и волнистым орнаментом на наружной стенке. Изредка попадаются фрагменты кувшинов, покрытых зеленой глазурью. Эта богатая по тому времени посуда привозилась с Киевщины и была, очевидно, дорога, чем и объясняется редкость ее находок.

В XIII—XV вв. ассортимент посуды, употреблявшейся в быту рядовых горожан, становится богаче и разнообразнее. Правда, основным видом кухонной посуды попрежнему остается горшок. Горшки XIV—XV вв. и более поздние украшены много хуже горшков XI—XIII вв., имея на себе в лучшем случае орнамент из одной-двух прямых линий (рис. 8, в). Но они обожжены гораздо лучше и вообще в техническом отношении намного совершеннее старых. Кроме горшков, кухонной посудой служили в ту пору уже и глиняные «сковороды», напоминающие по форме современную кастрюлю, с ручкой в виде глиняной же втулки, в которую вставлялась деревянная рукоять. Изредка находят и плоские глиняные сковороды диаметром около 30 см., с укрепленным особым жгутом краем. За этот край их и вытаскивали из печи при помощи железного «чапельника» — ссысем такого, какой употребляется в деревнях еще и теперь. Железный чапельник также найден при раскопках. В развалинах печи дома ре-

²⁹ О технике производства и формах глиняных сосудов см. в нашей работе «Московская керамика», МИА СССР, 12, М., 1949.

месленника XIV в., открытого в Зарядье, найдены горшки и небольшой кувшин (рис. 9).

Наиболее дорогой столовой посудой, применявшейся, очевидно, главным образом в обиходе богатых москвичей, была металлическая. Духовные грамоты московских князей XIV—XV вв. упоминают драгоценную золотую и серебряную посуду. Впоследствии такой посуды становится все больше в обиходе царского двора³⁰. В собраниях Оружейной палаты, Государственного исторического музея и в других хранилищах можно увидеть множество драгоценных сосудов с надписями, свидетельствующими о принадлежности их царям и московским боярам. Средние слои московского населения пользовались дешевой оловянной и медной посудой. Такая металлическая посуда в XVI—XVII вв. делалась мастерами Таганной слободы, за Яузскими воротами Белого города. До нас дошли сосуды, явно изготовленные для продажи на рынке случайному покупателю. Так, на одном из них имеется надпись «Кунган доброго человека нити из него на здравье»³¹.

Кумган, или кунган, — сосуд в виде кувшина с длинным, как у кофейника, носиком. Известны также кувшины, ендовы (сосуды, напоминающие миски, но с узким носиком-сливом), вероятно, восточного происхождения, братины (большие чарки, по форме похожие на горшок), стопы или сулей (древние фляги), блюда и тарелки. Все эти сосуды, кроме блюд и тарелок, служили для разливания напитков и питья. Это была парадная столовая посуда. При раскопках в Зарядье в погребке дома XIV—XV вв. найдена чеканная медная чаша диаметром 12 см (рис. 8, 18). Подобные чаши еще недавно встречались на русском Севере. Так, медная ендова диаметром 21 см найдена Северо-русской экспедицией Института этнографии в 1948 г. в дер. Верховье Архангельской обл.³².

Но металлическая посуда была дорога. Средние и беднейшие слои городского населения, в особенности ремесленники, не могли ею широко пользоваться. Для удовлетворения вкусов этих слоев населения московские гончары стали выделывать глиняную посуду, поверхность которой благодаря лощению приобретала металлический блеск³³. Такие сосуды из красной глины, напоминающие медные, часто встречаются при раскопках в слоях XIV—XVI вв. Наиболее распространены были кувшины с прямым, несколько расширяющимся книзу туловом (рис. 8, 1), напоминающим усеченный конус. Известны также красные лощеные миски и богато орнаментированные горшки с крышками. В начале XVI в. наряду с красными стали делать и черные лощеные сосуды, блестящие как аспидная доска. Этот цвет достигался путем обжига лощеных сосудов в горнах при недостаточном доступе кислорода, благодаря чему красная окись железа восстанавливалась до серовато-черной закиси и сосуд из красной глины приобретал темносерый или черный цвет. Такая посуда еще более походила на металлическую. В быту рядовых москвичей она скоро получила широкое распространение и к середине XVI в. почти вытеснила красную лощеную посуду. Ассортимент черной лощеной посуды, бытовавшей до XVIII в., был разнообразен. При раскопках во множестве найдены кувшины, кумганы, бутылки-«кубышки», миски, блюда, кастрюли с ручками, реже — горшки, фляги, лохани, рукомойники и др. (всего 14 форм). Форма лощеных сосудов в большинстве случаев подражает металлическим кумганам, мискам и т. п. И те и другие сосуды имеют близкие аналогии в быту народов Кавказа и Средней Азии.

³⁰ К. В. Базилевич, Имущество московских князей в XIV—XVI вв., Труды ГИМ, вып. 3, М., 1926, стр. 5 и др.

³¹ Опись Оружейной Палаты, ч. II, кн. 3, М. 1884, № 9314, табл. 318.

³² Архив Института этнографии АН СССР, № 30, рис. 175.

³³ Техника лощения подробно описана нами в статье «Московская керамика», стр. 69.

Важное место в домашнем быту рядовых москвичей занимала деревянная посуда. Даже очень парадная столовая посуда могла быть деревянной. Об этом убедительно говорят покрытые художественной резьбой д

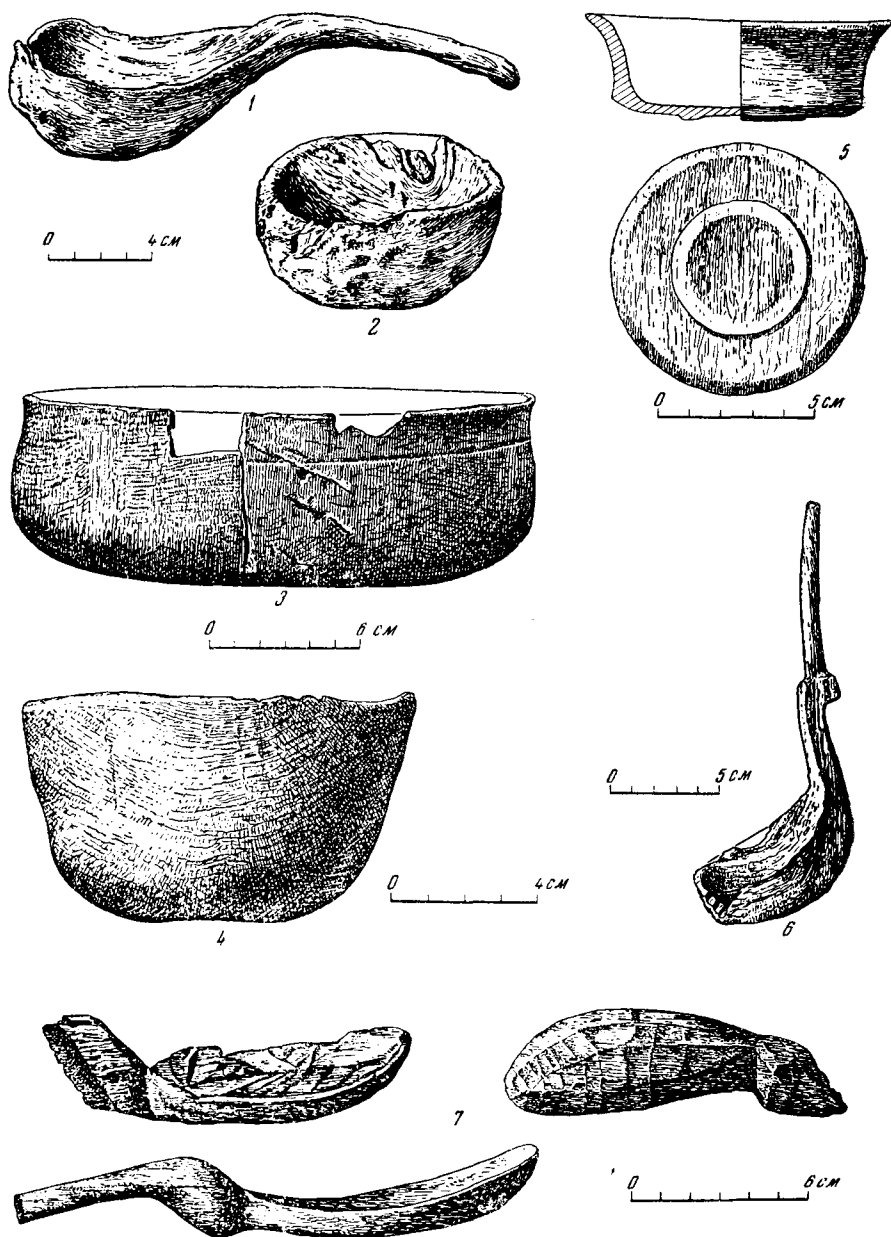

Рис. 10. Деревянная посуда: 1 — ковш, 2 — миска ручной работы, 3—5 — миски, сделанные на токарном станке, 6 — черпак, 7 — заготовка для ложки и готовая ложка

ревянные чаши из Новгорода XI — XII вв. На одном кубке — надписи «смова»³⁴. В Государственном историческом музее хранятся богато расписанные ковши разных размеров, но примерно одной формы — с высокими поднятыми носами, подражающие металлическим³⁵. При раскопках

³⁴ А. В. Арциховский, Раскопки в Новгороде, КСИИМК, 33, стр. 1.

³⁵ Государственный исторический музей, XVII зал.

в Москве деревянной парадной посуды пока не найдено, если не считать одной ложки со следами росписи. Все сосуды из Зарядья — обыденные. К XII—XIII вв. относится чаша диаметром 13 см, несколько расширяющаяся кверху. Она вырезана ручным способом из целого куска дерева. Есть и другая чаша ручной работы, полусферической формы (рис. 10, 2). Более поздняя деревянная посуда (XV—XVII вв.) в большинстве случаев сделана уже на токарном станке. На поверхности сосудов ясно видны круги — следы обточки. Деревянные миски и чашки XV—XVI вв. (рис. 10, 3—5) довольно разнообразны по форме и размерам. Здесь и полусферическая чашка диаметром 7 см с немного уплощенным дном, и прекрасно профилированная расширяющаяся кверху чашка с поддоном диаметром 13 см, и округлая, несколько суживающаяся кверху миска диаметром 17 см, с линейным орнаментом по краю. В Зарядье найдено также несколько плоских деревянных тарелок диаметром 17—20 см. На одной из них ясно видны следы порезов от срывавшегося ножа: на тарелке резали хлеб или мясо. Часто встречаются разных размеров ковши. Их обычно вырезывали от руки из куска дерева с сучком или из наплывов. Большинство ковшей имеет форму обращенного вершиной книзу усеченного конуса с прямой ручкой, но есть и более плоские и широкие ковши (рис. 10, 1).

В Зарядье в слоях XIV—XV вв. найдено несколько больших деревянных ложек-черпаков, служивших, очевидно, для разливания пищи (рис. 10, 6). По форме они напоминают современные разливательные ложки. Во множестве встречены деревянные столовые ложки. В XV—XVI вв. они имели очень устойчивую форму — удлиненную с тяжелым утолщенным основанием и тонким концом ручки (рис. 10, 7). Если миски и тарелки делались на токарном станке и, по всей вероятности, специалистами-ремесленниками, то ложки, несомненно, делались домашним способом. Об этом говорят найденные в разных местах Зарядья заготовки для ложек (рис. 10, 7) со следами их обработки ножом.

Во всех горизонтах культурного слоя Зарядья встречено множество небольших железных, обычно сильно сточенных ножей длиной 8—15 см. Древнейшие из них (XI—XII вв.) имеют выгнутую, так называемую «горбатую» спинку, позднейшие — прямую. Рукоятки ножей были деревянные, реже — костяные и состояли из двух половин, закреплявшихся на плоском черенке ножа. Иногда костяные рукоятки набирались из колец, делавшихся из трубчатых костей животных. В боярской усадьбе XVI в. найден нож с богатой наборной рукоятью из кости и медной проволоки (рис. 11, 1). Ножи зачастую носили на поясе в кожаных ножнах (рис. 11, 2).

* * *

Из других, найденных при раскопках предметов домашнего обихода горожан, отметим гребни, умывальники, корыта. Гребни все двусторонние, с частыми и редкими зубьями. Делались гребни из дерева и кости, иногда украшались резьбой. Орнамент на деревянных гребнях из Зарядья (как и на большинстве гребней, найденных в русских городах XIII—XVI вв.) состоит из различных комбинаций кругов — концентрических, касательных и т. п. (рис. 11, 7).

Особый интерес представляют глиняные лощеные рукомойки. Чаще всего они делались в виде животных. Стилизованное грузное туловище животного на коротких конических выступах-ножках имело с одной стороны горловину, через которую наливалась вода, а с другой — носик в виде головы животного: барана с закрученными или опускающимися на плечи рогами, реже лошади с торчащими ушами, медведя в наморднике, собаки (рис. 8, 11—15). В морде животного проделано круглое отверстие, через которое и выливалась вода для умывания. Изредка встречаются руко-

в Москве деревянной парадной посуды пока не найдено, если не считать одной ложки со следами росписи. Все сосуды из Зарядья — обыденные. К XII—XIII вв. относится чаша диаметром 13 см, несколько расширяющаяся кверху. Она вырезана ручным способом из целого куска дерева. Есть и другая чаша ручной работы, полусферической формы (рис. 10, 2). Более поздняя деревянная посуда (XV—XVII вв.) в большинстве случаев сделана уже на токарном станке. На поверхности сосудов ясно видны круги — следы обточки. Деревянные миски и чашки XV—XVI вв. (рис. 10, 3—5) довольно разнообразны по форме и размерам. Здесь и полусферическая чашка диаметром 7 см с немного уплощенным дном, и прекрасно профилированная расширяющаяся кверху чашка с поддоном диаметром 13 см, и округлая, несколько суживающаяся кверху миска диаметром 17 см, с линейным орнаментом по краю. В Зарядье найдено также несколько плоских деревянных тарелок диаметром 17—20 см. На одной из них ясно видны следы порезов от срывавшегося ножа: на тарелке резали хлеб или мясо. Часто встречаются разных размеров ковши. Их обычно вырезывали от руки из куска дерева с сучком или из наплывов. Большинство ковшей имеет форму обращенного вершиной книзу усеченного конуса с прямой ручкой, но есть и более плоские и широкие ковши (рис. 10, 1).

В Зарядье в слоях XIV—XV вв. найдено несколько больших деревянных ложек-черпаков, служивших, очевидно, для разливания пищи (рис. 10, 6). По форме они напоминают современные разливательные ложки. Во множестве встречены деревянные столовые ложки. В XV—XVI вв. они имели очень устойчивую форму — удлиненную с тяжелым утолщенным основанием и тонким концом ручки (рис. 10, 7). Если миски и тарелки делались на токарном станке и, по всей вероятности, специалистами-ремесленниками, то ложки, несомненно, делались домашним способом. Об этом говорят найденные в разных местах Зарядья заготовки для ложек (рис. 10, 7) со следами их обработки ножом.

Во всех горизонтах культурного слоя Зарядья встречено множество небольших железных, обычно сильно сточенных ножей длиной 8—15 см. Древнейшие из них (XI—XII вв.) имеют выгнутую, так называемую «горбатую» спинку, позднейшие — прямую. Рукоятки ножей были деревянные, реже — костяные и состояли из двух половин, закреплявшихся на плоском черенке ножа. Иногда костяные рукояти набирались из колец, делавшихся из трубчатых костей животных. В боярской усадьбе XVI в. найден нож с богатой наборной рукоятью из кости и медной проволоки (рис. 11, 1). Ножи зачастую носили на поясе в кожаных ножнах (рис. 11, 2).

* * *

Из других, найденных при раскопках предметов домашнего обихода горожан, отметим гребни, умывальники, корыта. Гребни все двусторонние, с частыми и редкими зубьями. Делались гребни из дерева и кости, иногда украшались резьбой. Орнамент на деревянных гребнях из Зарядья (как и на большинстве гребней, найденных в русских городах XIII—XVI вв.) состоит из различных комбинаций кругов — концентрических, касательных и т. п. (рис. 11, 7).

Особый интерес представляют глиняные лощеные рукомойки. Чаще всего они делались в виде животных. Стилизованное грузное тулово животного на коротких конических выступах-ножках имело с одной стороны горловину, через которую наливалась вода, а с другой — носик в виде головы животного: барана с закрученными или опускающимися на плечи рогами, реже лошади с торчащими ушами, медведя в наморднике, собаки (рис. 8, 11—15). В морде животного проделано круглое отверстие, через которое и выливалась вода для умывания. Изредка встречаются руко-

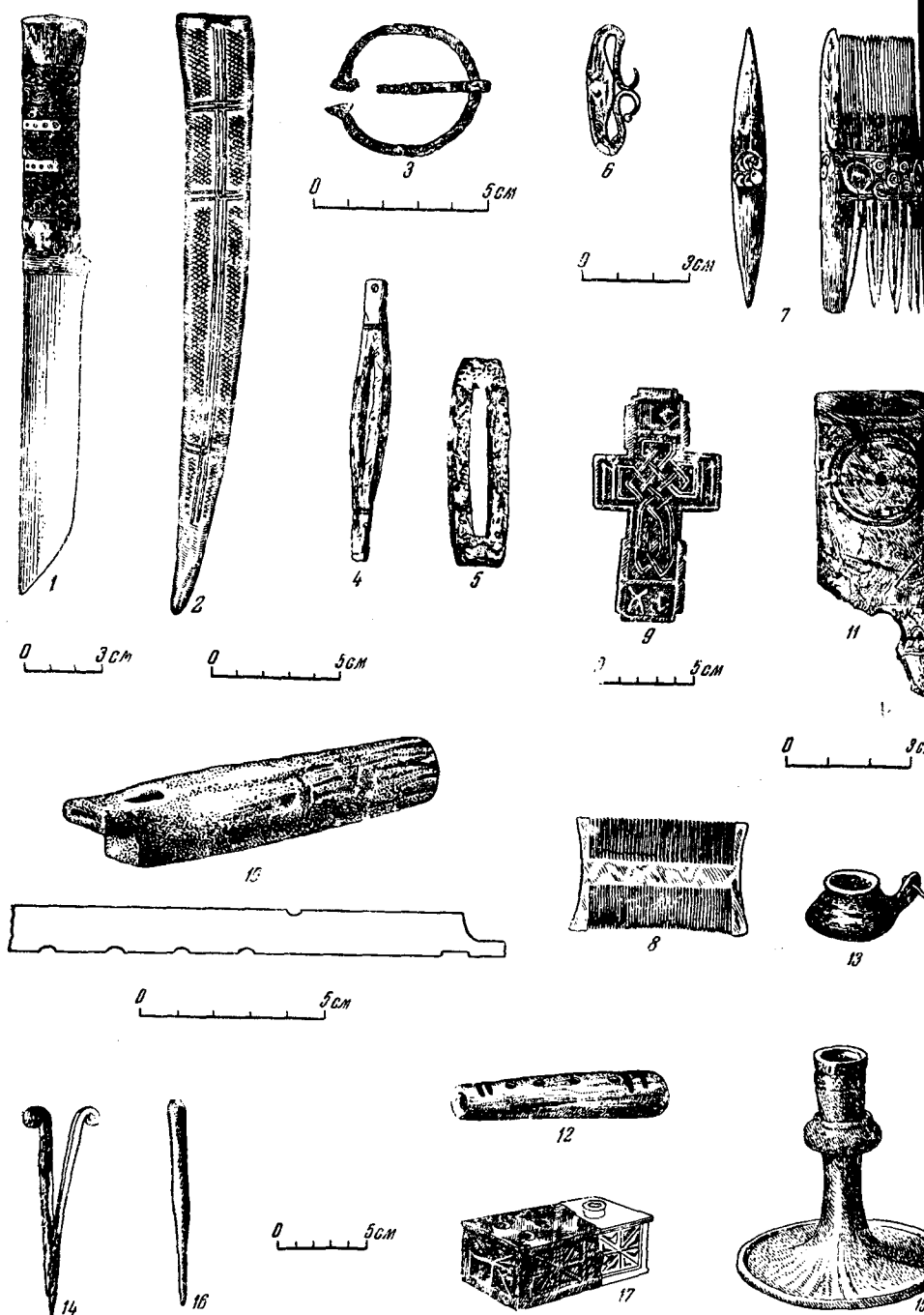

Рис. 11. Предметы личного обихода: 1—нож с наборной рукояткой, 2—кожаная ножна с орнаментом, 3—пряжка от пояса, 4—6—огнива, 7—часть деревянного гребня с циркульным орнаментом, 8—деревянный гребень, 9—деревянный резной крест, 10—12—мундштуки для музыкальных инструментов, 13—светильник, 14—«свонец» для лучины, 15—подсвечник, 16—костяной заостренный «стил» для писания на бересте, 17—керамическая настольная чернильница

мойники в виде обычных горшков, но и они имеют слив в виде головы животного (рис. 8, 12). Рукомойники-водолеи в виде животных и людей были широко распространены как на Руси со времен киевских, так и на Западе в эпоху средневековья³⁶. Известны металлические водолеи в виде всадника, птицы с человеческой головой³⁷ и т. п. Высшие слои общества пользовались роскошными, художественно выполненными металлическими водолеями, простой народ — глиняными рукомойниками, сделанными мастерами московской гончарной слободы.

Находки рукомойников и их фрагментов встречаются при раскопках едва ли не чаще всех других находок лощеной посуды. Это указывает на сравнительно высокий санитарно-гигиенический уровень, на котором стояло в XVI — XVII вв. население Москвы. Возможно, что именно повсеместное распространение в древности московских рукомойников в виде баранов отражено в записанной в Тульской области поговорке:

Встану рано,
Пойду к барану,
К большому носу,
К глиняной голове³⁸.

Под полом дома, сгоревшего в 1468 г., были найдены обгорелые части деревянного корыта. Этот предмет хозяйственного обихода был, насколько можно судить по сохранившейся части, совершенно тех же размеров и той же формы, что и деревянные корыта, употребляющиеся кое-где еще и в наше время.

Ряд глиняных изделий, находимых при раскопках, говорит о распространении грамотности среди городского населения. Так, в слоях XVI — XVII вв. найдены фрагменты глиняных чернильниц и целые «чернильные приборы». Это обычно покрытые зеленой поливой сосуды в форме параллелепипеда, соединяющие пузырек с узким горлышком для чернил, отделение с несколькими круглыми отверстиями для гусиных перьев и открытую сверху коробочку для песка, употреблявшегося вместо промокательной бумаги. Есть и «портативные» чернильницы в виде покрытых зеленой поливой округлых пузырьков с отверстиями у горлышка для продевания шнурка, на котором эти чернильницы могли подвешиваться. Найденные в Зарядье костяные заостренные палочки-«стили» (рис. 11, 16) показывают, что в Москве, как и в Новгороде, среди простого народа было принято писать на бересте. находка самих писем является лишь вопросом дальнейших работ.

В длинные зимние вечера работали при лучине, которая втыкалась в специальные железные «светцы» (рис. 11, 14). В более зажиточных домах для освещения служили масляные светильники или салные свечи. Глиняные светильники в виде небольших круглых плоских с загнутым внутрь краем и изящно выгнутой круглой ручкой нередко находят при раскопках в слоях XV — XVI вв. В слоях XVI — XVII вв. часто встречаются глиняные подсвечники с втулкой для свечи и широкой круглой подставкой, чтобы сало свечи не капало на стол (рис. 11, 15). В конце XVII в. глиняные подсвечники, по форме напоминающие современные, покрывались белым ангобом, расписывались коричневой краской, а иногда покрывались зеленой или желтой глазурью. В деревнях такие подсвечники бытовали и в XIX в.

Для добывания огня пользовались кремнями и железными огнивами-кресалами длиной 5—8 см. Кресала эти в XI — XIII вв. были фигурными

³⁶ Я. И. Смирнов, О бронзовом водолее западноевропейской работы, найденном в Харьковской губернии, Харьков, 1902.

³⁷ Б. А. Рыбаков, Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. В кн. «По следам древних культур. Древняя Русь», стр. 112.

³⁸ Поговорка записана М. В. Михайловой и сообщена в Комиссию по истории Москвы в 1940 г.

(«калачевидными», как называют их археологи), а в XIII — XVII вв. они имели форму овала с прорезью в середине (рис. 11, 4—6). Кресала являлись необходимой принадлежностью каждого человека и, судя по находкам в подмосковных курганах, привешивались к поясу.

В городских погребениях нередко находят нательные кресты. К XIV в. относится четырехконечный крест из серого шифера, с процарапанной надписью «ІС ХС» (Иисус Христос). Крест надевался на шею на шнуре, продетом в небольшое круглое отверстие, просверленное в верхнем конце креста. Большой интерес представляет деревянный нательный крест XV в. покрытый затейливой резьбой. На обеих его сторонах — прекрасно сделанный резной орнамент в виде переплетенной полосы (рис. 11, 9). Орнамент в виде плетеньки чрезвычайно характерен для древнерусского народного искусства.

Некоторые находки характеризуют духовную культуру горожан и их развлечения. Так, найдены части от духовых музыкальных инструментов XVI—XVII вв. — два мундштука и фрагмент корпуса. Один мундштук (рис. 11, 11) костяной, вставлявшийся, по всей вероятности, в деревянную дудку. Это был какой-то лабиальный инструмент типа обычных на Руси с глубокой древности дудок и свистелок³⁹. Другой мундштук — глиняный, чернолощенный (рис. 11, 10), судя по сохранившейся части, также от лабиального инструмента типа флейты. На инструменте, кроме свистка, было несколько круглых отверстий в верхней части (вероятно, четыре) и одно — в нижней, что позволяло регулировать высоту звука. Такими инструментами были, по всей вероятности, «сопели», упоминаемые неоднократно среди инвентаря скоморохов и военных музыкантов. Третья находка также глиняная. Но это не мундштук, а часть корпуса инструмента диаметром в передней части 1,6 см, несколько расширяющаяся к дальнему концу. Она покрыта белым ангобом и расписана поверх него коричневой краской. На верхней части трубки — четыре круглых отверстия для регулирования высоты звука. Очевидно, в переднюю часть трубки должен был вставляться пищик, что характерно для духовых язычковых инструментов типа зурны, распространенных с глубокой древности в Передней Азии и на Кавказе. Иностранные путешественники еще в XVI в. описывали распространенные на Руси зурны и издаваемый ими долгий и сильный звук. Можно думать, что наибольшее распространение инструменты типа зурны и гобоя имели в войске, а в быту встречались реже.

Из других музыкальных инструментов в Зарядье найден маленький железный варган, или дрымба, какие бытовали в украинских деревнях еще в прошлом столетии. Применявшиеся широко в древней Руси различные виды бубнов, разумеется, не могли сохраниться в земле целиком, а анализ найденных частей деревянных и кожаных изделий пока еще не позволил определить ни одного подобного инструмента. Сложная конструкция струнных инструментов — гудков и гусель, хорошо известных по письменным источникам, не позволяет надеяться на археологические их находки. В целом, найденные в Зарядье части музыкальных инструментов говорят о широком распространении в Москве народной музыки.

Очевидно, уже по крайней мере с XIV в. на Московском посаде была распространена также шахматная игра. При раскопках найдено свыше десятка шахматных фигур, древнейшие из которых относятся к XIV в., позднейшие — к XVI в. Наибольший интерес представляют три деревянные фигуры, найденные неподалеку от упомянутой выше постройкой — рыбокопильни XVI в. Они принадлежат, повидимому, к одному комплексу шахмат. Это — пешка и какие-то более крупные фигуры (вернее всего, слон и ладья). Все фигуры сделаны от руки, без применения токарного станка. Возможно, что перед нами самодельные шахматы, употребляв-

³⁹ См. М. Г. Рабинович, Музыкальные инструменты в войске древней Руси и народные музыкальные инструменты, «Советская этнография», 1946, № 4, стр. 150.

шиеся беднотой, населявшей окраинную часть Московского посада. Все остальные фигуры найдены порознь в различных местах Зарядья. Они выточены на токарном станке, т. е. являются продукцией специалистов-ремесленников, производивших шахматы на продажу. Все это — пешки (четыре деревянные и три костяные). По форме и размеру деревянные пешки не отличаются от современных. Костяные фигуры отделаны богаче деревянных. Орнамент, как на большинстве костяных изделий того времени, глазковый. Богатые москвичи употребляли и дорогие привозные шахматы. Рядом с домом приказного XVII в., открытым в Зарядье, найдена костяная пешка в виде стилизованной фигуры человека с длинными волосами в западноевропейской одежде XVII в. — камзоле и круглой шляпе с полями. Подобные пешки известны в то время в Западной Европе.

Обилие и разнообразие находок шахмат говорит о сравнительно широком распространении шахматной игры среди населения Москвы, да, очевидно, и не только Москвы. В начале XVII в. (около 1617 г.) севернорусские поморы снарядили экспедицию к берегам Таймыра. Среди имущества экспедиции, найденного позднее при раскопках, обнаружены 22 шахматные фигурки из мамонтовой кости (ладьи, пешки, слоны). Очевидно, простые русские люди в XVII в. развлекались шахматной игрой не только дома, но брали с собой шахматы и в дальние промысловые экспедиции⁴⁰. К сожалению, мы не можем составить полного представления о характере шахматной игры того времени, ее правилах и т. п., так как до сих пор не найдено ни одной полной партии; нет даже находок шахматной доски («тавлеи»), не раз упоминаемой русскими былинами.

Находок шашек в Москве нет, но при раскопках Тушкова Городка, построенного между 1387 и 1393 гг., нами найдена костяная шашка, совершенно сходная по форме с применяющимися в наше время и даже с такими же концентрическими кругами на верхней стороне.

Таковы некоторые данные о быте населения древней Москвы, полученные нами на основании раскопок районов, в которых жили преимущественно ремесленники. Дальнейшее исследование коллекций и сравнение их материалов с этнографическими данными и данными письменных и графических источников позволит узнать много нового для истории русской жизни.

⁴⁰ П. Рождественский, К истории шахмат в России, «Шахматы в СССР», 1950, № 8, стр. 238; А. П. Окладников, Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра, М.—Л., 1948, стр. 97.

Т. А. ЖДАНКО

ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНОГО ОРНАМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАРАКАЛПАКОВ

Прикладное искусство каракалпакского народа до настоящего времени остается настолько мало изученным, что не фигурирует ни в одном из обобщающих исследований по истории культуры и искусства Средней Азии. Не только дореволюционные авторы, но и советские искусствоведы пока не предпринимали попыток изучить особенности художественного творчества каракалпакского народа, небольшого по численности, но обладающего своеобразной национальной культурой и высокой художественной одаренностью.

Еще до революции, под влиянием прогрессивных русских ученых (В. В. Стасов и др.), стали публиковаться труды, посвященные художественным изделиям таджиков, узбеков, туркмен, киргизов, но искусство каракалпаков оставалось неизвестным. Более того, сложилось предубеждение, будто этот народ вовсе не обладает художественным даром. Изделия каракалпаков считались «неизящными» и «весьма грубыми»¹.

Отдаленность основной территории обитания каракалпаков (Хорезмский оазис), плохая транспортная связь, слабое экономическое развитие и преобладание домашних промыслов над городскими ремеслами — были причинами того, что изделия каракалпаков почти не появлялись на рынках Средней Азии и не были известны торговцам и коллекционерам. Предметами их прикладного искусства часто считалась продукция только тех мелких групп каракалпаков, которые жили среди населения других национальностей, главным образом узбеков, в Самаркандской и Ферганской областях Туркестана, и в значительной степени уже утратили своеобразие своей культуры.

За годы советской власти изучение народного прикладного искусства Средней Азии значительно шагнуло вперед. Вышли из печати специальные исследования и альбомы по орнаменту². Характеристике художественного творчества узбеков, таджиков, туркмен, киргизов и казахов посвящен ряд статей известных советских искусствоведов: Б. П. Денике, В. Чепелева, Б. В. Веймарна и др. Однако и эти авторы из-за недостатка материала, как правило, привлекали для анализа и сопоставления только образцы изделий мелких групп «самаркандских» каракалпаков. Лишь в двух музеях страны — Турткульском музее (Кара-Калпакская АССР) и Музее народов СССР (Москва) в экспозиции были показаны предметы быта хорезмских каракалпаков.

Назрела необходимость проводить планомерные полевые исследования для сбора научно-паспортизированного материала по народному прикладному искусству.

¹ См. Риза-Кули-Мирза, Краткий очерк Аму-Дарьинской области, СПб. 1875, стр. 26.

² С. Дудин, Киргизский орнамент, журн. «Восток», 1925, № 5; М. Андреев, Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, Ташкент, 1928; М. Гаврилов, Орнамент киргиз Сусамыра, Ташкент, 1929; Е. А. Клодт, Казахский народный орнамент, М. 1939 (с вольной статьей В. Чепелева); М. Рындин, Киргизский национальный узор, Москва — Фрунзе, 1948; «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль», Изд. АН Узб. ССР, 1954, и др.

ному искусству каракалпаков. Попытки такого рода собирательской работы были сделаны за годы советской власти двумя экспедициями: этнографической экспедицией Общества по изучению Казахстана (1928—1929 гг.) и Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, в составе которой этим занимался в 1945—1950 и в 1954 году Каракалпакский этнографический отряд. Ни одна из этих экспедиций не ставила своей специальной задачей сбор материалов по прикладному искусству: обе вели комплексные этнографические исследования и лишь попутно занимались фиксацией художественных изделий. И все же, если учесть, что обе экспедиции провели этнографическое обследование, охватившее всю Каракалпакию, и собрали богатые коллекции рисунков и фотографий наиболее характерных предметов декоративного народного искусства, — надо признать, что эти материалы имеют большую научную ценность³.

Орнамент проник в быт каракалпаков не менее глубоко, чем в быт других народов Средней Азии. Он украшает жилище, всю их домашнюю, а частично и хозяйственную утварь. Обильны и разнообразны узоры ковровых изделий, паласных тканей и кошм, составляющих убранство юрты и зимнего дома. Резьба и роспись по дереву у каракалпаков распространены в основном на дверях той же юрты и на шкафчиках для посуды и мелких хозяйственных вещей (сандык, сабаяк), хотя иногда встречаются и на других деревянных изделиях (на арбах, столбах, подпирających навесы, на подставках для светильников и др.). Не лишено декоративного оформления и жилище оседлого типа: глинобитные стены домов и усадеб (жаули) каракалпаки, как и хорезмские узбеки и туркмены, украшают нанесенным на сырую глину штриховым орнаментом и вертикальными желобками — каннелюрами. Большим богатством форм отличается орнамент вышивки на различных видах одежды и женских головных уборах. Узорной строчкой украшены карманы и полы бархатных камзолов; разнообразны виды плетения цветной тесьмы и бахромы. Преимущественно с одеждой связаны и ювелирные изделия. Они бытуют не только в форме различных мелких женских украшений (серьги, браслеты, кольца и др.), но и в виде орнаментированных нагрудных блях, крупных пуговиц, изящных колец для прикрепления ключей и пр. Еще до сих пор распространен обычай украшения конского убора ювелирными бляхами и пряжками, тиснением по коже, а также вышивкой на подседельниках и потниках. Многообразие художественного изобразительного творчества каракалпаков показывает, насколько этот народ, несмотря на нищенское существование и тяжелые бедствия, которые ему пришлось претерпеть на протяжении своей истории, был проникнут стремлением к искусству, к декоративному оформлению всей своей бытовой обстановки.

Наибольшее число самых разнообразных орнаментированных предметов входит в комплекс убранства каракалпакской юрты (Жара уй), бытующей и сейчас в виде вспомогательного летнего жилого помещения (рис. 1). Во многих местностях Каракалпакии (Жегейлинский, Чимбайский, Кенесский районы) привычка к жизни в юрте еще так велика, что до сих пор в больших, просторных и хорошо утепленных домах колхозники строят особое помещение — так называемый «уй жай» — место для юрты, более высокое, чем остальные комнаты дома, и переносят в него на зиму свою юрту (рис. 2).

Характер убранства юрты у каракалпаков весьма своеобразен и при этом устойчив по своему типу, сохраняя национальные особенности повсеместно, во всех районах Каракалпакии⁴. У каракалпаков распространены как ворсовые, так и гладкие ковры (паласы), но преобладают изде-

³ Собрание каракалпакского орнамента с рисунками Б. В. Андрианова и нашей вводной статьей, представляющей собой первый опыт описания главных особенностей орнаментального творчества каракалпакского народа, готовится к печати.

⁴ См. общее описание убранства каракалпакской юрты в нашей статье «Каракалпаки Хорезмского оазиса», Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 562—564

лия, в которых комбинируются обе техники — на фон из гладкой безворсовой ткани в процессе тканья наносится ворсовый рельефный орнамент (рис. 3). Этой техникой всегда выполняется широкая, опоясывающая

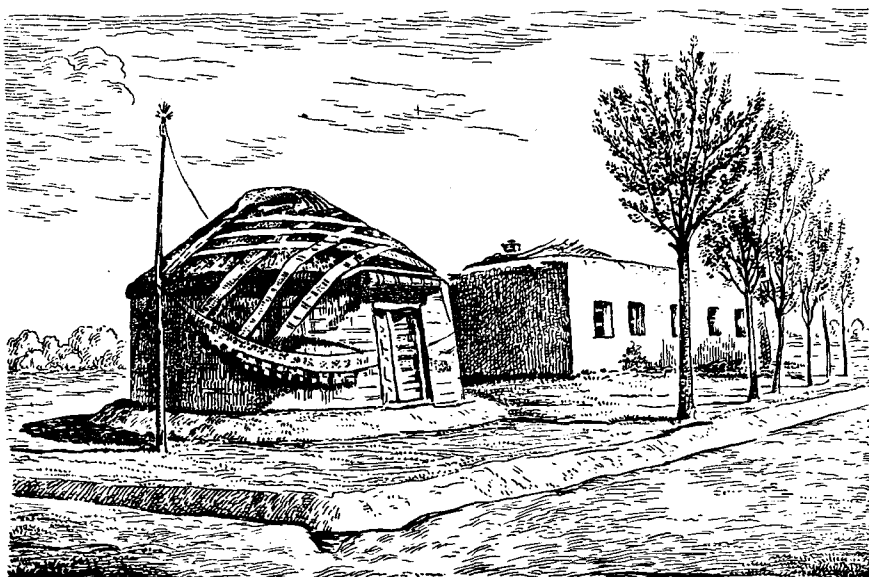

Рис. 1. Юрта в усадьбе колхозника (Кара-Узьякский район, 1954).
Рис. Ю. А. Стеблюк

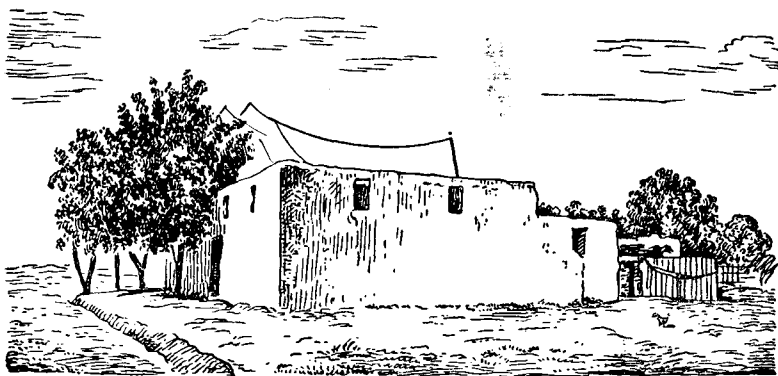
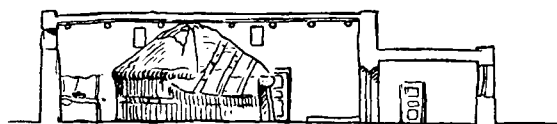
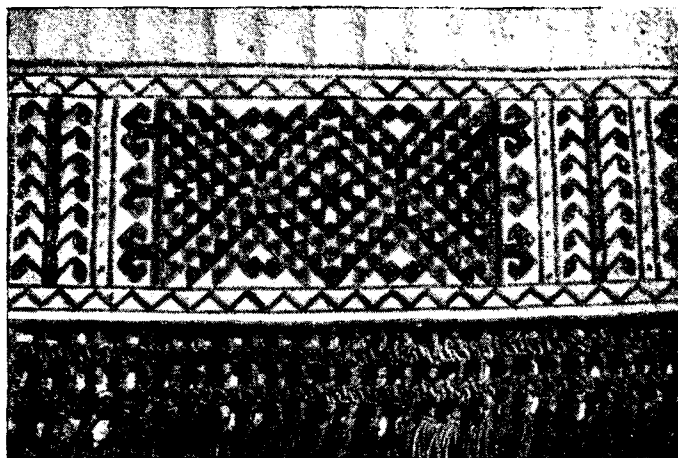

Рис. 2. «Уй-жай» — помещение в каракалпакском доме для установки юрты в зимнее время (Кегейлинский район, 1954).
Рис. Ю. А. Стеблюк

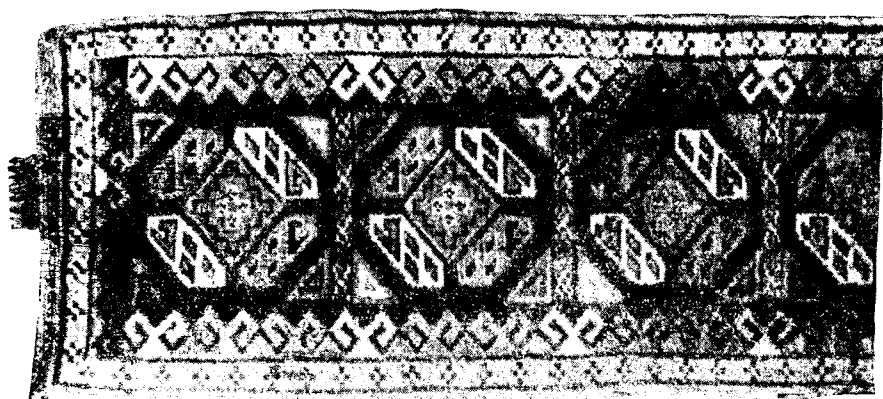
скрепляющая весь остов юрты дорожка — «ақ-баскур», обращенная лицевой, орнаментированной стороной внутрь юрты, и отделанные бахромой дорожки «жамбау», имеющие декоративное значение и прикрепляемые снаружи юрты (см. рис. 1). К ковровым изделиям с рельефным орнаментом относятся и так называемые «ишки жамбау», сходные с внешними

Рис. 3. Деталь орнамента на «жамбау». Видна фактура комбинированного тканья (Кегейлинский район, 1928)

а

б

Рис. 4: а — композиция орнамента на «жамбау» (Халкабал, 1928); б — орнамент ворсового коврика «жаршын» (Чимбай, 1945)

«жамбау», но гораздо меньших размеров; они пришиваются одним концом к висящему над дверью внутри юрты ворсовому коврику «есик-қас», образуя как бы две нарядные гирлянды, обрамляющие изнутри вход. Для выполнения узора служит разноцветная шерстяная пряжа. Тона шерсти — мягкие, и мастерицы-каракалпачки достигают удивительно приятного и гармоничного сочетания их в узоре. Самый узор «ақ-басқуров», «жамбау» и пр. чрезвычайно разнообразен. Говорят, что старые мастерицы-каракалпачки насчитывали более 60 видов и соответственно наименований этих узоров. Нами собрано около 30 названий.

Преобладают в орнаменте так называемые «муйиз» — рога, встречающиеся в самых различных комбинациях: «қос муйиз» (пара рогов); «сегиз муйиз» (восемь рогов); «тоқалақ» муйиз» (обрубленный рог); «жумалақ муйиз» (закрученные, круглые рога) и др. Наряду с ними часто встречаются другие названия, связанные с животным, растительным миром, с домашней утварью, одеждой, хозяйственными предметами: «тай туяқ» (копыто жеребенка); «ғаз мойын» (шея гуся); «қарға тырнақ» (коготь вороны); «қауша гул» (цветы хлопка); «ырғақ» (крючок); «тарақ» (гребень); «сырға» (серьга); «тумар» (амулет) и др. (рис. 5). Композиция орнамента на дорожках этого типа характерна и всегда выдержана. Каждый узор, всегда построенный в горизонтальном направлении, самостоятелен — он отделяется от следующего за ним узким разделительным вертикальным узором (например, «ғаз мойын», рис. 4-а). Столь характерные для каракалпаков ковровые изделия типа «ақ-басқуров» и «жамбау» имеют ближайшие аналогии у туркмен-йомудов. Нам в точности не известно, знают ли такую технику ковроделия казахи западного Казахстана; Е. Р. Шнейдер описывает тканье только безворсовых или ковровых дорожек⁵, но в его же статье помещена фотография С. Руденко, изображающая убранство юрты казахов-алимов, где среди несомненно казахских предметов мы видим и дорожку типа каракалпакского «ақ-басқура»⁶. По альбому Е. А. Клодта можно судить, что в восточном Казахстане техника комбинированного тканья не была распространена — художник приводит образцы только гладких дорожек⁷.

Из безворсовых ковровых изделий, наряду с дорожками и лентами, скрепляющими остов и войлочные покрывки юрты (қзыл-басқур, қзыл-қур, ақ-қур, дизбе,) для внутреннего убранства ее характерны также паласы, производство которых сохранилось до настоящего времени, но встречается довольно редко. У каракалпаков паласы сшивают из узких дорожек узорной ткани, которая вырабатывается на узконавойном передвижном станке «ормек» (рис. 6). Эта техника, более древняя, чем выделка цельнотканых широких паласов, издавна известна и некоторым группам узбекского населения, живущего в районах с преобладанием животноводства и богарного земледелия⁸. Орнамент паласов плохо изучен, известные нам старые экземпляры определены не точно. Встречавшиеся нам ткачихи паласов говорят, что узор они заимствуют со старых образцов. Паласы вешают на решетчатую стену юрты, позади «торь» (почетного места), против двери.

Своеобразны форма и орнаментация каракалпакских ворсовых ковров «қаршыны» и «есик-қас». Қаршыны служит лицевой стороной продолговатой сумки, в которой хранятся одежда, шерсть и прочие мягкие вещи. Сумка складется на деревянный «сандық», стоящий возле «торь»; на нее укладываются сложенные горкой одеяла и подушки («жук»), так что неорна-

⁵ Е. Р. Шнейдер, Казахская орнаментика, Сб. «Казаки, Антропологические очерки», под ред. С. И. Руденко, Л., 1927, стр. 133—141.

⁶ Там же, стр. 136—137, табл. XVII, рис. 2.

⁷ Е. А. Клодт, Указ. раб., рис. 18—20.

⁸ «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», стр. 70—71.

ментированная часть сумки не видна; из-под одеял виднеется только ее лицевая сторона — узорчатый коврик «қаршын». Размер последнего в среднем — 30×120 см. Вязка «қаршына» не очень плотная, ворс ровный. Орнамент его — «қаршын нагыз» — довольно устойчив; встречаются всего 3—4 варианта, причем больше половины зафиксированных нами «қаршынов» относятся к одному варианту (рис. 4—6): на центральном поле — ряд 5—6 восьмиугольных медальонов с ромбами внутри⁹. Из других вариантов узора «қаршына» один носит название родовой группы каракалпакского племени мангыт — «шуйит нагыз» (узор шуйитов). Можно полагать, что в прошлом орнамент «қаршынов» был отличным у каждой из родоплеменных групп, подобно тому, как это было и у туркмен.

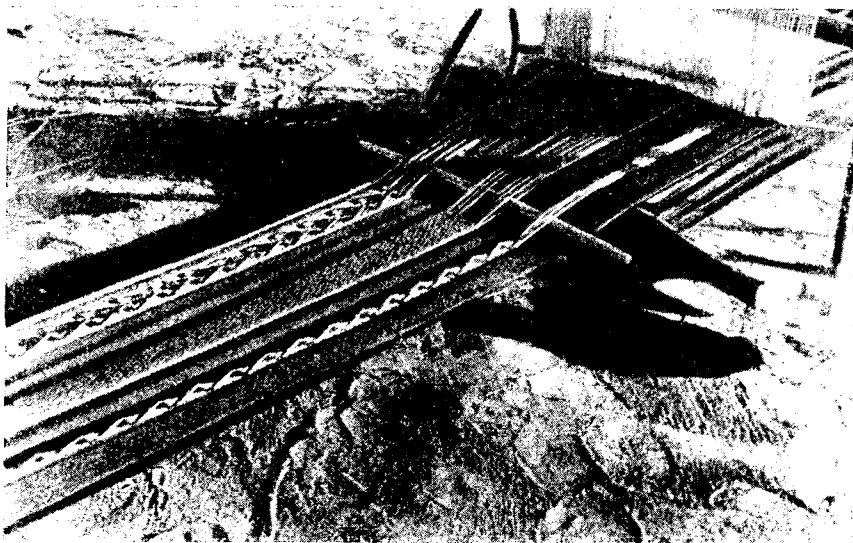

Рис. 6. Выделка узорной шерстяной ткани для паласа (Кара-Узьякский район, 1954). Фото Ю. А. Аргиропуло

Второй вид ворсового ковра каракалпаков — «есик-қас», по размерам почти такой же, как и «қаршын». Его назначение — украшать вход в юрту изнутри. О нем мы уже говорили выше. «Есик-қас» имеет еще меньше вариантов узора, чем «қаршын». Видимо, основной его узор был распространен и у самаркандских каракалпаков — он изображен на таблице у Шнейдера¹⁰. Вопрос о существовании у каракалпаков Хорезма в прошлом выработки больших ворсовых ковров еще не достаточно исследован. В настоящее время в их быту широко распространены туркменские ковры.

Обязательным предметом домашней утвари в жилище каракалпаков являются узорные кошмы «текимет». Кроме кошм, служащих подстилкой, делаются также войлочные потники для лошадей («терлик»). Техника орнаментации кошм — вваливание узора. Ни войлочная инкрустация, ни аппликация, столь характерные для казахского прикладного искусства, у каракалпаков не распространены. Отметим некоторые особенности каракалпакских «текиметов», отличающие их от казахских и киргизских. Главная из них — орнамент каймы: как на «текиметах», так и на войлочных потниках этот орнамент изображает завитки в виде волн, с чередующейся расцветкой их (рис. 7). Орнамент волны очень древний,

⁹ Образец расцветки этого типа «қаршына» см. в нашей статье «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 564—565, рис. 38—1.

¹⁰ См. Е. Р. Шнейдер, Указ. раб., стр. 171, рис. 90 (Самаркандский каракалпакский коврик).

в Хорезме он встречается на памятниках античного времени. Так, в раскопках дворца Топрак-кала (III в. н. э.) в одной из комнат западной башни были изображены на панели волны с плавающими в них рыбами. Историческую преемственность этого мотива в произведениях современного прикладного искусства народов Хорезма отмечает С. П. Толстов. Наиболее сходны с каракалпакскими по орнаменту туркменские кошмы. Об этом говорят и сами мастерицы. В казахских, как известно, всегда пр

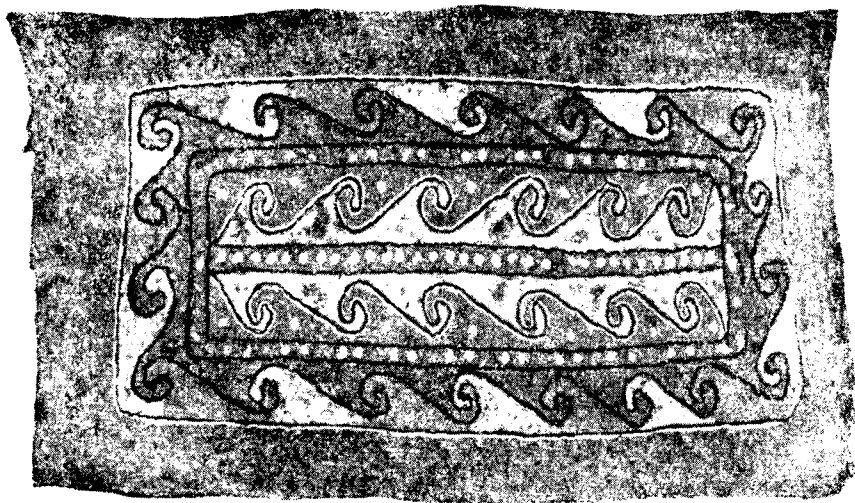

Рис. 7. Орнамент «волны» на каракалпакских узорных кошмах «текимет» (Кара-Узьякский район, 1954). Фото Ю. А. Аргиропуло

обладает мотив рогов и на центральном поле, и в кайме¹³. Киргизские изделия этого типа ближе к казахским по характеру своего орнамента.

Двустворчатые деревянные двери каракалпакской юрты обычно покрыты резным орнаментом. Резьба по дереву у каракалпаков изучена еще менее, чем их ковроделие. О ней не упоминается даже в специальных работах по резному дереву Средней Азии. Так, Н. М. Бачинский, посвятивший одно из своих исследований всесторонней характеристике резьбы по дереву в архитектуре Средней Азии, отмечает наличие художественной резьбы на дверях юрт у туркмен, казахов и киргизов¹⁴, но ни словом не упоминает о каракалпакском искусстве резьбы по дереву. Неизвестно о нем было и Б. П. Денике, уделившему большое внимание этому виду художественного народного творчества в своей статье о прикладном искусстве Средней Азии¹⁵.

Между тем резьба по дереву у каракалпаков очень распространена и интересна своими оригинальными чертами искусства полукошевого прошлого народа, находящегося к тому же на стыке культурного влияния кочевников-казахов, известных мастеров резьбы по дереву и камню.

¹¹ См. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1947, рис. 48а.

¹² С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). Труды Хорезмской экспедиции, т. I, стр. 13—14.

¹³ См. альбом Е. А. Клота «Казахский народный орнамент», а также Е. Р. Шнейдер, Узк. раб., стр. 169, рис. 59, 77, 76; О. А. Корбе и Е. И. Махова, Декоративное искусство колхозниц Казахстана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XI, М., 1950, стр. 47, 48 и др.

¹⁴ Н. М. Бачинский. Резное дерево в архитектуре Средней Азии, Гос. архит. изд-во, 1947, стр. 5, 20, рис. 31.

¹⁵ Б. П. Денике, Прикладное искусство Средней Азии. В сб. «Художественная культура советского Востока», М.—Л., 1931, стр. 65—67.

и исконных земледельцев — южных узбеков Хорезма, давших шедевры художественной резьбы по дереву в среднеазиатской архитектуре.

Резьба у каракалпаков плоско-рельефная, контур прорезается перпендикулярно плоскости, фон углублен и занимает довольно значительное место в орнаменте, располагающемся на нем свободно, четкими рельефными фигурами с резко очерченным контуром рисунка. От сложного,

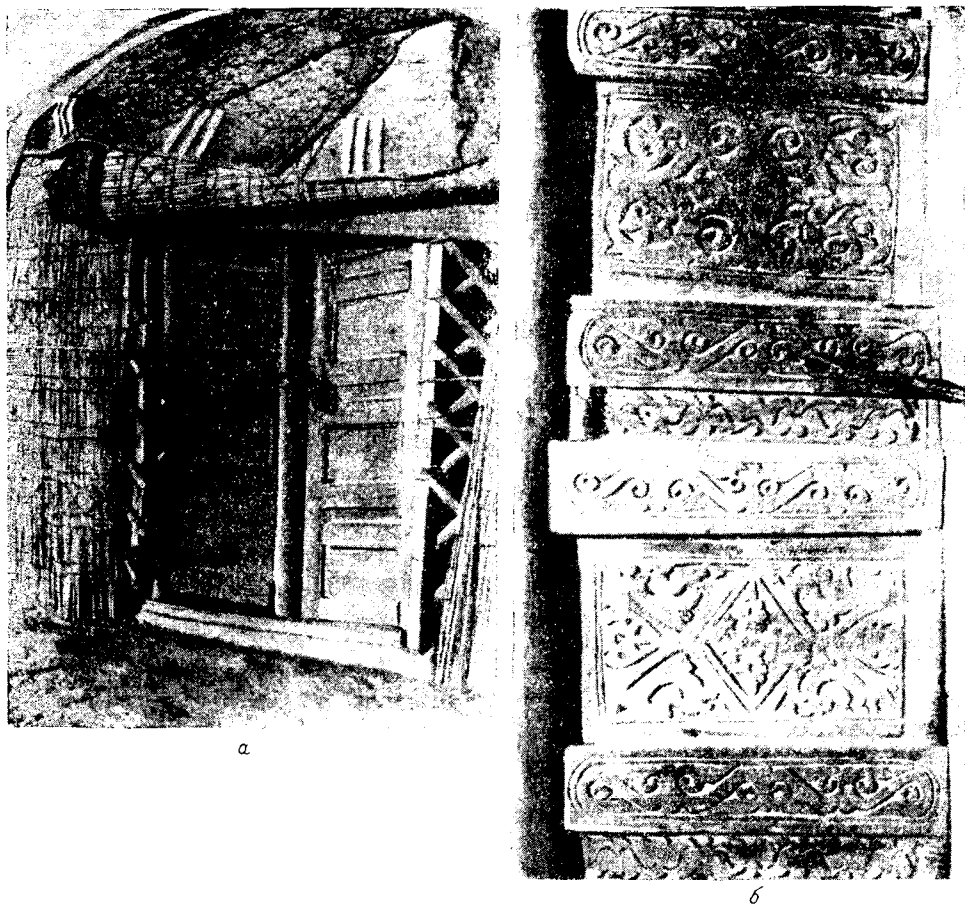

Рис. 8. Резная дверь каракалпакской юрты: а — общий вид; б — детали резьбы на левой створке; видно сочетание растительного мотива и завитков «муйиз» казахского типа (Кегейлинский район, 1954). Фото Ю. А. Аргиропуло

изошренного стиля орнамента узбекских мастеров Хивы резьба каракалпаков резко отличается. У них нет такого обилия и разнообразия растительных мотивов — виртуозных композиций цветов, листьев, многочисленных взаимно пересекающихся спиралевидных завитков — растительных побегов и характерных для хивинской резьбы фигурных плетенок. Отсутствует и типичная хивинская композиция с центральным медальоном, кайма со «жгутом». Каймы с растительным узором напоминают хивинские, но вообще растительные элементы орнамента каракалпаков гораздо проще; в них преобладает мотив цветка ириса — ординарный или двойной, причем он часто сочетается с геометрическими фигурами и с кочевническими «муйиз» (рис. 8). По своему облику орнамент каракалпакской резьбы по дереву ближе всего к туркменскому, немногочисленные образцы которого, опубликованные в частности у Н. М. Бачинского и у Карут-

ца, носят те же черты общего стиля и содержания узора¹⁶. В кайме резного орнамента каракалпаков преобладает геометрический штриховой узор из перекрестных заштрихованных треугольников, ромбов и других фигур. Этот же узор характерен для старинных каракалпакских резных шкафчиков. Такого же типа узор широко применяется до сих пор в резьбе по сырой глине при декорации глинобитных стен хорезмских усадеб «хали» — узбекских, туркменских и каракалпакских.

Интересна роспись деревянных шкафчиков для посуды и мелкой утвари, называемых «сандык». Фон сандыков обычно темнокрасный. Узор наносится желтой, зеленой, черной красками, располагаясь симметрично на соответствующих створках и бордюрах шкафчика. Особенность орнамента, состоящего из геометрических фигур и простейших розеток, заключенных в круг, ромб или прямоугольник, составляет обязательный мотив узора, находящегося по сторонам центральной створки: с одной стороны — последней всегда изображается кувшин («мыс қумған», а с другой — пара ножей («пшақ») и гребень («тарақ»). Значение этих узоров, сейчас уже забытое, очевидно, связано с былыми магическими представлениями.

Вышивкой у каракалпаков украшается главным образом одежда и лишь изредка некоторая мелкая утварь, например, мешочки для чая — «шайкалта». Вышивки встречаются двух типов — петельным-тамбурным («киме») швом и крестом («шырыш нағыс тугу»). Вышивку крестом население считает более древней и исконно каракалпакской, но встречается она в быту гораздо реже тамбурной. В комплексе старинной народной женской одежды¹⁷ наиболее богато украшены вышивкой головной убор «кимешек», накидной халат «жегде», нарукавники «женгсе», рубаха старинного типа «койлек» и назатыльники головного убора «саукеле». Семантика узоров вышивки, так же как и коврового орнамента «ақ-басқура» и «жамбау», связана преимущественно с животным и растительным миром и хозяйственной деятельностью, но значительно разнообразнее. Чаще всего встречаются названия: «солақ» (часть арбы), «ыргақ» (крючок), «пискекше» (пестик маслобойки), «тырнақ» (коготь), «кумырска бел» (поясница муравья) «шаян куйрык» (хвост скорпиона), различные варианты цветка («гул») и др. Интересен ромбовидный орнамент «куыршауауыз» (рот куклы) (рис. 9). Целая серия элементов орнамента носит общее название «туркмен нағыс» (туркменский узор); аналогию с ним действительно легко заметить в узоре туркменской вышивки; интересно, что очень яркие аналогии этого орнамента имеются также у алтайцев в так называемом (по классификации С. В. Иванова) VII (нижнеиртышском — североалтайском) типе орнамента народов Сибири¹⁸.

Старинные экземпляры этих видов народной одежды, в особенности старушечьи белые «жегде» (ақ-жегде), всегда украшены вышивкой крестом. Для этой вышивки характерен совершенно другой, строго геометрический орнамент из треугольников, ступенчатых ромбов и прямоугольных завитков. Некоторое однообразие его скрадывается расцветкой: вышивки этого рода отличаются приятной гаммой мягких тонов — розовато-красного, коричневого, фисташково-зеленого, золотисто-желтого. В чередовании одинаковых элементов орнамента, очень простых по своей форме, и вышитых шелком разных цветов, проявляется хороший вкус, чувство цвета и художественного ритма у вышивальщиц. Аналогии этого типа вышивки и орнамента, видимо, следует искать на северо-западе, у народов Поволжья и Приуралья.

¹⁶ См. Н. М. Бачинский, Указ. раб., рис. 45 (Средневековая резная деревянная посуда туркменских мастеров, Ташауз); Р. Карутц, Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке, СПб., б. г., табл. 29 (Туркменская кибитка).

¹⁷ Описание старинной женской одежды каракалпаков см. в нашей работе «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 550—559.

¹⁸ С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XV, М., 1952, табл. VII.

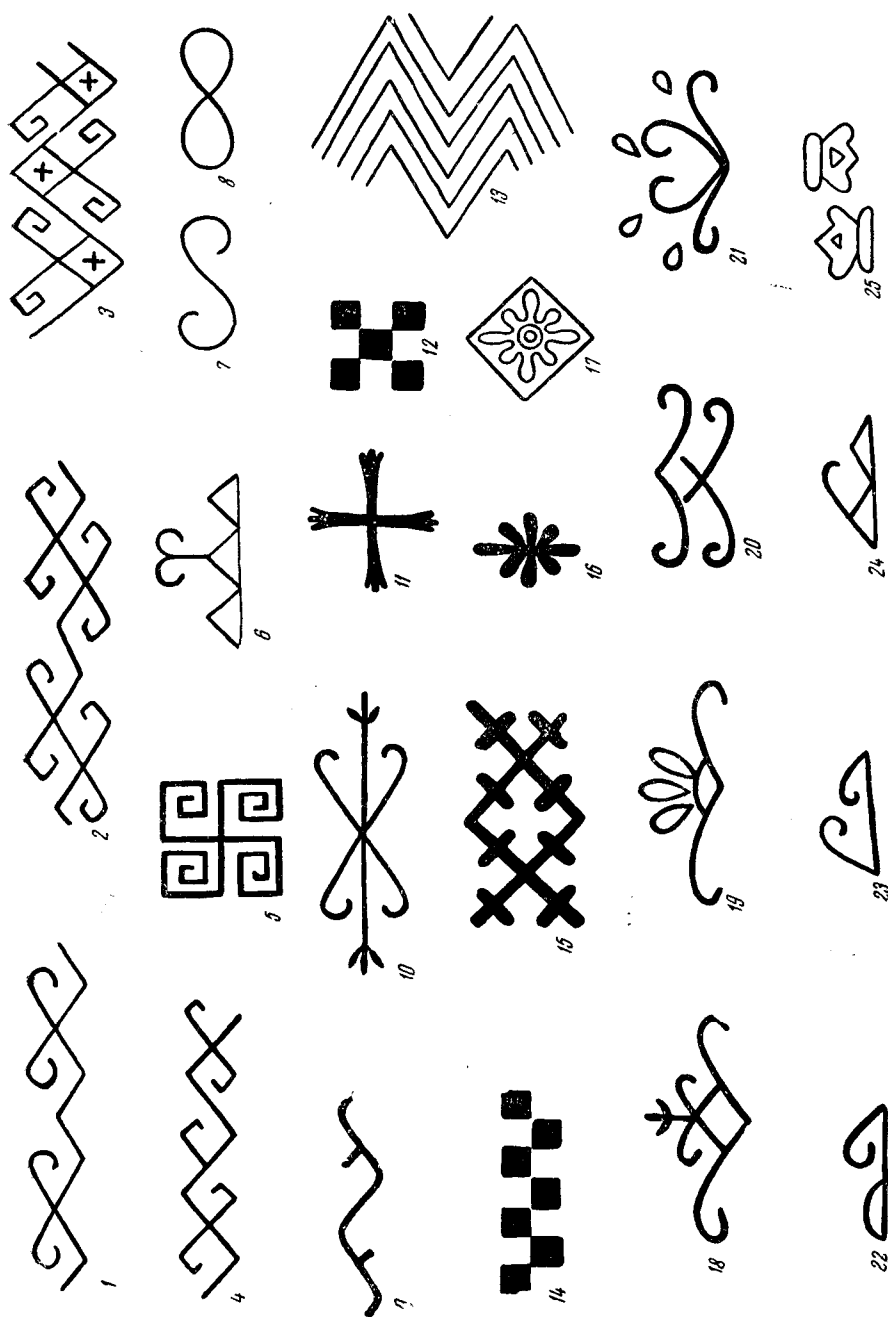

Рис. 9. Образцы узоров вышивки на старинной женской одежде каракалпак — «кимешек», «жигсе», «жегде» (по зрительским 1947 г. в Кегейлинском районе): 1 — «муйиз» — рога; 2—3 — «кос муйиз» — парные рога; 4 — «тақ муйиз» — нечетные рога; 5 — «токалақ муйиз» — обрубленный рога; 6 — «тырнакча» — коготь, коготок; 7, 8 — «кум-арска бел» — поясница муравья; 9 — «балак» (часть арбы); 10 — «шаян куйрык» — хвост скорпиона; 11 — «кауша гул» — коробочка хлопца; 12 — «писке-кше» — пестик маслосбойки; 13 «ырмак» — крючок; 14 — «ом-артка» — позвоночник; 15 — «куыршақ аузы» — рот куклы; 16 — «гул ашылды» — распустившийся цветок; 17—24 — «туркмен назы» — туркменский узор; 25 — «болик муйиз» — разделенные рога

Ювелирные украшения каракалпаков имеют больше всего сходства с туркменскими и казахскими; по сравнению с узбекскими они более крупны и массивны. Кольца, перстни, серьги с ромбовидными подвесками, литые массивные браслеты до сих пор носят повсеместно. Вышли из употребления носовые кольца «аребек», украшенные спиралевидными завитками из золотой проволоки; аналогичные кольца носили туркменки приамударьинских районов. Редко можно теперь встретить характерные крупные яйцевидные серебряные пуговицы с рельефным пояском из рядов зерни и с узором растительного характера. Богато орнаментированы, тоже преимущественно растительным узором, типично каракалпакские крупные украшения — нагрудная бляха «хайкел» с цветными камнями (обычно сердолик) и бахромой из подвесок, а также «онгирмоншақ» — украшение в виде полого полушария с шумящими подвесками из цепочек, бубенцов и ромбиков.

Собранные нами образцы каракалпакских изделий домашнего обихода, украшенные орнаментом, являются подлинными произведениями народа; среди них нет случайных вещей, нетипичных для каракалпакской культуры. В большинстве случаев это самодельные предметы — коврики и дорожки, сотканные хозяйкой дома и юрты, ее матерью или бабушкой; «кимешек» и другие части одежды, вышитые ими же или родственницами. В Кегейлинском районе, где более всего распространена резьба по дереву, до настоящего времени есть известные мастера этого искусства. Народность каракалпакского прикладного искусства придает ему особую ценность историко-этнографического источника. С. П. Толстов во многих своих работах использует этот источник для исследования проблемы происхождения народов, населяющих Хорезм. Анализ археологических материалов, добытых раскопками хорезмских памятников, параллельно с этнографическими материалами, по его словам, дает возможность «протянуть прочные нити исторической преемственности от культуры древних народов и племен Приаралья — через средневековые, — к современным народам Средней Азии, вскрыв самобытные истоки их богатой и яркой культуры»¹⁹. Исследования Хорезмской экспедиции все более выявляют эту историческую преемственность в различных областях материальной культуры — в народном жилище, одежде, керамике, ювелирных изделиях и орнаменте.

Как и другие формы искусства, орнаментальное творчество находится в тесной связи с историей формирования народа и его культуры, отражает развитие специфических этнических черт культуры данного народа на разных исторических этапах. Самые названия элементов узора показывают, как в нем отражаются мотивы хозяйственной жизни, природного окружения, быта, верований. Вместе со всей культурой народа орнамент развивается, видоизменяется, но это не может служить опровержением глубокой традиционности многих его форм, переживающих века и тысячелетия.

Известен интересный опыт использования орнамента для этногенетических исследований, сделанный С. В. Ивановым, который в процессе работы над составлением Этнографического атласа народов Сибири обобщил свой огромный, собранный за многие годы материал и выделил двенадцать основных типов сибирского орнамента. Происхождение некоторых из этих комплексов он, основываясь на широко привлеченных археологических данных, датирует эпохой неолита²⁰.

В целом ряде новейших трудов этнографов и археологов убедительно доказывается генетическая связь некоторых типов современного народного узора с орнаментом эпохи бронзы. Так, еще в 1931 г. С. П. Толстов

¹⁹ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948), стр. 13.

²⁰ С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник, стр. 8—10.

изучая на этнографическом материале вопрос о происхождении терюхан (Поволжье), сделал выводы о преемственной связи орнамента, их вышивки и тканья с орнаментом керамики андроновского типа²¹. К подобным же выводам пришел В. Н. Чернецов, прослеживая в одной из своих работ 1950 г. историю развития орнамента ленточного типа, распространенного на одежде, обуви, берестяной посуде и других бытовых предметах обских угров — хантов и манси²². Сопоставляя андроновский орнамент, дошедший до нас на керамике, но, по мнению исследователей (М. П. Грязнов), применявшийся в эпоху бронзы и для мягкого материала (мех, кожа, может быть, береста), с современным орнаментом ленточного типа, В. Н. Чернецов доказывает не только стилистическую общность этих узоров, но во многих случаях «даже полную тождественность древних и современных орнаментов»²³. К положительным результатам привели и археологические экскурсии авторов изданного в 1948 г. альбома осетинского народного орнамента²⁴, показавшие преемственность некоторых типов современного осетинского узора от культуры Кобана, датируемой концом бронзового века и началом железного (первая половина I тысячелетия до н. э.)²⁵.

Не менее глубокие исторические корни имеет и орнамент населения Средней Азии, в частности — узбеков, каракалпаков и туркмен Хорезма.

Древнейшие по своему происхождению мотивы сохраняются в некоторых каракалпакских узорах резьбы по дереву и сырой глине (штриховой геометрический орнамент), а также в вышивке. Корни развития штрихового орнамента и его вариантов восходят к орнаментации керамики эпохи бронзы, находки которой так обильны на территории древнего Хорезма и в местах обитания предков каракалпаков — в степях Приаралья, в присырдарьинских областях и в примыкающей к Хорезмскому оазису пустыне Кызыл-Кум. Этот архаический примитивный узор, пережив тысячелетия, встречается и в эпоху античности, например, на печатах из сырой глины, найденных при раскопках памятника IV—III в. до н. э. Кой-Крылган-кала. В дальнейшем он сохраняется не только у полукочевников-каракалпаков, но и у носителей древних традиций хорезмийской цивилизации — узбеков южного Хорезма, предки которых перенесли его с керамики на монументальные стены и башни своих глинобитных жилищ. Существует он и у приамударьинских туркмен²⁶. Устойчивости этого орнамента способствовала, очевидно, особая его декоративность, создающаяся игрой света и тени в рельефном узоре. Резьба по сырой глине на фасадах пригородных усадеб Самаркандской области и других районов Средней Азии имеет несколько иной облик, чем в Хорезме. Штриховой орнамент там играет подсобную роль, преобладает же узор из больших кругов-розеток, символов солярного культа²⁷.

Не менее древнее происхождение имеют некоторые элементы орнамента вышивки, а также «ақ-басқуров» и «жамбау» — дорожек комбинированного тканья. Так, типичные для орнаментации этих предметов композиционные сочетания мотива рогов «муйиз» повсеместно встречаются

²¹ S. P. Tolstov, Les principales étapes du développement de la civilisation terioukhane, «Eurasia septentrionalis antiqua», VI, 1931, стр. 62, 67 и рис. 7, 8 и др. на стр. 55.

²² В. Н. Чернецов, Орнамент ленточного типа у обских угров, «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 139—152.

²³ Там же, стр. 151; см. также табл. VI (Прообразы современного ленточного орнамента в орнаментике эпохи бронзы, рис. 1—4, 9—10 и др.).

²⁴ Альбом «Осетинский народный орнамент». Собрал А. З. Хохов, текст К. А. Берладина, Дзауджикау, 1948.

²⁵ См. рецензию А. Иванова на альбом «Осетинский народный орнамент», «Советская этнография», 1950, № 1, стр. 227.

²⁶ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Архитектура туркменского жилища. Труды ЮТАКЭ, под ред. проф. М. Е. Массона, т. III, М., 1953, стр. 67—70, рис. 33—39.

²⁷ См. В. Л. Воронина, Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951, стр. 47, рис. 30.

на керамике андроновского типа в Казахстане (рис. 10). С. В. Иванов зафиксировал точно такую же группу узоров у народов Северного Алтая и нижнего Иртыша и выделил ее в особый (VII) тип орнамента народов Сибири (рис. 11). Этот тип он считает весьма древним, входящим, по его классификации, во второй комплекс сибирского орнамента, сформировавшийся «повидимому, позже, чем первый, неолитический комплекс»²⁸.

Орнамент античного Хорезма первых веков нашей эры, имеющий столь широкие и прямые параллели в прикладном искусстве хорезмских узбеков

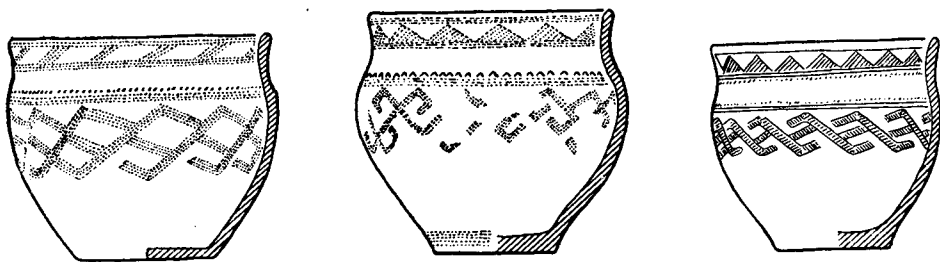

Рис. 10. Орнамент на сосудах андроновской культуры (Казахстан). Мотивы, сходные с архаическим типом узора каракалпакской вышивки и ковровых дорожек комбинированного тканья («жамбау», «ақ-баксур»)

и туркмен, отражается также и в народном каракалпакском узоре; например, стиль и композиция орнамента вышивки кимешека, как это показал С. П. Толстов в упоминавшемся выше отчете о работах Хорезмской экспедиции за 1945—1948 гг., аналогичны рисункам нагрудной части одежды женских фигур, изображенных в росписях дворца Топрак-кала

Рис. 11. Элементы нижнеиртышско-североалтайского (VII) типа орнамента народов Сибири (по классификации С. В. Иванова). Мотивы, сходные с каракалпакским орнаментом «муйиз»

старинные каракалпакские резные двери, обнаруженные в Муйнакском районе, сохраняют узор розеток с перекрещивающимися двойными завитками, заключенными в круг, — мотив, часто встречающийся в росписях этого же памятника. Много аналогий с орнаментом резных дверей, с ювелирными изделиями каракалпаков можно выявить и в археологических находках на памятниках позднейших периодов, в частности, афригидского времени (VI—VIII вв. н. э.). Все это говорит о давности и глубине исторических связей предков каракалпакского народа с оседлым земледельческим населением Хорезма — носителем высокой древней цивилизации. Но не менее убедительны свидетельства этнической общности предков каракалпаков с древними и средневековыми кочевыми и полукочевыми племенами, жившими в прилегающих к Хорезмскому оазису областях, на периферии Хорезмского государства.

Особенно распространены у каракалпаков узоры, типичные для огузских племен и встречающиеся в изобилии на керамических изделиях из развалин огузских городов в низовьях и на протоках дельты Сыр-Дарьи, а также в Ташаузской области Туркмении, на памятнике. Куня

²⁸ С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник, стр. 12 и 15 (табл. VII).

Уаз²⁹, гибель которого С. П. Толстов датирует XI в. и связывает с приходом сюда с Сыр-Дарьи сельджукских завоевателей огузов. Подтверждением большого участия огузских племен в этногенезе каракалпков служит и распространение орнамента вышивки, называемого «туркмен-нэгъыс» (см. рис. 9, 17—24). О другом обширном этнографическом материале, выявляющем связи с огузами и значительную близость материальной и духовной культуры каракалпков и туркмен, мы уже неоднократно сообщали в своих работах³⁰.

Многие отмеченные выше черты сходства каракалпакского народного узора (как и других форм культуры) с казахскими говорят об этническом родстве этих народов, скорее всего, связанном с более поздним историческим этапом формирования каракалпакской народности — XI—XII вв., когда в Приаралье нахлынули жившие у берегов Иртыша кыпчакские племена. Кыпчаки, как известно, стали одной из главных составных частей будущего казахского народа, формировавшегося на соседней с каракалпаками степной территории. В дальнейшем ходе исторических событий судьбы предков каракалпакского и казахского народов, а затем и судьбы самих этих народов имели много общего; их хозяйственные, политические и культурные связи не прекращались.

Интересны упомянутые нами выше результаты сопоставления каракалпакского узора с южносибирским, в частности, с алтайским. Сходство их, столь очевидное благодаря исследованиям С. В. Иванова, нельзя считать случайным. Новейшие этнографические материалы по Алтаю (Л. П. Потапов) и по Башкирии (Р. Г. Кузеев) вносят все более явные доказательства значительных связей тюркских племен Алтая в разные исторические эпохи с населением Приаралья и Урала; участие их в этногенезе каракалпков прослеживается, в частности, при анализе родоплеменного состава³¹.

Не менее важно выявить в этногенезе каракалпков, как и других народов Средней Азии, их исторические связи с населением Восточной Европы, народами Поволжья и Урала. В изучении этого вопроса сыграет большую роль сравнительный анализ не только форм одежды и головных уборов, которому положено начало работами С. П. Толстова и В. Н. Белицер³², но и анализ орнамента, в частности своеобразного и, видимо, древнего узора каракалпакской вышивки крестом.

Орнамент очень мало используется в исторических трудах в качестве научного источника для изучения этногенеза народов Средней Азии. Между тем работа в этой области должна развиваться; изучение орнамента поможет восстановить культурное наследство, историю становления самобытной, своеобразной национальной культуры каждого из народов Средней Азии и разработать сложную проблему их этногенеза.

²⁹ См. С. П. Толстов, Города гузов, «Советская этнография», 1947, № 3, рис. 13, 27, рис. 15, 20, 21, а также материалы археологических исследований А. Н. Бернштама на городищах огузского времени правобережья нижней Сыр-Дарьи.

³⁰ См. Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпков, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IX, М.—Л., 1950, стр. 107—108; Е е ж е, Каракалпакки Хорезмского оазиса, стр. 479—481, 566.

³¹ См. Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, 2-е изд., М.—Л., 1953, стр. 150—152; Р. Г. Кузеев, Родоплеменной состав башкир в XVIII в. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1954, стр. 6, 7; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпков, стр. 102.

³² S. P. Tolstov, Les principales étapes...; В. Н. Белицер, К вопросу о происхождении удмуртов, «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 113 сл.; Е е ж е, Народная одежда удмуртов. Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. X, М., 1951, стр. 56—58 (о девичьей шапочке «такъя»).

Н. Н. ЕРШОВ

СИСТЕМА ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ КИШЛАКЕ

*(По материалам с. Кыстакоз, ныне Чкаловск, Ленинабадской области
Таджикской ССР)*

В основу настоящей статьи положены сведения, собранные автором путем расспросов среди старожилов с. Чкаловск в 1951—1953 гг. и полученные данными из существующей по этому вопросу этнографической литературы.

Современное селение Чкаловск расположено в 9 км от станции Ленинабад и административно входит в Ленинабадский район одноименной области Таджикской ССР. По переписи 1939 г. в Чкаловске насчитывалось 10 953 человека, из них 10 178 таджиков. До 1939 г. селение носило свое старое название Кыстакоз (или Костакоз). До революции Кыстакоз был центром одноименной волости б. Ходжентского уезда Самаркандской области. Кроме самого селения Кыстакоз, в волость входили еще селения Каттаган, Исписар, Аучи и Қалъача, и сейчас входящие в Ленинабадский район; одно время в волость входило еще пять селений, носивших общее наименование Бишкент и отошедших после национального размежевания среднеазиатских республик к Киргизской ССР.

Селение расположено на северном крае обширной веерообразной равнины, которой заканчиваются в сторону Сыр-Дарьи северные склоны и невысокие увалы (адыры) Алайско-Туркестанской горной системы. Равнина эта образовалась от наноса камней, песка и глины выходящим из гор Ходжа-Бакирганским саем, который вплоть до 1938 г., т. е. до проведения Большого Ферганского канала им. Сталина, был единственным источником, снабжавшим водой весь современный Ленинабадский район.

Кыстакоз делился на четыре основные части: Хаузақ, Кентары, Джаугаль и Джуи-мугул. Эти части селения назывались каждая термином «джуйбор» (оросительный канал), ибо расположены они были каждая по течению своего оросительного канала. Эти каналы ответвлялись от одного магистрального канала (джуи калон), выведенного из Ходжа-Бакирганского сая. От него же выше по течению ответвлялись и каналы, подававшие воду на поля селений Каттаган, Исписар, Аучи и Қалъача. Каждая из указанных четырех частей селения Кыстакоз делилась в свою очередь на кварталы, называвшиеся «махалля» или «куча» (улица).

Главным занятием населения Кыстакоза как до присоединения края к России, так и в первое время после него, было полеводство. Преобладали посевы зерновых на поливных землях и в значительно меньшем количестве на богаре. Из технических культур возделывался лишь хлопчатник местных сортов (гуза), а из масличных — лен-кудряш (зигир) и сафлор. Кроме того, довольно много засевалось люцерны и бобовых. Помимо полеводства, значительное место в земледелии занимали садоводство и виноградарство. Овощеводство большого развития не имело.

Из статистических сведений, относящихся к первым годам присоединения края к России, мы узнаем, что податных земель, занятых посевами, садами и виноградниками, в Кыстакозе около 1872 г. было при-

близительно 4672 танапа или немногим менее 800 га, причем подавляющее большинство их было занято под зерновые культуры (исключая рис, посевы которого совершенно не производились из-за недостатка воды). Кроме этих земель, в Кыстакозе было также некоторое количество и вакуфных земель. Они принадлежали как некоторым местным кыстакозским, так и иногородним мазарам и мечетям. Так, например, свои земли имел в Кыстакозе известный ходжентский мазар шейха Мослахиддина. Количество этих вакуфных земель точно установить, к сожалению, не удалось, как не удалось найти ни одной дарственной на землю, отданную в вакф тому или иному мазару или мечети.

При сборе сведений о распределении поливной воды между отдельными джуйборами старого Кыстакоза удалось выяснить, что всего в селении перед революцией считалось 4960 танапов поливной земли, причем в Джаугале было 1100 танапов, в Хаузаке — 2300, в Джуи-мугуле — 660 и в Кентарыке — 900 танапов земли.

Как говорилось, Кыстакоз и Кыстакозская волость получали воду из Ходжа-Бакирганского сая, откуда снабжались водой также г. Ходжент и Унджинская и Гулякандозская волости Ходжентского уезда. Наши осведомители подтвердили сообщение Н. С. Лыкошина, что очередность на получение волостями воды из сая существовала лишь в течение трех весенних месяцев. Этими месяцами были хамал (7/III—6/IV), савр (7/IV—7/V) и джавзо (8/V—8/VI). Лыкошин при описании очередности получения воды упоминает русские месяцы март, апрель и май¹. Расхождение между сведениями Лыкошина и нашими заключается в том, что, по Лыкошину, Ходжент получал воду одновременно с Унджинской волостью, а Кыстакозская волость — одновременно с Гулякандозской². По нашим же сведениям, Гулякандозская волость получала воду одновременно с Унджинской и г. Ходжентом, а селения Кыстакозской волости — после них.

Очередность получения воды в три весенних месяца была следующей. В месяце хамал сначала 14 дней брал воду Ходжент с Гулякандозской и Унджинской волостями, потом 16 дней брала воду Кыстакозская волость. В месяце савр сначала 10 дней брал воду Ходжент с Гулякандозской и Унджинской волостями, а затем 20 дней брала воду Кыстакозская волость. Наконец, в месяце джавзо 8 первых дней брал воду Ходжент с Гулякандозской и Унджинской волостями, потом 14 дней брала воду Кыстакозская волость, наконец 8 дней опять Ходжент с Гулякандозом и Унджи. Таким образом, за три весенних месяца Кыстакоз получал воду сая в течение 50 дней, а Ходжент с Унджинской и Гулякандозской волостями — в течение 40 дней.

По преданию, раньше Кыстакоз получал гораздо больше воды. По одному варианту, в течение всех этих месяцев Кыстакоз получал всю воду сая, по другому — он брал воду в течение 78 дней, а 12 дней воду брал Ходжент. Порядок этот будто бы был установлен неким Охбутабеком, «построившим ходжентскую урду—цитадель» примерно 400—500 лет назад. По другой версии, «называемый Охбутабеком человек взял Ходжент и наложил на него контрибуцию»³. Дальше предание рассказывает, что между ходжентцами и кыстакозцами произошла из-за чего-то стычка, в которой был убит один ходжентец и в виде выкупа за его кровь кыстакозцы были вынуждены отдать ходжентцам право получать воду сая весной в течение 40 дней. Другая версия гласит, что это право было продано ходжентцам лет 60—70 назад кыстакозским амином⁴ Мулло

¹ Н. С. Лыкошин, Полжизни в Туркестане, Пггр., 1916, стр. 46.

² Там же.

³ Л. Ф. Костенко, Туркестанский край, СПб., 1880, стр. 443.

⁴ «Амином» называлось в Кыстакозе должностное лицо, замененное после прихода русских волостным правителем, которого население называло «булус». «Амином» же при русских стали называть прежнего иликбоши — пятидесятника.

Абдуррахманом, подкупленным горожанами. За такую измену интересам односельчан народ будто бы ненавидел не только Абдуррахмана, но даже и его потомков, с ними при встречах не здоровались, их не звали ни на семейные праздники — туи, ни на похороны и поминки и сами к ним не ходили. На эту продажу будто бы была составлена купчая — «васика», которая хранилась у ходжентцев и служила при возникавших спорах неопровержимым доказательством их права на воду. По третьей версии, продажи воды не было, а по инициативе уездного начальства и при участии местной администрации селений Ходжентского уезда, пользовавшихся водой Ходжа-Бакирганского сая, очередность пользования водой сая в весенний период маловодья была пересмотрена и изменена, о чем был составлен акт, под которым подписались представители селений, в том числе и упомянутый кыстакозский амин. Весьма вероятно, что при совершении этого акта действительно не обошлось без подкупа участников пересмотра сроков пользования водой сая в три весенних месяца.

Если уменьшение получаемой Кыстакозом воды мало отразилось на площади плодовых насаждений и виноградников, то площадь поливных посевов значительно сократилась и сильно выросла площадь перелогов и залежей. Переложная система посевов зерновых и пропашных культур существовала до 1940 г., т. е. до сооружения Большого Ферганского канала, давшего возможность как ликвидировать перелог, так и освоить залежи.

С начала месяца саратон (9/VI—9/VII) начинался летний паводок, и надобность в очередности на воду отпадала до следующей весны. Но и при самом большом паводке Кыстакозская волость не могла получать больше того количества воды, которое могло пройти по туннелю, прорытому в скале немного ниже головы Кыстакозского арыка, отведенного из Ходжа-Бакирганского сая. Как нам говорили, через этот туннель могло пройти не больше 5 «саньгов» воды⁵. Таким образом, Кыстакоз и Кыстакозская волость были лишены какой-либо возможности расширения своих поливных земель.

Независимо от очереди на воду, г. Ходжент получал постоянно три саньга воды, из которых один саньг считался «хакки хаузи мазор» — долей водоема мазара (шейха Мослахиддина), один саньг — «барон шахру дохтурхона» (городу и больнице) и один саньг — «рохба сарф мешут» (расходовался по пути, т. е. впитывался почвой по пути от города до города)⁶.

Получаемая Кыстакозской волостью вода делилась между селениями волости на 9 равных частей следующим образом: Калъача получала 1 часть, Исписар — 2, Каттаган — 1, Кыстакоз — 5. От главного канала после выхода его из туннеля на равнину по его левому берегу сперва отделялся канал селения Калъача, ниже — канал, шедший на Исписар, еще ниже — канал селения Каттаган. Ниже его главный канал разветвлялся уже на арыки, питавшие водой земли самого селения Кыстакоза. В разветвлениях каналов ставились «кухуры», представлявшие собой деревянные плахи с соответствующим числом прорезей в них, по которым поступающая сверху вода распределялась по разветвляющимся ниже такого сооружения арыкам.

Таким образом, собственно Кыстакоз получал $\frac{5}{9}$ от 5 саньгов воды. Из этого количества выделялись особые небольшие арыки «вода Халима-пятисотника» (оби Халим понсад) и «вода сада мира» (оби

⁵ «Саньг» (тадж.) или «тегермон» (узб.) — распространенная в Средней Азии мера воды, которую обычно весьма неопределенно считают равной струе воды, способной привести в движение один постав местной мельницы.

⁶ По Лыкошину, эти три саньга воды предназначались просто для удовлетворения нужд русской части города (Указ. соч., стр. 46).

боги мирй). Кубометраж первого установить не удалось, а кубометраж второго измерялся 3 вершками (се вершок). Повидимому, «вода Халима» была немногим больше «воды сада». Когда-то выделение этих двух отдельных небольших количеств воды в особые арыки было узаконено соответствующим документом и пользовались этой водой определенные лица. Накануне же водной реформы водой из этих двух арыков пользовались люди, не имевшие собственной, буквально «купленной на золото» (оби зархарид) воды. Поэтому вода эта называлась «шальная вода» (оби дайду), «безымянная вода» (оби беном) или «вода вне очереди» (оби бенаубат, оби беруна). «Вода Халима» использовалась на территории джуйбора Джаугаль.

О происхождении ее существует рассказ, что некто Халим, по прозвищу «понсад» (пятисотник), пользуясь тайком водой из общего арыка, вырастил хороший сад. В конце концов это воровство воды надоело ее собственникам, и они лишили Халима возможности красть их воду. Тогда Халим, воспользовавшись приездом в Кыстакоз ходжентского правителя — хакима, принес для его угощения 21 корзину различных сортов фруктов из своего сада и одновременно с этим подал ему челобитную (ариза), в которой говорил, что если ему не дадут возможности получить воду, купить которую он не в состоянии, то выращенный им сад, из которого он принес эти фрукты, погибнет. Правитель будто бы сказал, что если такой сад, лишившись воды, засохнет, вода может обидеться гибелью своего детища и совсем не пойти в кыстакозский арык. Поэтому необходимо дать право Халиму на получение такого количества воды, которое нужно для орошения его сада. Владельцы воды были вынуждены отвести из общего арыка селения небольшой арык, получивший название «оби Халим понсад». С тех пор прошло неизвестно сколько времени. Давно нет ни Халима, ни его сада, а имя его сохранилось в названии арыка, по которому до последних лет шла «вода Халима-пятисотника», — ею пользовались не имевшие своей воды жители Джаугаля. Арык этот отделялся от общего арыка селения метров на 200 выше первого вододелителя — кухура, делившего воду между четырьмя основными частями Кыстакоза, причем он был выведен с правой по течению стороны магистрального арыка и шел параллельно последнему, а потом по особому желобу (ноу) переходил на левый берег магистрального арыка и уже здесь разветвлялся по земельным участкам.

То же самое, вероятно, произошло при выделении «воды сада мира», которой пользовались не имевшие своей воды жители Кентарыка, расположенного ниже всех других частей селения по течению арыка. Эта «вода мира» выделялась опять-таки из общего количества воды, подававшейся магистральным каналом, т. е. это выделение не задевало интересов какого-либо одного лица, а шло, так сказать, за счет воды всего селения. Некоторые старики говорили, что «сад мира» (боги мирй) был когда-то разбит на месте современного общепоселкового сада-парка. Владелец сада, носивший титул «мир» (князь), имел, вероятно, право на воду, но по каким-то причинам вода эта «разъединилась» с тем участком земли, за которым она была в свое время закреплена, и тоже стала «безымянной». Ею стали пользоваться «люди, не имевшие очереди на воду», «люди, не имевшие воды».

Вся остальная вода, получаемая селением, делилась на пять равных частей, каждая из которых называлась «одна вода» (як об). Две из этих долей получал Хаузак, а все три остальные части Кыстакоза получали по одной доле. Для распределения этих долей были установлены соответствующие вододелители — кухуры: первый, находившийся немного выше Джаугаля и ниже ответвления арыка «оби Халим понсад», отделял для Джаугаля одну пятую всей воды канала за вычетом одной пятой доли воды «боги мирй», падающей на Джаугаль. Это выделение производилось соответствующим уменьшением прорези в водораздельной плахе.

отводившей воду в сторону Джаугалья, и увеличением прорези, отводившей воду других частей селения, расположенных ниже. Несколько ниже первого кухура был расположен следующий кухур, деливший оставшиеся в канале 4 части воды пополам между Хаузак (получавшим две части воды), с одной стороны, и Кентарыком и Джуи-мутулом (получавшими каждый по одной части воды), — с другой, причем доля воды «боги мирй» падавшая на Хаузак, тоже отделялась описанным выше способом из последнего последним количеством воды и присоединялась к воде Кентарыка и Джуи-мугула. Наконец, последний кухур делил воду между двумя последними частями Кыстакоза. Но предварительно из общего канала по которому шла вода для Кентарыка и Джуи-мугула, метра на 2 выше водораздела, специальными «кухурчаи Чорбог» отделялись 3 вершка «оби боги мирй» и по отдельному небольшому арыку отводились ниже и присоединялись к арыку Кентарыка ниже его раздела с арыком Джуи-мугула.

В Хаузаке «шальной воды» не было, но там существовал другой порядок, согласно которому собственники мелких участков земли, не имевшие права на воду (они назывались «милкдорони хушк» — сухие землевладельцы, или «беобо» — безводные), пользовались водой одновременно с владельцами воды, для чего отпужжали входные отверстия (дахана) своих арычков, но обязательно выше ответвления арыков владельцев воды. Ниже этого ответвления открывать арычки им не разрешалось. «Они сидели, открыв входные отверстия (своих арычков) выше нашего кухура, ниже кухура мы не позволяли (им открывать воду), так как вода (там) становилась нашей собственной», — объясняли нам старики. В некоторых случаях владельцы воды не разрешали открывать воду и выше своих кухуров, но «сухие землевладельцы», пользуясь видимо старой традицией, все-таки отпужжали свои арыки. Тогда происходило своеобразное соревнование на твердость характера. «Они (были) заняты открыванием входа (в свои арыки), мы же (были) заняты перепуживанием (их)», — говорили нам. Однако при этом никаких ссор или драк не происходило, может быть, вследствие боязни нарушить традицию и получить за это какое-нибудь ироническое прозвище, на что кыстакозцы были большие мастера, а может быть, и потому еще, что участки эти «безводных» владельцев были весьма незначительны и воды на их полив расходовалось сравнительно мало.

В Кентарыке это не практиковалось: «в Кентарыке не позволяли челоу веку открывать дахана», так как там «воду сада по очереди давали беднякам». Владелец этой «воды сада» считалось общество (куп).

В Джуи-мугуле, самой зажиточной и более всего обеспеченной водой части селения (она получала «як об» — «одну воду», т. е. $\frac{1}{5}$ всей воды Кыстакоза, на 660 танапов, тогда как такое же количество воды Кентарык получал на 900 танапов, Джаугаль — на 1100 танапов, а Хаузак — на 1150 танапов), не имевших собственной воды людей почти не было. Поэтому не было и обычая пользоваться общей водой, как не было и «безымянной воды».

Следует сказать, что вопрос о пользовании водой из общего арыка селения или из общего арыка его отдельной части людьми, имевшими землю, но не имевшими официального, т. е. подтвержденного документами (купчей и т. д.) права на получение воды, требует дополнительного исследования. Думается, что здесь мы имеем весьма интересный реликт старых отношений сельской общины с ее коллективной собственностью на воду.

Одна доля воды, получаемая в течение одних суток, как уже говорилось, называлась «одна вода» (як об) или «одна часть воды» (як такси ми об). Таким образом, Хаузак получал «две воды». Вся эта вода имела своих владельцев. «Круг воды» (даврай об), т. е. один цикл очередности на ее получение, состоял из 16 суток или из 16 очередей (наубат). Когда

кончался этот шестнадцатидневный цикл, очередь опять начиналась снова («когда кончались шестнадцать дней, очередь снова начиналась с первой воды»). 16 суточных очередей на двойную порцию воды в Хаузаке назывались: 1-е сутки «сароб» (первая вода); 2-е сутки «оби эшон» (вода ишана; принадлежала шейхам мазара Гумбази); 3-и сутки «оби бой» (вода бая; ею орошались вакуфные земли); 4-е сутки «оби мир» (вода мира; половина ее, или «як об», принадлежала одному хозяину, а вторая половина принадлежала пополам двум другим хозяевам); 5-е сутки «оби Сулаймонбек» (вода Сулейманбека); 6-е сутки «оби шейх» (вода шейха; принадлежала вакфу Ходжентского мазара шейха Мослахиддина); 7-е сутки «оби Авлиспоччо» (вода Авлиспоччо, одного из крупных кулаков селения); 8-е сутки «оби эшон» (вода ишана; принадлежала еще какому-то ишану); 9-е — 14-е сутки — названия выяснить, к сожалению, не удалось; 15-е сутки «поин об» (последняя, буквально нижняя, вода; владельцев выяснить не удалось); 16-е сутки «оби чакана» (вода мелкими долями; принадлежала большому числу хозяев).

Как видим, в джуйборе Хаузак вода принадлежала в основном наиболее зажиточной верхушке этой части Кыстакоза или на правах вакфа составляла собственность религиозных учреждений. Средней и бедной части населения принадлежало весьма небольшое количество воды. Собственность на воду служила средством эксплуатации беднейшей части населения. Баи и управители вакуфных земель, как правило, не обрабатывали сами свою землю, предпочитая отдавать ее в аренду издольщикам. При расчете с ними после снятия урожая баи и управители вакфов брали с издольщиков за воду одну треть урожая, говоря, что это «вознаграждение за воду» (хакки об); вторая треть бралась за землю и т. д.

Первоначально «круг воды» (даврай об) в Хаузаке состоял из 15 суток, но лет 80 назад потребовались значительные средства на покрытие расходов по сооружению головы магистрального канала и община решила продать «навечно» одну суточную воду своей «махалля». Ее купили «сухие землевладельцы» (одамони милкдори хушк), т. е. люди, имевшие землю, но не имевшие права на воду, и с тех пор цикл очередного пользования водой стал состоять из 16 суток. Поскольку эту суточную воду последних суток 16-дневного цикла купили мелкими частями несколько человек, данную очередь на получение воды и называли «оби чакана». Подобные случаи продажи воды на определенный срок, иногда на одни сутки, имели место еще несколько раз, но только тогда, когда требовались средства на поддержание ирригационной системы, т. е. доход от продажи воды тратился на воду же. В таких случаях очередь пользования водой для коренных ее хозяев отодвигалась соответственно тому сроку, на который вода продавалась. Продажу воды по решению сельчан производил мираб. Нет сомнения, что это давало последнему возможность всяких злоупотреблений.

Когда нарушалась регулярная подача воды, что довольно часто случалось в результате размыва канала в его головной части в период весенних дождей или бурного таяния снега в горах летом, то очередь пользования водой соответственно отодвигалась на то число дней, в течение которых происходил ремонт канала.

Суточная вода (як об) делилась на более мелкие части кратно к двум: половина воды (нимта об) — пользование водой в течение полусуток, четверть воды (чойраки об) — пользование водой в течение 6 часов, половина четверти воды (нимчойраки об) — пользование водой в течение 3 часов, одна чакса⁷ воды (як чакса об) — пользование водой в течение

⁷ «Чакса» — старинная мера веса, употреблявшаяся в Кыстакозе и равная примерно 1 кг. В применении к воде и времени пользования ею она равнялась $\frac{1}{16}$ суток.

полтора часов. Иногда соседи, имевшие одинаковое количество воды, брали ее одновременно и сами делили пополам, устраивая «кухурч» в других случаях все принадлежащее им обоим вместе количество воды они брали по очереди. Обычно за соблюдением очереди на воду в течение «круга воды» и за соблюдением правильного режима пользования водой в течение суток следил мираб.

В остальных трех частях Кыстакоза существовала примерно такая система распределения воды между ее владельцами, отличавшаяся описанной лишь другой продолжительностью «круга воды».

Время пользования водой днем определялось при помощи особого весьма примитивного сооружения, называвшегося по-таджикски «чени об» (мера воды), а по-узбекски «куланка». Состояло оно из «одного куска глины» (як кетман лой), т. е. количества глины, взятой один раз кетменем. Из нее делали ровную площадку, в которую втыкали вертикально палочку и по отбрасываемой ею тени определяли время наступления или окончания очереди пользования водой. Когда не было солнца, то либо искали человека, имевшего часы, либо определяли время приблизительно, прибегая к авторитету мираба, который разрешал спор, упуская при этом возможности получения и личной пользы.

Время наступления очереди на получение воды в течение суток определяли и по намазам. Сутки делились на четыре равные части — очереди. Первая дневная очередь на получение воды начиналась с того момента, когда первый человек выходил из мечети после окончания первой утренней молитвы (намози бомдод), и продолжалась до «чени чорьяки» (меры четвертой), определенной посредством «чени об», по часам, или же приблизительно и соответствовавшей примерно 10 часам утра. С этого момента начиналась вторая очередь, продолжавшаяся до окончания второго намаза (пешин) и называвшаяся «чени пешин»; третья очередь продолжалась от конца намаза «пешин» до конца последнего, пятого намаза «хуфтан», происходившего около 10 часов вечера. По окончании этого намаза начиналась четвертая очередь, тянувшаяся до конца первого утреннего намаза «бомдод».

Обычно предпочитали брать ночную очередь, потому что «ночная вода была целью» — ее не делили между несколькими владельцами, — также потому, что максимальный дебит воды от таяния снегов в верховьях Ходжа-Бакирганского сая, получавшийся в наиболее теплые часы дня, доходил до Кыстакоза только ночью. От головного сооружения Кыстакозского магистрального канала, называвшегося «сари джуй» (головной арыка) и находившегося в местности Иски-оучи, на 5 км выше с. Кальча, вода доходила до Кыстакоза за 5—6 часов.

Если возникали споры из-за воды, то для их разрешения звали мираба. А если и он не мог решить спора, то обращались к аксакалу селения. В Кыстакозе было пять мирабов, которые ведали распределением воды на территории селения. Водой же всей системы Ходжа-Бакирганского сая ведал мираббоши, находившийся в Ходженте.

За исправностью оросительной системы, в особенности головного сооружения магистрального канала Кыстакозской волости в месте отделения его из Ходжа-Бакирганского сая, а также и верхнего отрезка канала (от головного сооружения до туннеля), проведенного по очень крутому и обрывистому горному склону и особенно подверженного размыву, как от устремлявшихся с гор по склонам дождевых вод, так и в результате малейшего нарушения внешнего (по отношению к горному склону) берега канала, наблюдали особые джуйбоны (сторожа арыка). Каждая из четырех частей Кыстакоза имела по одному джуйбону. Точно так же селения Исписар, Каттаган и Кальча, пользовавшиеся магистральным каналом совместно с Кыстакозом, имели каждый по одному джуйбону. Джуйбоны являлись местными жителями и выбирались населением. Часть из них постоянно дежурила у головного сооружения, другая же

часть вела наблюдение за магистральным каналом на участке от головного сооружения до туннеля. Этот участок был наиболее ненадежным: по рассказам, достаточно было убрать с берега канала один небольшой камешек или носком сапога пробить в борту канала малейшее отверстие, как вода тут же расширяла его, а затем и совсем размывала берег канала, проведенный на большой высоте по крутому склону. Тогда приходилось всю воду в голове канала сбрасывать в реку для предупреждения дальнейшего размыва и чинить прорыв. Так как такие прорывы были на руку другим водопользователям (получавшим таким образом внеочередную воду, которая им не засчитывалась), то бывали случаи преднамеренной с их стороны порчи Кыстакозского канала. Поэтому постоянное наблюдение за каналом было необходимо.

Если случившийся прорыв был небольшим, джуйбоны сами ликвидировали его. Если же это было им не под силу, то на починку канала срочно вызывались жители с. Калъача. В случае больших прорывов вызывалось население из Кыстакоза, Исписара и Каттагана. Для этого посылался верхом на лошади один из джуйбонов, который передавал о случившемся арбобу селения, а последний объявлял: «арык размыло, нужны рабочие» и назначал необходимое число рабочих и количество материалов — бревен и хвороста — для ликвидации аварии. Эти прорывы были довольно часты и отнимали много времени и сил. Не обходилось иногда и без человеческих жертв. «Прорывы канала окончились с наступлением свободы» (т. е. революции), говорили нам, так как в первый же год после революции головные сооружения и наиболее подверженные размыву участки магистрального канала были зацементированы.

Много сил, времени и материалов расходовалось также на ежегодную очистку ложа канала и головного сооружения. Эти работы проводились каждую весну в течение пяти дней до первого пуска воды в канал Кыстакоза. На очистку канала (джукани) выходили жители Кыстакоза, Исписара и Каттагана по одному человеку от каждого дома. Жители с. Калъача, расположенного ближе других селений к головному сооружению канала, от выхода на очистку канала освобождались, так как они обязаны были работать на ликвидации мелких прорывов канала во время его эксплуатации, когда жители других селений не вызывались.

Во время очистки головы арыка кыстакозцы объединялись в группы по 20—25 человек, собирали вскладчину деньги, закупали на них продукты для приготовления горячей пищи во время работ (хлеб все приносили с собой). Очистку канала начинали с головной части и шли вниз по течению. Дойдя до ответвления канала селения Исписар, жители Исписара бросали работу. Жители Каттагана вместе с другими продолжали работу до ответвления своего канала. Остальную часть канала до первого водodelителя в Джаугале очищали жители четырех частей Кыстакоза сообща, а лежащую ниже сеть канала жители каждой части селения очищали отдельно: каждая часть чистила арыки на своей территории.

Мирабы и джуйбоны избирались населением, что, однако, не исключало влияния на эти выборы зажиточной части односельчан. За свою работу мирабы и джуйбоны получали с жителей своей части селения вознаграждение натурой, называвшееся «каусан» и состоявшее из «нимюхча»⁸ — продукции той или другой сельскохозяйственной культуры с каждого танапа поливной земли. С посевов люцерны в каусан давали один или два лошадиных выюка сена. Каусан мирабы и джуйбоны собирали сами, обходя посевы своих односельчан во время уборки урожая. Если они не успевали всех обойти, владельцы посевов при уборке урожая сами отделяли их долю и вручали ее впоследствии. При отмеривании каусана пользовались большим решетом, употреблявшимся при

⁸ «Нимюхча» — старинная мера веса, употреблявшаяся в Кыстакозе и равнявшаяся двум «чакса», т. е. 1, примерно 2 кг.

очистке зерна после обмолота и веяния и называвшимся «чоч» (узб.) или «галбер» (тадж.). Чоч обычно вмещал пуд зерна. Им же отмеривались и другие продукты: фрукты, корнеплоды, хлопок-гуза. Кроме каусана, джуйбоны получали в пользование небольшие участки земли в верховьях канала, где могли производить посевы.

Ограниченное количество воды, получаемой Кыстакозом из Ходжа-Бакирганского сая, не давало возможности расширения поливного клина земель. Поскольку вода была строго закреплена за владельцами земель, всякие попытки освоения новых площадей были обречены на неудачу.

После присоединения края к России положение с водой осталось прежним. Царская администрация не предприняла ничего для улучшения существовавшей ирригационной сети и не строила новых гидротехнических сооружений. Русские капиталисты, видя в Туркестанском крае источник получения ценного сырья — хлопка, стали, правда, вкладывать сюда средства, но только в нарождавшуюся хлопкообрабатывающую промышленность, в области же увеличения посевов хлопка и улучшения качества волокна они ограничились завозом и продажей семян американского хлопка и организацией кабальной системы авансирования дехкан. В части расширения поливных земель население было предоставлено самому себе. В области правовых отношений, касающихся водопользования, коренных изменений тоже внесено не было и все оставалось попрежнему вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, после победы которой земля и вода были национализированы. Однако существовавшие до революции земельно-водные отношения продолжали на практике свое существование до проведения земельно-водной реформы.

Земельно-водная реформа в корне изменила правовые отношения, но количество воды осталось прежним. Правда, как мы уже говорили, в самом начале установления советской власти головная часть магистрального канала Кыстакоза была зацементирована и население Кыстакоза было избавлено от трудоемких работ по ежегодному восстановлению головы канала и ремонту магистрального канала, ложившихся в основном на плечи трудовых элементов кишлака. Тем не менее вопрос увеличения посевов поливных культур стоял с прежней остротой. Это показывает, каким огромным событием была постройка Большого Ферганского канала им. Сталина, прорезавшего всю Ферганскую долину с востока на запад и решившего проблему орошения и освоения новых земель не только для Кыстакоза и Ленинабадской области, но и для ряда районов Узбекистана.

В настоящее время все занимающееся сельским хозяйством население Чкаловска объединено в одном крупном колхозе им. Маленкова, представляющем современное крупное многоотраслевое коллективное хозяйство крестьян. Колхоз владеет большим количеством земли — за ним закреплено в вечное пользование 10 336,5 га земли, в том числе поливной 1732 га, т. е. вдвое больше, чем было раньше. Основной отраслью хозяйства колхоза является хлопководство, приносящее колхозу наибольшую часть доходов. В 1952 г. валовой доход колхоза им. Маленкова составил около 20 млн., а неделимые фонды колхоза на 1 января 1953 г. составляли около 26 млн. рублей.

Такого коренного разрешения вопроса водопользования трудовое крестьянство смогло добиться лишь при советской власти и колхозном строе в результате огромных повседневных забот Коммунистической партии и правительства Советского Союза об укреплении и дальнейшем развитии социалистического хозяйства нашей страны.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

С. РАМАДАНИ

НАРОДНОЕ ЖИЛИЩЕ СЕВЕРНОЙ АЛБАНИИ

(Долина реки Мати)

Изучение материальной культуры албанцев представляет большой интерес. Она характеризуется чрезвычайным разнообразием форм, касается ли это жилища или одежды, украшений или утвари. Сейчас, когда усилия всего народа направлены на построение основ социализма, существенно меняются быт и материальная культура населения во всех уголках страны. Однако эти изменения не вытеснили еще окончательно старые формы. Культура албанского народа, особенно населения северной, горной части Албании, сохраняет много архаических черт. Это обстоятельство вызвано рядом исторических причин. Турецкое иго, длившееся с середины XV до начала XX в., надолго задержало экономическое и политическое развитие албанского народа. В области общественной жизни это проявлялось в длительном сохранении родовой организации, родовых институтов, а также в сохранении вплоть до XX в. значительных элементов феодальных отношений.

Многочисленные мятежи и крестьянские волнения не затихали в Албании в течение всего периода турецкого господства. После провозглашения в 1912 г. независимости Албания раздиралась феодальными междоусобицами, политическими смутами, подвергалась иностранным военным вторжениям.

В. И. Ленин в 1912 г. писал о положении балканских стран, что там «...до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей»¹.

После падения турецкого владычества феодально-капиталистическая клика короля Зогу проводила антинародную политику, хищнически эксплуатировала народ и экономические ресурсы страны, превратила Албанию в колонию иностранных держав.

Все эти обстоятельства послужили причиной сохранения старинного типа укрепленного жилища — «кулы». Это массивное каменное сооружение, приспособленное для обороны во время военных действий. В настоящее время кулы сохранились лишь в северной части страны, — более отсталой в экономическом отношении по сравнению с южными районами.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 340

Жители северных районов были оторваны даже от тех немногочисленных торговых и культурных центров, которые существовали в стране в середине XX в., и крайне разобщены между собой. Сообщение в горы поддерживалось только вьючным транспортом, что соответствовало низкому уровню развития производительных сил: применялись архаические орудия труда, низкая техника земледелия; сохранялись соответствующие этому уровню производительных сил производственные отношения.

Вплоть до 1944 г. на севере страны сохранялись древние территориально-административные и военные единицы — байраки (флямуры). Сохранялась власть и авторитет военных вождей — байрактаров (флямуртаров). В более развитых экономически и политически центральных и южных районах страны, а также на северо-западе, в районе Шкодера, развивались буржуазные отношения, постепенно отмирали пережитки феодализма и остатки родоплеменного устройства.

Итак, причинами исторического и экономического порядка объясняются те различия в материальной культуре между севером и югом Албании, которые мы наблюдаем в настоящее время. Для нашей темы интересны различия в типе народного жилища.

Если на севере кула является распространенным жилищем, в которой до сих пор живут крестьяне, то на юге встречаются только старинные разрушенные или заброшенные кулы.

Исчезновение кулы на юге объясняется, помимо причин социально-экономического порядка, также историческим прошлым этой части страны. Юг больше всего пострадал от нападения завоевателей (турок и греков) и подвергся большому разрушению. Захватчики старались в первую очередь разрушать кулы, представляющие собой маленькие защищенные крепости.

Как и повсюду, в постройке жилищ большую роль играют природные условия, прежде всего наличие того или иного строительного материала.

Отсутствие удобных путей сообщения между отдельными районами Албании препятствовало перевозке строительного материала. Поэтому каменные дома не были типичны для всех районов страны. Так, например, на равнине Музакье, покрытой многочисленными болотами, которые в настоящее время осушаются, основным материалом для постройки крестьянских жилищ был тростник. Такие строительные материалы, как камень или дерево, были здесь дороги, и крестьяне не имели средств на их покупку. Они строили небольшие дома на низком фундаменте, состоящие из двух комнат, с крышей, но без потолка. Стены строились из плетеного тростника, обмазанного глиной. Пол был земляной и застилался рогожами. Убранство комнат было очень бедное и примитивное. Посередине комнаты в этих домах располагался очаг, дым от которого выходил, прямо через крышу.

Жилища крестьян сосредотачивались вокруг дома феодала или возводились посреди земельного участка, принадлежавшего крестьянину.

В юго-восточной части Албании (районы Корча, Поградец, Бимиштер, Колонья) мы встречаем совершенно другие типы жилищ. В отличие от равнины Музакье дома здесь каменные, двухэтажные, верхний этаж которых состоит из трех комнат. Дом обнесен верандой, на которую ведет внешняя лестница. Стены домов белят известью, на фасадную сторону выходят застекленные окна. В нижнем этаже такого дома хранятся припасы, и здесь же обычно расположена кухня. Эти дома свидетельствуют о более высоком культурном уровне населения этой области.

В самой южной части Албании, в районах Гьирокастра, Лянджерик, Дропули и др., мы встречаем распространенный тип жилищ, называемый греко-средиземноморским. Это каменные четырехугольные постройки, с фасадной стороны которых много окон. Дом обычно окружен двором, вымощенным камнем.

О распространении греко-средиземноморских домов на Балканском полуострове, в частности в Албании, писал Цвиич. Судя по его карте, этот тип построек распространен на юге и юго-востоке, становясь реже с продвижением на север. Урбан считает, что Цвиич преувеличивает распространение этих построек; они типичны, по его мнению, только для небольшой области на юге Албании (в так называемом Албанском Эпире). Но и до наших дней в районах, указанных Цвиичем, встречаются эти постройки в большом количестве. Мне кажется, это достаточное основание считать, что прав был Цвиич.

Особый интерес для изучения народного жилища представляет средняя Албания, где сочетаются различные виды жилых построек.

Самым распространенным типом являются эльбасанские дома. Это одноэтажные здания с земляным полом, стены их — из необожженного кирпича, каждый дом почти наполовину обнесен верандой. Дома эти разделены на две половины. Одна комната служит для приготовления пищи и для другой домашней работы. Посередине ее расположен очаг без дымохода, поэтому дым выходит через случайные щели в крыше; потолка в этой комнате нет. Другая комната является жилым помещением, более удобным; здесь имеются потолок и дощатый пол. Эта комната служит также и для приема гостей. Наряду с домами эльбасанского типа часто встречаются двухэтажные дома с верандой, кула же попадает очень редко. Но название кулы еще сохранилось у жителей сел Дэрвен, Мэркин, Жея (в области Фуш-Круи, недалеко от Тираны) в применении к двухэтажным пристройкам домов, где обычно располагается мужская половина семьи. Конкретно это можно проследить на жилых постройках указанных выше сел.

Как пример, возьмем дом Ндрек Палюки. Это большое одноэтажное здание с кирпичными стенами. От двух центральных комнат ведут входы в другие, небольшие комнаты, предназначенные для женатых сыновей. Характерной особенностью этого дома является двухэтажная пристройка, расположенная с фасадной стороны, — небольшая башенка под отдельной крышей, называемая кулой. Такую же башенку, под тем же названием, имеет дом, принадлежащий Гьон Пашки в селе Дэрвен. По всей вероятности, это название сохранилось потому, что, по словам самих жителей, они являются пришельцами из северных, горных районов Албании, где основным жилищем служат кулы.

В северной Албании наиболее распространены кула и альпийские дома, характеризующиеся высокой крутой крышей из дранки или шифера.

Итак, на территории Албании встречаются самые разнообразные типы жилищ. Но нет сомнений, что наиболее характерной для горных районов Албании является постройка, называемая кулой, которая на юге постепенно заменялась другими типами жилищ, а на севере до настоящего времени имеет большое распространение. Описанию жилища типа кулы посвящена, в основном, данная работа. В ней использованы материалы автора, касающиеся построек долины реки Мати, собранные в 1954 г. в селах Курдари, Патын, Урака и других. Привлекаются также данные, собранные автором в районе Фуш-Круи, в селах Дэрвен, Мэркин, Верхняя Жея, Нижняя Жея. Изучение жилища, как и хозяйственных строений, долины Мати интересно не только ради самих оригинальных и самобытных форм построек; значение его возрастает в связи с тем, что имеется предположение (по языковым данным), согласно которому эта местность была одной из областей первоначального расселения предков албанцев.

* * *

Река Мати берет начало в горах. Долина ее представляет собой вытянутую впадину глубиной около 200 м. Берега реки имеют форму ступенчатых выступов, образованных горизонтально залегающими третич-

ными отложениями, которые покрыты кустарником, преимущественно дубняком.

Местность очень суровая и чрезвычайно удобная для постройки трудно доступных укреплений. В этой области везде встречаются такие сооружения, как кулы.

Долина Мати окружена с двух сторон высокими, трудно проходимыми горами. Более или менее тесная связь возможна только со сравнительно доступными котловинами долины реки Дрин и горной местностью Мердита. Поэтому область Мати в течение многих веков была весьма обособлена в политическом и экономическом отношении.

Долина Мати — сравнительно плотно заселенный район северной Албании, насчитывающий около 24 тысяч жителей.

Горная местность мало пригодна для земледелия. Основным занятием населения является скотоводство (овцеводство). Однако местные жители издавна занимались и земледелием на террасовых искусственных полях. Здесь сеют кукурузу (она всегда была основным продуктом питания), разводят виноград, выращивают фрукты (яблоки, груши, гранаты, орехи) и овощи (капусту, чеснок, картофель², фасоль).

Зерно мелют на водяных мельницах, которые чаще всего составляют общественную собственность села. Сельскохозяйственные орудия прежде изготовлялись и чинились местными кузнецами, которые получали за труд натурой; в настоящее время значительную часть орудий крестьяне приобретают через снабженческо-сбытовые кооперации.

Земельные участки небольшие, разбросаны по террасам. На этих малых полях производят вспашку плугом, запряженным волами. После вспашки землю боронят, причем в этих местах часто встречается примитивный тип бороны. Затем вручную разбрасывают семена. Орудия уборки урожая также очень простые: коса, серп.

Для земледельческо-скотоводческого хозяйства долины Мати огромное значение имеет орошение. В искусственном орошении нуждаются пашни и луга, фруктовые сады и виноградники. Их орошение имело такое большое значение, что в «Законнике Лека Дукагьини»³ специально оговаривались правила пользования оросительной системой, а также вопросы, касающиеся ремонта и ухода за ней.

Обычно такие оросительные каналы строят совместными усилиями крестьяне нескольких соседних сел, а пользуются они этой системой по очереди. Эти оросительные каналы строились с древних времен и по своему устройству они очень просты. Если надо перевести воду с одной горы на другую, то между ними сооружают нечто вроде деревянного моста — акведука, по нему прокладывают деревянный желоб, по которому и течет вода. Если же надо поднять воду от реки на возвышенную местность, то воду в деревянный желоб набирают при помощи большого деревянного колеса с множеством приделанных к нему кувшинов. Когда колесо вращается (тоже при помощи воды), то вода из кувшинов выливается прямо в желоб и течет в нужном направлении.

Как уже говорилось выше, основным занятием крестьян долины Мати является скотоводство. Скот круглый год выпасается на местных пастбищах: летом на высокогорных сочных альпийских лугах, куда часть населения перекочевывает вместе со скотом, зимой в долинах. И тех и других пастбищ было достаточно, поэтому крестьянам не приходилось, подобно жителям других районов, арендовать пастбища в равнинных областях страны. Этим же обстоятельством объясняются отчасти и слабые экономические связи с равниной. Самые обширные стада раньше принадлежали

² Картофель появился в Албании в начале XVII в.

³ «Законник Лека Дукагьини» — свод обычного права горцев северной Албании составил католический священник Стефан Гьечов (1874—1929).

феодалам, теперь ими владеют крестьяне. Скотоводческое хозяйство дает крестьянам кожу, мясо, масло, молоко, брынзу.

Способ ведения хозяйства отразился на характере поселений и типе домов. Поселения здесь расположены по обоим берегам реки. Более крупные из них находятся на окраинах впадины, где имеются сравнительно большие участки удобной для обработки земли. Типичным для поселений долины Мати, как и вообще для албанских сел, является то, что они расположены большей частью в горах. Многие современные селения Албании, расположенные в долинах, сохраняют связь со своим более ранним местообитанием, находившимся в горах. Так, например, село Жея, в районе Фуш-Круи, имеет две части: старую — горную, называемую «Верхняя Жея», и новую — «Нижняя Жея». На старинные поселения в горах указывает также расположение «первого дома»⁴ (shtëpija e parë) в возвышенной части села⁵.

Обычная форма поселений в долине реки Мати — село (katund). Это поселения разбросанного типа, так как расположение домов связано с расположением земельных участков. Дома находятся часто на расстоянии 1—2 км друг от друга, и все село занимает большую площадь.

Но село это не только форма поселения, это форма общественной организации: жители села владеют сообща пастбищами, водоемами, лесами и т. д.

Основной хозяйственной единицей в долине Мати является распадающаяся патриархальная семья, которая называется собирательными терминами: «дом», «дверь», «очаг» и т. д. Члены одного «дома» являются родственниками, живут под одной крышей и ведут общее хозяйство. Когда «дом» достигает больших размеров, он делится на несколько «домов», объединение которых составляет братство.

Это деление большой семьи на несколько семей нашло свое выражение и в постройках. Дома родственников, как правило, строились недалеко друг от друга и часто объединялись общим двором, так как хозяйство у них оставалось общим. Это хорошо прослеживается на расположении домов в селах Курдари, Патын, Урака в долине Мати. Теперь случаи ведения совместного хозяйства несколькими братьями или близкими родственниками стали уже редкими.

Типичными постройками этой области являются кулы, которые идут от феодального времени, когда они служили не только жилищем, но и укреплением.

В Албании очень сильны были традиции кровной мести. Кровная месть уносила много человеческих жизней, опустошая целые «дома», уничтожая целые семьи. «Кровные распри отразились в характере постройки жилища. Оно должно дать не только убежище от дурной погоды, но и защиту от врага. Такое значение имеют башни, кулы, заимствованные от вида укрепленных жилищ прежних феодалов»⁶.

Перейдем к непосредственному описанию кулы и техники ее возведения.

В долине Мати, как и в других районах Албании, при закладке фундамента дома соблюдаются народные обычаи, которые, по поверию, должны принести счастье будущим жильцам дома. Эти обычаи являются пережитками далекой старины. Интересен обычай, связанный с выбором места для постройки жилища. После того, как хозяева выберут понравившееся им место, расположенное обычно недалеко от поля, на котором они работают, на ночь в центре этого участка ставят кукурузу, сыр, соль и золу и оставляют это до утра. Если оказывается, что какой-нибудь из этих

⁴ «Первый дом» — главный дом в селе.

⁵ А. М. Селищев, Славянское население в Албании, 1931, стр. 76.

⁶ Там же, стр. 76.

предметов пропадет ночью или зола станет мокрой, то место это считается несчастливым. Очень часто бывало, что хозяевам приходилось выбирать новое место для постройки дома.

Не менее интересным является обычай, связанный с закладкой фундамента дома. До того как начинается кладка стен, в один из углов дома, обычно с южной стороны, зарывается голова зарезанного специально для этого случая барана вместе с зернами кукурузы, солью и сыром. Это должно было, по старым представлениям, обеспечить богатство и долговечность дома. Приношение в жертву животных при постройке дома, по преданию, заменило приношение в жертву людей. Об этом свидетельствуют легенды, как, например, легенда о постройке крепости Розафат⁷. Подобных легенд и преданий, передающихся из поколения в поколение, сохранилось очень много.

После окончания постройки хозяин устраивает торжественный пир, на который приглашает все село. Каждый гость приносит строителям подарки, главным образом платки. Подарки развешивают на только что построенном доме, где они висят в течение трех дней. Кроме того, каждый гость дарит животных (овец, коз) для общего пира.

Обычными строителями кул являются мастера из района Дибры, которые ходят на заработки по всем районам северной Албании. Дибра славилась с давних времен своими мастерами-каменщиками.

Кула представляет собой массивное каменное сооружение, прямоугольное, обычно двух- или трехэтажное. Основным строительным материалом для кулы служит камень.

Вначале в вырытую яму камни кладутся без закрепления. На глубине 40 см начинается кладка камней, скрепленных строительным раствором, который готовится из речного песка и гашеной извести. Все стены дома выкладываются из нешлифованного камня, а ребра, соединяющие грани стен, кладутся из хорошо отшлифованных каменных плит. Такие же отшлифованные каменные плиты окаймляют окна, из них же соорудились бойницы, расположенные на верхнем этаже здания.

В качестве иллюстрации возьмем кулу в деревне Курдари, принадлежащую крестьянину Ионузу Мелани (рис. 1). По словам самого хозяина дома, кула эта была заложена примерно в 1880 г., т. е. 75 лет назад. Но и в настоящее время она представляет собой еще очень прочное здание.

Эта кула является жилищем не очень большой семьи. Она имеет три этажа, равных по высоте; высота всей кулы 12 м. Постройка прямоугольная в плане (ширина 7,20 м, длина 12,15 м). Толщина стен достигает 1 м и более, что являлось надежной защитой дома от нападения врагов. Крыша невысокая, крытая черепицей.

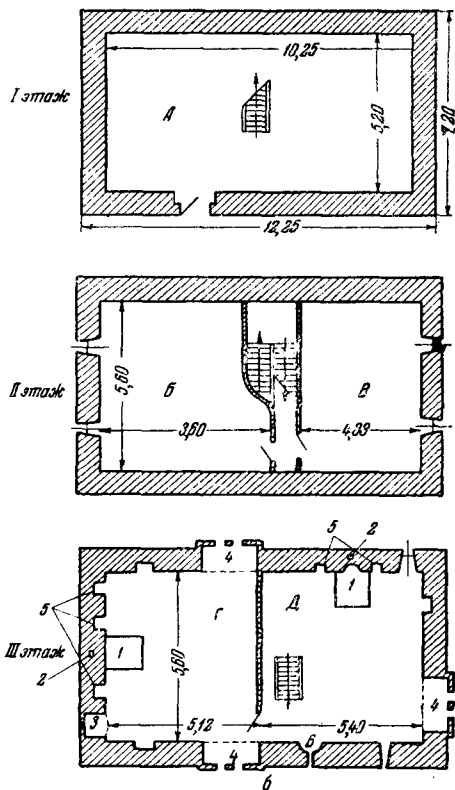
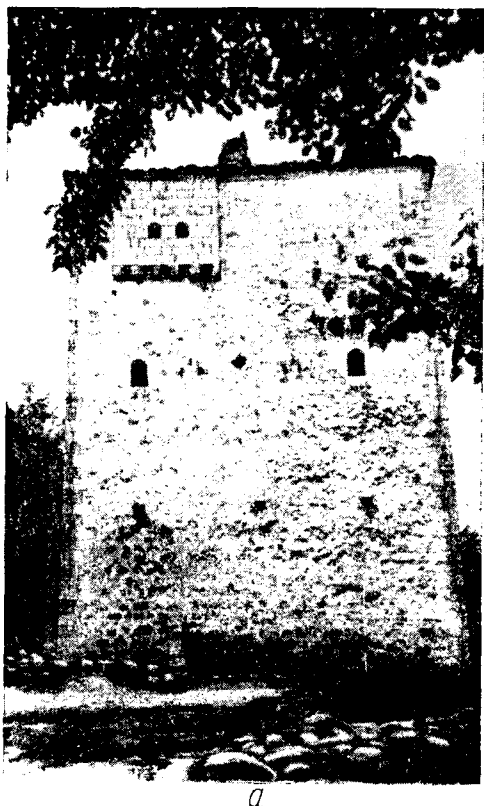
Черепица готовится самими строителями. Для этого берут глину, которой много в долине Мати, разбавляют водой и образовавшуюся смесь заливают в заранее приготовленные деревянные формы. После того как материал принял соответствующую форму, его вынимают для сушки на солнце. Приготовленную черепицу помещают в печи для обжига. Такая черепица очень груба и тяжела. Черепицу укладывают горизонтальными рядами в два слоя: нижний слой — выпуклостью вниз, верхний слой — выпуклостью вверх над стыками нижнего ряда. На каждом ребре крыши укладывается ряд черепиц, охватывающих ребро и скрепленных той же строительной смесью, что и камни при кладке стен.

Обрешетка крыши, на которой выкладывается черепица, сооружена из деревянных балок. Черепичная крыша кулы не имеет навеса во избежание пожара. Навес крыши, в основании которого лежат легко заго-

⁷ Остатки крепости Розафат до сих пор сохранились в пригороде г. Шкодер. Легенда рассказывает, как при постройке этой крепости была замурована жена одного из трех братьев, которые строили крепость. Это жертвоприношение, по преданию, привело к тому, что крепость была построена прочно и нерушимо.

рающиеся деревянные балки, явился бы одним из очагов возникновения пожара внутреннего помещения кулы.

В нижнем этаже, не имеющем окон, располагается скот. Помещение этого этажа не разделено перегородками, а представляет собой одну цельную комнату. С первого этажа на второй и со второго на третий ведет деревянная внутренняя лестница.

а

б

в

г

Рис. 1. Кула Мелани в с. Курдари: а — внешний вид, б — план; А — помещение для скота на первом этаже, Б и В — жилые помещения на втором этаже, Г — мужская комната, Д — жилое помещение на третьем этаже; 1 — открытый очаг, 2 — дымоход, 3 — стенной шкаф, 4 — бойница, 5 — ниши, 6 — абдес-хане

Второй этаж, служащий жилым помещением, разделяется дощатой перегородкой на две комнаты: в одной из них устроена кухня, в другой — спальня.

Дощатый пол второго этажа настлан на толстых бревнах, закрепленных в стене. Бревна кладутся параллельно ширине дома, а доски стелются параллельно его длине. Для бревен берется крепкое дерево, например сосна.

На западную сторону выходят два маленьких окна, освещающих одну из комнат второго этажа. Такие же два окна, выходящие на другую сторону дома, освещают вторую комнату. Окна не застеклены и ничем не закрываются в любое время года. В случае военной опасности окна закладывали каменными плитами.

В одной из комнат, предназначенной для кухни, расположен открытый очаг по правую сторону от входа. Дым от очага проходит через дымоход, проложенный в толще стены и далее через трубу на крыше.

В комнате, предназначенной для спальни, спят на шерстяных или на-

битых сеном матрацах. Комнаты обычно не одинаковые по своей величине. Так, в куле Мелани одна комната равна $4,95 \times 5,60$ м, другая $5,60 \times 5,60$ м.

Второй этаж не заставлен никакой мебелью. Бывают случаи, когда в этих комнатах сушат кукурузу.

На третьем этаже находятся также две комнаты. В отличие от предыдущих, эти комнаты имеют более жилой вид. Одна из них называется мужской комнатой и служит также для приема гостей. Мебели нет; ее заменяют стенные шкафы. Против входа в комнату расположен очаг, около которого стелют ковры с подушками. Около очага в стене делается несколько углублений, куда ставят посуду и керосиновые лампы. Кроме того, в стене делается шкаф для кофейника и кофейной посуды. В этой же комнате напротив очага стоят сундуки с приданным невесты. Женщинам не разрешается находиться в комнате мужчин; они входят сюда только для уборки. Когда собираются мужчины и их гости, женщины приносят угощение и ставят его у двери, не смея войти в комнату. Такие обычаи сохранились до настоящего времени.

В долине Мати исповедуют ислам — это следы прежней зависимости от турок. Влияние турок сказывалось и в быту. До сих пор в каждом доме есть место, предназначенное для совершения омовения, называемое абдес-хане. В настоящее время этот религиозный обряд почти не соблюдается. В куле Мелани также имеется абдес-хане, недалеко от лестницы, ведущей на третий этаж. Это полукруглое углубление в стене, над которым теперь жители моют руки, посуду. Воду они приносят в кувшинах. Из абдес-хане грязная вода вытекает наружу через специальный сток, сделанный в стене.

Специфической чертой, отличающей кулу от другого жилья, является наличие бойниц, расположенных всегда в верхнем этаже кулы. Бойниц в одной куле бывает несколько. Если бойница в куле одна, то ее строят обычно прямо над дверью для защиты входа от неприятеля. В куле Мелани три бойницы. Одна из них находится над дверью, другая в стене, выходящей на западную сторону, и третья с южной стороны. Таким образом, кула Мелани была с трех сторон защищена и представляла собой хорошо укрепленную маленькую крепость.

Интересно устройство самой бойницы. В куле нельзя использовать в качестве бойницы простые отверстия в стене, так как стена кулы достигает большой толщины (до 1 м). При возведении стен в них оставляли пустые квадратные пространства (длиной не менее 1,5 м и не более 2 м), предназначенные для бойницы. Наружная стена бойницы была вынесена несколько вперед по отношению к стенам дома и возведена на расположенных на равном расстоянии друг от друга горизонтальных каменных устоях, вделанных в стены. Бока и верх бойницы закладывались такими же, как и наружная стена, небольшими хорошо отшлифованными камнями.

Таким образом, вся бойница представляет собой выступающий вперед и нависающий над землей каменный ящик. Изнутри комнаты бойница образует нишу, равную толщине стен (в настоящее время в этой нише спят или помещают домашнее имущество).

Через отверстия, образующиеся между горизонтальными устоями, стреляли и лили горячую воду на голову неприятеля. Из этих отверстий бойницы вели огонь на малом расстоянии, когда враг приближался к самой куле. Из окон в центре бойницы наблюдали за врагом, а также стреляли на дальние расстояния. Во время ближнего боя эти окна закрывали большими камнями. Такое устройство бойницы типично для всех кул (см. рис. 2).

Двери кулы деревянные, одностворчатые, открывающиеся вовнутрь, не орнаментированные. Главная входная дверь, ведущая в кулу, имеет форму арки, что отличает ее от дверей внутренних комнат.

Кула крестьянина Мелани по своему типу является одной из простых кул. В долине Мати встречаются другие, более сложные кулы. Примером могут служить кулы рода Аламани, построенные более 60 лет назад (рис. 3).

Постройки рода Аламани состоят из пяти кул, объединенных общим двором. С трех сторон этот двор обступают построенные вплотную друг к другу кулы, с четвертой стороны он обнесен высокой каменной оградой с прочными воротами. Двор выложен камнями и каменными плитами. Фасады всех четырех кул выходят во двор. Поэтому на фасадной стороне этих домов можно было расположить большие окна; с внешней стороны окон не было совсем.

В кулах рода Аламани первый этаж отведен под жилища. Домашний скот помещается в отдельных одноэтажных постройках, расположенных также во дворе. К внешним сторонам кулы примыкают защитные башни. Бойницы находятся на углах домов.

До освобождения Албании род Аламани жил сообща и вел общее хозяйство. Аламани были одними из богатых жителей деревни Курдари. У них были обширные земельные владения, много скота. Распалась эта большая семья только после освобождения Албании, когда земли ее были отобраны и переданы в пользование безземельным крестьянам. Теперь два брата Шахин и Сельман Аламани со своими семьями, насчитывающими 12 человек, живут вместе и ведут общее хозяйство. Их двоюродные братья — Ман (его семья состоит из 10 человек) и Каплан (8 человек) живут в том же дворе, но хозяйничают каждый самостоятельно. В близко прилегающем соседнем селе Патын интересна кула рода Чели, примечательная, во-первых, тем, что она построена очень давно, примерно около 200 лет назад, и, во-вторых, тем, что она очень большая по своим размерам: длина ее 15,50 м, а ширина 8,20 м. Внутренняя стена, разделяющая дом на две части, построена не из дерева, а выложена из камня.

Кула трехэтажная, имеет две входные двери: одна дверь ведет непосредственно в жилое помещение, другая — в помещение для скота. На втором этаже в одной из половин дома помещается большая жилая комната размером 6,60×6,10 м.

В другой половине, помимо небольшой комнаты (размером 4,30×5,20 м), есть маленькое хозяйственное помещение, коридор и лестница, находящаяся уже не в центре, как мы это видели в кулах Мелани и Аламани, а около стены.

Пол выстлан досками, потолок деревянный, что отличает эту кулу от других, в которых потолок отсутствовал. Комнаты более светлые бла-

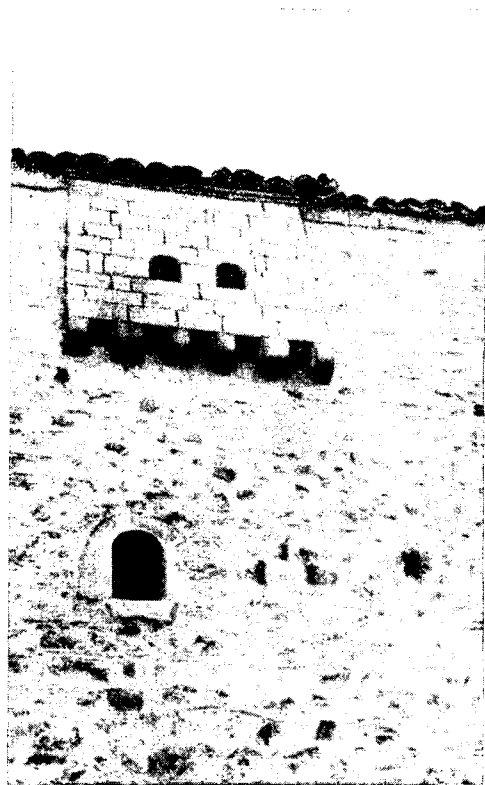
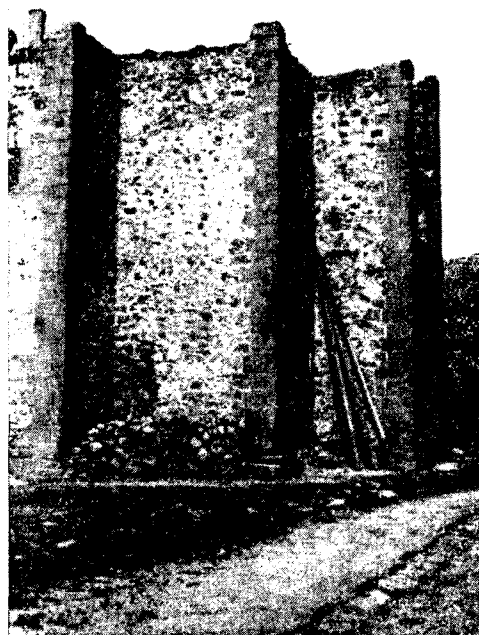
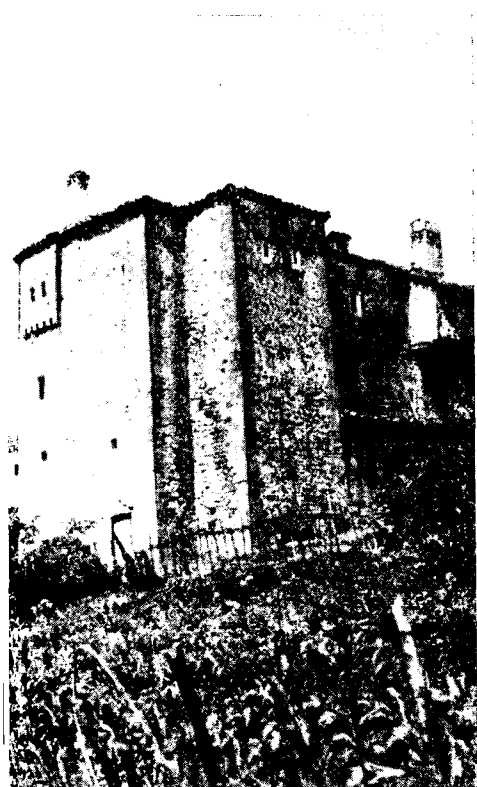

Рис. 2. Бойница кулы Мелани в с. Курдари, внешний вид

Дом состоит из двух половин, не сообщающихся между собой, имеющих разные входы (рис. 4 а, 5). Одна половина дома построена раньше другой, поэтому каменная стена, их разделяющая, покоится на фундаменте. Снаружи разновременность постройки совсем незаметна. Распределение помещений в одной из половин дома следующее. На первом этаже, как и везде, находится скот. Деревянная лестница ведет на второй этаж, где помещается большая комната (5,20 × 6,30 м), освещенная 8 окнами.

а

б

Рис. 4. Кулы со многими углами в с. Патын: а — кула Чели, внешний вид, б — развалины кулы с 12 углами, внешний вид

Здесь устроена кухня, или комната огня (dhoma e zjarit). На третьем этаже — спальня. Над лестницей на третьем этаже имеется небольшая комната, которая может служить и спальней, и, в случае надобности, оборонительным помещением. Окнами в этой комнате служат бойницы.

У горцев самой хорошей кулой считалась та, которая имела много углов, образованных выступами стен. Такое устройство кулы расширяло поле наблюдения за врагом. С другой стороны, в куле подобного устройства обороняющиеся были в большей безопасности, так как они, ведя огонь по врагу, могли скрываться от врага за этими углами. В описываемой области в настоящее время таких кул со многими выступами не встречается, от них остались одни развалины. Кула в селе Патын с 12 углами до сих пор является предметом восхищения горцев (рис. 4, б).

В разных поселениях встречаются различные типы кул. Остановимся на кулах села Урака. Своеобразие кул этого села заключается в том, что они состоят из двух частей, одна из которых имеет три этажа, другая — один этаж. Эти части кулы разделены каменной стеной от фундамента,

но имеют внутреннее сообщение друг с другом. Кроме того, обе части кулы имеют самостоятельный выход во двор. Кула, принадлежащая Нель Али (рис. 6, а), построена примерно в 1885 г., т. е. 70 лет назад. Построена она по тому же принципу, что и кула Мелани. В трехэтажной части дома жили мужчины. Женщинам отводилась комната в одноэтажной пристройке

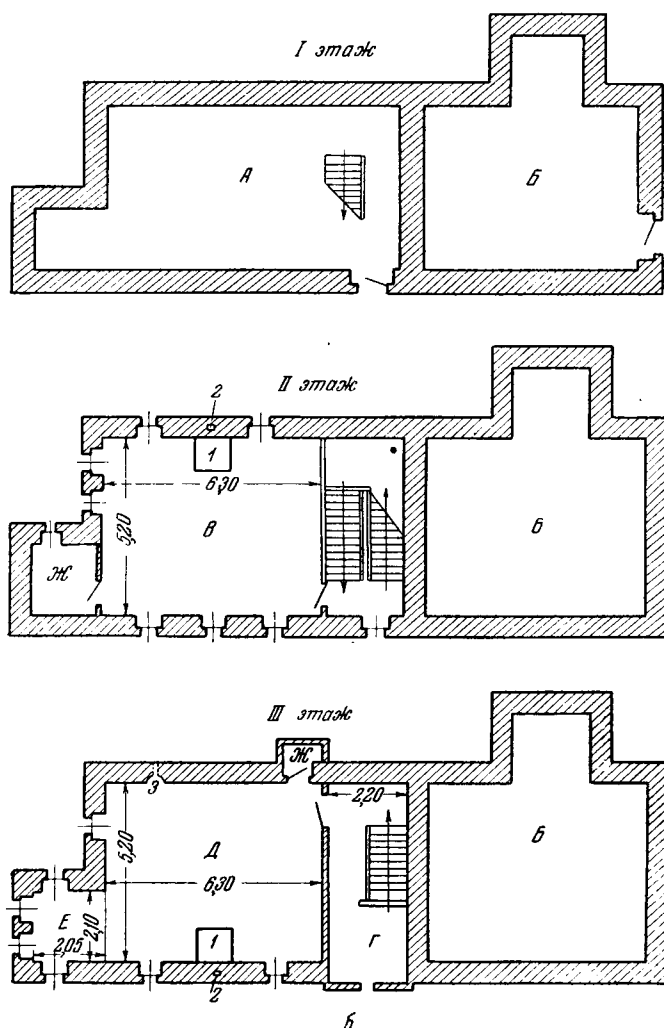

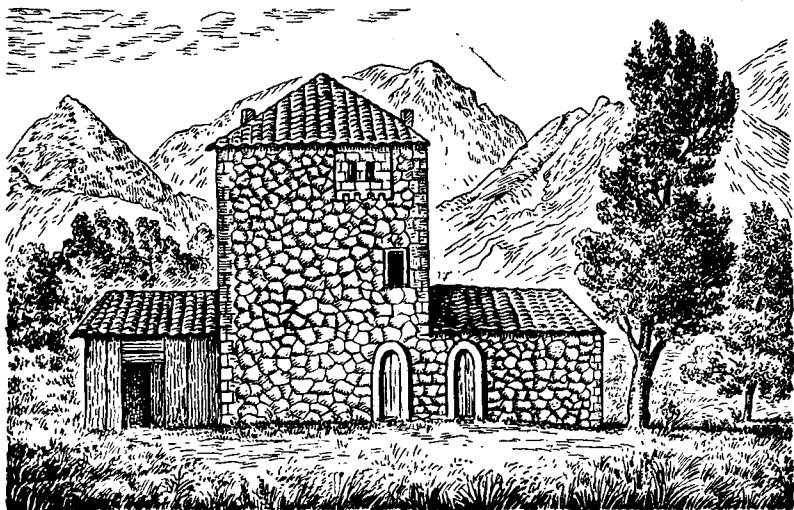
Рис. 5. План кулы Чели: А — помещение для скота, Б — часть дома, пристроенная позже, В — женская комната (кухня), Г — спальня, Д — мужская комната, Е — спальня (бывшая бойница), Ж — уборная; 1 — открытый очаг, 2 — дымоход, 3 — абдес-хане

Здесь же была и кухня. Мужская и женская половины сообщались между собой внутренней дверью. Кроме того, мужская и женская части кулы имели отдельные выходы на улицу. Расположение женской половины в одноэтажной пристройке объясняется тем, что женщины не подвергались кровной мести и им незачем было скрываться в укрепленной части дома.

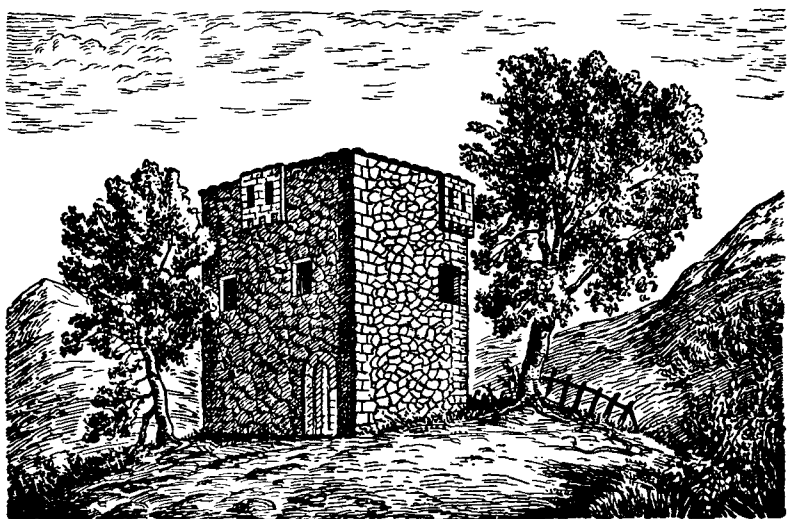
На каждом этаже кулы была только одна большая комната, размером $7,65 \times 5,65$ м. На третьем этаже — два очага, расположенные друг против друга. Здесь же находятся две бойницы — одна в фасадной части

здания, другая с западной стороны. Пол деревянный на втором и третьем этажах, а на первом земляной.

В женской половине имеется только одна комната, где направо от входа у стены расположен очаг. Комната освещена одним большим ок-

а

б

Рис. 6. Трехэтажные кулы в с. Урака: а — кула Нель Алия, б — кула Аслана Дачи

ном, а также слуховым окном в крыше. Пол в этой части дома земляной, потолка нет.

Немного сложнее по внутреннему устройству кула Аслана Дачи (рис. 6, б). Она также трехэтажная. Размеры внешнего периметра — $7,60 \times 7,60$ м, толщина стен 70 см. Первый этаж — одно большое квадратное помещение ($6,20 \times 6,20$ м). На втором этаже, куда ведет деревянная лестница, отделена небольшая комната, предназначенная под спальню, остальная часть помещения пустует. В этом этаже имеется четыре небольших окна, одно из которых в спальне.

Когда поднимаешься на третий этаж, вход ведет в большую комнату размерами $4,15 \times 6,20$ м, которая предназначена для мужчин. Кроме этой комнаты, имеется небольшая спальня. Внутренние стены — дощатые. Дом защищен тремя бойницами.

В Ураке на возвышенной местности построена кула Джеляля Зогу, которая раньше называлась «кулой Паши» (kulla e Pashës). По имени этой кулы так называлась вся деревня, и только после освобождения наименование это переименовали на Урака (по названию реки).

По строительной технике эта кула подобна другим, но здесь больше удобств: застекленные окна, деревянный потолок и пол сделаны из хорошо отесанных досок.

Как и в других кулах, на первом этаже здесь окон нет, но зато на втором этаже число окон достигает шести, что мы редко встретим во всех остальных кулах. На третьем этаже окна совсем отсутствуют, их заменяют бойницы.

Кулы долины Мати, несмотря на известное разнообразие в деталях архитектуры и внутренней планировки, имеют ряд общих характерных черт. В большинстве случаев они трехэтажные; первый этаж обычно отводится для скота, окон здесь никогда не бывает. Второй этаж — жилое помещение, где размещаются кухня и жилая комната. Помещение на втором и третьем этажах обычно разделено на одну или две комнаты более дробного деления не бывает. Третий этаж является обычно мужской половиной, здесь же устроены бойницы, сложено оружие. На третьем этаже в мужской половине принимаются почетные гости. Почетное место находится около очага — со стороны, противоположной двери.

* * *

В долине реки Мати наряду с кулами встречаются и иные, самые разнообразные типы жилья. Так, например, в селах Курдари, Патын жилища почти сплошь типа кулы. В селении Урака их чрезвычайно мало. Это село расположено на автотрассе Тирана — Пешкопия. Раньше оно принадлежало Джелялю Зогу, брату короля Зогу. Чтобы легче было расправляться с жителями села, он запрещал им строить кулы, которые служили хорошим укреплением. Немногочисленные кулы в этом селе принадлежали сборщикам налогов или наиболее зажиточным крестьянам.

Примером жилища, отличного от кулы, является дом Али Коли в Курдари, который стоит более 150 лет. Ничего сходного с кулой в этом доме нет, хотя есть некоторое подражание в типе бойниц, в данном случае сделанных из дерева (рис. 7).

Дом Али Коли двухэтажный, фундамент и стена первого этажа сложены из камня, стены второго этажа — из необожженного кирпича. Стены дома скреплены тремя бревенчатыми поясами: массивные деревянные брусья вделаны в каменную и кирпичную кладку по всему периметру здания. Этого мы никогда не увидим в кулах.

В отличие от кулы, здесь крыша образует большой навес над домом, сооружаемый для предохранения стен от непогоды.

В плане дом напоминает букву «Г», размеры его таковы: с фасадной стороны дом имеет выступ на 1,70 м, вся длина дома 20,30 м. Одна боковая стена равна 8,60 м, другая 14,10 м. Противоположная фасадной стороне стена имеет длину 20,30 м, а выступ здесь равен 7,20 м.

Этот дом разделен на три части внутренними каменными стенами, возведенными на фундаменте. В каждую часть этого здания ведет одностворчатая деревянная дверь. На втором этаже две части дома сообщаются имея общую дверь, третья стоит обособленно.

На первом этаже, так же как и в куле, размещен скот. Второй этаж отведен под жилое помещение. Дверные проемы внутренних дверей домов имеют фигурное очертание в отличие от других домов. По внутреннему

убранству этот дом ничем не отличается от кулы, здесь также имеется очаг, около очага стоит шкаф для кофейной посуды и т. д.

Кроме старинных массивных домов, в долине реки Мати встречаются жилища новой постройки, которые крестьяне называют кулсй, но которые тем не менее во многом отличаются от обычной кулы. Эти каменные дома не имеют таких защитных средств, какие мы видели в куле. Таков, на-

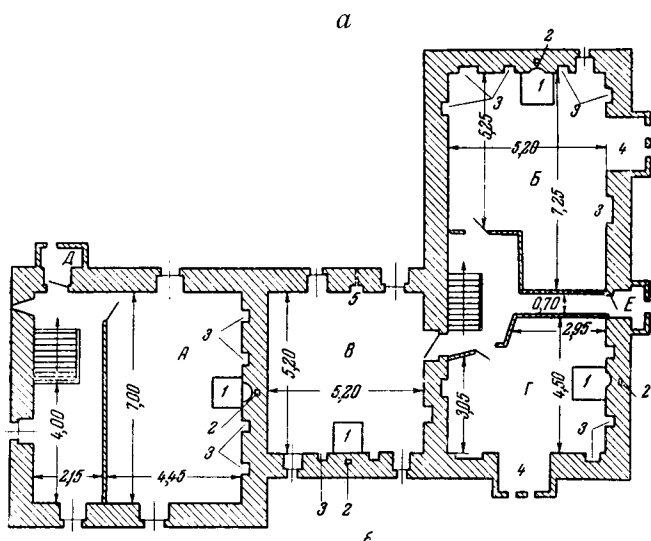
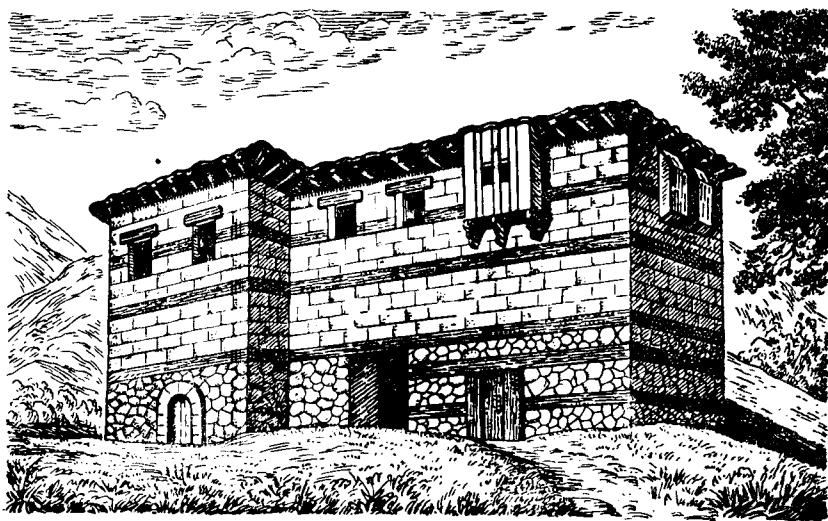

Рис. 7. Дом Али Коли в с. Курдари: *а* — внешний вид, *б* — план второго этажа: *А* — жилое помещение, *Б* — женская комната, *В* — мужская комната, *Г* — спальня, *Д*, *Е* — уборные; 1 — открытый очаг, 2 — дымоход, 3 — ниши, 4 — бойницы, 5 — абдес-хане

пример, дом, принадлежащий крестьянину Джевату Сата (рис. 8). Построен он в 1947 г. Дом расположен на наклонной местности, ввиду этого одна часть его двухэтажная, другая стоит на высоком фундаменте. Длина дома 11,52 м, ширина 6,90 м. Высота стены, стоящей на возвышенной части местности, равна 2 м, а противоположной — 4 м.

Дом Джевата Сата состоит из одной большой комнаты, площадью $6 \times 5,5$ м, освещенной четырьмя окнами, без потолка. Рядом кухня величиной $4,05 \times 5,50$ м. Комната отделена от кухни тонкой дощатой пере-

городкой. Пол деревянный, как в комнате, так и на кухне. Так как дом построен совсем недавно, то в нем отсутствуют защитные сооружения бойницы. Окна гораздо больших размеров и закрываются не каменными плитами, а деревянными ставнями. Входная дверь находится в фасадной стене.

Ввиду того, что дом стоит на высоком фундаменте, к входной двери ведет каменное крыльцо с деревянной площадкой, образующей небольшую

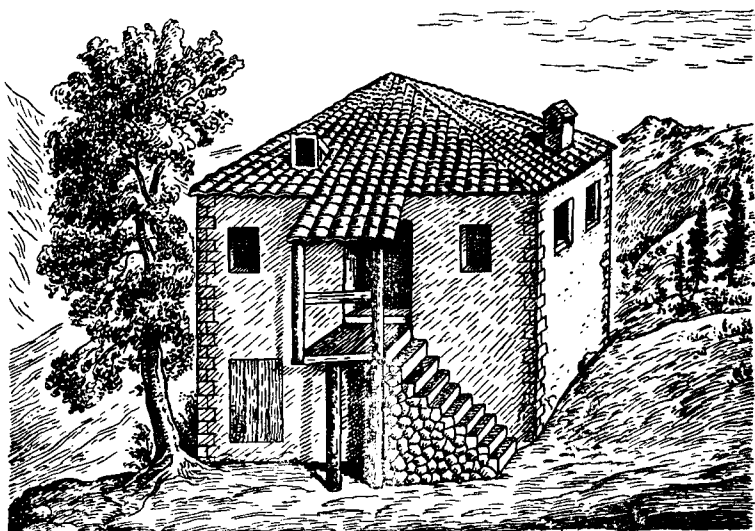

Рис. 8. Дом Джевата Сата в с. Курдари, внешний вид

шую веранду. Веранда, как и весь дом, покрыта черепичной крышей. В крыше дома имеется слуховое окно.

Наряду с такими фундаментальными домами, как кулы и дом Али Кюли, в долине Мати встречаются еще жалкие лачуги. Особенно их много в с. Ураке (рис. 9).

Основным строительным материалом для них служат доски и сплетенный тростник. Наряду с черепичными крышами встречаются соломенные, но и те и другие имеют небольшой навес над домом. Это очень бедные примитивные дома как по технике постройки, так и по внешнему виду и внутреннему устройству. Есть дома, как, например, дом Ндуе Леш-Деда в Ураке, где дощатые стены поддерживаются деревянными подпорками.

Дом этот очень простой, маленький, одноэтажный, разделен небольшим коридором (шириной 1,40 м) на две половины. Комнаты освещены четырьмя маленькими окнами. Комнаты по форме квадратные (размер одной комнаты $5,10 \times 5,15$ м, другой $5,30 \times 5,30$ м).

Дом имеет с фасадной стороны два входа, один из которых ведет непосредственно в комнату, другой в коридор. Внутри дома из коридора в комнаты ведут двери. Пол в этих комнатах земляной, потолок отсутствует. Очаг, расположенный в одной из комнат, имеет каменный дымоход, плотно прилегающий к стене.

Интересен дом Никола Хаджи. Из-за неровности почвы он сооружен на деревянных столбах. Деревянные колонки поддерживают сильно выступающую за стены дома черепичную крышу. Навес крыши образует открытую веранду. Дом состоит из одной небольшой комнаты (размером $4,80 \times 4,90$ м). К веранде напротив входа в комнату ведет небольшая лестница. Такие дома встречаются очень редко, построен этот дом 10 лет назад.

В настоящее время в долине Мати строятся удобные красивые дома, куда из своих лачуг переезжают крестьянские семьи. Так, например, дом, который принадлежит Азизу Фаруку, возведен на каменном фундаменте, двухэтажный, с одной входной дверью и девятью застекленными окнами с фасадной стороны. Каменная постройка разделена коридором на две половины как на первом, так и на втором этажах; комнаты квадратные:

Рис. 9. Плетеный дом в с. Урака

5,90 × 5,95 м. С первого этажа на второй ведет лестница. Высота первого этажа 2,30 м, второго — 2,45 м, имеется досчатый потолок. В доме четыре очага, каждый из которых имеет отводную трубу в крыше дома.

* * *

Около каждого жилого дома в селах северной Албании обязательно находятся хозяйственные постройки. Так как основной культурой, разводимой в районе Мати, является кукуруза, то большинство хозяйственных сооружений предназначено для ее хранения.

После снятия урожая кукурузу сушат, а затем, не высушивая початков, засыпают в специальные строения, называемые на албанском языке *koshar* (кошар). Формы и размеры кошаров бывают различными. Самым распространенным типом являются плетневые, круглые в плане, диаметром 1½—2 м, помещения, крытые листьями кукурузы. Крыша имеет коническую форму. Для того, чтобы воздух проникал внутрь кошара, плетневой каркас ничем не обмазывается. Заполнение кошара происходит через верх до постройки крыши. В стене каждого кошара имеется внизу отверстие, обычно четырехугольной формы, через которое достают кукурузу.

Более усовершенствованную форму имеют кошары, встречающиеся в селе Курдари. Здание стоит на каменном фундаменте, возвышающемся над землей на 50 см. Фундамент состоит из трех параллельных поперечных каменных кладок. На них уложены длинные деревянные плахи, на которые настилается пол. Стены кошара плетеные, крыша черепичная двускатная, далеко выступает за стены. Благодаря такой конструкции воздух в кошар может проникать и через неплотно застланный пол и через стены.

В таких кошарах хранится не только кукуруза; в отдельном помещении, за перегородкой, ставят молоко, брынзу, масло и т. д.

Гораздо реже встречаются кошары с дощатыми стенками. Они также ставятся на каменном фундаменте, возвышающемся над землей на полметра.

Другим типом хозяйственных построек является летний загон для скота: для коз и овец — забор из деревянных кольев, обтесанных наверху или плетневой; для коров строят загоны из длинных деревянных слег, прибитых к вертикально врытым столбам.

* * *

Изучение кулы, как типичного жилища, встречающегося в настоящее время в северной Албании, и в частности в долине Мати, представляет интерес при изучении способов ведения хозяйства и общественного устройства в северной Албании в последние два века.

На кулу, как на специфическую форму жилища, обратили внимание этнографы, которые пытались объяснить ее происхождение и роль. Так, немецкий этнограф Хаберландт писал, что кула встречалась в средней Албании уже в X—XIII вв. и была похожа на ранние средневековые феодальные замки, которые из Западной Европы в XII—XV вв. распространились в Среднюю и Южную Европу. Хаберландт утверждает, что албанские кулы являются подражанием швейцарским и южногерманским жилищам; тем самым он отрицает самобытность кул в Албании. В действительности же возникновение их вызвано определенными историческими условиями. Несомненно, что возникновение кулы, жилища одной большой семьи, предназначенного не только для жилья, но и для обороны от врага, связано с разложением родового строя и становлением феодальных отношений. Именно поэтому укрепленные жилища, подобные албанской куле, существовали в прошлом в таких областях, как Черногория, Кавказ, где имели место сходные социально-экономические и физико-географические условия.

По имеющимся данным, кула в северной Албании распространилась, если сравнивать со средней Албанией, недавно (приблизительно 2—3 века назад). Этот факт дает основание предполагать, что феодальные отношения возникли в северной Албании гораздо позднее, чем в остальной части страны. Это было вызвано теми политическими и экономическими условиями, о которых мы говорили в начале данной статьи.

Феодальные (со значительными пережитками патриархальных) общественные отношения, господствовавшие в северной Албании до установления народно-демократического строя, отразились на семейной жизни горцев, в частности на положении женщин. В планировке жилых домов выражением этого являлось наличие мужской и женской половины во всех жилищах, в том числе и в куле.

Народно-демократическая власть Албании делает все, чтобы север — этот отсталый, замкнутый район — быстрее продвинул по пути строительства основ социализма. В долине Мати строится крупнейшая в Албании гидроэлектростанция.

Народно-демократический строй принес с собой большие изменения в хозяйстве и быте горцев северной Албании. На месте крестьянских лачуг и землянок воздвигаются новые, удобные дома. Надобность в укрепленных домах-кулах навсегда исчезла.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Э. ПОМЕРАНЦЕВА, В. ЧИЧЕРОВ
БОРИС МАТВЕЕВИЧ СОКОЛОВ

(1889—1930)

Двадцать пять лет тому назад оборвалась жизнь талантливого исследователя — этнографа и фольклориста Б. М. Соколова, в многочисленных работах которого исключительно ярко сказались и устремления демократического крыла дореволюционной науки, и глубоко искренние, упорные и мучительные поиски новых путей.

Первые работы Б. М. Соколова, как и работы его брата-близнеца — Ю. М. Соколова, с которым его связывали любовь, дружба и творческая деятельность в области фольклористики, этнографии и литературоведения, вышли в начале второго десятилетия нашего века, в годы реакции и упадка, — тем значительнее их несомненно демократический характер, их обращенность к современности, их пронизанность глубокой любовью к трудовому народу.

Б. М. Соколов, отразивший в своем творческом пути искания и противоречия науки 1920-х годов, умер в 1930 г. — молодым, полным творческих сил, успев, несмотря на краткость своего жизненного пути, передать ученикам знания и любовь к науке и внести солидный вклад в русскую этнографию и фольклористику.

Диапазон исследовательских интересов Б. М. Соколова был очень широк — фольклористика, этнография, литературоведение, музееведение; во всех этих областях он успешно работал, как подлинный и большой специалист и прежде всего как общественник и патриот. Этим определяется характер его исследовательских работ, преподавательской деятельности, собирательской и музейной работы. В этом прежде всего секрет обаятельности его облика как человека и ученого, поучительность его жизненного и научного пути для последующих поколений фольклористов и этнографов.

Б. М. Соколов был учеником и последователем В. Ф. Миллера, лекции которого, полные захватывающего интереса, оказали решающее влияние на молодого исследователя и во многом определили его дальнейшие научные искания.

В одной из своих работ В. Ф. Миллер писал о том, что первое поколение исследователей русского былевого эпоса — этого величественного здания — «старалось отгадать идею строителей, не пускаясь в слишком странное изучение частностей... Нашему поколению, — отмечал он, — предстояло приступить к изучению деталей»¹.

¹ В. Ф. Миллер, Экскурсы в область русского народного эпоса, М., 1892, стр. VI—VII.

Такое понимание задач исследования определило характер трудов В. Ф. Миллера — «Эскурсы в область русского народного эпоса» и «Очерки русской народной словесности», посвященных анализу отдельных былинных сюжетов, — определило во многом и тематику исследований плеяды молодых ученых начала века — А. В. Маркова, И. А. Лященко, Б. И. Ярхо, Н. В. Васильева и прежде всего Б. М. Соколова.

В 1910 г. появляются студенческие работы Б. М. Соколова: «Исторический элемент в былинах о Даниле Ловчанине» и «Св. Димитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе». Эта линия углубленного и детального изучения русского былевого эпоса нашла свое продолжение в более поздних и зрелых работах Б. М. Соколова, таких, как «Шурин Грозного, удалой боец Мамстрюк Темрюкович», «Непра-река в русском эпосе», «История старин о 40 каликах со каликою», «О житийных и апокрифических мотивах в былинах», «Былины об Идолище Поганом».

Богатые тонкими наблюдениями и ценным фактическим материалом эти работы Б. М. Соколова страдают недостатками, характерными для методологии исторической школы в целом, — так, например, явно преувеличивается роль господствующих классов в создании русского национального эпоса².

Выражением глубокого интереса Б. М. Соколова к былевому эпосу уже в советское время явился подготовленный им к изданию и снабженный большой исследовательской статьей сборник «Былины» (1918), его книга «Сказители», в которой он сумел в популярной, доступной широкому кругу читателей форме раскрыть искусство русских сказителей и поэтическое богатство русского былевого эпоса, наконец, первая часть курса для заочников «Русский фольклор» (1929), посвященная былинам. Несмотря на ошибочность ряда положений исторической школы, лежащих в основе этих работ, названные книги сохраняют интерес и значение благодаря содержанию в них богатому материалу, талантовости отдельных наблюдений, мастерству изложения и обширной эрудиции автора.

Еще в студенческие годы исследовательские интересы Б. М. Соколова были очень широки. Одновременно с первыми его работами, посвященными былевому эпосу, выходит большая статья «Гоголь — этнограф». Интерес к вопросам истории науки не покидает Б. М. Соколова и позже и находит свое выражение в одной из лучших его работ «Собиратели народных песен» (1923), в которой он дает очень близкую к концепции революционных демократов оценку самого существа собирательской работы. Соколов рисует собирателей фольклора прежде всего как «подвижников и народолюбцев», относившихся с глубокой симпатией и любовью «к внутреннему миру и духовному творчеству русского мужика». Исследование Б. М. Соколова «Собиратели народных песен», написанное в первые послереволюционные годы, как бы предвосхищает тот широкий размах, который вскоре приняла собирательская работа в Советском Союзе.

«Мы глубоко верим, — писал Б. М. Соколов, — что в ближайшем будущем, при совершенствовании способов ознакомления местных сельских деятелей с задачами и методами собирания и изучения, деревенская интеллигенция, и прежде всего народный учитель, создадут величественный коллективный труд по всестороннему познанию России, ее народов».

Полевая фольклорная и этнографическая работа никогда не представлялась Б. М. Соколову и его брату как подсобная техническая работа, а носила у них в своем практическом осуществлении всегда глубоко общественный характер, рассматриваясь как один из видов служения народу.

Будучи еще студентами второго курса, братья Соколовы в 1908 г. со-

² См., например, работу Б. М. Соколова «О житийных и апокрифических мотивах в былинах», «Русский филологический вестник», 1916, № 3.

вершают свою первую поездку в Кирилловский и Белозерский уезды Новгородской губернии (ныне районы Вологодской области). Материалы, собранные во время этой и последующей поездки, в дальнейшем вошли в известный сборник «Сказки и песни Белозёрского края», вышедший в 1915 г. Книга эта до сих пор может служить во многих отношениях образцом научного издания фольклорного материала.

Талантливые и увлекательные исследовательские статьи сборника, особенно статьи, посвященные быту белозерской деревни и характеристике сказочников, дышат горячей любовью к трудовому крестьянству, обнаруживают живой интерес молодых исследователей к народной жизни, проникнуты тем подлинным демократизмом, который так характерен для всей научной и общественной деятельности братьев Б. и Ю. Соколовых. Они не ограничиваются объективным изучением этнографии края, но подробно останавливаются на тяжелом экономическом положении белозерской деревни и вместе с тем бережно фиксируют прогрессивные явления в ее жизни и быте: жажду знаний, интерес к аграрным реформам, положительное влияние города.

Очень показательно, что молодые собиратели занимались не только изучением старины, но внимательно фиксировали черты нового в фольклоре и быте белозерской деревни. «В собранном нами материале,— писали они,— можно найти выражение новых вкусов, стремлений и надежд современного крестьянства».

Борис и Юрий Соколовы еще в дореволюционные годы стали не только известными исследователями фольклора, литературы, этнографии, но и видными педагогами. До революции они преподавали в московских гимназиях и в Учительском институте. Живое увлекательное изложение литературы в школе характеризует педагогическую деятельность молодых ученых, осознавших значительность новых методов преподавания. Б. М. и Ю. М. Соколовы выступают соратниками М. А. Рыбниковой, А. Е. Грузинского, Н. Я. Бродского, Н. П. Сидорова и других видных деятелей школы, боровшихся против рутины и косности в деле воспитания и обучения подрастающего поколения. В 1917 г. Б. М. Соколов вместе со всем прогрессивным учительством выступает в защиту реформы правописания, доказывая, что «упрощение правописания прежде всего вводится в интересах развития народного образования... для борьбы с невежеством... и будет содействовать наиболее легкому и безболезненному его (образованию) утверждению в жизни».

В преподавательской работе в средней и в высшей школе братья Соколовы ставят задачу не только ознакомить учащихся с произведениями литературы, но и пробудить у них любовь к ней, помочь им осознать ее художественные достоинства и понять общественное значение произведений писателей и народного творчества. В средней, а позднее в высшей школе, Борис и Юрий Соколовы знакомили учащихся и студентов с песнями, сказками, обрядами народа. Так, Ю. М. Соколов и М. А. Рыбникова силами учащихся поставили инсценировку народной свадьбы. Эта постановка была органически связана со всей работой учащихся над традиционной народной поэзией и помогала им ближе подойти к проблемам общественного и семейного быта народа, его обычаям и обрядам.

К Великой Октябрьской революции Б. М. и Ю. М. Соколовы пришли как передовые педагоги, внимательные исследователи народного быта, представители демократического, левого крыла исторической школы. К этому времени в научных исканиях Бориса Матвеевича уже определился преобладающий интерес к этнографии и музейному делу, в отличие от преимущественно литературоведческого уклона интересов его брата Ю. М. Соколова.

С первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции братья Соколовы становятся в ряды передовой советской интеллигенции. Они продолжают педагогическую работу в средних и высших учебных за-

ведениях и вместе с тем ведут интенсивную научную, научно-организационную и исследовательскую работу.

В 1919 г. Б. М. Соколов был избран профессором Саратовского университета. Возглавив фольклорно-этнографическую работу в Саратове, Б. М. Соколов уже в октябре 1919 г. добился организации этнографического отдела при Саратовском обществе археологии и этнографии и летом 1920 г. провел первую в то время в Саратовском крае экспедицию, собиравшую этнографические и фольклорные материалы в Хвалынском уезде. С целью подготовки к полевой и кабинетной работе культурных сил Саратовского края Б. М. Соколов организовал специальный семинар для студентов и краеведов. Братьев Соколовых и их учеников-студентов волновали вопросы: что поет и рассказывает послеоктябрьская деревня, как она отвечает традиционный и новый фольклор на запросы современности. Научная и педагогическая практика братьев Соколовых дает им право сказать: фольклор — не только отзвук далекого прошлого, но и громкий голос современности.

В практике педагогической работы Б. М. Соколова изучение живого бытования народной поэзии особенно полно выражается в стремлении связать фольклор с культурой и бытом народных масс в прошлом и настоящем. Совершенно закономерно под руководством Бориса Матвеевича в саратовских студенческих экспедициях сливается фольклорная и этнографическая работа. Он пишет о необходимости расширить фольклорно-этнографические исследования, привлечь к ним самые широкие круги интеллигенции, поставить эти исследования на службу современности. Вскоре же после окончания гражданской войны, издавая «Саратовский этнографический сборник», составленный из работ, написанных на основе студенческих экспедиций, Б. М. Соколов писал: «Задачи этнографии так же широки, как широка и разнообразна жизнь народа в его быту и творчестве»³.

Б. М. Соколов призывает фольклористов-этнографов изучать жизнь и творчество народов Советской страны. Говоря о Саратовском крае, он напоминает, что Поволжье — область, в которой живут разные народы. И русские ученые и ученые, выходящие из среды других народов Поволжья, должны обратиться к изучению жизни народных масс. Это диктуется национальной политикой Советской власти. Б. М. Соколов горячо призывал вести этнографическую работу: «Работать в своей стране для живущих в ней народов и не знать ни страны, ни этих народов — не есть ли это работать втемную»⁴.

В апреле 1920 г. при активном участии В. М. Соколова был открыт Этнографический музей Саратовского края.

Вся эта работа ни в какой мере не была деятельностью во имя некоей отвлеченной науки. Б. М. Соколов видел в этнографической работе реализацию насущных, общественно важных задач. Жить и работать во имя народа и на благо народа — такова цель Б. М. Соколова. Он не может оставаться в стороне от борьбы со страшным бедствием — голодом в Поволжье 1921—1922 гг. Без шума и показного эффекта Б. М. Соколов включается в борьбу с голодом и в помощь голодающим. В частности в письме Ю. М. Соколову в марте 1922 г. он писал: «Я стою на твердой позиции обязательности в нравственном отношении работы всех в помощь голодающим». Б. М. Соколов активно участвует в организации общественной борьбы с голодом; большую роль он играет в привлечении к этому делу студенчества. С целью мобилизации общественных сил Борис Матвеевич организует в Саратове специальный музей, в экспозиции которого была раскрыта страшная картина голода в Поволжье и показан ход борьбы с ним.

³ «Саратовский этнографический сборник», вып. 1, Саратов, 1922, стр. 24.

⁴ Там же, стр. 6.

Всю культурную, общественную, научную работу Б. М. Соколов проводил с помощью молодежи, учившейся у него и окружавшей его в университете. Студенческая молодежь, краеведы-учителя были той культурной силой города и села, которую возглавил Б. М. Соколов. Между молодым профессором и студентами сложились тесные дружеские отношения, позволявшие ему непрерывно и с большими удачами вести работу. Об окружавшей его молодежи Борис Матвеевич писал: «Идет новый исследователь, знающий и кровью связанный с народом, глубоко понимающий всю важность его познания»⁵. Работу Б. М. Соколова по изучению фольклора Саратовской области в течение многих лет плодотворно продолжает одна из ближайших его учениц Т. М. Акимова.

Проявившиеся уже в Саратове черты работы Б. М. Соколова — горячая преданность науке, понимание того, что она служит народу, умение организовать вокруг себя всех, кто способен на борьбу за создание новой жизни, активное участие в общественной жизни, в еще большей мере раскрылись в Москве, куда Б. М. Соколов вернулся в 1925 г. В Москве он развернул поистине огромную работу. Он не только участвовал в жизни научных учреждений и обществ, не только вел большую педагогическую работу, он создал одно из крупнейших научных и культурно-воспитательных учреждений 1920—1930-х гг. — Центральный музей народоведения (позднее — Государственный музей народов СССР) в Москве.

В основу Музея народоведения легли этнографические коллекции Румянцевского музея. Посетители Румянцевского музея видели его экспонаты аккуратно развешенными в витринах и разложенными в застекленных столиках. Предметы культуры и быта демонстрировались посетителям, но не раскрывались в их бытовании.

Добившись нового помещения для музея в Москве, Б. М. Соколов задумал показать современную жизнь народа, сложившиеся в ней навыки, культурные достижения, обычаи и обряды, пережитки. Он исходил при этом из убеждения, что именно такого этнографического показа требует национальная политика Советской власти. И Б. М. Соколов сломил застенческие рамки традиционного показа экспонатов в музеях. В Музее народоведения были созданы обстановочные сцены, изображавшие жизнь народа, отдельные предметы были введены в открытую экспозицию, широко был использован графический материал, фото, диапозитивы, карты, диаграммы и пр. По меткому выражению одного из посетителей только что созданного музея, из экспозиции разогнали моль и в музей вдохнули жизнь.

Работа над созданием Музея народоведения как музея современной культуры и быта народов была связана с мечтой Б. М. Соколова о создании этнографического музея под открытым небом. Борис Матвеевич разрабатывал планы организации на территории обширного парка такого музея, в котором была бы показана жизнь разных народов⁶. К сожалению, эта мечта остается неосуществленной и в наши дни.

О судьбе Музея народоведения, игравшего такую значительную роль в этнографии 1920—1930-х гг., надо сказать особо. Во время Великой Отечественной войны Музей народоведения (Музей народов СССР) был законсервирован, этнографические коллекции, собранные в многочисленных экспедициях, были упакованы и хранились в складочных помещениях. После окончания войны музей просуществовал до 1948 г., а затем его коллекции были переданы в музей Ленинграда. Но правильно ли то, что Москва — столица многонационального Советского Союза — не имеет музея современной и прошлой культуры и быта народов СССР? Правильно ли, что не только москвичи, не только советские люди, но и зарубеж-

⁵ Там же, стр. 28.

⁶ Б. М. Соколов в 1920-х гг. уже приступал к созданию этнопарка. На прилегающей к Музею территории были поставлены казахская юрта, остяцкий чум и пр.

ные гости, приезжающие в столицу нашей Родины, не имеют возможность посетить учреждение, в котором была бы отражена национальная культура народов Советского Союза, показана их жизнь в прошлом и настоящем? Из прошлого к нам обращается голос крупного ученого — этнографа и фольклориста — Б. М. Соколова, напоминающего, насколько важно и своевременно создание учреждения, наглядно показывающего национальную политику Советской власти, ведущей народы СССР к коммунизму.

Б. М. Соколов был первым директором Музея народоведения и стремился объединить в нем все творческие силы этнографов. Это ему блестяще удалось. Музей был местом, где работали многие известные ученые, где росли молодые исследователи этнографии и фольклора. Там работали и начинали работу Б. А. Куфтин, Е. Н. Елеонская, С. П. Толстов, С. А. Токарев, М. Г. Левин, В. Н. Белицер, В. Ю. Крупянская, Н. И. Лебедева и многие другие ученые, труды которых получили широкую известность. Музей был своеобразной школой для исследователей и местом острых дискуссий. Б. М. Соколов в этих дискуссиях играл немалую роль: он искал новых путей в работе, иногда заблуждался, и это вызывало критику его работы, но он всегда напряженно творил и зажигал своим творческим горением окружающих.

Педагогическую работу в последний период своей недолгой жизни Б. М. Соколов вел во 2-м Московском государственном университете (ныне Государственный педагогический институт им. В. И. Ленина). В университете Б. М. Соколов читал курс и вел семинары по фольклору. Увлекательные лекции, полные любви и глубокого понимания общественного и художественного значения народного творчества, возбуждали у студентов интерес к фольклору и стремление специализироваться в области его собирания и изучения.

Б. М. Соколов требовал от студентов сочетания учебной и научной работы. Он не боялся включать студентов в научные академические экспедиции. Так, в известной экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» участвовали бывшие в 1926—1928 гг. студентами П. А. Грушинков, В. И. Яковлева, В. И. Чичеров. Борис Матвеевич требовал от своих учеников самостоятельности и четкости в работе. Нередко он, работая со студентами, специализирующимися по фольклору, использовал следующий прием: написав какую-либо работу, он вызывал студентов к себе, читал им эту работу и требовал детального разбора и критики ее. И чем прямее и принципиальнее были критические замечания слушателей, тем живее отзывался на них автор. Завязывался спор, касавшийся нередко самых существенных вопросов. Этот спор руководителя со студентом был прекрасной школой для молодого специалиста.

Б. М. Соколов в молодежи, начинавшей работать в любимой им области фольклора и этнографии, видел не только учеников, но и товарищей, которым он передавал свои знания, свой опыт и которые — он был уверен — продолжат начатые предшествующими учеными научные изыскания. Глубокая вера в научные силы молодого поколения озаряла педагогическую деятельность Б. М. Соколова.

Много сил отдавал Б. М. Соколов руководству журналом «Этнография», который стал рупором советской этнографической мысли.

В эти годы Борис Матвеевич публикует такие ценные работы, как статью о былинах старинной записи и «Экспурсы в область поэтики русского фольклора». Последняя статья явилась результатом живого интереса к художественной стороне фольклора; в ней он не только открывает один из композиционных приемов народной песни, но и убедительно доказывает творческий характер народных переделок литературных песен.

Трудом, обобщившим опыт многолетней собирательской работы братьев Соколовых, явилась книга «Поэзия деревни» (1926). Это популярно написанное руководство по собиранию произведений народного творче-

ства показывает, какое огромное общественное значение братья Соколовы придавали собирательской работе. Немудрено, что на многие годы эта книга стала основным пособием советских собирателей фольклора.

Результатом многолетней педагогической работы Б. М. и Ю. М. Соколовых явился уже упоминавшийся выше курс для заочников — «Русский фольклор», первая часть которого — «Былины» и вторая часть — «Сказки» были написаны Борисом Матвеевичем. Книги эти были первой попыткой создания курса фольклора для советского вуза. В курсе явно стремление осмыслить фольклор с марксистских позиций, однако практически он не вышел за пределы вулгарного социологизма, легко сочетавшегося с положениями исторической школы.

В дальнейшем курс этот, заново переработанный и поднятый на новую методологическую ступень, лег в основу известного учебника Ю. М. Соколова «Русский фольклор».

Собирательский опыт, организационные навыки, глубина исследовательских интересов, принципиальность общественных позиций братьев Соколовых помогли им блестящее осуществить трехлетнюю экспедицию «По следам Рыбникова и Гильфердинга» (1926—1928), которая дала возможность судить об изменениях, происшедших в былевом эпосе за 60 лет, и привлекла к себе внимание советских и зарубежных ученых.

Экспедиции, проведенные под руководством братьев Соколовых, имели характер больших общественных начинаний. Б. М. Соколов требовал от всех участников экспедиции, в том числе и от студентов, чтобы они не ограничивались сбором материалов, но помогали в работе изб-читален, проводили беседы, содействовали коммунистам и комсомольцам села в их работе. Как дополнительное научное задание участвовавшей в экспедиции молодежи Б. М. Соколов ставил изучение процессов культурной революции, раскрепощения женщины, утверждения атеистического мировоззрения и т. д. И куда бы ни приезжала экспедиция братьев Соколовых, всюду сразу же между ней и передовыми людьми села завязывались тесные дружеские связи. Сам Борис Матвеевич не раз выступал организатором вечеров художественной самодеятельности, игр и бесед. К нему шли за советом, и Борис Матвеевич самые разнообразные вопросы общественной и личной жизни не оставлял без ответа.

Весной 1930 г. Б. М. Соколов в числе стотысячников — представителей рабочих и советской интеллигенции — выехал в Калужскую область для участия в проведении коллективизации. Он считал это своим общественным долгом, так как был уверен, что работа такого огромного значения должна проводиться авторитетными и опытными людьми. Поездка эта окончательно подорвала и без того некрепкое здоровье Б. М. Соколова, он тяжело заболел, и 30 июня 1930 г. его не стало.

Фольклорист, этнограф, литературовед, Б. М. Соколов всегда и прежде всего был общественником, подчиняя идее служения народу свои исследовательские и педагогические начинания и задачи. В статье «Памяти ак. А. А. Шахматова» он писал: «У истинного ученого его научные запросы и стремления его «вечные спутники», они неотделимы от жизни». Эти проникновенные слова Б. М. Соколов мог написать потому, что сам был именно таким истинным ученым.

Б. М. и Ю. М. Соколовы внесли существенный вклад в советскую фольклористику и этнографию и заняли видное место в истории советской науки. Не идеализируя их деятельности и не преуменьшая ее значения, мы должны из их научного наследства взять все наиболее ценное и важное. Их творческое горение и любовь к науке, их стремление поставить науку на службу народу явились выражением деятельности первых советских исследователей. Эти традиции новые поколения советских ученых должны сохранять и развивать.

Основные печатные работы Б. М. Соколова

- Б. и Ю. Соколовы. Остатки былин и исторических песен в Новгородской губ. «Изв. отд. русского языка и словесности Ак. наук», т. XV, 1910, кн. 2.
- Б. и Ю. Соколовы. Отчет о поездке в Весьегонский уезд Тверской губ. летом 1909 г. Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 2, Варшава, 1910.
- » » Говор южной части Белозерского уезда Новгородской губ. Там же.
- » » Отчет о поездке в Кирилловский уезд Новгородской губ. летом 1909 г. Там же.
- Б. М. Соколов. Гоголь — этнограф. Интересы и занятия Н. В. Гоголя этнографией. «Этнографич. обозрение», 1910, № 2—3.
- » » Св. Димитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе. Там же.
- » » Исторический элемент в былинах о Даниле Ловчанине. «Русск. филологич. вестник», т. LXIV, Варшава, 1910, № 3—4.
- Б. и Ю. Соколовы. Живая старина в Белозерском крае (Отчет о командировке в 1909 г.). Труды Моск. предварит. комитета по устройству XV археологического съезда, т. I, М., 1911.
- Б. М. Соколов. Непра-река в русском эпосе. «Изв. отд. русского яз. и словесности Ак. наук», т. XVII, 1912, кн. 3.
- » » История старин о 40 каликах со каликою. «Русск. филологич. вестник», 1913, № 1, 2.
- » » Шурин Грозного, удалой боец Мамстрюк Темрюкович. «Журн. мин-ва народн. просвещения», Нов. серия, часть XLVI, 1913, № 7.
- » » Вс. Ф. Миллер как исследователь русского былевого эпоса. «Живая старина», 1914, вып. III—IV.
- «Сказки и песни Белозерского края». Записали Борис и Юрий Соколовы. С вводными статьями, фотографическими снимками и географической картой. Изд. Ак. наук, М., 1915.
- Б. М. Соколов. Былины об Идолище Поганом. «Журн. мин-ва народн. просвещения», Нов. серия, часть LXIII, 1916, № 5.
- » » О житийных и апокрифических мотивах в былинах. «Русск. филологич. вестник», 1916, № 3.
- » » К вопросу о дифтонгическом произношении ѣ и О в южновеликорусских говорах. «Русск. филологич. вестник», № 3 и 4, Казань, 1918.
- » » Упрощение правописания. Изд. «Задруга», М., 1917.
- » » Былины. Исторический очерк, тексты и комментарии. Изд. «Задруга», М., 1918.
- » » По поводу «Слова о законе и благодати» Иллариона. «Изв. отд. русского яз. и словесности Российской Ак. наук», т. XXII, Пгтр., 1918, кн. 2.
- » » Былины. Историко-социологический очерк. «Литературная энциклопедия», изд. Коммунистической акад., т. II, М., 1930.
- » » Духовные стихи. Там же, т. III, М., 1930.
- » » Памяти ак. А. А. Шахматова. «Изв. отд. русского яз. и словесности Ак. наук», т. XXV, Пгтр., 1922.
- » » О былинах, записанных в Саратовской губ. Научное прилож. к журн. «Культура», Саратов, 1922, № 1.
- » » Мужики в изображении Тургенева. Сб. «Творчество Тургенева», под ред. И. Н. Розанова и Ю. М. Соколова, М., 1920.
- » » Кн. Мария Волконская и Пушкин. Изд. «Задруга», М., 1922.
- » » Этнографическое изучение Саратовского края. «Саратовский этнографический сборник», вып. I. Под ред. Б. М. Соколова, Саратов, 1922.
- » » Очерки развития новейшей русской поэзии. Саратов, 1923.
- » » Эпические сказания о женитьбе князя Владимира. Германо-русские отношения в области эпоса. «Ученые зап. гос. Саратовского ун-та», т. I, вып. 3, Саратов, 1923.
- » » К организации этнографических изучений на местах. «Жизнь национальностей», кн. 2, М., 1923.
- » » Собиратели народных песен. М., 1923.
- » » Сказители. М., б. г.
- » » О песнях народов СССР. Журн. «Советское искусство», 1925, № 2.
- » » Художественная культура в Маробласти. «Советское искусство», 1925, № 8.
- » » Первые шаги мордовской литературы. «Советское искусство», 1926, № 3.
- » » Краевед за работой по изучению быта. Сб. «Первые шаги краеведа», Иваново-Вознесенск, 1926.

- » » Уголок русского сказочного мира. «Научн. изв.», вып. II, М., 1922.
- » » Несколько очередных вопросов современного краеведения. «Наука и искусство», вып. I, М., 1926.
- Б. и Ю. Соколовы. Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений русской словесности. Изд. «Новая Москва», 1926.
- Б. М. Соколов. Экскурсы в область поэтики русского фольклора. «Художественный фольклор», вып. I, М., 1926.
- » » По Петровскому уезду. Из отчета об этнографической экспедиции в 1923 г. Труды Нижневолжского обл. научн. об-ва краеведения, вып. 34, ч. 4, Саратов, 1926.
- » » Ак. Вс. Ф. Миллер, Очерки русской народной словесности, т. XII, Былины и исторические песни. (Рец.). «Этнография», кн. 1—2, 1926.
- » » Былины старинной записи. Семь неизданных текстов. «Этнография», кн. 1—2, 1926; кн. 3, 1927; кн. 4, 1928.
- » » Старое и новое искусство национальностей СССР. Сб. «Искусство народов СССР», изд. ГАХН, М., 1927.
- » » Этнография в СССР. «Изв. ЦИК СССР», 1927, № 8, 11/1.
- » » Этнографическая работа в СССР. Труды II съезда славянских этнографов и географов в Варшаве летом 1927 г.
- » » Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу. Гл. 1—2, журн. «Художественный фольклор», вып. II—III, М., 1927; гл. 3—4, там же, вып. IV—V, М., 1929.
- » » Народные русские верования, культ и обряды в музейной экспозиции. Культура и быт населения центрально-промышленных областей (Этнографические исследования и материалы). «2-е совещание этнологов Ц. П. О.», М., 1929.
- » » Русский фольклор, ч. I, Курс лекций. Изд. Бюро заочного обучения при 2-м МГУ, М., 1929; ч. II, М., 1930.
- » » Об историко-социологическом методе изучения былин. Юбил. сб. в честь ак. П. Н. Сакулина, М., 1931.

Более полный список опубликованных работ Б. М. Соколова см. в кн.: «Сборник Нижневолжского краевого музея», Саратов, 1932.

Подготовленные к печати труды Б. М. Соколова хранятся в архиве Гос. литературного музея и в Центральном гос. литературном архиве.

Б. П. ПОЛЕВОЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ Г. И. НЕВЕЛЬСКОГО (1849 год)

В 1954 г. в «Советской этнографии» (№ 3, стр. 77—82) была опубликована статья А. В. Смоляк «Экспедиция Невельского 1850—1854 гг. и первые этнографические исследования XIX в. в Приамурье, Приморье и на Сахалине». Все использованные А. В. Смоляк источники относились исключительно к 1850-м годам, между тем теперь впервые выясняется, что Г. И. Невельской сумел собрать весьма обширные сведения по этнографии Сахалина и Приамурья еще в 1849 г. Подробные данные об этом имеются в недавно нами опознанном неизвестном отчете Г. И. Невельского об его историческом плавании 1849 г. к устью Амура и в Татарский пролив.

Используя этот ценный, пока еще неопубликованный документ¹, мы и ставим своей задачей в настоящей статье охарактеризовать итоги наиболее ранних этнографических наблюдений Г. И. Невельского.

* * *

После поражения феодального Китая в первой «опиумной» войне 1839—1842 гг. возникла угроза проникновения западноевропейских и американских колонизаторов на реку Амур. В связи с этим многие русские государственные и общественные деятели, в том числе Г. И. Невельской, поставили вопрос о возвращении России утраченных ею в конце XVII в. земель по Амуру, которые на протяжении более полутора веков фактически оставались неразграниченными между Китаем и Россией. Возвращение этих областей было необходимо для дальнейшего экономического развития русских тихоокеанских владений.

Невельской был твердо убежден в том, что неперенным условием прочного закрепления за Россией этого экономически и стратегически важного района является установление наилучших отношений с аборигенами Приамурья и Сахалина. Для достижения этой цели, по его мнению, требовалось, чтобы русские строго уважали обычаи местных народов и постоянно путем торговли удовлетворяли бы их нужды. Вот почему Невельской решил уже во время первого плавания в дальневосточных водах подробно ознакомиться с этнографией края.

В формировании взглядов Невельского немалую роль сыграл его друг — петрашевец А. П. Баласогло.

Лишь сравнительно недавно стало известно, что А. П. Баласогло еще в 1846 г. заинтересовал Невельского идеей организации специальной исследовательской экспедиции на Амур. В дальнейшем Баласогло и Невельской совместно разработали план отправки на Амур одновременно двух экспедиций: морской и сухопутной. Предполагалось, что Невельской возглавит морскую экспедицию, а Баласогло примет участие в сухопутной в качестве этнографа². Повидимому, именно Баласогло первым обратил

¹ Архив Географического общества СССР, разряд 99, опись I, док. № 93. В дальнейшем изложении ссылки на этот документ даются в тексте статьи в скобках.

² «Дело петрашевцев», т. II, вып. I, М., 1941, стр. 136.

внимание Невельского на большое значение этнографических исследований в Приамурье. Однако самому Баласогло так и не удалось заняться этнографией Приамурья. В Петербурге отвергли план отправки сухопутной экспедиции на Амур, а в апреле 1849 г. Баласогло был арестован по делу петрашевцев.

Невельской же после долгих хлопот получил разрешение отправиться на транспорте «Байкал» к берегам Сахалина для изучения морских подступов к устью Амура.

12 июня 1849 г. транспорт «Байкал» подошел к восточному побережью Сахалина в районе Набильского залива. Посетивший ранее этот район Крузенштерн обратил внимание на имеющиеся здесь песчаные отмели, похожие на речной бар и на «разлог гор», и высказал предположение, что там проходит отдельный рукав Амура³. Невельской решил проверить на месте это предположение. Обнаружение такого рукава открыло бы кратчайший водный путь из Амура к Камчатке и Русской Америке, что имело бы для России большое экономическое и политическое значение.

Полагая, что наиболее достоверные сведения об этом можно получить от местных жителей, Невельской уже в день прибытия к сахалинскому побережью сделал попытку установить с ними сношения.

Вечером 12 июня, находясь в районе «Шхер Благополучия», Невельской отправил на разведку на сахалинский берег своего помощника Козакевича и мичмана Гейсмара с небольшой группой матросов. Вот как описывает эту первую встречу с местными жителями восточного берега Сахалина сам Невельской, наблюдавший за ней с борта транспорта «Байкал»: «Только пристали шлюпки к берегу, как уже толпа любопытных шла издали навстречу и, как видно было в трубу, была вооружена стрелами. Но с приближением жители положили это оружие за кусты. Постоянным правилом было принято на отправляющихся на берег шлюпках для предосторожности иметь гребцов, вооруженных ружьями, но только в самой крайности прибегать к нему и под самой строжайшей ответственностью избегать всяких неприязненных столкновений, как можно ласковее и с большой осторожностью обходиться с жителями. Кроме того, каждый офицер, отправляясь на несколько дней, имел от нашего доктора наставления и необходимые медицинские пособия.

Видно было, что жители не решаются подойти к шлюпкам. Им начали махать, зовя к себе, после чего трое, отделясь от толпы, стали подходить, а за ними вскоре и вся толпа двинулась.

После разных обоюдных приветствий, чтобы расположить их в свою пользу, сделали им подарки: огниво (кремни были в большом почете), а табак, кажется, неocenим — они принимали его с жадностью» (лл. 28—29).

В тот же день Невельской сделал и первую краткую запись о внешнем облике местных жителей: «Одежда их состояла из кухлянок, но без капюшона, или, лучше сказать, из коротких кафтанов, сделанных из тюленьей кожи; длинные торбасы из той же кожи были подвязаны под коленом, оставляя верхнюю часть ноги голой; как кафтан, так и торбаса, были одеты на голое тело. У многих такого же покроя кафтаны были из синей китайки. Головы ничем не покрыты; волосы черные, гладкие и заплетенные в косу, висевшую сзади; глаза черные, не слишком узкие, с прорезью монгольского типа, кости в висках выступившиеся; некоторые были высокого роста, статны и плечисты, а прочие — среднего; всякий имел при себе по одному, а некоторые по два ножа, висевшие на ремнях, опоясанных сверх одеяния, у других висело огниво, и в сумках древесный трут. Ножи и огниво имели большое сходство с якутскими» (л. 29).

13 июня мичман Гроте и подпоручик Попов по заданию Невельского осмотрели жилища сахалинцев. В отчете записано: «Селение лежало на

³ И. Ф. Крузенштерн, Путешествие вокруг света в 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева», т. II, СПб., 1810, стр. 188 и 191.

острову вдоль берега и расположено было в два ряда в расстоянии один от другого около 50 саженей. Строение хижин двоякого рода. Одни имели основания четырехугольные и крыши из словой коры сходились к верши не конически, а другие имели конические основания, покрытые рыбьей кожей; как те, так и другие, построены из шестов. Вход в жилище не запер дверью, а был свободен. Во внутренности лежала по сторонам разная утварь (кажется, японской работы), чугунные котлы на трех ножках с оловянными ручками, рыбы кожи и тюленьи шкуры. Вокруг хижин были привязаны собаки, принадлежащие к одной породе с камчатскими. В кедровнике за юртами паслось стадо оленей» (лл. 29—31).

Невельской дал задание Козакевичу, расспрашивая местных жителей выяснять, как они сами себя называют. Но все попытки выяснить их самоназвание оказались безрезультатными. «Из распросов знаками неловко было положительно узнать: что они за народ и чью признают власть над собой?» (л. 29).

Таким образом, Невельской в 1849 г. еще не смог определить, к какой народности относились первые встреченные экспедицией жители Сахалина. Но судя по тому, что они занимались оленеводством и имели жилища с конической вершиной, можно полагать, что это были ороки.

Распросы ороков и осмотр местности убедили в том, что никакого рукава Амура в этом районе не было.

На третья времени, Невельской отправился в дальнейший путь для обследования северной оконечности Сахалина. «В следующие дни при проходе транспорта вдоль берега, — отмечено в отчете, — во многих местах видели жителей, и когда посылались шлюпки для осмотра какой-либо заводи или озера, всегда почти встречали, если не жителей, то повисевшей на жердях рыбы можно было предполагать о существовании поблизости жильцов» (лл. 31—32).

Несомненно, спутники Невельского в этих районах встречались уже преимущественно с нивхами (гиляками). Однако в 1849 г. Невельской еще не отличал нивхов от ороков.

Когда «Байкал» достиг северной оконечности Сахалина и повернул на запад, нивхи стали встречать русских менее дружелюбно. «Между мысами Марии и Елизаветы, — отметил Невельской, — в живописной равнине лежит довольно значительное селение, которое имеет более фундаментальности в постройке и в оседлости и жизни. Сначала посланная в него шлюпка не совсем была принята благосклонно жителями, которые вышли навстречу ей на своих шлюпках и махали веслами, чтобы наша шлюпка не подходила к берегу, но когда подошли на такое расстояние, что можно было передать им соблазнительный табак, их неприязнь понемногу смягчилась, и вскоре шлюпка наша в сопровождении шести лодок, на каждой из которых было по 8-ми человек, вошла в залив, в котором были расположены селения. Жители, видя, что нет никаких намерений с нашей стороны их обижать, начали предлагать разные менки. Собольи шкуры и тюленьи кожи были самым дорогим товаром; большая часть этой мены всегда была в их пользу — подарками безвозмездия, но, несмотря на нашу щедрость, они не желали допустить нас в свои дома, не говоря уже о сбережении женщин, которые с приближением шлюпки к берегу взбирались на отдаленные возвышенности» (лл. 32—33).

Невельской довольно быстро разгадал причину такого недоверчивого отношения к прибывшей экспедиции со стороны жителей северной оконечности, и особенно северной части западного берега Сахалина.

Виновниками этого были иностранные, в частности американские китобои, появлявшиеся обычно у берегов Сахалина со стороны Шантарских островов. Китобои, как установил Невельской по рассказам местных жителей, «большие охотники к разным насильствиям» (л. 33). Поэтому нивхи этой части сахалинского побережья настороженно относились ко всем пришельцам с моря. Иное положение было у восточного берега

куда «китобойные суда еще не совсем добрались» (л. 32). В доказательство этого утверждения Невельской указывал на то, что в районе Шхер Благополучия транспорт «Байкал» с утра до вечера был окружен стадами китов, которые плавали около судна, не опасаясь за свою жизнь, тогда как у северо-западного берега Сахалина киты при появлении транспорта «Байкал» обычно пугливо отплывали в сторону.

Особенно часто иностранные китобои посещали нивхское селение Тамлево, расположенное в районе мыса Головачева при входе в Амурский лиман. «Первая просьба этих жителей,— сообщает Г. И. Невельской,— была «арак» и «ром». У них видели также английские иголки и ножи, что прямо подтверждает сношение их с китобойными судами» (л. 42).

Весьма характерно, что именно у этого селения и произошел единственный за все время плавания 1849 г. конфликт с нивхами. Он возник из-за того, что жители Тамлево похитили одежду русских моряков, ночевавших на берегу вблизи их селения.

Из отчета мы узнаем, что Невельской сумел даже и этот эпизод использовать для улучшения отношений с нивхами. «На другой день,— пишет Невельской,— вероятно, боясь мщения, вся деревня около 200 человек была вооружена. Время не позволяло тотчас же предпринять что-либо для выручки вещей, что я полагал необходимым сделать, разумеется без неприязненных столкновений, дабы не подать повода другим на будущее время и избежать могущих от этого произойти ссор. Ожидал удобного случая, который скоро представился. Похитители, видя, что мы не обращаем внимания на их поступки, или, может быть, надеясь, что мы их не узнаем, через два дня после этого происшествия привезли на транспорт для вымена на табак свежую рыбу. Я, показав им на украденные вещи, объявил, что до тех пор пока эти вещи не будут возвращены, двое из них должны оставаться на транспорте. Все они, а особливо выбранные старики заложниками, хорошо поняли и, желая избежать ареста, показывали, что они будто бы совершенно не знают о похищении и живут в другой деревне, но, видя, что хитрость эта не помогает, переговорив с товарищами, отправили их на берег. Ожидания мои исполнились. На другой же день мы увидели идущие от берега, наполненные людьми три шлюпки. Они, не доходя на значительное расстояние до транспорта, перестали гребти и кланялись весьма униженно. Когда им позволено было подойти к транспорту, один из пассажиров поднял вверх собаку и низко кланялся, как бы предлагая выкупа за товарищей. Когда их спросили: «где же вещи?», они очень хорошо поняли, об чем их спрашивают, но как бы из предосторожности не ранее возвратили вещи, пока не были спущены к ним арестанты. И когда арестованных мы одарили пологам, огнивами, топорами и проч. и когда, вероятно, эти последние рассказали им, как мы с ними ласково обращались и как хорошо их кормили, радость всех была невыразима. Каждый из них лез ко мне обниматься, показывая знаками, жаловались, что суда с моря подходят к их деревне и делают разные неистовые бесчинства; многие же, обращаясь к товарищам своим, бранили за поступок с нами. Эти же последние показывали знаками, что они в нас ошиблись; вся эта история кончилась тем, что мы расстались совершенными друзьями и с этих пор встречали везде самые миролюбивые приемы» (лл. 33—35).

Таким образом, убедившись, что поведение Невельского и его подчиненных резко отличается от поведения китобоев, нивхи сразу же изменили свое отношение к русским морякам.

Между нивхами и русскими установились дружественные отношения. «За угощения и ласки наши,— отметил Невельской,— они всегда старались отвечать, приглашать к себе в хижины, предлагая нам сырую белугу, нерпичий жир, ягоды и сарану. Если мы отказывались есть сырую рыбу, они предлагали ее сварить, но нечистота не допускала воспользоваться вполне их хлебосольством. Мы сгарались сколько возможно отка-

зываются от подобных слишком негастрономических обедов. Однако, видя, что если мы не попробуем — особенно нерпичьего жиру или сырой белуги — они обижаются, а потому, чтобы еще больше сблизиться с ними исполнением их обычаев, часто случалось пробовать эти отвратительные закуски. Беседа эта кончалась курением табаку и подарками хозяину и хозяйке за угощение, и, наконец, все семейство по очереди подходило обниматься» (лл. 37—38).

Большим нивхам русские моряки старались оказать медицинскую помощь. Слава о том, что «лоча» (т. е. русские) умеют лечить, быстро распространилась среди нивхов. Они, сообщает Невельской, «толпами приходили к нам, прося излечить» (лл. 41—42). Особенно много приходило нивхов, страдавших глазными болезнями. «Мы показывали им, — пишет Невельской, — что это происходит от нечистоты, заставляли их мыться. Первый опыт был сделан над девушкой с довольно приятной физиономией, показывая ей, как она похорошеет, когда вымоет руки и лицо. Любопытство заставило удовлетворить нашим просьбам, и подаренное зеркальце вполне доставило ей удовольствие; они смотрели беспрестанно, поворачивая его в разные стороны и делали разные grimасы, чтобы убедиться, точно ли они видят себя. Подарки и перерождение девушки произвело на молодых влияние: все, кроме стариков, бросились умываться, тря лица свои без жалости, и утирались грязной полой своих платьев» (л. 42).

Все эти факты ясно говорят о том, что Невельской и его подчиненные пришли в 1849 г. к берегам Сахалина и в район Амурского устья как подлинные друзья нивхов. И нивхи это хорошо поняли. Гиляки, писавшие Невельской, «проводжали нас почти с изъявлением какой-то грусти, что мы скоро их оставляем, далеко следя за нашими шляпками, и в ближайшей деревне упреждали о нашей щедрости и ласковом с ними обращении, ибо везде встречали нас как будто знакомых. Заметь, что мы любопытствуем об их образе жизни, стране, о фарватерах и прочем, они всегда старались сколько возможно удовлетворить нашим вопросам» (лл. 46—47).

Нивхи оказывали русским исключительно ценную помощь. Невельской так и отметил в своем отчете, что без помощи нивхов он «никоим образом не мог бы не только в продолжении лета, но и более, ознакомиться с лиманом» (л. 47).

Именно от нивхов Невельской получил главные сведения по географии Сахалина. Особенно ценными были для него рассказы нивхов о Татарском проливе. Еще во время пребывания русских моряков в Амурском лимане лейтенант Козакевич узнал от нивхов не только о существовании пролива, отделяющего Сахалин от материка, но и получил некоторые данные о его фарватере. Уже тогда из пояснительных жестов нивхов Козакевич понял, что Татарский пролив достаточно глубок, чтобы через него могли плавать корабли. Это известие еще более усилило стремление Невельского тщательно изучить Татарский пролив.

Невельскому принадлежит честь составления первой русской карты северо-западного берега Сахалина и устья Амура, на которую были нанесены названия нивхских деревень. Эти сведения были также получены непосредственно от нивхов, которые, как отмечал Невельской, «почти в каждой деревне, чертя на песке и ставя палки вместо деревень, рассказывали их названия далеко за Южный пролив по берегам Татарии, где обитают гиляки» (лл. 36—37). Один из нивхов даже сумел карандашом на бумаге начертить «карту всего Лимана с названием деревень» (л. 36). Другой знаками рассказал о глубине фарватера. «Но удивил всех, — пишет Невельской, — геометрист на реке в дер. Чнирх-рах, который чертил на песке границы владений гиляков и манчжуров; знал якутов, а еще более поразил, когда начал по-русски называть некоторые вещи — чайник, ружье, курок, и знаками показывал, что он знает об винтовке»

(л. 36). Нивх-«геометрист» объяснил, что он познакомился с русскими вещами и словами во время своего пребывания у эвенков, живущих южнее Удского острога. «Этот же рассказчик,— отметил Невельской,— был первым, который сказал, что он не манчжур, а гиляк, и вся толпа начала называть себя гиляками, потом, обведя все точки пространства, устья и часть реки, показал, что все это населено гиляками и что они не принадлежат манчжурам, но из всего видно, что их не любят и боятся» (л. 36).

В дальнейшем Невельской тщательно проверил эти сообщения и убедился, что они полностью соответствуют действительности. Так, сразу были опровергнуты еще два неправильных утверждения Крузенштерна.

Как известно, Крузенштерн полагал, что северная часть Сахалина и побережье Приамурья населены какими-то подчиненными Китаю «татарами»⁴. Невельской доказал, что в этом вопросе был прав не Крузенштерн, а русские землепроходцы XVII в., называвшие низовье Амура и Сахалин «землей гиляков», которые никому «дани не платят»⁵.

Крузенштерн утверждал, что устье Амура охраняется «китайской силой». Невельской же от местных жителей узнал, что в устье Амура никогда не было китайских войск. Сюда лишь проникали без ведома китайских властей некоторые торговцы-маньчжуры. Иногда они даже совершали поездки на остров Сахалин. Но нивхи ненавидели этих маньчжурских купцов. Невельской пишет: «Нелюбовь же их и боязнь к манчжурам можно было видеть во многом. Например, в одной деревне, когда мы уже ознакомились и называли их гиляками и они убедились, что мы не маньчжуры, то в доказательство их к нам расположения втыкали в землю палки, называя их маньжурами, и потом с сердцами сколачивали одну за одной» (л. 37). И далее:

«Почти все они рассказы свои кончали тем, что показывали отвращение свое к манчжурам, что, вероятно, происходило от того, что (как я впоследствии узнал по собранным сведениям) маньчжуры, заезжая к гилякам, обирают все у них лучшее, делают различные своеволия и уводят даже женщин, а потому гиляки, заслышав приближение манчжура, скрывают пригожих женщин в леса, однако, под страхом ужасного от них мщения, если манчжур узнает как-либо, что хозяин скрыл свою жену или дочь» (л. 47).

После того как нивхи ближе познакомились с русскими и убедились, что их поведение резко отличается от поведения китобоев и маньчжурских торговцев, они уже не прятали своих женщин. «Когда жители узнали,— пишет Невельской,— что мы не маньчжуры, женщины никогда не исключались из общества» (л. 38).

Нивхи постоянно заявляли Невельскому, что они не признают над собой власти маньчжур.

Уже в 1849 г. Невельской первым из исследователей приблизительно установил границы распространения нивхских селений. На основании сведений, собранных от местных жителей, он сообщает: «Гиляки занимают всю северную часть острова до широты около 50°, оба берега реки Амур на пространстве около ста миль от устья ее и берега Татарии много южнее гавани де-Кастри, ибо за деревнею Сешеры, в этой гавани находящейся, они показывали, что есть еще две деревни далее ее, обитаемые гиляками» (л. 48).

От местных жителей Невельской узнал, что какое-то крупное иностранное судно уже в 1848 г. побывало в южной части Татарского пролива. «В одной из деревень в Татарском заливе около южного пролива пожилой гиляк, показавший мне знаками границы их владений,— пишет Невельской,— заметя на мне синюю английскую куртку, остановился и смотрел на меня как бы со страхом и недоверчивостью. Я, не понимая такой перемены, подарил ему ножик и просил продолжать рассказ,

⁴ И. Ф. Крузенштерн, Указ. соч., т. II, стр. 171 и 181.

⁵ «Дополнения к актам историческим», т. III, СПб., 1848, стр. 55.

но он, к удивлению, рассматривал мою матросскую куртку, взял меня за руку, показывая далеко к югу на берег, на море, на свою лодку, увеличивая ее, и, указывая на мою куртку, объяснил мне знаками о множестве виденных им людей в подобном костюме и, наконец, размахивая руками, с каким-то страхом, прижимаясь ко мне, показывал мне знаками и голосом как бы пальбу с приходившего сюда судна. Я нарочно снял с себя куртку и бросил ее в сторону, давая как бы тем знать, что это не наше одеяние и что мы его не любим. Он начал обнимать меня и изъяснять страх, который навели, может быть, на них пальба с приходившего сюда какого-либо судна, но, судя по этому, — по костюмам людей и по знакам гиляка о множестве их, надо полагать, что судно то было довольно значительное, военное. Впоследствии г. Орлов рассказывал мне, что от жителей деревни Коль он слышал, что действительно года два тому назад в южной части Татарского залива было судно, стреляло ядрами, вероятно, учило команду палить в цель» (лл. 47—48).

Это известие встревожило Невельского и окончательно убедило его в том, что России необходимо поспешить с занятием устья Амура.

Предполагая, что именно в этом районе в самом ближайшем будущем возникнут первые русские поселения, Невельской уже в 1849 г. подробно исследовал быт нивхов, живших в деревнях по берегам устья Амура и Амурского лимана.

Прежде всего, он опроверг утверждение Крузенштерна о том, что население этих мест будто бы знало земледелие. Как известно, Крузенштерн, осмотрев побережье Амурского лимана, писал: «Мы видели даже и нивы, обрабатывание коих доказывало, что здесь живет народ, успешный в образе жизни более, чем айны»⁶. Невельской же в своем отчете вполне определенно заявляет, что нивхи «ни о хлебопашестве, ни о скотоводстве, ни об огородничестве не имеют никакого понятия... Главная промышленность гиляков — рыбная ловля, что достается им весьма легко, потому что видимые нами стада белуг покрывают все пространство Лимана, не говоря о множестве красной рыбы, хайко и горбуши, и в реках огромных налимов и осетров» (л. 44). Этим самым Невельской подтверждал правильность рассказов русских землепроходцев XVII в. Как известно, еще Василий Поярков, вернувшись с Амура, сообщил в Якутске в 1646 г., что «гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губкам живут многие гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбоу...»⁷.

В отчете Невельского описаны различные способы ловли рыбы у нивхов: «Белуг ловят следующим способом: на глубинах ставят заколы, между ними протягивают сети и оставляют на ночь или со шлюпок прикормленных с этих заколов бросают в белугу длинный тонкий шест, у которого на конце насажено острое с зубринами железное копье с привязанным к нему длинным ремнем, закрепленным одним концом к шлюпке. Остальную рыбу ловят весьма просто: перед каждой деревней от берега в море на значительное расстояние вколачиваются колья. Человек на берегу, привязав конец невода на длинную палку, из нескольких тонких жердей составленную, заводит его за вколоченный кол. Другой они конец оставляют на берегу. Рыба, идя вдоль берега, запутывается головой в сети и бьется до тех пор, пока тот же человек не подходит и не вытаскивает ее, бросая на берег или в шлюпку» (л. 44).

Невельской отметил также, что нивхи постоянно охотятся в Амурском лимане за тюленями. Нивхи бьют тюленей, пишет он, «точно так же, как якуты, маленькими стрелками или камнями» (л. 45).

Невельской подробно описывает лодки нивхов: «Шлюпки их очень ходки, мелководны и принимают значительный груз. Они выстроены в большей части из тополевого леса, плоскодонные и состояются из не-

⁶ И. Ф. Крузенштерн, Указ. соч., т. II, стр. 177.

⁷ «Дополнения к актам историческим», т. III, СПб., 1848, стр. 55.

скольких досок без шпангоутов на деревянном скреплении. Основанием служит доска шириной около 8-ми дюймов и более, длиною от 25-ти до 30-ти футов, на которую в ствол приколачиваются боковые доски большей ширины, чем основание; с кормы их связывает ребром же приколоченная к основанию поперечная доска, в носу же делается маленькая пристройка. Она и отличает, как показывают жители, конструкцию гяляцкой от конструкции манчжурских лодок. Весла — овальные лопатки, которые в вальках имеют дыру, чтобы накладывать их на колышки вместо уключин. Эти лодки с легкостью вытаскиваются на берег и при сообщениях между деревнями, где позволяет берег, идут бичевой, запрягая собак, которые весьма хорошо к этому приучены» (л. 46).

В отчете приведены подробные описания нивхских жилищ в деревнях, расположенных по берегам Амурского лимана. «Все деревни по лиману и в окрестностях его к северу и югу, на материке и на острове имеют одинаковый характер. Деревни обыкновенно расположены на луговых, или пещаных отлогостях около моря, чтобы без малейшего труда можно было ловить рыбу. Дома разделяются на зимники и летники; первые стоят на значительном от земли возвышении, фундаментом им служат толстые кикеры, врытые прямыми концами в землю, а на крышах, как на балках, кладутся незначительной толщины бревна, по большей части еловые, концы бревен в углах соединяются обыкновенным замком врубкой. Крыша из еловой коры положена небольшими пластинками, так, чтобы вода могла стекать, не попадая внутрь. Передний фасад имеет открытую с боков галлерею или балкон, на которую ведет лестница, во всех домах одинаковая, состоящая из неширокой засаленной жиром плахи с зарубками вместо ступеней. Галлерея, всегда наполненная любопытными женщинами (при наших посещениях), обвешана только что пойманной белугой, которой внутренность и кровь делает неприятный вид и издает скверный запах; кроме того, на жердях висит для сушения мелкая рыба. С галлереи этой, имеющей ширину от 5-ти до 4-х футов, вход в первую комнату, где на жердях вдоль висит сушеная рыба, на полу же — домашняя утварь, сети, сундуки, обувь, платье и проч.; по середине же собаки; наконец, отворяя на деревянных петлях низенькую дверь, входим в гостиную, спальню и кабинет. Здесь идет дружеская беседа. Толпа женщин, не весьма красивых и чистых, сидят поджавши ноги или полулежа в углу, — комната обставлена по стенам широкими нарами, на которых беседуют мужчины, почетное место для гостя покрыто всегда сплетенной из травы циновкой. По середине складена печь, занимающая почти всю длину комнаты. Печь эта состоит из нескольких досок, поставленных ребром на полу, составляя четырехугольник вышиною от полу на один фут, — в середину набито земли и положено несколько камней. В печи огонь почти не угасает. Для выхода дыма в крыше оставлено отверстие, которое в ненастную погоду закрывается. Над огнем висят жирные части белуги и коптится рыба — жир с них каплет в чугунный, поставленный на огонь котел. Все это издает душный запах. Разность в устройстве зимних жилищ, всегда в некотором расстоянии от летников находящихся, состоит в том, что они становятся прямо на землю и для тепла обмазываются смешанною с травой грязью. Дверь околачивается тюленей шкурой; печь в избе не посередине, а у одной из стен, от нее под нарами или лучше за лавками проведена труба, которая, выходя на воздух, вставляется в поставленное у дома пустое внутри дерево.

Под домами на привязи находятся собаки. Около каждого дома устроена особая сушиллка, в которой на жердях правильно нанизанная за головки вялится на солнце рыба. Эта сушиллка состоит из бревенчатой площадки на таком же фундаменте, как и дома. У многих домов на привязи откармливаются орлы и в клетках медведи и лисицы. Кроме обыкновенной потребности встречаются в домах вещи манчжурской

работы, и как они видели, что мы интересуемся знать, откуда какая вещь приобретается, они всегда предупреждали вопрос. Показывая ножи, копья, топоры, они всегда показывали знаком отрицательным, что это не манчжурские, сундук же, разные тарелочки, китайки, табакерки «манчжурские» (лл. 38—40). В другом месте отчета Невельской отмечено: «Ножи и топоры они, вероятно, получают от наших промышленников, потому что совершенно такой же формы и достоинства, как у якутов. Это тем подтверждается, что в одном доме деревни Коль мы видели три вишневые топки, ничем не отличающиеся от якутских, и хозяин их нам показал знаменитые камы, что он добыл их на Тугуре от тунгуса а якута» (л. 44).

Описывая внешний облик жителей района Амурского устья, Невельской сравнивает их с нивхами Сахалина, особенно его восточного побережья: «Тип физиономий обывателей материка и устья реки такой же, почти, как островитян, но гораздо более смешанной. Нельзя сказать, чтобы они были все брүнеты и имели монгольский склад лица, — многие из них с русыми волосами и совершенно прямой разрез глаз» (лл. 40—41). Большое внимание Невельской уделено описанию одежды нивхов. По его словам, одежда нивхов в районе устья Амура и на западном побережье Сахалина была «более роскошна, нежели у жителей восточной части острова» (л. 41). Нивхи западного побережья Сахалина и материка, отмечал Невельской, «все почти имеют из китайки шаровары, короткие кафтаны или из китайки же или из рыбьей кожи на ногах и торбаса или полусапожки с довольно красиво и со вкусом вышитыми узорами. Шляпы ими редко употребляются; они сделаны из березовой коры — низко конические, с широкими полями и наружная сторона белой березовой коре обкладывается черной корой замысловатыми узорами. Женщины имеют одежду вроде блузы из китайки, застегнутой среди медными пуговицами. Подол у щеголих убран разными металлическими вещами, головной убор тот же, что и у мужчин, в ушах огромные серьги, на которых навешаны разные побрякушки. Тут же находили много и даренные нами пуговицы. На руках медные кольца и браслеты из медной проволоки. Все почти мужчины носят на большом пальце особой формы кольцо; у иных — гладкие, а у некоторых расписанные разными красками. Маленькая трубочка и сумка с табаком есть необходимая принадлежность каждого» (л. 41).

Эти описания точнее, чем в книге Крузенштерна, который, например, ошибочно утверждал, что одежда сахалинских «татар», т. е. нивхов, напоминает алеутскую и эскимосскую камлейку⁸.

В отчете дана характеристика оружия нивхов: «Вооружение жителей всего осмотренного края одинаково: луки и стрелы и редко встречаются копья, но, кажется, они не искусные стрелки. По крайней мере старались перед нами скрывать это искусство. На просьбу нашу показать их в это ловкость они всегда отказывались под предлогом, что можно потерять стрелу или сломить ее. В одном из селений после убедительных просьб наших старый гиляк, как ловкий по указанию других стрелок, едва двадцать шагов мог попасть в большой куст; после этого вся толпа пришла к нам и просила показать нашу ловкость с оружием. Удивление было невыразимо, когда выбранные четыре матроса на значительном расстоянии попали ружьями в цель. После каждого выстрела вся толпа бросалась к дереву, чтобы увидеть, точно ли там находятся пули.

Копья довольно хорошей доброты и работы с различными насечками. Форма копья — растянутый эллипсоид, в один фут длины и около трех дюймов ширины. Они крепко насаживаются. Древко фута шесть длины. Это оружие, как кажется, гиляки считают неоценимым и за все предлагаемые вещи они не хотели его уступить.

Каждый гиляк всегда имеет при себе два ножа. Один большой для защиты, а другой маленький — для крошения табаку» (лл. 43—44).

⁸ И. Ф. Крузенштерн, Указ. соч., т. III, стр. 190—191.

Характеризуя социальный строй нивхов, Невельской, вопреки утверждению Крузенштерна о том, что жители северного Сахалина управляются старшинами, писал: «Ни родоначальников, ни старшин, имеющих, так сказать, общую власть, мы не заметили. Они, кажется, имеют только семейное патриархальное управление — стариками улаживаются распри. Споры между собой, по собранным мною сведениям, кончаются поединками на палках, следствием которых никогда не бывает убийств, но за кровь мстят кровью. Эта месть переходит в семейства» (л. 42).

Невельского поражало развитое в нивхах чувство товарищества: «Дружество их между собой или, лучше сказать, хлебосолюство, — отличное: когда мы давали сухари или чего-либо из нашего обеда одному, он разделял этот кусок на самые гомеопатические части, давая пробовать товарищам» (л. 42). Из отчета Невельского ясно видно, что во всей «земле гиляков» существовал первобытно-общинный строй.

Невельской интересовался вопросом: имеется ли у нивхов религия? Он внимательно осматривал внутреннее убранство жилищ, но нигде никаких предметов культа не обнаружил. Лишь на кладбищах он увидел «отпечаток суеверия». «Над каждой могилой, — пишет он, — в разнообразных формах в миниатюре построены домики или поставлены с маленьким навесом столбики — в этих памятниках обыкновенно находятся чучелы в полном гилятском костюме или завернутые в берестке табак, брусника и разные травы» (л. 40). Обобщая эти наблюдения, Невельской отметил: «Об религии нельзя сказать ничего положительного, ибо нигде не встречали никаких признаков ее, но видно, что обряд венчания совершается и многоженство не в обычае» (л. 42).

Давая в заключение весьма положительную оценку нивхам: «Они робки, миролюбивы, гостеприимны, толковы, склонны к оседлой жизни и домоводству» (л. 49), Невельской сделал из этого важный для России практический вывод: «Я полагаю, что при благом направлении со стороны этих детей природы нельзя будет встретить препятствий к заселению между ими» (л. 49).

Таким образом, результаты экспедиции 1849 г. подтвердили мнение Невельского о том, что России крайне важно для укрепления своих позиций на Амуре поддерживать дружбу с местным населением.

Со своей стороны нивхи оценили дружественное отношение к ним русских и стали искать у них защиты от иностранных хищников. Весной 1850 г. нивхи селения Коль, встретив служащего Российско-американской компании Д. И. Орлова, выразили пожелание, чтобы к ним вновь пришел транспорт «Байкал». Они жаловались на насилия иностранцев и, как сообщал Н. Н. Муравьев со слов Д. И. Орлова, «просили против них нашей защиты, потому что иначе они боятся, чтобы их не убили»⁹.

В июне 1850 г. транспорт «Байкал» вновь прибыл в район залива Счастья, где Г. И. Невельской решил основать свою первую базу — Петровское зимовье. С радостью встретив решение русских поселиться среди них, нивхи говорили Невельскому: «Тунгусов никто не обижает и не трогает, то и мы, гиляки, желали бы, чтобы вы так сделали, чтобы и мы были спокойны, чтобы нас манчжуры не били и жен не хватили и чтобы с моря чужие не насильничали и не обижали. Когда вы здесь, то нас не тронут...»¹⁰.

Когда Невельской выразил сомнение в искренности этого желания, нивхи явно восприняли это с обидой и один из них заявил: «у гиляков ум один». Сообщая об этом факте, Невельской добавляет: «все они думают о нас нехудо»¹¹.

Узнав о намерении Невельского съездить на несколько дней в Аян,

⁹ Центральный гос. архив военно-морского флота (ЦГАВМФ), ф. 410, № 415, лл. 6—7.

¹⁰ Там же, л. 13.

¹¹ Там же.

нивхи попросили его взять с собой двух их посланцев — Позвейна Паткена для переговоров с «джанги» (начальником) Аянского порта принятия в русское подданство. В Аяне Позвейн и Паткен беседовали известным знатоком Тихого океана Вениаминовым (отцом Иннокентием), который усиленно допытывался у них: «по своей ли охоте и воле они пришли?»¹² Позвейн и Паткен ответили ему утвердительно, добавив, что все нивхи как на материке, так и на Сахалине хотят, чтобы русские оградили их от бесчинствующих китобоев и маньчжурских купцов. Начальник Аянского порта В. С. Завойко (впоследствии прославленный руководитель обороны Петропавловска на Камчатке) обещал нивхам сообщить об этом просьбе в Петербург и 5 июля 1850 г. отправил донесение об этом морское министерство. Он писал: «На возвратившемся от зимовья, устроенного Российско-американской компанией, транспорте «Байкал» были в Аянский порт двое гиляков, как поверенные от всех родов, нивх, одноплеменных, и принесли мне жалобу, что с моря китобои, а с суши маньчжуры делают на них нападения, грабят имущество и последние даже увозят жен; почему и просят ходатайства моего у государя императора, чтобы Россия приняла их под защиту в свое покровительство»¹³.

Такое доверие к русским, несомненно, было следствием того, что Невельской и его спутники во время своего первого посещения нивхов в 1849 г., подробно ознакомившись с образом жизни местного населения, сумели найти наиболее правильный путь к установлению наилучших отношений с ними. Дальнейшему усилению русского влияния среди нивхов способствовало развитие постоянной торговли, начавшейся в 1850 г., когда, по настоянию Невельского, служащий Российско-американской компании Д. И. Орлов доставил для нивхов первую партию товаров. До этого руководители компании находили невыгодным вести торговлю южнее Удского острога. Невельской доказал, что в данном случае эту торговлю необходимо развернуть, руководствуясь не столько коммерческими, сколько политическими соображениями.

Невельской верил, что в дальнейшем русские сумеют ознакомить нивхов с более прогрессивными формами хозяйства. Как известно, он и его сподвижники уже в 1850-х годах начали знакомить нивхов с земледелием. В частности, благодаря стараниям Невельского некоторые нивхи уже в начале 1850-х годов завели у себя первые огороды.

Весьма показательно, что Невельской, узнав о действиях иностранных китобоев в селении Тамлево, первым предложил принять меры для того, чтобы помешать им сбывать на Сахалине виски и ром.

Зная, к каким страшным последствиям приводило систематическое спаивание туземцев спиртными напитками, Невельской верил, что русским властям, которым уже давно было вменено в обязанность бороться против распространения на Дальнем Востоке водки, удастся своевременно положить предел дальнейшим попыткам иностранных китобоев приучить жителей Сахалина к употреблению алкогольных напитков. Не без удовольствия он отмечал, что в 1849 г. среди подавляющего большинства нивхов «склонность к пьянству не замечена» (л. 49).

Невельской настаивал на оказании регулярной медицинской помощи нивхам. В частности, он еще в начале 1850-х годов упорно добивался необходимых ассигнований для открытия в Петровском зимовье больницы, в которой могли бы лечиться также и аборигены края.

Конечно, в царской России могло быть осуществлено лишь немногое из того, что было задумано Невельским под влиянием идей передовой русской общественности. Только при Советской власти нивхи получили широкую возможность хозяйственного и культурного развития.

¹² ЦГАВМФ, ф. 410, л. 15.

¹³ Там же, л. 15.

Х Р О Н И К А

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

27—29 апреля 1955 г. в Москве состоялось совещание советских ученых, работающих в области археологии и этнографии Средней Азии. Совещание было создано Ин-том этнографии АН СССР по рекомендации Президиума Академии наук в связи с тем, что на происходившей в начале 1954 г. в Ташкенте сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана ряд вопросов не мог быть разрешен из-за недостаточного привлечения археологических и этнографических материалов¹. В работе совещания, кроме археологов и этнографов Москвы и Ленинграда, приняли участие делегаты академий наук среднеазиатских республик и Казахстана, сотрудники институтов истории, географии, языкознания АН СССР, работники многих музеев, университетов, Академии архитектуры, Академии художеств и ряда других научных учреждений.

Первым был заслушан и обсужден доклад С. П. Толстова и Б. В. Андрианова (Ин-т этнографии АН СССР) «Новые материалы по истории развития ирригации Хорезма». Проводимые Хорезмской экспедицией уже в течение многих лет работы по изучению древней ирригации, сказал С. П. Толстов, за последнее пятилетие, благодаря применению аэрофотограмметрических исследований в сочетании с наземными археолого-топографическими изысканиями, дали очень интересные результаты. Новый материал Хорезмской экспедиции позволяет проследить различные этапы древнего земледелия, начиная со времени зарождения ирригации в эпоху бронзы, через архаический период античного рабовладельческого общества и период расцвета кангюйского «классического» Хорезма ко временам Кушанской империи и последующей средневековой феодальной эпохе. Начальные этапы орошаемого земледелия в Хорезме связаны с наиболее древней частью обширной системы дельт Аму-Дарьи. Первобытные земледельцы научились сперва приспособлять для посевов небольшие низины, а затем сознательно регулировать резервы паводковых вод в замирающих небольших дельтовых протоках, создавая береговые дамбы и углубляя русло. Работы 1954 г. в районе низовьев древнего Кельтеминара и системы боковых протоков Акчадарьинской дельты впервые дали обильные находки ирригационных сооружений бронзового века, сначала в виде маленьких обвалованных квадратных полей, орошаемых непосредственно из огражденного дамбой протока, затем в виде небольших канав-арыков, подводящих воду из русла к более значительным полям, и, наконец, в виде базирующегося на более крупном протоке канала шириной до 10 м и длиной в несколько километров, являющегося уже прототипом мощных и более сложных античных сооружений.

Древнейшие античные каналы характеризуются огромными размерами, достигая в зоне древнего Кельтеминара ширины до 40 м между береговыми валами. Ответвления канала и мелкая оросительная сеть отходят под прямым углом от магистрального канала. В кангюйское, а особенно в кушанское время картина меняется. Базаркалинский канал идет по средней линии шата такырных суглинков, давая по обе стороны ответвления, отходящие под острыми углами. Отвечающие каналы небольшие, но более частые и глубокие, полностью обеспечивающие орошение примыкающих полей. Орошение афригидского времени (VI—VIII вв. н. э.) характеризуется более глубокими и неширокими каналами и чрезвычайно частой регулярной мелкой ветвистой ирригационной сетью.

Античная оросительная система левобережья, в отличие от правобережной, базировалась не непосредственно на водах Аму-Дарьи, а на затухающих дельтовых протоках (Даудан). Однако в кушанское время наблюдается явная тенденция к объединению каналов в одну большую систему. Примером этого может служить кушанское русло Чермен-яба.

¹ Отчет о сессии см. «Советская этнография», 1954, № 2, стр. 143—152.

Проследивая развитие древних и средневековых ирригационных систем Кельменара и Чермен-яба, можно наблюдать одну и ту же закономерность: переход от древних, базирующихся на еще слабом знании законов природы и поэтому требующих колоссальных затрат человеческого труда ирригационных систем архаического и кангюйского периодов к более совершенной позднеантичной, сильно разветвленной системе ирригации находит свое окончательное завершение в сложной, «ветвистой» по форме системе средневековой ирригации, базирующейся на использовании водоподъемных сооружений типа чигирей, не известных в античный период. Результаты исследований показывают, что оросительная система древнего периода ирригации — кангюйского и раннекушанского соответствовала обществу, возглавляемому классом рабовладельцев, тогда как ветвистые ирригационные системы соответствовали обществу «с сюзереном во главе», а примитивные сооружения района Кокча 3, Кокча 1 и других памятников этого времени соответствовали первобытно-общинному строю.

Экспедиция проводила также обследование ирригационных сооружений полукочевых народов, в частности сооружений в бассейне Сарыкамыша, датируемых XV–XVI вв. Находки в зоне сарыкамышских каналов говорят о том, что в это время здесь жило население, занимавшееся земледелием и кустарными промыслами, в частности выплавкой железа. Сарыкамышская ирригация была создана, вероятно, туркменским племенем адаклы-хызыр.

Большой интерес представляет затронутая пока только в разведочном порядке каракалпакская ирригационная система Жана-Дарьи и Куван-Дарьи.

С содокладом, посвященным проблемам истории ирригации древней Ферганы, выступил Б. А. Латынин (Гос. Эрмитаж). Намеченная докладчиком на базе добытых археологических материалов хронологическая периодизация археологических культур на территории Ферганы дала возможность проследить, что ранние земледельческие поселения располагались в заболочивавшихся низинах и по их окраинам, следующие за ними по времени — в засушливых предгорных степях, поздние — на промежуточной между этими двумя зонами равнине. Такие изменения были обусловлены изменением ареалов орошаемых земель, а также способов ирригации, основные этапы развития которых и обрисовал докладчик. Первый этап — возникновение небольших «оазисов» древнейшего лиманного и каирного орошения в низовьях затухавших в долине малых горных рек и перемежающихся потоков — соответствовал возможностям техники и организации общественного труда при первобытно-общинном строе. На втором этапе появляются небольшие, но многочисленные оросительные системы с искусственным водосбором на склонах предгорий, что дало возможность расширить ареал распространения поливных земель. Это стало возможным лишь в условиях сложения патриархально-рабовладельческих отношений. Последний этап характеризуется наличием больших веерообразных оросительных систем и отдельных магистральных каналов, выводимых из полноводных рек. Это уже эпоха раннего феодализма. Указав, что в Фергане сложные ирригационные системы появляются позже, чем в Хорезме, Согде, Маргiane, докладчик отметил ряд сходных черт в развитии ирригации Хорезма и Ферганы и, далее, — на территории Средней Азии в целом.

Второй содоклад — Н. Н. Ершова (АН Тадж. ССР) был озаглавлен: «Традиции общинного водопользования у таджиков по этнографическим материалам». Докладчик подытожил результаты детального историко-этнографического изучения системы водопользования, существовавшей до революции в селении Кыстакоз (ныне Чкаловск) Ленинадской области Таджикской ССР².

Выступивший в прениях по заслушанным докладам В. А. Шишкин (АН Узб. ССР) подчеркнул то большое значение, которое имеет изучение проблем истории ирригации для воссоздания истории народов Средней Азии. В Бухарском оазисе, сказал он, можно также проследить динамику развития оросительной системы на протяжении длительного отрезка времени. В. А. Шишкин отметил необходимость уделить больше внимания изучению поздних ирригационных сооружений, в чем должны принять активное участие этнографы. А. Х. Маргулан (АН Каз. ССР) сообщил ряд фактов, касающихся истории древнего орошения в Казахстане. Он присоединился к мнению С. П. Толстова о том, что озерное орошение со времен глубокой древности было связано с полуседлым типом хозяйства. Ю. А. Заднепровский (ИИМК АН СССР) отметил, что доклад Б. А. Латынина носил несколько схематический характер, поскольку в Фергане систематических работ по изучению древней ирригации в последние годы не проводилось. Докладчик использовал материалы, добытые им 20 лет назад, но они незначительны и предложенная им схема пока недостаточно обоснована конкретным материалом. Неправ докладчик, утверждая, что в античное время на территории Ферганы не было крупных городов, — это противоречит данным письменных источников. А. А. Марущенко (АН Туркм. ССР) подчеркнул важность проделанных Хорезмской экспедицией работ по изучению древней ирригации и необходимость проведения таких работ с применением передовой методики на всей территории Средней Азии. Если в Хорезме и Фергане орошаемое земледелие возникло в конце II тыс. до н. э., то в Южной Туркмении это произошло значительно раньше, возникновение там земледельческой культуры одновременно, вероятно, возникновению земледелия в Месопотамском Двуречье.

² См. публикуемую выше статью Н. Н. Ершова.

В заключительном слове С. П. Толстов выразил пожелание, чтобы совещания по вопросам истории ирригации в Средней Азии созывались и в будущем для совместного обсуждения результатов исследований.

А. Н. Бернштам (ИИМК) в докладе «Спорные вопросы истории кочевых народов в древности» подчеркнул важность изучения истории кочевников: они играли большую роль в формировании народов Средней Азии, с их историей связана история Восточной Европы, в частности славян древней Руси, скифов, гуннов, хазар, печенегов, половцев и др. Среди многих спорных вопросов истории кочевников докладчик выделил три: о происхождении кочевого скотоводства и первом общественном разделении труда на территории Средней Азии; о кочевниках как варварской периферии рабовладельческих центров Средней Азии и, в связи с этим, об оценке их социально-экономического строя; о роли кочевников на позднем этапе развития среднеазиатской античности.

Вопрос о происхождении кочевого скотоводства докладчик связывает с этапом распространения на территории Средней Азии андроновской культуры. Особый интерес в этой связи представляет андроновский могильник на р. Арпа (Тянь-Шань), расположенный на высоте свыше 3000 м над уровнем моря. Эта находка противоречит установившейся традиции, которая воспринимает андроновскую культуру как обязательное соотношение пастушеской формы скотоводства с земледелием; земледелие на территории с такой высокой отметкой невозможно. Очевидно, в это представление о характере хозяйства андроновцев нужно внести поправку и признать, что уже в то время появляется так называемое отгонное скотоводство — переходный этап к кочевому. Наличие памятников андроновского типа в горах, с одной стороны, и в районах распространения древнеземледельческой культуры (Хорезм, Фергана), с другой, свидетельствует о каком-то тесном контакте, установившемся между пастушескими племенами андроновцев и носителями земледельческой культуры южной полосы Средней Азии.

В появлении отгонного скотоводства сказалась несовместимость широко развивающегося скотоводства и мотыжного земледелия, оно начинает собой этап отделения первого от второго. Здесь налицо начало первого общественного разделения труда, появления которого в Средней Азии можно датировать уже периодом саков. В условиях Средней Азии первое общественное разделение труда можно формулировать не как «выделение пастушеских племен из остальной массы варваров», а как отделение кочевников от земледельцев, выразившееся в отпадении сакских племенных союзов, с одной стороны, и образовании древнесреднеазиатских государств, с другой.

Отделение кочевников от земледельцев в условиях Средней Азии по времени в основном совпадает с разделением общества на рабов и рабовладельцев и вряд ли отделено большим хронологическим промежутком от этапа второго общественного разделения труда. Кочевники, отделившись от земледельцев, продолжают находиться в тесной с ними взаимосвязи. Большие кочевые массивы существуют и непосредственно за пределами земледельческих оазисов (группа заяксарских кочевников, о которых неоднократно упоминают античные авторы, начиная со Страбона), но кочевое скотоводство этих территорий нельзя оторвать от оседлого земледелия. Кочевники находятся в теснейшем контакте с древнейшими центрами среднеазиатской цивилизации, например: с Согдом и Хорезмом, а главное, у них самих образуются собственные центры оседлости. В более позднее время эти процессы дополняются созданием оседлых земледельческих колоний (согдийская колонизация Семиречья). Процесс образования очагов оседлой земледельческой культуры внутри кочевых районов вначале был связан с необходимостью обслужить кочевое хозяйство продуктами ремесла и земледелия, а впоследствии — с процессом усиления классового расслоения, когда беднота, лишенная скота, вынуждена была «садиться» на землю. Археологические работы вскрыли ряд стоянок, где в значительном количестве найдено просо, этот «злак кочевников», вызревающий в течение 40 дней. Очевидно в это же время в центральном Казахстане появляются первые оросительные системы.

Позднее, в условиях рабовладельческой формации, кочевники выступают как носители отсталого патриархального уклада внутри рабовладельческого общества Средней Азии. Еще позднее, в IV—VI вв. н. э., происходит известный отрыв кочевников от земледельческой полосы. Это, во-первых, связано с тем, что у них нарастает тот этап классового расслоения, когда появляется внутренняя потребность в создании собственного государства. Во-вторых, к этому времени внутри кочевой степи были уже созданы свои мощные земледельческие центры, о которых говорилось выше. Только с этого времени и можно говорить о складывании феодальных отношений, появление которых некоторые исследователи склонны были относить к III в. до н. э.

Общественно-экономическое развитие кочевников Средней Азии А. Н. Бернштам рассмотрел в тесной связи со сложными этногенетическими процессами, проходившими на ее территории и охватившими саков, гуннов и различные тюркоязычные племена.

С докладом «Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы» выступил М. П. Грязнов (ИИМК). Начальный период в развитии скотоводства у древних племен Казахстана и Южной Сибири он относит к эпохе неолита. Стоянки и погребения этого времени показывают, что наряду с мясом диких животных люди уже питались мясом коровы и овец. Однако скотоводство еще не играло решающей роли в хозяйстве; лишь во второй половине II тыс. до

н. э., в эпоху распространения андроновской культуры, основным занятием населения степей, судя по незначительному количеству костей диких животных в культурном слое, становится скотоводство и вместе с ним земледелие. Разводится главным образом крупный рогатый скот. Это говорит о том, что основной целью скотоводов было получение молочных продуктов. Скот стал предметом обмена, произошло первое крупное общественное разделение труда. Изменился и общественный строй: род из матриархального превратился в патриархальный. Сложилась единая, сходная в основных чертах, андроновская культура. С востока область ее распространения была ограничена полосой таежных гор, с севера и юга — областями расселения племен с иной хозяйственной основой, с запада же она граничила с такими же степями, где, однако, была распространена другая культура — срубная. Видимо, здесь проходила и политическая граница союза андроновских племен. Следует, впрочем, отметить, что не все племена этого союза вели совершенно одинаковое хозяйство: имелись локальные варианты, не менявшие, в основном сути дела.

На рубеже II и I тыс. до н. э. совершился переход к яйлажному полукочевому хозяйству. Состав стада остается тем же, но увеличивается поголовье скота, растет благосостояние населения, что особенно заметно по материалам погребений. Увеличение поголовья скота и необходимость расширения пастбищ заостряют вопросы земледелия, приводят к обособленности отдельных племен и племенных групп, к распаду прежнего огромного союза племен андроновской культуры. В связи с этим в X—VIII до н. э. на территории распространения андроновской культуры появляется ряд новых культур, уже не связанных таким единством, как андроновская. Однако все они в большей или меньшей степени несут элементы предшествующей, андроновской культуры.

В короткий период существования яйлажного полукочевого хозяйства был подготовлен переход к следующему этапу в развитии скотоводства — к кочевому образу жизни. Переход этот привел к сложению новых культур, во многом сходных между собой благодаря единой хозяйственной основе, но этнографически различных в связи с политической разобщенностью отдельных племен и племенных союзов.

С. С. Черников (ИИМК) в докладе «О роли андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана» отметил, что большое сходство форм хозяйства и материальной культуры, единство европеоидного антропологического типа позволяют рассматривать андроновскую культуру как определенную этническую общность, со своими особенностями исторического развития. Время ее существования: XVII—XVI—XIII—VIII до н. э. Не соглашаясь с мнениями С. В. Киселева и А. А. Формозова о происхождении андроновской культуры, докладчик высказал предположение, что ее основой является пока еще плохо изученная энеолитическая культура племен Казахстана, находившаяся в теснейшем взаимодействии с аральскими среднеазиатскими и южносибирскими племенами. Археологические материалы позволяют говорить о единстве культур, складывающихся еще в доандроновское время. Выделенные А. А. Формозовым для этого времени три культуры — Приуралья, Восточного Казахстана и Кельтеминарская — демонстрируют скорее единство, чем различия. Если не признавать общность культур в доандроновское время, станет непонятным, каким образом на такой большой территории возникает столь ярко выраженная культурная общность, как андроновская.

Как показал К. В. Сальников, андроновская культура пережила несколько этапов, которые являются не только хронологическими, но и территориальными, т. е. указывают на конкретные этнические различия между отдельными группами андроновских племен. Археологические материалы позволяют судить о передвижениях этих племен на Обь и Енисей, на Южный Урал, отдельные племена проникали и в Среднюю Азию (Ташкентский оазис, Фергана, Тянь-Шань). Языковая принадлежность андроновцев может быть предположительно определена как восточноиранская. Ведущей формой их хозяйства было скотоводство, так как в условиях Казахстана, Западной Сибири и Приуралья мотыжное земледелие не могло себя оправдать. Большую роль играла металлургия. Обмен изделиями из металла способствовал укреплению связей между отдельными племенами и возникновению того этнического единства, которое столь характерно для племен андроновской культуры. Социальная организация андроновцев — материнский род вначале, патриархальный на последнем этапе; для этого позднего периода характерно уже наличие социального неравенства. Тогда же, видимо, складываются и племенные союзы. Переход андроновских племен к кочевому скотоводству создал потребность в продуктах земледелия и ремесла и в культурных связях с оседлыми земледельческими народами. Таким образом, особенности исторического развития андроновской культуры, приведшие к кочевому скотоводству, обусловили своеобразие исторического процесса в Средней Азии и Казахстане — хозяйственное, культурное и политическое взаимодействие кочевников и земледельцев в течение трех тысячелетий.

После докладов развернулись прения. А. Х. Маргулан отметил генетическую связь между энеолитической и андроновской культурами и, подчеркнув наличие серьезных разногласий в датировке андроновской культуры и делении ее на отдельные этапы, призвал археологов продолжить работу в этой области. В. Н. Чернецов (ИИМК) также признал генетическую связь андроновской культуры с энеолитической, распространенной на той же территории, но выразил сомнение в правильности данной С. С. Черниковым датировки (XVII—VII вв. до н. э.). В последние века I тыс. до н. э. на указанной территории распространяется ряд культур, и «андроновское единообразие» теряется.

А. А. Марушенко подчеркнул связи кельтеминарской культуры Приаралья с культурой того же времени в Приуралье, отметил их связи с северо-западом в эпоху ранней бронзы и сходство керамики с могильника Кокча 3 со срубной керамикой Поволжья. Появление тюркоязычных элементов в культуре Средней Азии, по его мнению, следует связывать не с гуннами, а с какими-то более древними племенами, носителями данды-баевской или древнебагазинской культуры.

С. П. Толстов отметил, что как докладчики, так и выступавшие отошли от основной темы: вопросов, связанных с историей скотоводческих районов Средней Азии в античный период. Очевидно, к разрешению этой проблемы археологи оказались недостаточно подготовленными, поэтому целесообразно просить организаторов следующего среднеазиатского совещания поставить этот вопрос заново, обратив особое внимание на период с VII в. до н. э. по V в. н. э. С. П. Толстов не согласился с теми археологами, которые считают, что на базе различной для разных районов Казахстана и юга Сибири энеолитической культуры спонтанно возникла единая андроновская культура. Это единство можно понять, только предположив очень быстрое распространение на большой территории одного этнического массива, скорее всего с запада, так как восточноевропейская равнина дает больше аналогий и археологических связей с андроновской культурой, чем центральная Сибирь и другие расположенные к востоку от Минусинской котловины области. Преждевременно делать также окончательные выводы о происхождении кочевого скотоводства и вести его появление чуть ли не от андроновцев. В античный период кочевое скотоводство вовсе не являлось повсеместно распространенным явлением. Так, очень многие европейские скифы имели комплексное хозяйство (скотоводство, земледелие, рыболовство и охота) и не были кочевниками; то же — сырдарьинские тохары.

Следующее заседание было посвящено докладам по истории Средней Азии в XV—XIX вв. О роли этнографических и археологических материалов в разработке сложных вопросов этого исторического периода сообщил С. П. Толстов. Он напомнил, что на состоявшейся в начале 1954 г. в Ташкенте Объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана, был поднят вопрос об особенностях периода XV—XIX вв., кануна присоединения Средней Азии к России. И. С. Брагинский в своем докладе о периодизации истории Средней Азии назвал его тогда «периодом упадка феодализма». Это вызвало ряд возражений, приводились факты, свидетельствующие о развитии в этот период в среднеазиатских ханствах ирригации, городской жизни, ремесла, архитектуры. Поднятый И. С. Брагинским вопрос очень важен: без правильного решения его нельзя подойти ко многим историческим проблемам позднейшего времени, в частности к проблеме формирования буржуазных наций. Несомненно, весь период XV—XIX вв. в целом характеризовался длительным хозяйственным и культурным упадком, но причины его не выявлены. Одной из них, очевидно, были политические события, в частности постоянные феодальные войны, связанные со вторжением кочевников. Однако в конце XVIII — первой половине XIX в. наметились прогрессивные изменения в феодальной экономике и культуре Средней Азии, вызванные провинциальной централизацией вокруг Бухары, Хивы и особенно Коканда в связи с ростом экономических связей с Россией. Нельзя забывать, что присоединение Средней Азии к России было длительным процессом. Уже с XVII в. Россия играла большую роль в хозяйственной жизни ханств. К концу XVIII в. характер связей с Россией качественно меняется, начинает выделяться и играть крупную политическую роль торговая буржуазия среднеазиатских ханств.

Однако это только предположения, хотя и очень вероятные. Необходимо разработать и углубить наши знания об этой эпохе. Даже во II томе «История Узбекистана» (изд. 1947 г.) экономические связи Средней Азии с Россией не получили отражения. Россия и среднеазиатские ханства рассматриваются здесь как две враждебные стихии, которые сталкивались между собой, что совершенно неправильно и вызвано недостаточной изученностью письменных источников, археологических и этнографических данных. Совершенно необходимо всерьез приступить к изучению позднесредневековой археологии Средней Азии, привлечь данные нумизматики для датировки памятников этого периода, начать этнографическое исследование ремесел и быта городов в XVIII—XIX вв., условий земле-водопользования того времени и т. п. Для этнографов это задача самых ближайших лет, так как уже постепенно уходят из жизни те люди, в памяти которых сохранились времена середины XIX в. и рассказы их отцов и дедов о более отдаленном прошлом.

С докладом «Цех гончаров у народов Средней Азии в конце XIX — начале XX в.» выступила Е. М. Пешерева (Ин-т этнографии АН СССР). Изучение среднеазиатского цеха гончаров, сказала она, представляет большой интерес, так как проливает свет на начальные этапы развития цеховой организации в эпоху средневековья, помогает понять многое в развитии цехов, как русских, так и западноевропейских. Проследившая развитие гончарства и его техники в разных районах Таджикистана, Е. М. Пешерева указала, что наряду с городским, довольно развитым ремеслом, в горном Таджикистане до начала XX в. сохранялось примитивное гончарство, еще не выделившееся из сельского хозяйства и находившееся на разных стадиях развития, начиная от производства посуды для ближайших родственников и кончая образованием своеобразных гончарных центров, где посуда изготовлялась уже на вывоз. Далее докладчица отметила, что в горном Таджикистане для каждого населенного пункта имелись свои

«покровители ремесла» — пиры, подобно тому, как были и «покровители земледелия» бобо-и-дехан.

В ремесленных центрах, где изготавливали поливную посуду, производство носило ясно выраженный товарный характер, что проявлялось в связях гончаров с оптовыми скупщиками, имевшими на базаре свои лавки.

В докладе было уделено большое внимание анализу терминов цеховой иерархии гончаров в различных районах Средней Азии и положению отдельных лиц в мастерских и цехе.

Е. М. Пещерева подробно остановилась на развитии обычая «бунак» — дачи денег в долг за отработку в мастерской. В Фергане и Ташкенте, этих наиболее развитых промышленном отношении городах, «бунак» практиковался в отношениях между владельцем мастерской и торговцем, скупающим товар.

К началу XX в. патриархальные устои цеховой организации гончаров пошатнулись. Сохранение традиционной патриархальной обрядности, в частности обряда посвящения тормозило развитие гончарного производства и вызывало большой протест рядовых членов цеха. Однако, несмотря на полное прекращение функций цеха, среди старшего поколения мастеров вплоть до нашего времени сохраняются идеологические представления, связанные с культом прелков — зачинателей ремесла.

В конце своего доклада Е. М. Пещерева остановилась на характеристике городской квартальной общины конца XIX — начала XX в. Последняя, несмотря на наличие резкой классовой и сословной дифференциации, сохраняла ряд пережиточных черт, идущих от сельской и даже от родовой общины. Гончары в городах жили компактными группами, нередко объединяясь, помимо ремесла, узами соседской общины и не порывая до конца связи с земледелием.

Е. А. Давидович (АН Тадж. ССР) выступила с докладом, посвященным денежной реформе 1708 г. (Убайдулла-хана бухарского). Подробно разобрав сущность этой реформы, докладчица показала, что последствием ее было восстание 1708 г. в Бухаре. Привлечение нумизматических данных и актовых источников того времени позволило пополнить и расширить характеристику этого восстания. По данным «Убайдулла-наме» придворного историка Мир-Мухаммед-амина-и-Бухари, восстание 1708 г. потерпело полное поражение. Однако анализ косвенных источников показывает, что правительство вынуждено было пойти на компромисс, принудительный курс новых монет был уменьшен наполовину; поэтому подавление открытого и прямого выступления бедноты нельзя считать поражением всего движения в целом.

Выступившая в прениях О. А. Сухарева (АН Узб. ССР) сообщила, что среди научной общественности Узбекистана идут оживленные споры о том, что представляет собой период от второй половины XVI до середины XIX в. в Средней Азии — упадок феодализма или развитие его. Этнографические материалы второй половины XVIII — первой половины XIX в. полностью отрицают возможность упадка феодализма. В этот период в Ферганской долине, например, продолжается развитие ирригации, освоение новых земель под посевы, наблюдается развитие селений и городов. Отметив, что доклад Е. М. Пещеревой чрезвычайно интересен своим материалом, систематизацией важных данных по ремеслу, О. А. Сухарева возражала против трактовки термина «бунак» лишь как долга, аванса, который отработывал мастер. «Бунак», существовавший не только в ремесле, но и в сельском хозяйстве, по мнению О. А. Сухаревой следует рассматривать как один из основных институтов феодального закрепощения своеобразной формой того явления, которое в древней Руси называлось «закупничеством»; впоследствии, при развитии капиталистических отношений, «бунак» широко использовался как институт уже капиталистической эксплуатации, разорвавшей ремесленников. Так, русские торговые фирмы, действовавшие в Средней Азии с конца XIX в. широко использовали этот институт, давая авансы под хлопок.

А. М. Беленицкий (ИИМК) призвал к более углубленному подходу в изучении периода XVI—XIX вв. с тем, чтобы ставить вопрос не об упадке или подъеме феодализма в указанный период, а о причинах и характере изменений, происходивших в Средней Азии с XVI в. Развитием торговых связей с Россией, о котором говорил С. П. Толстов, нельзя полностью объяснить создавшуюся обстановку, необходимо тщательно исследовать вопрос о характере прочих торговых связей в XVIII и начале XIX в., о том, как эти связи влияли на развитие производительных сил в Средней Азии. А. А. Росляков (ИМЭЛС Туркм. ССР) основную часть своего выступления посвятил рассмотрению соотношения земледелия и скотоводства в хозяйстве туркменских племен 60—70-х гг. XIX в. Существовавшее у некоторых авторов представление о туркменах как о кочевниках далеко от действительности и объясняется тем, что с XVI до середины XIX в. русские соприкасались главным образом с прикаспийскими туркменами, которые действительно были кочевниками-скотоводами. Большой же частью туркмены были земледельцами, хотя и занимались одновременно скотоводством. Было бы неправильно игнорировать большую роль скотоводства в хозяйстве почти всех туркменских племен. Однако все «чарва» — скотоводы не были чистыми кочевниками; их семьи и имущество находились постоянно в аулах, а на время уборки хлебов и сами чарва возвращались в аулы и пригоняли туда свой скот. Земледельческое хозяйство туркмен имеет длительные исторические традиции, его корни уходят к сырдарьинским огуздарунам и язырам XII в. и ирригационной системе Сарыкамыша.

Обращаясь к вопросу, поднятому О. А. Сухаревой, А. А. Росляков сообщил, что н

основании южнотуркменского материала приходится констатировать для второй половины XVIII в. упадок городов, деградацию ремесла и т. д. Однако в это же время несколько возрастают посевные площади на востоке страны. Конкретного объяснения этих явлений у историков Туркменистана пока нет. А. А. Росляков не согласился с мнением С. П. Толстова о том, что упадок, прослеживаемый в некоторых районах Средней Азии в XVII—XIX вв., объясняется феодальными войнами.

А. К. Каррыев (АН Туркм.ССР) остановился на взаимоотношениях туркменских племен с соседними феодальными деспотиями в период перед присоединением к России. Некоторые историки считают, сказал он, что все туркменские племена в XIX в. уже потеряли свою самостоятельность и находились под властью соседних феодальных государств. Однако правильной считать, что лишь часть туркменских племен, находившаяся в составе Хивинского и Бухарского ханств, потеряла свою самостоятельность, остальные же (туркмены Ахала, Атрека и западного побережья Каспийского моря) лишь временами попадали в зависимость от Ирана, Хивы или Бухары. Подробно проанализировав положение отдельных групп туркменских племен перед присоединением к России, А. К. Каррыев пришел к выводу, что туркменские ханы извлекали немалые выгоды из постоянной борьбы своих соседей-врагов за обладание туркменскими племенами, поэтому присоединение к России было им нежелательно. Этим и объясняются факты сопротивления, оказанного русским войскам под Геок-Тепе в 1879—1881 гг. туркменскими отрядами, руководимыми реакционными феодально-родовыми вождями, зачастую находившимися на службе иностранных разведок. Совершенно неверно в новом издании II тома вузовского учебника по истории СССР под редакцией Нечкиной битва под Геок-Тепе характеризуется как «героическая борьба текинцев».

Н. Г. Аполлова (Ин-т истории АН СССР) отметила как отрадное явление, что археологи и этнографы все теснее увязывают свою работу с историками; это совершенно необходимо для успешного разрешения ряда сложных вопросов социального строя позднего средневековья. Указав на неизученность и скудость источниковедческой базы Казахстана для XVI—XVII вв., Н. Г. Аполлова призвала специалистов смежных исторических дисциплин, представленных на совещании, объединить свои усилия в изучении этого важного в истории Казахстана периода. Н. Г. Аполлова предложила также расширить изучение аграрных отношений в Средней Азии и Казахстане, уделив особое внимание кочевым районам.

В. А. Шишкин (АН Узб.ССР) высказал мнение о несомненном наличии резкого упадка хозяйственно-политической жизни Средней Азии в XVIII в. и о тенденциях к его преодолению в конце XVIII — начале XIX в. Однако, сказал он, нельзя отождествлять упадок в политической и хозяйственной жизни с кризисом феодализма. Последний предполагает нарастание каких-то новых сил, в данном случае капиталистических отношений, однако таких явлений в истории Средней Азии конца XVIII в. не усматривается. Выступавший согласился с мнением С. П. Толстова о том, что в этот период происходит частичная консолидация среднеазиатских ханств, причем решающую роль в этом вопросе играют все крепнущие связи с Россией. Требуется выяснения интересное предположение С. П. Толстова о рождении в этот период под влиянием связей с Россией компрадорской буржуазии, сыгравшей большую роль в быстром ходе политического присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Важной темой, над которой должны совместно поработать археологи и этнографы, является изучение уровня материального производства XVI—XIX вв., в первую очередь развития ирригации. В последнем вопросе этнографы должны сказать свое решающее слово. Выступление Е. А. Давидович показало, какую важную роль играет нумизматика для изучения экономики интересующего нас периода.

Не менее важное значение имеет ряд других смежных дисциплин — эпиграфика, топонимика, изучение языка и диалектов, историческая топография городов и поселений и т. д.

В своем заключительном слове С. П. Толстов согласился с В. А. Шишкиным, что если можно говорить о кризисе XVIII в., то весь период XVI—XIX вв. называть периодом кризиса или упадка неправомерно. Что касается причин этого «упадка», то нельзя согласиться с В. В. Бартольдом и следующим за ним И. С. Брагинским, которые полагают, что кризис был вызван нашествием диких полчищ узбеков из степей и перемещением, вследствие этого, торговых путей. Здесь имеет место гораздо более сложный процесс: идет несомненно прогрессивное развитие и вместе с этим наблюдаются периоды упадка, обусловленные глубокими внутренними причинами, ряд потрясений, переживаемых народами Средней Азии. Основными факторами, влияющими на экономическую и политическую жизнь, были: с одной стороны, острые феодальные войны, отличные от ранних феодальных войн, с другой стороны, появление новой силы — России, с XVI в. начинающей играть все большую роль в истории Средней Азии. Нельзя правильно осветить историю присоединения Средней Азии к России, не учитывая той большой силы, которая выступает в этот период в Средней Азии в лице купцов. Благодаря этой силе присоединение Средней Азии прошло чрезвычайно быстро и без значительных кровопролитий.

С. П. Толстов отметил, что выступивший в прениях А. А. Росляков недооценивает значения феодальных войн в процессах, происходивших в Средней Азии в XVI—XIX вв. Приведенный А. А. Росляковым материал о состоянии упадка городов и пр., противоречит утверждениям о незначительности фактора феодальных войн. С. П. Толстов под-

держал предложение В. А. Шишкина о включении обсуждаемой темы в повестку следующего среднеазиатского совещания.

Одно из заседаний совещания было посвящено обсуждению предстоящих в ближайшее пятилетие работ по составлению историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. С докладом о проекте структуры атласа выступила Т. А. Жданко (Ин-т этнографии АН СССР)³. С. М. Абрамзон (Ин-т этнографии), сделавший содоклад о содержании региональных разделов атласа (на примере Киргизского), изложил тематику типологических таблиц и карт, которые следует составить для наиболее полного отражения хозяйственной деятельности киргизов и различных явлений их материальной и духовной культуры. Второй содоклад сделала С. П. Русакина (Ин-т этнографии), сообщившая о проведенной в музеях Москвы и Ленинграда работе по выявлению необходимых для атласа коллекций. Такой учет должен быть проведен и в музеях среднеазиатских республик.

Доклад и содоклады вызвали оживленное обсуждение. Участники совещания одобрили намеченное Институтом этнографии научное мероприятие и предложенный проект структуры среднеазиатского атласа. Г. Ф. Дебец (Ин-т этнографии) сообщил о благоприятном состоянии источников и материалов к составлению для атласа антропологической карты Средней Азии. А. Н. Бернштам, напротив, отметил, что среднеазиатские археологи, как и историки, почти не картографируют свой материал; поэтому составление археологических и исторических карт Средней Азии потребует большой подготовительной работы. К. Овезбердыев (Туркм.ССР) информировал совещание о состоянии Туркменского музея краеведения, испытывающего острый недостаток в кадрах, и о необходимости уделить этому музею больше внимания, учитывая, что в предстоящей работе над атласом потребуются его активное участие. М. Г. Левин (Ин-т этнографии) остановился на вопросах научного значения и методики работы по составлению историко-этнографических атласов, подчеркнув необходимость при коллективной работе строго унифицировать описание этнографических предметов, без чего невозможно правильно систематизировать материал. О. А. Сухарева (АН Узб.ССР) и А. К. Писарчик (АН Тадж.ССР) говорили об организационных мероприятиях, необходимых для обеспечения успешной работы по подготовке атласа. Б. А. Литвинский (АН Тадж.ССР) информировал о подготовке в Таджикистане подробной археологической карты республики и альбомом памятников материальной культуры и поставил ряд вопросов, касающихся разработки археологической части атласа. Я. Р. Винников (Ин-т этнографии) предложил, не откладывая, практически подойти к работе над атласом — уточнить тематику разделов и т. д. А. Х. Маргулан (АН Каз.ССР), дав краткий обзор этнографических исследований, проводившихся на территории Казахстана еще с XVII—XVIII вв., признал, что в настоящее время состояние этнографической науки в республике далеко не на высоте и выразил надежду, что работа над атласом оживит этнографические исследования. Г. С. Маслова (Ин-т этнографии) поделилась своим опытом по картографированию различных объектов и составлению типологических таблиц дляготавливаемого Институтом Русского этнографического атласа, а С. В. Иванов (Ин-т этнографии) — опытом работы над составлением историко-этнографического атласа Сибири. Он подчеркнул далее необходимость усиления внимания археологов к исследованию поздних исторических памятников, которые археологи избегают изучать, недооценивая значение этого материала, позволяющего перекинуть мост между древностью и современностью. В заключение С. В. Иванов остановился на ряде вопросов, связанных с предстоящей работой над атласом, — об этнографическом исследовании областей соприкосновения нескольких народов, где образуется своеобразный сплав различных культур, о привлечении специалистов этнографического материала как по народам СССР, так и по зарубежным, и т. д.

Выступивший в конце заседания С. П. Толстов сказал, что настоящее совещание ставит задачей лишь предварительно обсудить работу над Среднеазиатским атласом, которая должна практически развернуться в будущем пятилетии, что главное сейчас — обеспечить планомерность предстоящих исследований и решить основные научно-организационные вопросы, для обсуждения которых надо созвать специальное совещание.

Последнее заседание совещания было посвящено вопросам этнографического изучения современности. Выступившая с основным докладом О. А. Сухарева охарактеризовала проводимую с 1948 г. Институтом этнографии АН СССР и среднеазиатскими научными учреждениями планомерную работу по изучению современной жизни народов Средней Азии, основную часть своего доклада посвятила критическому разбору вышедших на эту тему трудов, особенно — монографий по таджикскому узбекскому колхозам⁴. Н. А. Кисляков (Ин-т этнографии) посвятил свое выступление поднятым О. А. Сухаревой вопросам относительно таджикской монографии. Возвращаясь к докладу О. А. Сухаревой, он сказал, что описание хозяйственной деятельности колхозников является неотъемлемой частью этнографической монографии. В частности необходимо

³ Доклад Т. А. Жданко «Историко-этнографический атлас Средней Азии (проект структуры)» см. «Сов. этнография», 1955, № 3.

⁴ «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства (по материалам Ленинабадского района Ленинабадской области Таджикской ССР)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XXIV, М., 1954; «Прошлое и настоящее селения Айкыран», Ин-т истории и археологии АН Узб. ССР, Ташкент, 1955. Доклад О. А. Сухаревой см. «Советская этнография», 1955, № 3.

изучение хозяйственных навыков и традиций населения. Вместе с тем он согласился с высказанными О. А. Сухаревой упреками в недостаточном внимании авторов к изучению истории кишлака в советский период. Что касается слабого показа механизации сельскохозяйственных работ, то таков был ее уровень в момент обследования колхоза, с тех пор она значительно возросла.

Выступившие в прениях участники совещания, отмечая положительные стороны обеих книг (в частности, очень удачную главу о домашней жизни в таджикской монографии), подвергли критике имеющиеся в них недочеты, а также некоторые положения основного докладчика. П. И. Кушнер (Ин-т этнографии) высказал мнение, что О. А. Сухарева ставит этнографический материал в чрезмерное подчинение историческому; в частности не следовало в этнографической монографии уделять столько места истории социальных отношений, как это сделали авторы книги об узбекском колхозе. Считая главу о хозяйстве колхоза в таджикской монографии в целом удачной, хорошо показывающей связь производства с бытом и значение хозяйственных традиций, П. И. Кушнер указал на имеющийся в ней чрезмерный технический уклон. Г. Н. Валиханов (Каз.ССР) высказался за необходимость более глубокого изучения роли религиозных пережитков в быту колхозников. А. К. Писарчик (АН Тадж.ССР) говорила о необходимости реальнее отображать действительность, показывая борьбу нового с еще бытующими пережитками старого, и внесла ряд предложений по расширению обсуждаемой тематики (изучение быта колхозников, переселенных на новые земли, где наблюдается процесс взаимопроникновения культур разных народов; проведение районных обследований, дающих возможность более глубоких выводов и обобщений, чем изучение одного колхоза). Б. Х. Кармышева (АН Тадж.ССР), присоединившаяся к общей положительной оценке монографии о таджикском колхозе, высказала мнение, что в исторической ее части недостаточно освещен вопрос об этническом составе населения кишлака, а в главе о хозяйстве, при всей ее ценности, особенно для истории земледелия, отсутствует показ живых людей. В заключение Б. Х. Кармышева отметила слабую этнографическую изученность Узбекистана, что очень затрудняет изучение этнических процессов — в частности проблемы консолидации узбекской социалистической нации и ее культуры. В. Ю. Крупянская (Ин-т этнографии) остановилась на недостатках таджикской монографии с точки зрения теоретической разработки вопросов о прогрессивных и отрицательных традициях, о влиянии общесоветской культуры, о тенденциях развития таджикской колхозной семьи и о роли в этом традиций прошлого.

Подводя итоги обсуждения, С. П. Толстов отметил признание всеми выступавшими ценности обсуждаемых работ, несмотря на имеющиеся в последних недочеты, обусловленные новизной и сложностью тематики. Указав на неправомерность отведения этнографии лишь служебной роли по отношению к исторической науке, тенденция к чему проявилась у докладчика, С. П. Толстов отметил, что неправ и П. И. Кушнер, считая изучение социальных явлений не входящим в задачи этнографии и ограничивая их изучением быта. Нельзя согласиться и с проявившейся в некоторых выступлениях тенденцией отказываться от описания занятий населения и передавать этот раздел экономистам, так как ни быт, ни людей нельзя изучать, не зная их производственной жизни. Согласившись с необходимостью изучения пережитков и реликтов прошлого как в хозяйстве, так и в быту, С. П. Толстов предупредил, что при этом не нужно чрезмерно увлекаться этой темой и заслонять описанием пережитков то новое передовое, что является ведущим в жизни советских народов.

Совещание завершилось принятием развернутой резолюции, отражающей результаты его работы и содержащей ряд рекомендаций по проведению мероприятий, связанных с дальнейшей разработкой обсуждавшихся на совещании вопросов.

Т. А. Жданко, М. А. Итина

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЭПОСА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Совещание, организованное по решению Президиума Академии наук СССР Институтом мировой литературы им. Горького АН СССР и Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, происходило в Киеве 23—28 июня 1955 г. В совещании приняли участие научные сотрудники ряда институтов АН СССР и АН УССР — фольклористы, этнографы, языковеды, историки, литературоведы, философы и искусствоведы, фольклористы союзных республик, преподаватели университетов, педагогических институтов и музыкальных училищ РСФСР и Украины, писатели и т. п.

Совещание открыл вице-президент Академии наук УССР Н. П. Семененко. Охарактеризовав кратко значение народного исторического эпоса, он выразил уверенность, что открывающееся совещание будет иметь большое значение для дальнейшего изучения не только восточнославянского эпоса, но и эпоса всех народов СССР и стран народной демократии.

С развернутым вступительным словом выступил академик-секретарь Отделения языка и литературы АН СССР В. В. Виноградов. Он указал на большое историческое, художественное и воспитательное значение народного эпоса и охарактеризовал основные задачи его изучения. Исследования по эпосу должны показать его развитие в связи с историческими условиями жизни народа, раскрыть отношение трудящихся масс к исторической действительности, их представления и идеалы в разные эпохи, особенно важно при этом изучить специфику и закономерности развития жанров народной исторической поэзии, определить своеобразие художественных форм каждой эпохи. Серьезное внимание должно быть уделено и языку народноэпических произведений.

В. В. Виноградов подчеркнул необходимость сравнительно-исторического изучения эпоса всех славянских народов. Такое изучение раскроет историческую общность славян, даст возможность выявить как общие закономерности развития эпоса, так и его национальное своеобразие у каждого народа.

С докладом «Итоги работ и задачи изучения русских былин и исторических песен» выступил В. И. Чичеров (Ин-т мировой литературы АН СССР). Он охарактеризовал проделанную работу по собиранию и изучению русского исторического эпоса, отметив ее достижения и недостатки. Русская наука еще до Октябрьской революции достигла значительных успехов в изучении былин и исторических песен. Нередковолюционные ученые не смогли правильно раскрыть развитие и идейный смысл исторического эпоса и допускали в его истолковании крупнейшие ошибки. Советские ученые, овладевшие марксистским методом, смогли преодолеть ошибочные концепции буржуазной науки и дали за последние годы ряд ценных исследований былин и исторических песен (работы А. М. Астаховой, Д. С. Лихачева, М. О. Скрипицы, В. П. Афанасьева, И. А. Мухоморова, Б. Н. Путилова, В. И. Малышева, А. Н. Лозановой, В. К. Соколовой, Э. С. Литвин, Р. С. Липец и др.). Исследования советских ученых с совершенно очевидностью показали, что былины и исторические песни в своей основной массе глубоко народные, они выражают патриотизм, высокие моральные и этические идеалы трудящихся масс, раскрывают русский национальный характер. В докладе была убедительно показана историческая обусловленность жанров народной поэзии и установлено, что былины и исторические песни, возникшие в разных исторических условиях, различаются как характером отображения исторических фактов, так и системой образности. Отличительным признаком былин является обобщенный характер изображения исторических фактов; для обрисовки исторических лиц в них еще используются средства поэтической образности, генетически восходящие к родовому обществу, развитие действия характеризуется своеобразной замедленностью, преувеличением описываемого, условным обозначением длительности и многократности совершающихся событий. Возникнув в X—XII вв., былины в дальнейшем совершенствуются и обобщаются, отражая борьбу русского народа за свободу и национальную независимость. Из областных сказаний, какими они нередко были первоначально, они превращаются в общерусские сказания.

Изменения в общественной и экономической жизни Руси после уничтожения татарского ига обуславливают изменения в идеологии и культуре, в частности в народном поэтическом творчестве. Создается новый жанр — историческая песня, для которой характерно изображение конкретных исторических событий и лиц (что, конечно, не исключает типизации, но приемы ее в исторических песнях иные, чем в былинах). Используя первоначально некоторые приемы былевого эпоса, историческая песня уже с XVIII в. формируется на основе народной лирической поэзии и разрабатывает характерную для нее образность. Наряду с историческими песнями сохраняются былины, но их новые сюжеты с XVI в. черпаются уже не из текущей исторической действительности, а из повестей и сказок.

Успеху исследовательской работы в области русской исторической поэзии во многом способствовала собирательская работа, широко развернувшаяся с конца 1920-х годов и публикация новых материалов (А. М. Астахова — «Былины севера», т. I—II, Л., 1939—1947; «Онежские былины», под ред. В. И. Чичерова, М., 1948; Г. Н. Петров и А. Д. Соимонов — «Былины Пудожского края», Петрозаводск, 1941; публикации записей А. М. Листопадова и Б. Н. Путилова и другие). Собранные материалы и сделанные в экспедициях наблюдения позволили наряду с другими проблемами поставить важный теоретический вопрос о судьбах героического и исторического эпоса русского народа в XIX и XX вв., об областных стилях эпического творчества и индивидуальном своеобразии мастерства отдельных сказителей.

Но перед исследователями русской народной исторической поэзии еще стоят большие задачи. Важнейшее значение имеет сейчас выяснение истории былин и исторических песен и их жанрового своеобразия. Выполнение этой задачи невозможно без глубокого тщательного изучения художественной формы и языка былин и исторических песен. Необходимо отметить, что изучению художественных особенностей народной поэзии фольклористы до сих пор уделяют очень мало внимания, язык жанров народных произведений изучается лишь лингвистами (работы В. В. Виноградова, А. П. Евгеньевой). Важной задачей является также сравнительно-историческое исследование русских былин и исторических песен и эпоса других славянских народов. Оно поможет со всей глубиной раскрыть национальное и историческое своеобразие творчества каждого народа и в то же время покажет общность исторического эпоса всех славянских народов.

Перед исследователями русской исторической поэзии стоят и другие существенные

ные проблемы: связи были и исторических песен с литературой, использование традиций народной исторической поэзии в современности, значение были и исторических песен как ценнейшего историко-культурного и художественного наследия.

Итогом работ и задачам изучения украинских дум и исторических песен был посвящен доклад действительного члена АН УССР М. Ф. Рыльского. Докладчик подробно остановился на характеристике дум и исторических песен, являющихся важнейшей частью украинского народного творчества. Думы и исторические песни свидетельствуют о беззаветной любви украинского народа к родине, о готовности его отдать все силы борьбе с иноземными захватчиками и угнетателями, об его извечном стремлении к объединению с братским русским народом. Генетически связанные с творчеством древнерусской народности, украинские думы и исторические песни имеют черты, роднящие их с древнерусским русским былевым эпосом. Несомненно и их яркое национальное своеобразие.

Большинство дум связано с конкретными историческими лицами или определенными историческими периодами. Можно установить «циклы» старых дум — о турецкой неволе, о борьбе с турками и татарами, о борьбе с шляхетской Польшей, о хмельничине. Особую группу составляют думы бытовые и морально-поучительные, близкие к историческим по характеру и форме.

Дума имеет свои характерные формальные особенности. Это стихотворные произведения, исполняемые речитативом под аккомпанемент кобзы или бандуры. Ф. Колесса установил деление дум «на периоды или тирады, т. е. такие группы стихов, из которых каждая заключает в себе законченный образ или замкнутую мысль». Старые думы имеют и ряд других формально-стилистических особенностей: архаизмы, единоначатия и др. Многие из этих черт свойственны и эпосу других народов, но своеобразие общего стиля украинских дум не подлежит сомнению.

Особым жанром украинского фольклора является историческая песня, говорящая, как и думы, об исторических событиях и лицах, но отличающаяся от дум художественными особенностями.

Украинские думы и исторические песни отличаются большим реализмом (чему не противоречит свойственная вообще эпосу гиперболизация), присущи им и элементы юмора и сатиры.

М. Ф. Рыльский подробно остановился на истории собирания и изучения дум и исторических песен в XIX—XX вв., показав в ней борьбу прогрессивного демократического направления с реакционным и либеральным.

Перейдя к характеристике современной народной исторической поэзии, М. Ф. Рыльский отметил, что это качественно новое творчество. Механическое использование художественных приемов старых дум, которое подчас наблюдается у авторов советских дум, не дает положительных результатов. Широкое культивирование формы дум в строгом смысле этого слова в дальнейшем едва ли возможно, что отнюдь не свидетельствует о невозможности развития советского народного творчества, в частности эпического. Создаются новые формы исторической народной поэзии, в которых творчески используются и традиции дум.

Украинские фольклористы ведут исследования дум и исторических песен, основываясь на марксистско-ленинской методологии, неуклонно борясь против всяких отступлений от нее, особенно ярко проявившихся в первые годы революции. Советские издания текстов дум и исторических песен отличаются критическим подходом к материалу, точностью публикации и паспортизации. Но сделано в этой области еще далеко не все. Следует более полно и систематически публиковать думы и песни, как и другие произведения украинского народного творчества. От украинских фольклористов следует ждать монографических исследований, посвященных отдельным жанрам народной поэзии. Дальнейшее изучение украинского народного эпического творчества должно строиться в плане сравнительного изучения эпоса славянских народов, что, разумеется, не снимает положения о самобытности украинской народной культуры.

К. П. Кабашинов (Ин-т истории АН БССР) сделал сообщение о традициях героического эпоса в белорусском народном творчестве. Белорусский народ, сказал докладчик, сохранил героические традиции эпического творчества древнерусской народности и создал на основе их свои исторические песни. Многие дореволюционные исследователи (Н. Лобода, Е. Ф. Карский, Н. А. Янчук) утверждали, что у белорусов эпоса нет, что старые былины они забыли, а своего ничего не создали. Имеющиеся материалы и исследования советских ученых опровергают это утверждение. Имеются документальные данные, показывающие, что в Белоруссии былины были широко распространены. Убедительно свидетельствует об этом известное письмо оршанского старосты Кмита Чернобыльского 1574 г., в котором упоминаются Илья Муромец и Соловей Будимирович. В русских былинах имеются детали, отражающие историю белорусского народа. Так, В. Ф. Миллер показал, что Себег в былинах появился в связи с борьбой на западных границах Московского государства; об этой же борьбе говорит былина «Королевици из Крякова», возможно, «Братья Ливики». В XIX в. былины в Белоруссии перестали петься, но они не исчезли, а стали рассказываться, как сказки (примером могут служить сказки об Илье Муромце, записанные Е. Р. Романовым и В. Н. Добровольским). Ведущие идеи героического эпоса сохраняются и развиваются в антиреалистических сказках, один из героев которых — асилок — многим напоминает богатырей.

У белорусов сохраняются и исторические песни о событиях XVI в. и более поздних. П. В. Шейном записан отзвук песни о Кострюке. Пелись песни о татарском полове о борьбе с польской шляхтой, о Бондаривне. Много рассказов и преданий сохранилось о борьбе со шведами, об Отечественной войне 1812 г.

В заключение К. П. Кабачников подчеркнул, что героический и исторический эпос белорусов еще не изучен и тема «Традиции героического эпоса восточных славян и белорусском народном творчестве» должна стать предметом специального исследования.

С докладом «Творцы и исполнители украинских дум и исторических песен» выступил Ф. И. Лавров (Ин-т искусствознания, фольклора и этнографии АН УССР). Докладчик отметил большую роль народных певцов — сказителей, кобзарей, лирников и т. д. — в общественно-политической и культурной жизни народа. Выдающиеся народные певцы воспевали многовековую борьбу народов России против национального и социального гнета, призывали трудовой народ к борьбе за свободу и счастье. Украинские кобзари всегда были в первых рядах защитников родины. Своими песнями они призывали народ к героической борьбе с иноземными грабителями и поработителями — турками, татарами и польской шляхтой. За это господствующие классы и поработители народа жестоко преследовали кобзарей. Сохранилось известие о казни польской шляхтой в 1770 г. трех кобзарей за участие в гайдамацком восстании 1768 г. В XIX—XX вв. кобзари принимали активное участие в общественно-политической жизни и революционной борьбе народа. Ф. И. Лавров привел многочисленные факты преследования кобзарей царским правительством. Так, карательные отряды жестоко расправились с кобзарем М. Кравченко, участником крестьянских революционных восстаний 1905 г., сложившим думу о восстании в Сорочинцах. Преследовались также прогрессивные ученые и писатели — за запись дум.

Затем докладчик перешел к характеристике творчества кобзарей и лирников. Украинских кобзарей и лирников, говорит он, можно разделить на две группы. К первой относятся народные певцы, создающие на основе существующей традиции новые думы и песни, которые затем бытуют в народе. Таковы талантливые кобзари Остап Думесай, Михайло Кравченко и др. Ко второй группе относятся певцы-импровизаторы. Они не создают новых произведений, а, запомнив сюжеты дум, по-своему передают их каждый раз варьируя их текст. К этой группе принадлежат кобзари Терентий Пархоменко, Игнатий Гончаренко и др.

В заключительной части своего доклада Ф. И. Лавров охарактеризовал деятельность выдающихся кобзарей советского времени — Федора Кушнерика, Егора Мовчан, Ивана Иванченко, Павло Носача, Петра Дугина и др. С первых же дней Советской власти народные певцы посвятили свою деятельность задачам строительства социализма в нашей стране. В дни Великой Отечественной войны народные певцы делом и поэтическим словом участвовали в борьбе с врагами — в партизанских отрядах, на фронтах, на оккупированной территории. И сейчас они являются активными участниками строительства коммунизма. Украинские кобзари сложили и складывают немало дум и песен о делах и людях героической советской эпохи. Среди их произведений есть и слабые, неудачные, но есть и истинно прекрасные, заслуживающие названия народных. Долг советских фольклористов глубоко изучать творчество народных певцов, помочь им повысить идейный и художественный уровень их произведений, преодолеть архаику, несоответствие формы и содержания. Необходимо всячески содействовать развитию творческих дарований кобзарей, памятуя о той большой роли, которую героический эпос играет в коммунистическом воспитании народов нашей Родины.

Доклад Ф. И. Лаврова сопровождался выступлением кобзарей и лирников. После доклада А. Н. Лозанова (Ин-т русской литературы АН СССР) продемонстрировали пластинки с напевами русских былин из альбома, подготовленного Институтом в качестве пособия для преподавателей фольклора.

Н. И. Кравцов (Ин-т славяноведения АН СССР) выступил с докладом «Историко-сравнительное изучение эпоса славянских народов». Докладчик с самого начала оговорился, что под сравнительно-историческим изучением эпоса он понимает не сравнительно-исторический метод буржуазного литературоведения, справедливо отвергнутый советской наукой, а совокупность методических приемов сопоставления произведений устного поэтического творчества различных народов с целью определения путей его исторического развития, выяснения общего и своеобразного в нем. Такое сопоставление необходимо, так как нельзя решительно все в народном поэтическом творчестве объяснять национальной самобытностью; недопустимо забывать об этническом и языковом родстве народов, об их культурных связях, дружбе и общении, которые находили отражение и в народном поэтическом творчестве, в частности в эпосе.

Сравнительно-историческое изучение народного поэтического творчества имеет свои цели и границы. Оно применимо прежде всего при изучении творчества родственных народов или народов, между которыми существовали длительные исторические связи. Оно может применяться и при изучении творчества далеких друг от друга народов, когда выясняются общие закономерности развития фольклора или отдельных его жанров. Сравнительно-историческое изучение помогает определить в творчестве каждого народа общее и присущее только данному народу и тем самым выявить национальное своеобразие. Оно дает возможность выявить причины сходства отдельных сюжетов, образов и поэтических форм в фольклоре разных народов.

Очень много дает сравнительно-историческое изучение эпоса родственных славянских народов.

ских народов. Оно позволяет установить общие закономерности зарождения и развития эпоса, соотношения и изменения исторических жанров народного творчества, дает возможность показать близость эпоса всех славянских народов, его отличительные особенности в сравнении с эпосами других народов, а также выяснить национальное своеобразие эпоса каждого славянского народа. Сравнительно-историческое изучение помогает понять своеобразие связей народного творчества и письменной литературы у разных народов и в разные исторические периоды. Наконец, такое изучение раскрывает взаимосвязи эпосов разных народов, показывает степень и значение влияний и заимствований в народном поэтическом творчестве. Последнее очень важно, так как далеко не все общее в славянском эпосе можно объяснить родством славянских народов, многое здесь является позднейшим заимствованием, обусловленным культурным родством и историческими связями. При сопоставлении творчества отдельных народов необходимо учитывать, что сходство в народном поэтическом творчестве может явиться и результатом общих исторических условий.

Сходство славянских эпосов, говорит Н. И. Кравцов, значительно и многообразно. Прежде всего необходимо отметить близость идейного содержания эпических песен, а также сходство отдельных образов, сюжетов, поэтических приемов, стиха, манеры исполнения. В славянском эпосе наблюдаются и общие закономерности развития. У славянских народов существуют два типа эпических песен: один, более древний, представлен русскими былинами и юнацкими песнями южных славян, другой — русскими историческими песнями, украинскими думами и историческими песнями, хайдуцкими и историческими песнями южных славян. Каждый из этих видов имеет свои темы, своих героев и поэтику. Единство путей развития славянского эпоса подтверждается и сходными приемами циклизации.

В заключение Н. И. Кравцов подчеркнул, что затронутые в докладе проблемы еще ждут своего обстоятельного изучения, и высказал уверенность, что совещание положило начало этой важной работе.

По заслушанным докладам развернулись оживленные прения, в которых приняли участие 55 человек. Многие из выступавших развивали на конкретном материале положения, высказанные в докладах, дополняли доклады, выдвигали проблемы, не затронутые или недостаточно освещенные докладчиками. С большим интересом было выслушано выступление Б. А. Рыбакова (АН СССР), рассматривающего былины в связи с историческими и археологическими данными. Эти данные, по мнению Б. А. Рыбакова, показывают, что формирование былин следует относить не к X—XII вв., как полагает большинство исследователей, а к значительно более раннему времени — к VI—VIII вв. К. Г. Гуслистый (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР) охарактеризовал исторические условия возникновения украинских дум и исторических песен. А. П. Евгеньева указала на важность изучения языка народной поэзии. Это изучение должно быть подчинено основной задаче — раскрытию характерных особенностей различных жанров народной поэзии. Оно поможет ярче раскрыть национальное своеобразие устнопоэтических произведений, выяснит происхождение и историю эпоса. Перед фольклористами стоит неотложная задача — исследовать поэтику фольклора различных народов СССР, без этого дальше работать нельзя. И. А. Оссоветский (Ин-т языкознания АН СССР) отметил недостатки существующих работ по языку народной поэзии, в которых изучение народнопоэтического языка подменяется, по существу, изучением диалекта, и указал, что изучение языка надо вести по отдельным жанрам, так как каждый жанр имеет свои особенности.

Острые споры вызвало высказанное в докладе В. И. Чичерова положение об исторической обусловленности былин и исторических песен и их соотношении. Большинство выступавших по этому вопросу признало положение доклада правильным и выдвигало в качестве основной задачи изучение истории жанров русской исторической поэзии. В. Г. Базанов (Ин-т русской литературы АН СССР), Н. Н. Велецкая (Ин-т мировой литературы), Л. Н. Пушкарёв (Ин-т истории АН СССР), Э. В. Померанцева (МГУ), К. В. Чистов (Карело-финский филиал АН СССР) показали в своих выступлениях, что жизнь былин на всем протяжении их развития убедительно свидетельствует об их исторической обусловленности и что попытки некоторых сказителей использовать традиционную форму для изображения нашей советской действительности закономерно терпели неудачу. С критикой попыток создания советских былин выступил Н. П. Леонтьев (СССР). О современном творчестве и о роли вариантов произведений фольклора говорил Р. М. Волков (Черновицы). Об исторической песне как особом, отличном от былин жанре русской исторической поэзии и их развитии говорили Э. С. Литвин (Ленинградский библиотечный ин-т) и В. К. Соколова (Ин-т этнографии АН СССР). М. М. Плисецкий (Ужгородский гос. ун-т) и Г. А. Самарин (Кировоградский педагогический ин-т) отметили, что положение, высказанное В. И. Чичеровым по отношению к русским былинам и историческим песням, можно распространить и на традиционный украинский эпос. Украинский народ знает и любит думы, но в живом исполнении они уже не встречаются. К. А. Сихарулидзе (АН Груз.ССР) справедливо указала, что при изучении народной исторической поэзии необходимо привлекать и прозаические жанры. П. Д. Павлий (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР) говорил о существенных стилевых изменениях дум, происходящих в современности.

Все говорившие об исторической обусловленности жанров подчеркивали, что развитие и изменение жанров, смена одних жанров другими происходит в любом искусстве и свидетельствует о непрекращающемся творческом процессе, откликающемся на

все изменения исторической действительности. Однако некоторые выступавшие утверждали, что признание этого положения ведет якобы к отрицанию советской народной исторической поэзии и даже советского народного творчества в целом, что оно выражает неверие в творческие способности советского народа. С особой резкостью эта точка зрения прозвучала в выступлениях П. Н. Попова (АН УССР), А. А. Морозова (Лен. отд. ССП), А. М. Кинько и Г. С. Сухобрус (Ин-т искусствведения, фольклора и этнографии АН УССР). При этом положения, высказанные В. И. Чичеровым применительно к русским былинам и старым историческим песням, неправомерно распространялись на эпос всех народов СССР, пути развития которого должны изучаться особо у каждого народа.

Многие из выступавших указывали на необходимость сравнительно-исторического изучения эпоса как славянских народов, так и всех народов СССР. П. Г. Богатырев (Воронежский гос. ун-т) и И. М. Шептунов (Ин-т славяноведения АН СССР) остановились на задачах сравнительного изучения славянского эпоса. Выступавшие на совещании ученые союзных и автономных республик отмечали, что в эпосе разных народов СССР есть много черт, свидетельствующих о давних культурных связях с русскими и о влиянии русских былин и исторических песен. Раскрывая историко-культурные связи народов, такое изучение поможет выявить и общие закономерности развития эпоса. М. Я. Чиковани (АН Груз.ССР) привел грузинские легенды о строительстве Сурамской крепости и других крепостей и монастырей, чрезвычайно близкие к сербской песне о постройке Скандра. Эти легенды имеют также много общего с русской легендой о постройке Нижегородского Кремля, с албанскими и венгерскими легендами, и изучаться они должны сравнительно. Л. К. Раудсепп (АН Эстонской ССР) привел примеры, показывающие связи эстонского эпоса с русским. Эти связи сложны и разнообразны. В эстонском народном творчестве есть произведения, связанные с Киевом и Новгородом, есть сказки об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. Предания рассказывают об эстонцах, бежавших на Украину от тяжелого гнета захватчиков и тепло принятых украинцами. Название Таллина в русских былинах и исторических песнях Коляванью, повидимому, связано с именем эстонского народного героя — Калева. Все эти связи эстонского эпоса с эпосом восточных славян должны стать предметом изучения. В. Я. Евсеев (Карело-финский филиал АН СССР) рассказал, что на карельском языке русские былины бытуют и как сказки, и как песни, герой Карельской сказки получил имя Тухка Муромец, в карело-финских рунах поется об Иване Грозном и Петре I, причем оценка им дается такая же, как в русских исторических песнях и преданиях. Воздействие русских былин сказывается также в поэтическом стиле и языке карело-финских рун. Б. П. Киришко (Молдавский филиал АН СССР) говорил о многих образных связях молдавского эпоса с эпосом восточных и южных славян. Среди героев молдавских гайдуцких баллад и исторических песен имеются Карналюк (украинский Кармелюк), Марк, Новак и Грус (у сербов и болгар Марко Краљевић Новак и его сын Груница). В балладе «Бадиул» говорится о совместной борьбе против турецкого ига молдаван, сербов, болгар и украинцев. У молдаван есть песни о Богдан Хмельницком, о взятии Плевны и др. А. И. Москаев (Мордовская АССР) посвятил свое выступление отражению в мордовском эпосе связей с русскими. Мордовский народ поет о Разине и Пугачеве, об Иване Грозном. Так, песня «Саманька» повествует, как Ивану Грозному помогла взять Казань мордовская девушка. У мордвы есть сказки об Илье Муромце и Илье Святогоре, есть общие с русскими песни (например, «Колосок» и «Сокол»). Близость мордовского и русского творчества, подчеркнул А. И. Москаев, не всегда объясняется влиянием — выработке общих черт способствовали многовековые экономические и культурные связи.

На совещании поднимались и другие вопросы, связанные с изучением эпоса восточных славян. А. К. Югов (ССП) остановился на изучении языка и стиля былин и повестей древней Руси. А. Н. Робинсон (Ин-т мировой литературы) говорил об общих приемах творчества былин и древнерусских воинских повестей. В. С. Бобкова и В. Г. Хаменко (Ин-т искусствведения, фольклора и этнографии) посвятили свои выступления взаимоотношениям украинского языка и литературы. М. С. Родина (Ин-та искусствования, фольклора и этнографии) говорила о современной жизни украинского эпоса. А. К. Мореева (Всесоюзный дом народного творчества) — о значении самостоятельности для развития современного исторического эпоса. А. Н. Нечаев (Ин-т мировой литературы) охарактеризовал требования, которым должны удовлетворять популярные издания эпических произведений, и дал критический обзор выпущенных книг. В. М. Сидельников (Ин-т мировой литературы) остановился на принципах и различных типах переводов эпоса народов СССР на русский язык. Г. М. Литвак говорил о малочисленности и недостатках переводов украинского эпоса на русский язык. Ю. Н. Сидоров (Московский библиотечный ин-т) охарактеризовала взгляды революционных демократов на эпос и его исторические судьбы. С. И. Минц (Гос. литературный музей) сообщила о неопубликованных материалах русского героического эпоса и исторических песен, хранящихся в архиве Литературного музея в Москве.

Ряд выступлений был посвящен музыкальной стороне и исполнению эпоса восточных славян. Тов. Гордейчук (Ин-т искусствования, фольклора и этнографии) подчеркнул неразрывную связь текста и музыки в народных произведениях и отметил, что существующая разобщенность фольклористов-словесников и фольклористов-музыковедов отрицательно сказывается на изучении эпоса. Л. В. Кулаковский (Союз композиторов) указал на недопустимое отставание русской музыкальной фольклористики — мало зап

сей и изданий, не разработана методика исследования, нет кадров. Нет центра музыкальной фольклористики — для музыковедческой секции Союза композиторов, которая сейчас таким центром является, это — побочное дело. Необходимо издать учебник музыкальной стилистики и мелодики для народных поэтов и певцов, широко развернуть экспедиционную работу, изучать современное музыкальное творчество народа, помогать певцам. Об исполнении дум говорила Г. Л. Кашеева (Музыкальное училище им. Гнесиных). Поднимался на совещании вопрос о преподавании фольклора в университетах, педагогических институтах и консерваториях.

Участники совещания имели возможность ознакомиться с творчеством украинских кобзарей и певцов. На совещании неоднократно выступали лучшие кобзари — Е. Мовчан, В. Перепелюк и другие, а также ансамбль кобзарей общества слепых, руководимый Палатаем. В заключение для участников совещания был дан большой концерт, в котором приняли участие мастера народного искусства и ансамбль украинской народной песни и танца под руководством Гр. Веревки.

Совещание приняло резолюцию, в которой указало, что при дальнейшем исследовании эпоса особое внимание необходимо уделить изучению художественной специфики и жанров в их исторической обусловленности и сравнительному изучению эпоса народов СССР и стран народной демократии. Совещание подчеркнуло, что такое изучение должно вестись комплексно представителями смежных дисциплин: фольклористами, историками, этнографами, языковедами, литературоведами, музыковедами. Результатом всех этих исследований должна стать история эпоса восточнославянских и других народов.

Совещание указало на необходимость издания сводов русского, украинского и белорусского фольклора и организации переводов эпоса народов СССР на русский язык и русского эпоса на языки народов СССР.

Признавая, что статьи Н. П. Леонтьева в «Новом мире» дезориентировали широкую общественность и вызвали сильное сокращение собирательской и издательской деятельности в области народного творчества, а дискуссии о современном фольклоре в «Новом мире» и «Советской этнографии» не были доведены до конца и потому не дали положительных результатов, совещание признало необходимым опубликовать на страницах прессы статьи, посвященные основным проблемам дооктябрьского и советского фольклора.

Совещание приняло решения: просить Отделение языка и литературы АН СССР ходатайствовать об организации в системе Академии наук Института народного творчества, об издании фольклористического журнала и информационных бюллетеней; ходатайствовать перед Президиумом АН СССР о созыве в 1956/57 г. всесоюзного совещания по вопросам изучения фольклора славянских народов с приглашением ученых из стран народной демократии; просить Институт мировой литературы провести в ближайшее время совещание по вопросам советского народного творчества, а Институт русской литературы — совещание о принципах публикации фольклорных текстов (с участием представителей издательства); просить Министерство высшего образования включить в курс славянской литературы раздел о славянском фольклоре, а на филологических факультетах ввести специальный курс славянского фольклора, отменить решение о снятии курса музыкального фольклора в консерваториях и музыкальных училищах; просить министерства просвещения союзных республик восстановить преподавание народной поэзии в старших классах средних школ.

В резолюции совещания указывается также на необходимость помощи самодеятельным коллективам, укрепления домов народного творчества квалифицированными фольклористами, издания пособий по собиранию и систематизации произведений народного творчества и т. д. Постановлено также возбудить ходатайство о государственном обеспечении народных певцов и восстановлении этнографического ансамбля кобзарей.

В. Соколова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1954 г.

Экспедиция по изучению материальной культуры русского (сельского) населения Среднего Поволжья была предпринята автором летом 1954 г. Были посещены населенные пункты, расположенные как по берегу Волги, так и в степных районах на расстоянии 60—80 км от берега. Маршрут экспедиции проходил по северным районам Саратовской области через населенные пункты: Балаково, Натальино, Матвеевка, г. Пугачев, Успенка, Преображенка, Б. Таволжанка, Ивантеевка, Бартенева и по южным районам Куйбышевской области через селения: Хворостянка, Елань, Студенцы, Безенчуг, Владимировка.

За время экспедиции были собраны данные по хозяйству, жилищу, одежде и пище русского населения. В настоящем сообщении приведены некоторые материалы, характеризующие жилище и селения.

Все населенные пункты на обследованной территории расположены либо на второй надпойменной террасе Волги, либо на обычных ровных степных пространствах, чаще

всего по течению рек, вдоль шоссе и дорог. Так, много деревень и сел раскинулось по берегу Б. Иргиза и его притоков. Села, как правило, большие, более 200 дворов. Планировка селений как прибрежных, так и степных — уличная. В деревнях обычно два порядка домов, которые несколькими параллельными улицами вытянуты в длину, иногда на 2—3 км и более. Уличная планировка нарушается лишь там, где местность пересекают овраги, балки или реки. В таких селениях улицы взаимно перпендикулярны или расположены под углом. По берегам оврага или реки возникли односторонки. При этом меридианы могут служить Успенка на правом берегу Б. Иргиза и с. Студенцы, раскинувшиеся по обоим берегам р. Безенчук и прилегающим оврагам. Улицы, как правило, широкие — 50-60 и даже 120 м (с. Матвеевка Балаковского р-на).

Озеленение деревень незначительно. По рассказам стариков, раньше палисадники вообще не было, деревья росли лишь по берегу реки или пруда. В настоящее время в каждом селении можно встретить молодые зеленые насаждения перед домами, на приусадебных участках, около клуба. В некоторых селах в самом центре разбит небольшой парк (Ивантеевка).

Жилой дом представляет собой четырех- или пятистенный сруб, сложенный преимущественно из полубревен или пластин толщиной до 6 см. Круглый лес для строительства применяется редко, особенно во внутренних районах, так как его трудно доставлять.

В степных районах много мазанок («землянок»), сложенных целиком из саманного кирпича (Б. Таволжанка, Бартеневка, Усовка и др.). Раньше дома ставили без фундамента, а камни или низкие столбы. С начала XX в. стали устраивать фундамент высотой до 1 м. Для закладки фундамента используется преимущественно саманный кирпич. Фундамент состоит из двойных стен шириной примерно 0,5 м, пространство между которыми засыпано «черноземом» — высушенным навозом. При устройстве фундамента часто по углам дома и середине стены ставят столбы из красного кирпича, а пространство между ними закладывают саманом. На фундамент один за другим кладут венцы сруба. Всего в срубе 11—12 венцов. На предпоследний венец сруба кладут «матку», на нее «нахлестные» или «прогонные» бревна, на них «переклады», в которые врубают стропила. К стропилам пришивают слези. Крышу кроют тесом, железом или шифером. Соломою кроют лишь мазанки.

Крыши во всем районе преимущественно двускатные, причем в прибрежных районах двускатных крыш больше, чем в степных. Так, в с. Матвеевка, расположенном на берегу Волги, шатровых крыш примерно 20%, а в селах Успенка и Бартеневка, находящихся в 80 км от берега, шатровых крыш соответственно 34 и 46%. В Бартеневке, например, по рассказам сторожиков, шатровых крыш было много и раньше, лет 80—100 назад. Сохранились еще дома, крытые «глаголем»: на улицу шатром, а во двор флигером. Такая форма встречается лишь на бывших кулацких домах постройки начала XX в.

Стены домов обычно обшиты тесом. Необшитых домов очень мало. К стенам сруба пришивают «штанги» — брусья толщиной по 10 см — и к ним прикрепляют обшивку, располагая ее узорами. В степных селениях встречаются дома, наружные стены которых обмазаны глиной и побелены известью. Украшения домов очень несложные и ограничиваются преимущественно резьбой, обрамляющей карниз дома, слуховые окна, наличники окон. Долотная резьба встречается лишь в прибрежных селениях. В глубинных районах ставни некоторых домов покрыты несложными рисунками, главным образом цветами.

Рубка сруба производится несколькими способами, в зависимости от материала, из которого он изготавливается, — круглых бревен или пластин. Если дом кладут из пластин, то рубят в «замок», реже в «столбы». При рубке в «столбы» на фундамент кладут первый венец — «защитину», в нее по углам врубают четыре столба с пазами для закладки пластин, из которых сооружаются стены дома. Сруб из круглых бревен рубят, как обычно, в угол с «потьмом». Рубка «в лапу» при строительстве жилых домов почти не применяется (один-два дома в деревне).

Жилой дом, как правило, состоит из двух частей: избы и сеней. Клеть, характерная для центральных и северных районов Среднего Поволжья, в южных районах края совершенно не известна даже старикам.

Жилое помещение раньше состояло из одной комнаты площадью 20—25 кв. м, значительную часть которой занимала печь. В большинстве изб печи расположены справа или слева от входа. Во многих избах печь повернута жерлом к передней стене дома. Пространство между передней стеной и печью называется чуланом. Часто печь повернута жерлом к боковой стене дома. Такой план встречается также в домах постройки конца XIX в. В жилом помещении раньше никаких перегородок не было. По стенам шли массивные лавки; задняя верхняя часть избы была занята полатами.

За годы Советской власти внутренняя планировка стала изменяться. Появилось стремление разделить жилое помещение на несколько комнат. Это прежде всего достигалось перестановкой печи. Примером может служить дом колхозницы А. Т. Толмачевой (Бартеневка, Ивантеевского района). Дом построен в конце XIX в., первоначально флигером. Печь в нем была повернута жерлом к передней стене. В 1927 г. печь перевернули, обратив ее жерлом к боковой стене, благодаря чему передняя половина избы была отделена от кухни. Наконец, в 1939 г. вместе с перестройкой дома переложили и печь, повернув ее к задней стене, в которой прорубили окно. Таким образом, кухня стала совершенно изолированной, первая от входа комната превратилась в столовую, а передняя часть избы — в залу и спальню.

Кроме того, жилое помещение расширяют за счет пристройки, сооружая ее на месте сеней, сени же отодвигают дальше, вглубь двора или пристраивают сбоку. Благодаря пристройке площадь жилого помещения увеличивается на 18—20 м. В этом случае передняя часть избы целиком превращается в изолированную «чистую» комнату, а задняя — в столовую и кухню (печь повернута к задней стене дома). В районе много больших домов с площадью жилого помещения в 40—45 кв. м. Эти дома — с шатровой крышей. Они были построены в конце XIX — начале XX в. зажиточными крестьянами. Раньше в них жили семьи по 18—20 человек. Теперь их занимает одна семья из 4—5 человек. Жилая площадь в них достаточная, поэтому никаких переделок в чистой половине не производится. Коренным образом изменилась лишь обстановка. Появились никелированные кровати, мягкие диваны, письменные столы, этажерки для книг, радиоприемники. В последние годы стали строить новые дома подобного же типа.

Дом с двором и надворными постройками образует усадьбу. Ширина усадьбы по улице 16—18 м, а длина вглубь двора 50—56 м. На примыкающем к двору приусадебному участку обычно разбит огород. В пределах изучаемой территории отмечено два вида связи жилого дома с надворными постройками. Для прибрежных районов наиболее характерна П-образная связь. Правда, в последнее время она видоизменяется за счет выпадения отдельных служб, ставших ненужными в колхозном хозяйстве (конюшни, сараи для хранения сельскохозяйственного инвентаря и т. д.). Это место используется для разбивки небольшого сада, пасеки.

Для степных районов, от г. Пугачева к северу, наиболее характерна Г-образная связь. Часто надворные постройки вообще не соединяются с домом. В с. Хворостянке мной было обнаружено несколько домов П-образнойстройки, но оказалось, что жители этих домов лишь недавно переселились с Волги. «У коренных хворостянских жителей, — говорят старики, — надворные постройки никогда коломом не идут вокруг двора». Обычно к дому примыкает погреб или глиняная мазанка — «глинуха», за ней помещение для птицы — «куратник», затем дровяник и погреб, к которому примыкает расположенный поперек двора крытый сарай. Противоположная часть двора не застраивается, а непосредственно граничит с усадьбой соседа.

Мазанка, или «кухня», встречается почти на каждой усадьбе. Стены ее шириной до 60 см кладут из саманного кирпича. Вплотную к ним по углам и посередине ставят сохи, на них кладут боковые сгни, на сгни — доски и все это засыпают землей. В мазанке обычно семья проводит летнее время, а потому, как правило, там сооружают печь, ставят кровать, стол. Мазанки часто делают также глобобитным способом, описанным нами для правобережных районов Средней Волги¹. Сарай и в степных, и в прибрежных районах строят из плетня. Обычно ставят две плетневые стенки и пространство между ними засыпают соломой, смешанной с глиной. Иногда плетневую стенку обмазывают глиной только снаружи.

Все усадьбы, огороды, проулки, соединяющие соседние улицы, окружены заборами, преимущественно плетневыми и только по линии улицы тесовыми. «Калды», или загоны, для крупного рогатого скота, овец и других животных огораживаются «городьбой», напоминающей северновеликорусское прясло, с той лишь разницей, что горизонтальные жерди покоятся не на связях, скрепляющих два рядом стоящих кола, а пришиты к ним гвоздями.

В прошлом в стороне от села обычно устраивали гумно — огороженный плетнем участок, на котором сооружались ток для молотбы хлеба и сарай, называемые в различных деревнях по-разному: лабаз, клуня, рига, половець, колосанка и т. д. Это — крытые соломой плетневые постройки длиной 12—15 м и высотой свыше 2 м. В них хранили мякину. На два-четыре хозяйства устраивали одно гумно. В некоторых деревнях старики вспоминают о существовании овинов для сушки хлеба, которые также сооружали в стороне от деревни. Овины, повидимому, строили преимущественно в прибрежных деревнях. В большинстве степных селений старики утверждают, что овинов у них никогда не было.

В настоящее время на окраине села стоят хозяйственные фермы колхоза. Животноводческие фермы строят по типовым проектам, но колхозники вносят в них некоторые изменения. Заменяют преимущественно материал. Например, вместо предусмотренных проектом бревенчатых стен кладут саманные. Постройки из самана с давних времен распространены в крае, и строители имеют в этом отношении большой опыт. Кроме того, некоторые колхозы, например им. Карла Маркса Балаковского района и другие, расширили средний проход между секциями и установили подвесную дорогу для подвозки корма и уборки навоза. Многие фермы электрифицированы и радиофицированы.

На окраине деревни, вблизи водного источника, стоят бани, принадлежащие отдельным колхозникам. Иногда бани сооружают непосредственно на усадьбе, если недалеко находится колодец, река, пруд и т. д. Общественные бани в районе еще нет, за исключением районных центров — Балаково, Пугачев, Хворостянка, Безенчук. Бани представляют собой срубные постройки, крытые соломой «под шатер». В степных районах даже в XIX в. еще не знали бань и обычно парились в печи.

На основе анализа собранного материала исследуемую территорию можно разделить на два этнографических подрайона: прибрежный — значительно меньший по пло-

¹ См. «Советская этнография», 1954, № 3, стр. 106.

щади, протягивающийся узкой полосой вдоль береги Волги, и степной, заключенный треугольнике Куйбышев — Пугачев — Балаково.

Прибрежный район по общему облику материальной культуры имеет много общего с выделенным нами правобережным этнографическим районом. Это связано с историей заселения левобережья: все деревни левобережья являются выселками из старинных сел правобережья (Широкий Буерак, Терса и др.). Степной район заселялся преимущественно из южных областей нашей страны. Так, село Ивanteeвка заселено выходцами из Пензенской, Тульской и Курской областей, Бартеневка — из Курской и Орловской, Хворостянка — из Воронежской, Курской, Пензенской, Елань — из Орловской и т. д. Поэтому на данной территории отмечаются некоторые своеобразные особенности в отдельных элементах материальной культуры. Это дает основание выделить данную территорию в самостоятельный этнографический подрайон.

Е. П. Бусыгин

ГАРМСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1954 г.

Работа Гармской этнографической экспедиции является продолжением работы по сплошному этнографическому обследованию Таджикистана, начатому сектором этнографии и истории искусства Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР в 1948 г. Обследование было начато с Кулябской обл., тогда менее всего изученной. Следующей областью была намечена Гармская, потому что из нее происходит массовое переселение колхозников в южные районы, на земли нового орошения. В 1952 и 1953 гг. в Гармской области были обследованы районы бассейна р. Сурхоба. В 1954 г. перед экспедицией стояла задача завершить полевое обследование областей работами в Дарвазе — на правобережье р. Пяндж и частично в бассейне р. Хингоу. Экспедиция, руководимая А. К. Писарчик, работала в составе трех отрядов: Дарвазского этнографического (нач. отряда Н. Н. Ершов), Дарвазского искусствоведческого (нач. отряда Н. Х. Нурджанов) и Джиргитальского этнографического (нач. отряда Б. Х. Кармышева).

Работы первых двух отрядов экспедиции подтвердили, что этнографически Дарваз занимает промежуточное положение между Припамирьем (Западным Памиром) и Каратегином. Это проследивается в области как материальной, так и духовной культуры. Типы жилища, одежды, сельскохозяйственных орудий, верования, танцы, развлечения, обычаи и обряды, связанные с семейной жизнью, — все это сочетает в себе черты Припамирья и Каратегина. Естественно, что припамирские черты особенно заметны в примыкающих к Припамирью верхних кишлаках Дарваза.

Так же, как Припамирью и частично Каратегину — этим, в недавнем прошлом труднодоступным и остальным горным районам, — Дарвазу присущи самые причудливые сочетания новейших достижений культуры и техники с отдельными пережитками древних эпох. Новое — это прежде всего новые производственные отношения, новое сознание, новое положение женщины, современные средства сообщения, радио, школы, новые праздники, промышленные товары — одежда, обувь, пищевые продукты. Основное направление в новом — это приобщение к передовой культуре через преодоление былой замкнутости, через школы, армию, различные виды специального обучения. Это — ослабление зависимости от внешней среды, от природных условий: в хозяйственной жизни благодаря познанию законов природы и применению научной агротехники, быту благодаря утепленному жилищу и теплой одежде, благодаря общему повышению материального уровня, и в частности ликвидации систематических весенних голодовок, когда нередко люди спасались от голодной смерти, питаясь только дикими травами и корнями, а также рано поспевающими сахаристыми плодами тутовника.

Все эти изменения совершенно преобразили облик горцев-таджиков, в прошлом задавленных нуждой и феодальным гнетом, способствовали превращению их в активных и сознательных членов социалистического общества. Но вместе с тем еще бытуют многие пережитки старого: древние орудия труда, например, мотыги древнейшего типа с наконечником, неполовностью охватывающим конец изогнутой рукоятки (рис. 1), архаические предметы утвари, некоторые старые обычаи и суеверия. Сохранившиеся древние формы материальной культуры представляют значительный научный интерес с точки зрения истории техники. Это относится, например, к искусному применению в быту камней, свежих древесных побегов вместо веревки, рога, из которого изготавливается много бытовых предметов, начиная с колец и футляров для иглол и кончая пороховницами, стрелами и мотыгами. Не менее интересно использование кожи для изготовления сосудов, плотов и т. п. Основное население Дарваза — таджики. На территории Таджикистана Гармская область и прилегающие к ней горные районы соседних областей представляют собой самый большой сплошной массив таджикского населения. Только в Джиргитальском районе, на северо-востоке области, живут киргизы. Киргизы раньше обитали также в северных районах области (бассейн р. Сурхоба, б. Каратегин), где

таджики поселились лет 200 назад. Остается еще неясным вопрос о первоначальном населении области, но он может быть решен только коллективными усилиями историков, археологов, этнографов и антропологов, особенно палеантропологов.

В Дарвазе не выявлено преданий о проживании здесь тюркоязычных народов. Видимо, это одна из областей исконного проживания таджикского населения. Вместе с тем в языке и быте местных таджиков много черт сходства с так называемыми припами-

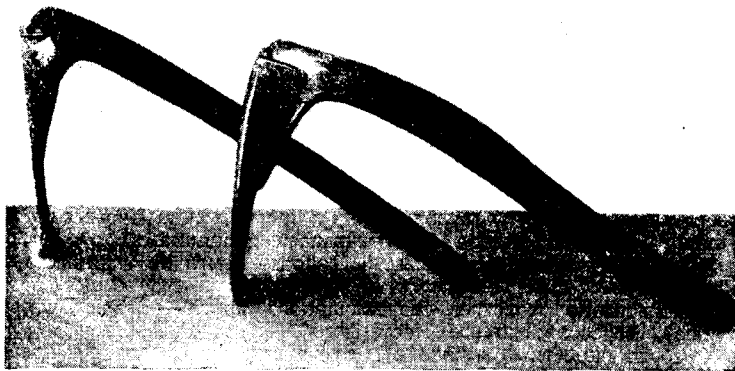

Рис. 1. Дарвазские мотыги

скими народностями, говорящими на древних восточноиранских языках. В соседнем с Дарвазом Ванче язык восточноиранской группы бытовал еще около 100 лет назад. В литературе приводятся данные о существовании несколько столетий тому назад такого же языка в Дарвазе¹.

Кроме местных таджиков, в районном центре и центрах сельских советов живет довольно много равнинных таджиков, русских, татар и др. Это учителя, врачи, торговые работники, служащие, приехавшие в район в годы Советской власти. Несмотря на сравнительную немногочисленность, все эти новые элементы, особенно равнинные таджики, оказывают значительное влияние на культуру и быт местного населения.

Дарвазские таджики сохраняют деление на родовые группы (каун, каум), имеющие общее кладбище. Наряду с местными каунами имеется много таких, родоначальники которых, по преданию, были выходцами из селений по левому (ныне афганскому) берегу Пянджа, долин рр. Оби Ниоу, Яхсу (Кулябская область), р. Хингоу и даже из Дагбеда, в окрестностях Самарканда, и из Хорасана.

Между верхними и нижними (по течению р. Пяндж) селениями Дарваза есть различия в говорах. Селение Ёгед в юго-западной части Дарваза по ряду особенностей материальной и духовной культуры выделяется из других; в частности по религии ёгедцы — шииты в отличие от окружающих суннитов.

Основными занятиями дарвазских таджиков были и остаются земледелие и животноводство. В горных условиях занятия эти имеют специфический характер. Техника земледелия здесь всегда отличалась большой примитивностью даже по сравнению с соседним Каратегинем. Так, например, до 1935 г. в Дарвазе при обмолоте хлебов не применялась плетенная из хвороста волокуша; молотили, гоняя скот по разложенным на току снопам, или, в небольших количествах, — просто ударами палки. До 1952 г. в Дарвазе не было саней волокуш (чигина), широко распространенных в Каратегине. Тяжести, в частности урожай с поля, перевозятся на ослах или, чаще всего, переносятся на спине. При необеспеченности в прошлом хозяйств рабочим скотом (например, в с. Умарак до революции на 100 хозяйств имелось 14 пар рабочих волов) дарвазцы нередко обрабатывали землю мотыгой описанного выше архаического типа. Дарвазские разновидности плуга из-за крутого рельефа полей меньше аналогичных каратегинских. Местный плуг (сипор) до сих пор — основное сельскохозяйственное орудие обработки полей, расположенных на склонах гор. Как и в Каратегине, колхозы здесь испытывают острую нужду в усовершенствованных орудиях сельского хозяйства, приспособленных к горному рельефу.

Основными сельскохозяйственными культурами до революции были зерновые (пшеница, ямень, просо), бобовые, масличные, бахчевые и огородные. Высеивали до-

¹ М. С. Андреев, О таджикском языке настоящего времени, «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сталинабад, 1945, стр. 59 и 65; Г. А. Арандаренко, Дарваз и Каратегин, «Военный сборник», 1883, № 11, стр. 145.

вольно много хлопка, который обеспечивал нужды местного населения и частично шёл в соседний Ванч и в долину р. Хингоу. Преобладали посевы под дождь, поливных земель было мало, озимые посевы почти не практиковались. Характерны были смешанные посевы, главным образом ячменя с бобовыми; их убирали, молотили и мололи вместе, получая комбинированную муку.

Так как техника земледелия по указанным выше причинам пока ещё изменилась мало, повышение урожайности и доходности колхозного хозяйства достигается главным образом путем проведения агротехнических мероприятий: увеличения поливных земель, введения озимых посевов зерновых, лучшего удобрения почвы (что стало возможным благодаря увеличению поголовья скота, особенно рабочего), улучшения семенного фонда, введения новых культур — картофеля, помидоров и др.

В Дарвазе значительно развито садоводство (урюк, вишня, алыча, виноград, гранаты, персики, инжир и др.). Очень распространен тут, плоды которого до революции часто заменяли беднякам хлеб. В настоящее время, когда Дарваз обеспечен хлебом, на основе культуры тут успешно развивается шелководство, которое за годы Советской власти стало одной из доходных отраслей колхозного хозяйства.

Данные по животноводству свидетельствуют о росте поголовья и изменении состава стада. Возросло количество рабочего скота, мелкая местная овца «гадик» заменена гиссарской курдючной, а местами и вюртембергской. Стойловое содержание овец зимой заменилось отгоном их на зимние пастбища в Кулябскую область.

До революции в Дарвазе имели широкое распространение промыслы и ремесла. Это было в первую очередь ткање (мужчинами и женщинами) разнообразных по оформлению бумажных тканей; шерстяных в Дарвазе почти не ткали. Во всех селениях было развито кузнечество, производство ножей и стальных клинков (в с. Егед), гончарство (исключительно женское, без гончарного круга — Егед, Висхарв и верховья р. Хумбов), деревообделочное мастерство (Пшихарв), вышивание тюбетеек (Егед, Калаи-Хумб и окрестные кишлаки). Все эти ремесла давали продукцию не только для собственного потребления, но и на продажу-обмен между селениями своего района, а частично и за его пределы. В 1930-х годах, в связи с появлением дешёвых промышленных товаров, ряд промыслов почти прекратился, затем возродился было в годы Великой Отечественной войны и опять заглох в послевоенные годы. Сохранилось кузнечество, причем некоторые кузнецы расширили сферу своей деятельности и занимаются также ремонтом примусов, велосипедов и других предметов современного быта. Имеются некоторые промыслы местного, районного значения. Так, в селениях Егед и Висхарв производят керамику, а в с. Пшихарв — деревянную утварь и посуду. Характерная черта этого производства — обилие изделий из гнутого дерева: всевозможных лукошкообразных сосудов для хранения молочных продуктов и сыпучих тел, емкостью от нескольких килограммов до 2 центнеров (рис. 2).

Материальная культура Дарваза, как уже говорилось, занимает промежуточное место между Припамирьем и Каратегином. Старое жилище Дарваза (рис. 3) в основном относится к припамирскому типу, сохраняя его наиболее характерную черту — деревянный свод из наложенных друг на друга, уменьшающихся к центру деревянных рам, сделанных из толстых бревен (рис. 4, II). Снаружи на крыше таких домов имеется характерная приподнятость в виде холмика с дымовым отверстием посередине². В жилищах долины р. Хингоу эта часть перекрытия постепенно вырождается в декоративное оформление дымового отверстия из тонких досечек, теряя свой конструктивный характер³. В этом случае крыша бывает ровной. Такое оформление дымового отверстия во многих районах Гармской и Кулябской областей, а также в ряде других мест (например, Ферганская долина) свидетельствует о значительном распространении в прошлом на территории горного Таджикистана и шире этого типа жилья, параллель которому имеется в грузинских старинных домах типа «дарбази», в старинных домах Читрала и в памятниках Восточного Туркестана.

В отношении планировки нар и расположения очага в дарвазском жилище встречаются памирский и каратегинский типы (долина р. Хингоу). В жилище памирского типа сплошные глинобитные нары высотой от 50 см до 1 м устроены у всех стен, кроме той, где находится вход. Поэтому пол комнаты представляет собой небольшое (2—3 м каждая сторона) прямоугольное пространство в центре, как раз под ступенчатым сводом. Справа или слева от входа находится очаг, открытый в сторону комнаты (см. рис. 4, I). В жилище типа долины Хингоу нары не охватывают со всех сторон комнату — справа или слева имеется небольшое свободное от нар пространство; поэтому пол комнаты имеет форму не прямоугольника, а буквы «Г», и очаг расположен у края нары, обращенного в это боковое пространство пола (см. рис. 4, III). Характерной чертой старого жилища в обоих вариантах являются его большие размеры (8—10 м одна сторона), так как это в основе — жилище неразделенной большой семьи, а также то, что в нем всегда у входа имелось помещение для ягнят и телят.

² Описание, чертежи и зарисовки домов этого типа см. в работе: В. Л. Воронин и А. Жилище Ванча и Язгулема, Сб. «Архитектура республик Средней Азии», М., 1951, стр. 256, 257, 259 и сл.

³ В мечетях — алоухона — это перекрытие продолжало бытовать во всем Каратегине до последнего времени.

Теперь все большее распространение получает жилище нового типа (хиджра) с печью или плитой и застекленными оконными рамами. Это всегда жилье одной

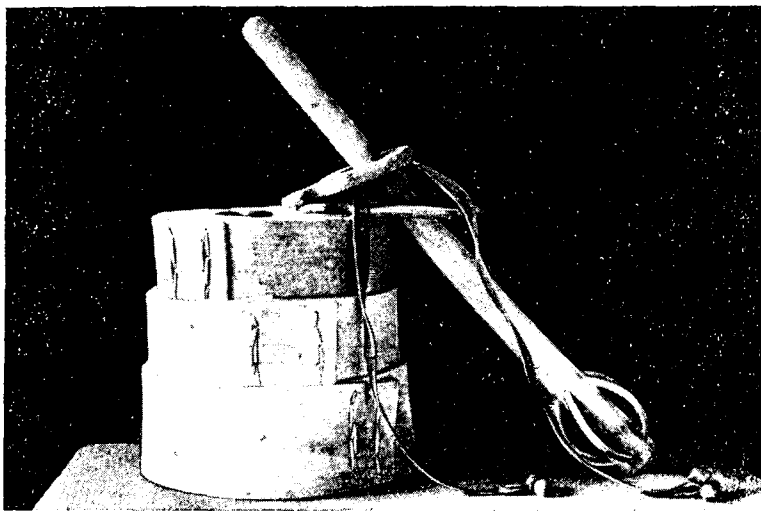

Рис. 2. Деревянная маслобойка из трех ярусов ободьев

индивидуальной семьи, поэтому по размеру оно гораздо меньше старых домов. Нередко семья живет в новом жилье, а старое сохраняется рядом как хозяйственное помещение.

В отдельных селениях жилище имеет местные особенности. Так, например, в

Рис. 3. Дом в с. Пшихарв

с. Тогмай над земляными крышами домов раньше делались камышевые двускатные навесы, предохранявшие крышу от дождя (почва здесь песчаная, и без навеса крыши протекали); теперь вместо навесов делают обычные земляные крыши с прокладкой из толя.

Летом из-за обилия мошек и комаров население спит на высоких помостах из жердей, поднятых на 1,5—2 м, а если селение находится у горной речки, жители выходят спать к самому берегу.

Общие тенденции изменения одежды в Дарвазе те же, что и в долине р. Сурхоба и во многих других местах. Кустарные ткани почти целиком вытеснены фабричными.

Мужская одежда принимает все больше черт одежды городского типа. Есть и местные моды: до войны все местные щеголи носили вельветовые брюки галифе, после войны модны были военные гимнастерки, в последние годы предпочитают пиджак и брюки, которые местная интеллигенция носит на выпуск, а колхозники — заправленными в сапоги.

Женщины Дарваза, так же как в Каратегине и в Кулябской области, носят бешметы, имеющие простой стоячий или стоячий с плиссированной оборкой, редко от-

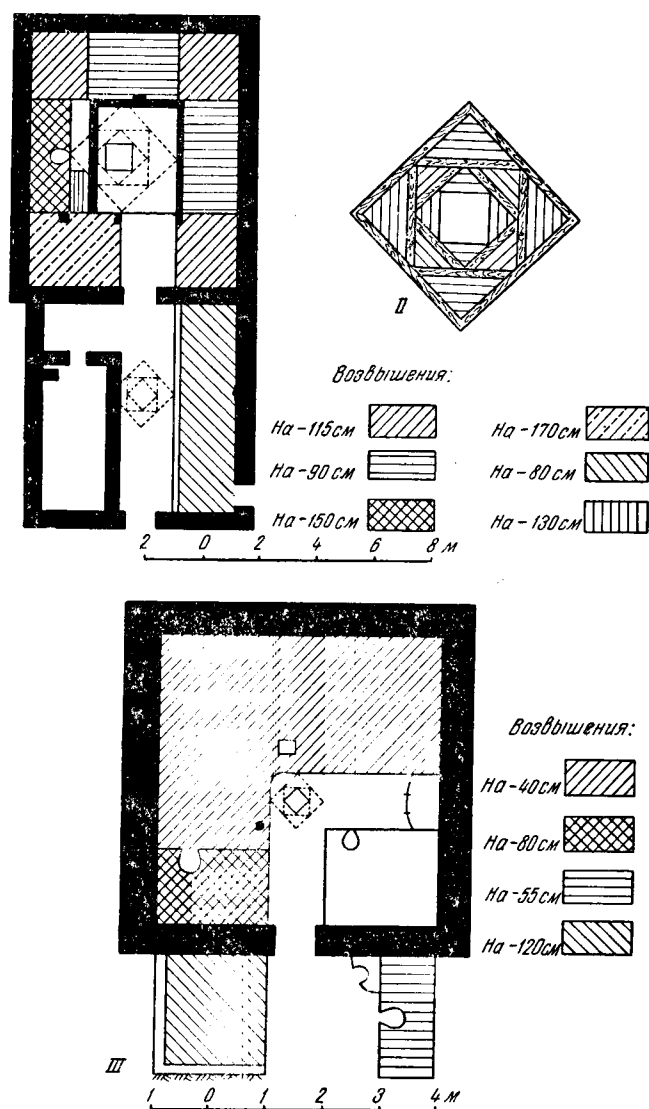

Рис. 4. I — план дома в с. Пшихарв; II — схема деревянного сводчатого потолка в пшихарвском доме (как и в домах припамирского типа); III — план дома в с. Езганд

ной, воротник, и застегнутый перед с накладной планкой. Поверх надевается цветное платье с глубоким вырезом спереди, часто украшенное вышивкой на груди, рукавах и подоле (рис. 5). Характерная черта нового покроя — широкие рукава. Выделяются женские платья с Егед, сохранившие много старых черт. В них рукава широки у основания и узки к кисти, а боковые клинья платья узки сверху, отчего платье прилегает в талии. Характерна вышивка на груди, подол не вышит (рис. 6). Значительное влияние на одежду, особенно женскую, оказало распространение швейных машин, дошедших до самых далеких горных кишлаков. Машинная строчка используется как декоративный элемент. Обувь носят главным образом покупную, городского типа.

Широко распространены вышитые тюбетейки с характерным дарвазским орнаментом, очень разнообразным и богатым. Из новых типов тюбетеек местные мастерицы (например, в с. Умарак) начали вышивать «чустские» (черные с четырьмя белыми миндалевидными фигурами), которые стали распространяться из с. Чуст по городам Ферганы в начале нашего века и теперь являются излюбленными почти на всей территории Узбекистана и Таджикистана. Раньше женщины не носили тюбетеек, а теперь в районном центре они их носят. Большинство женщин и сейчас ходит в белых платках, которые повязываются разными способами.

Из украшений носят главным образом шейные бисерные повязки, браслеты из бус. Серебряных украшений мало, несравненно меньше, чем у таджиков Кулябской области.

Прически у молодых и пожилых женщин различны. Молодые заплетают сверху над ушами по две косы, которые потом сплетаются с косами, заплетенными сзади, на спине. В праздничной прическе иногда вместо двух кос над ухом заплетают одну из многих прядей. Пожилые связывают концы кос шнурочком, который лежит сзади на шее и поддерживает косы в подобранном положении.

Пища дарвазцев в дореволюционное время состояла главным образом из сухенных плодов тута (чаще всего в виде тутовой муки) и мучных похлебок, заправленных молочными продуктами. Хлеба было мало, пекли его чаще не из пшеничной муки, а из просяной или гороховой. Большую роль в питании играли дикорастущие травы и корни. В советские годы пища дарвазцев обогатилась прежде всего хлебом, а также рядом новых продуктов (рис, макароны, вермишель, сахар, картофель). Появились новые блюда (например, плов, который сейчас обязательно входит в свадебное угощение). Однако, до сих пор отсутствуют такие широко распространенные на равнине блюда, как пельмени и пирожки. Мясо употребляется чаще всего в супе, жареное мясо считается лакомством. Экспедицией записано большое количество сведений о различных видах пищи и способах ее приготовления, об отношении к пище (почитание мяса овец, горных коз, почитание рыбы, тыквы, ячменя: ячменный хлеб кладется на дастархане поверх пшеничного).

Много внимания уделялось экспедицией семейному быту дарвазцев. Как и повсюду, был этот за годы Советской власти неизменно изменился. Особенно велики перемены в положении женщин — возрастает доля ее участия в заработках, в связи с этим меняется ее положение в семье.

В обычаях и обрядах, связанных со свадьбой, выявлен ряд своеобразных черт: таинцы родственниц жениха на заре, перед его отправлением в дом невесты (субхдамак); обычай «ша-хизмат» — посещение тестя женихом перед свадьбой якобы для «выполнения служб»; характерные детали при заплетании волос невесты и др.

Большие сдвиги произошли в воспитании детей. Везде, где есть врачебные пункты, матери обращаются туда в случае болезни детей. Однако роды до сих пор стараются проводить дома, к врачам обращаются только в тяжелых случаях.

Среди старшего поколения, особенно женщин, еще сохранились многие суеверия: вера в существование семидесятигрудого демона, вредящего младенцу, представление о вреде, якобы причиняемом новорожденному мертвецом, и др. В прошлом старались «обезопасить» детей, имитируя похищение ребенка или укладывая его в старую могилу; протаскивали детей через вырезанные в середине хлебные лепешки, через кожу, снятую с пасты волка, кормили высушенными и толчеными языком и глазами змеи и т. д. Теперь прерасудки и суеверия постепенно уходят из быта, но проводимая среди населения культурно-просветительная и антирелигиозная работа все же еще недостаточна.

Крепко держатся старые похоронные обычаи и обряды, в которых сохранилось больше всего старых представлений. Могила роется в виде прямоугольной ямы (без боковой ниши «хлахал»), в которой из каменных плит выкладывается нечто вроде гроба, открытого со стороны ног. Через это отверстие вносится покойник. В с. Егед записаны сведения о коллективных могилах, в которых хоронят до 30—40 представителей одного

Рис. 5. Девушка в нарядном вышитом платье. Калаи-Хумб, 1954 г.

каума. В каждом кауме имеются особые коллективные могилы для мужчин, женщин, мальчиков и девочек. Чтобы освободить место для нового покойника, перекладывают в сторону кости умерших прежде. Записаны сведения об оплакивании покойника с совещением обрядовых женских и мужских танцев (отмечено ранее для Припамирья), о пуске женщин — ближайших родственниц умершего на кладбище во время похорон (тоже раньше было отмечено только для Припамирья), об изготовлении куклы-чучела для оплакивания, если человек погиб на чужбине.

Большой материал собран по народным развлечениям, играм, театру. Дарваз издавна славился своими талантами, и дарвазские народные артисты нередко совершали поездки в Каратегин, где их всегда радостно встречали. Записаны новые пьесы и пьесы

Рис. 6. Женское платье из с. Егед

ресные варианты известных ранее пьес-пантомим. Например, в с. Пшихарв записан вариант широко распространенной в горном Таджикистане шуточной пьесы (Бобоирак), в которой высмеивается старик, женившийся на молодой. До сих пор в этой пьесе молодую женщину обычно играет мужчина. Много наблюдений сделано по народному танцу. Дарвазский танец по сравнению с каратегинским более отшлифован, пластичнее, ритм в нем более четок. Несколько выделяется танец в с. Егед. В нем развиты изящные повороты, ритмические постукивания ног, в то же время отсутствует характерное движение — помахивание широким рукавом платья. Для Дарваза характерна игра женщины на бубне.

В 1954 г. экспедицией впервые совместно со Сталинабадским домом народного творчества начаты работы по изучению народной песни. Записано на пленку около 100 песен: женских, лирических, шуточных, сатирических, обрядовых, сделано несколько записей женской игры на варгане (чанг). Наиболее распространенный жанр — любовная лирика. Как и в других жанрах, в ней преобладает куплетная форма; развитие мелодии — вариационное, наиболее частые лады — фригийский и натуральный минор. Песни эти бывают двух родов — повествовательные и танцевальные, частушечного типа. В песнях часто используются тексты классиков (Джами, Хафиза) и современных поэтов-профессионалов. Женские шуточные обрядовые песни исполняются без аккомпанемента. Несмотря на малый диапазон, они оставляют яркое впечатление благодаря сочетанию речитатива, распева и мелизматической орнаментации. Помимо записей песен, собирались сведения об исполнителях, о музыкальном инструментарии прошлого и настоящего на бубне.

В Дарвазе хорошо сохранились воспоминания о старом календарном счете по периодам, носящим названия частей человеческого тела. Этот счет был характерен для припамирских народностей, а в реликтовом виде был зафиксирован в долине р. Хингис. Записи 1954 г. добавляют новые данные к опубликованным ранее и к неопубликованным еще записям из архива покойного М. С. Андреева и позволяют с достаточной ясностью восстановить всю систему этого уже исчезнувшего календаря и установить его распространение.

Как и в предыдущие годы, подробно изучались верования и обряды. Установлено, что из годовых праздников еще справляется новый год, приходящийся на день весеннего равноденствия. В некоторых местах новый год справлялся дважды — первый раз, примерно, в феврале и вторично в день весеннего равноденствия. Справляются еще также, главным образом представителями старшего поколения, мусульманские праздники рамазан и курбан, однако они утратили теперь былую торжественность. В настоящее время самыми веселыми и радостными праздниками являются 1 мая и 7 ноября: в эти дни часто устраиваются скачки, национальная борьба.

Джиргитальский этнографический отряд занимался изучением киргизов и живущих попеременно с ними таджиков. Еще недавно, лет 200—250 назад, Джиргитальский район, граничащий с Алайской долиной и Памиром, был заселен только киргизами. Теперь население всюду смешанное — киргизско-таджикское. Таджикские семьи пришли из Вахио и помнят еще, когда и из какого кишлака они выселились.

В Джиргитальском районе проживают потомки киргизских родов: Бостон, Гыдырша, Теит, Ахтарчи, Кесек и Кыпчак. Все они относятся к племени ичкилик. По предстанию каратегинских киргизов, все киргизы делятся на две группы: тышкы кыргыз («внешние киргизы») и ички кыргыз («внутренние киргизы»), отсюда название ичкиликлар («внутренние»), или ичкилик. «Внешними» называют киргизов, живущих к северу и к северо-востоку от Джалал-Абада и Нарына. Ичкиликами называют юго-западных киргизов, тех, что «вошли внутрь узбеков, смешались с узбеками, подчинились узбекскому хану». Каратегинские киргизы считают себя выходцами из Хисара (Гыдырша) и Бостон. По другим сведениям, бостонцы являются выходцами из Шахимардана ((Фергана).

Для хозяйственной деятельности киргизов Джиргитальского района характерно большое значение земледелия наряду с основным занятием — животноводством. Охота, в частности на горных козлов, была и осталась значительным подспорьем в хозяйстве. Продолжают бытовать ремесла — плотничество, кузнечество, женские промыслы — ковроткачество, вязание шерстяных чулок, вязанье кошм и вышивание, однако ковроткачество переживает заметный упадок.

Как в материальной, так и в духовной культуре киргизов Каратегина сильно сказывается влияние узбеков Ферганы и особенно соседей-таджиков. Все население Джиргитальского района, как правило, двуязычно: говорят на киргизском и таджикском языках. Жилище, утварь, одежда и пища киргизов и таджиков в результате сильнейшего взаимовлияния культур обоих народов различаются мало. Наибольшие различия сохранились в свадебных и погребальных обрядах. Так, у таджиков молодую сразу уводят в дом мужа, киргизы же оставляют ее на несколько месяцев в доме отца. Невесту у киргизов одевают в старинные, вышедшие из обихода платья. На похоронах у киргизов приняты заплачки (рдау), отражающие кочевой быт; на могилах молодых людей киргизы ставят шесть со снятой кольцами корой и квадратными вышитыми лоскутами на развилке наверху. Этот обычай местами практикуется и у окрестных таджиков.

Таковы вкратце результаты работ 1954 г. Участники ее ведут обработку материалов и подготовку их к изданию.

А. Қ. Писарчик

ВЫСТАВКА ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Состоявшаяся летом 1955 г. в Москве выставка, посвященная индийской культуре и искусству, была организована Министерством культуры СССР. На ней были представлены экспонаты, хранящиеся в музеях и библиотеках Советского Союза — в Музее восточных культур, Музее антропологии и этнографии АН СССР, в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина и др. Эта выставка еще раз показала глубокий интерес советских людей к Индии. Этот интерес является не только культурно-познавательным, — он характеризует прежде всего ту горячую симпатию, с которой советский народ относится к жизни, быту, искусству и литературе народов Индии.

Русско-индийские связи имеют глубокие исторические корни и давние и прочные традиции. Торговые и культурные отношения между Россией и Индией стали крепнуть и развиваться в XVII в. — в годы царствования Алексея Михайловича, который специальным указом отметил важность прибытия в Россию индийских купцов. «Ведомо нам учинилось, что индейцы, торговые люди, слыша нашу, царского величества, милость и жалованья и ко всяким иноземным торговым людям береженье, приехали в Асторохань с товарами своими многими. Да и вперед бы де индейцы в Асторохань ездили многие...», писал царь, повелевая своим чиновным людям всячески поощрять торговую деятельность индийцев в пределах Русского государства.

И еще за двести лет до этого был написан путевой дневник тверского купца Афанасия Никитина: «Написание Офанаса тферитина купца, что был в Индеи четыре года...». В этом дневнике, как в зеркале, отразились всесторонняя любознательность русского человека, его пытливый ум, его стремление познать богатую и необычайно интересную страну.

Многовековые деловые отношения между Россией и Индией повели к развитию культурных связей, сыгравших большую роль в становлении русской индологии, достигшей высокого уровня уже в середине XIX в. Появление ряда словарей и переводов, а также многих лингвистических, философских и исторических исследований ознаменовало собой новый этап в изучении Индии.

Рис. 1. Изделия из слоновой кости

В советский период интерес к Индии стал общенародным. Массовое внимание привлекают все политические события в Индии, борьба индийского народа за мир и расцвет индийской культуры и искусства после освобождения страны от колониальной зависимости.

Выставку в Москве посетили сотни тысяч человек, внимательно знакомившихся с ее историческим отделом, отражающим развитие русско-индийских связей, и с картинами русских и индийских художников, и с замечательными произведениями индийских ремесленников. Особое место было отведено на выставке фотографическим материалам, посвященным в основном скульптуре и архитектуре Индии.

Рис. 2. Деревянная ширма конца XVII в. (из собрания В. В. Верещагина; подарена ему художником Н. Н. Каразиным в память посещения Индии)

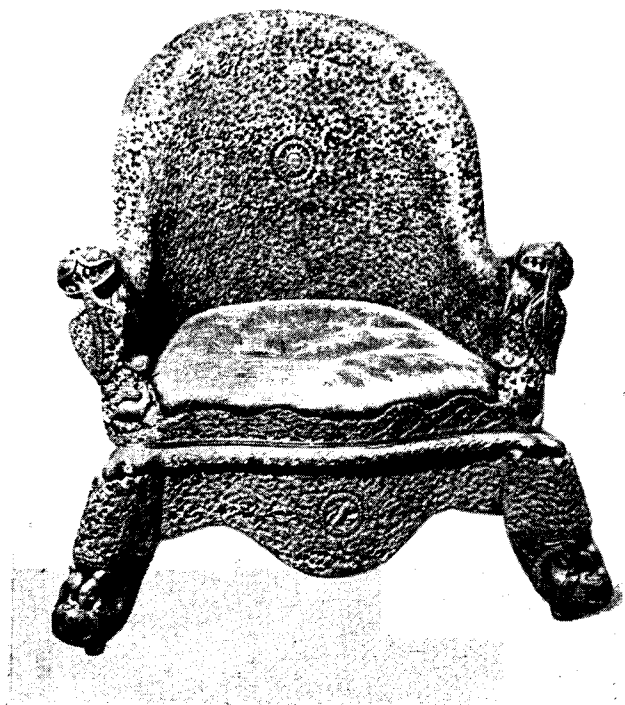

Рис. 3. Деревянное кресло с ажурной резьбой

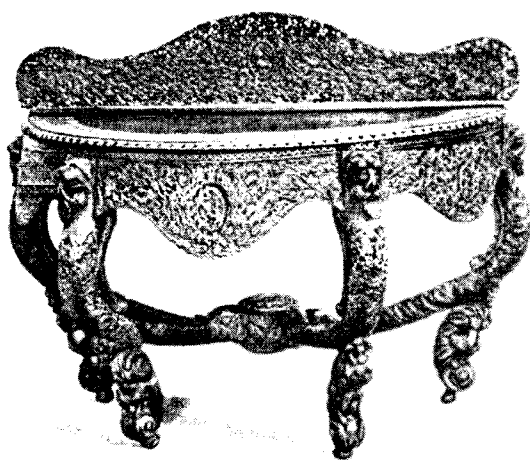

Рис. 4. Столик с ажурной резьбой

Письменные памятники всех времен и народов, начиная от древних рукописей и от периплов греческих мореходов и кончая современной научной и описательной литературой, отмечают богатство и многообразие индийской культуры. Поражает виртуозное мастерство индийских ремесленников, неисчерпаемое богатство форм скульптурной и архитектурной отделки зданий, глубина и содержательность индийской литературы.

К сожалению, ограниченный объем выставленных материалов не мог полностью удовлетворить глубокий интерес всех стремящихся познать культуру Индии, но все, что было экспонировано, заслуженно пользовалось вниманием не только рядовых посетителей выставки, но и специалистов, изучающих страну, — филологов, искусствоведов, историков, этнографов.

Богатый язык художественных произведений раскрывает картины жизни и быта разных слоев населения Индии, их вкусы, навыки, мирозерцание и взаимоотношения. Картины Верещагина, посетившего Индию в 1870-х годах, свидетельствуют о том огромном впечатлении, которое произвела эта страна на знаменитого художника. Как известно, многие искусствоведы осуждают излишнюю документальность картин Верещагина, но нельзя отрицать, что именно эта документальность сделала его картины ценным пособием по изучению страны. Полотна и графические зарисовки других русских художников как прошлого, так и этого века, тоже говорят о том, что их внимание было поражено многообразием и красотой всех форм проявления творческого гения народов Индии. В их картинах нашли свое отражение костюмы и прически индийцев, архитектурные сооружения, предметы утвари, произведения индийских скульпторов, упряжь, повозки, живописные улицы деревень и городов и т. п.

Но русские художники не были только спокойными созерцателями красот Индии. Их полотна выражают их отношение к индийской действительности. Это видно как в произведениях, датированных прошлым веком, — нельзя не испытывать боли и негодования перед всемирно известной картиной Верещагина, изображающей расстрел сипаев английскими колониальными властями, — так и в произведениях советских художников, посетивших Индию. Их полотна, так же как и произведения прогрессивных индийских художников, рассказывают о том разрыве между духовным и материальным уровнем жизни индийцев, который явился результатом двух столетий колониальной зависимости, и о том, как гений и трудолюбие индийского народа преодолевают этот разрыв и служат залогом воскрешения и дальнейшего развития национальной культуры. На этих картинах мы видим нищих на фоне храмов, выстроенных руками их предков, рикш, бегущих, задыхаясь по пыльным улицам городов, бедные дворы индийских деревень и различные моменты производственной жизни индийцев.

Превосходны в художественном отношении и щедро насыщены этнографическим содержанием картины и миниатюры индийских мастеров, например: «Пересадка риса» (Сатиендра Натх Банерджи), «Рыбная ловля» (Шри Кришна Дас), «Деревня племени бухтия» (Р. Н. Чакраворти), «Танец санталов» (Нанда Канду), «Прибытие невесты» (Кирон Дхар) и др.

Особое место на выставке было отведено народному лубку. Экспонированные экземпляры лубка давали возможность проследить и основную его тематику — мифиче-

Рис. 5. Индийский народный музыкальный инструмент

ские, жанровые и сатирические сюжеты,— и те основные живописные приемы, которые стали каноническими для мастеров миниатюры, фрески и скульптуры. Особенно хороши жанровые лубки: «Доильщица», «Водонос с бурдюком», «Танцовщица» и другие. Для создателей лубка, как и для создателей произведений живописи, характерно стремление детально вырисовать вещи, зафиксировать на бумаге и полотне претворенную в эти вещи творческую фантазию народных ремесленников.

Но больше и яснее, чем изображение вещей на картинах, говорили за себя сами вещи, представленные на выставке. Почти без исключения это работы безымянных индийских ремесленников, произведения кустарного художественного промысла. Эти произведениями, судя по данным археологии, Индия славилась уже за 3—4 тысячелетия до н. э. и ими же она славится в наши дни.

В период английского колониального господства многие народные ремесла Индии заглохли или свелись к выработке ходких рыночных безделушек. За годы, прошедшие с момента раскрепощения страны, деятельность многих культурных организаций была направлена на воскрешение и обновление кустарных промыслов, как одной из самых ярких и самобытных форм национальной культуры. Индийские ремесленники стремятся к тому, чтобы сделать как можно красивее даже самые рядовые предметы домашнего обихода, и доходят до необычайной изобретательности и тонкости при выработке предметов искусства.

Как известно, индийцы уже в начале н. э. знали секрет производства нержавеющей железа и умели изготавливать оружие из прочных и ковких сталей. На выставке были представлены образцы такого оружия, очень разнообразные по форме и художественные по выполнению. Это лук из булатной стали с золотой насечкой, стальной палаш, кинжалы — «куттары», топоры, шестоперы, шлем с завесной сеткой, стальная кольчуга с гравированными накладками, нагрудники и щиты. Бархатные и кожаные ножи поражают своей отделкой, любовно выполненной в виде инкрустаций из серебра, нефрита и перламутра. Это оружие является как бы стальной летописью былой воинской славы индийцев. При взгляде на него невольно вспоминаются описания героических битв, наполняющие страницы эпических поэм Индии.

Домашняя утварь была представлена рядом предметов из металла и дерева. Это гравированные блюда и тазы из красной меди, подносы, чайники, фигурные светильники, кувшины и т. п. Все отделано гравировкой, чеканкой и орнаментом из разноцветных лаков.

Всеобщее внимание привлекла деревянная мебель и особенно — тяжелые массивные кресла, спинки которых похожи на резное кружево, а также деревянная ширма XVIII в., вся составленная из небольших пластин, каждая из которых имеет свой сквозной узор.

Высокое развитие прикладных искусств в Индии иллюстрируют и такие вещи, как столик в форме плоского венчика цветка, расписанный цветным лаком, расписные изделия из папье-маше, кожаные изделия, тисненые золотом и красками, резные пластины.

К сожалению, на выставке была слабо представлена основная отрасль кустарного производства Индии — текстильная. Но даже выставленные экспонаты могли создать представление о качестве индийских тканей, о красоте набоек и многообразии вышивок по шелку и шерсти.

Экспонированные статуэтки и безделушки так же, как и все другие вещи, тонкостью своей отделки говорят о необыкновенном трудолюбии индийцев и о том огромном художественном чутье, которое является одной из основных черт их национального характера.

Не случаен успех этой выставки у советских людей. Она явилась одним из показателей роста индо-советских дружественных связей, которые с каждым годом становятся прочнее и глубже.

Н. Гусев

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ БОНЧ-БРУЕВИЧ **(1873—1955)**

14 июля 1955 г. на 83-м году жизни скончался выдающийся деятель советской науки Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич — доктор исторических наук, этнограф, историк и литератор. Старейший деятель Коммунистической партии, он работал много лет вместе с Лениным, был первым Управляющим Делами Совета Народных Комиссаров (1917—1920) и в дальнейшем занимал ответственные должности, главным образом в области советской культуры.

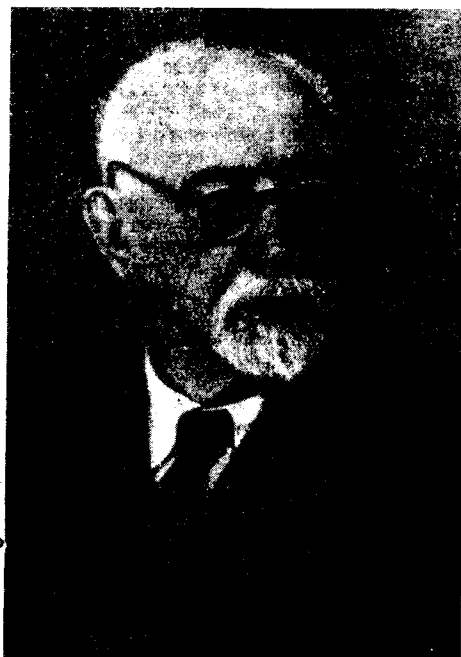
С молодых лет В. Д. Бонч-Бруевич — активный участник революционного движения. За участие в студенческих волнениях он был в 1889 г. исключен из Константиновского межевого института и сослан в Курск. С 1892 г., вернувшись в Москву, он работал в нелегальных кружках народовольческого направления, главным образом организуя подпольные типографии, распространяя получаемые из-за границы социал-демократические издания. С 1896 г. Владимир Дмитриевич — за границей, а с 1897 г. — на положении политического эмигранта. В эмиграции он сблизился с группой «Освобождение труда», позже вошел в организацию «Искры» и после раскола партии примкнул к большевикам.

По совету товарищей по партии Владимир Дмитриевич занялся изучением массовых крестьянских движений. Особенно заинтересовали его «общественно-религиозные движения» — сектантство и старообрядчество. Сектантские движения стали в дальнейшем областью его специальных интересов. В реферате, прочитанном в 1899 г. в марксистском кружке в Цюрихе, он попытался поставить изучение этих движений «на социально-политическую базу России того времени», как он позже писал в своей автобиографии, и корни их усматривал «в глубоких социальных, экономических и политических противоречиях и отношениях царской России». Такой взгляд встретил одобрение Плеханова и других марксистов, по поручению которых он продолжил и углубил изучение сектантства.

Он стал искать непосредственных связей с сектантами, стремясь получить от них материал (устный и письменный) об их движении. Именно в то время происходило переселение преследовавшихся царской администрацией духоборов в Канаду. Владимир Дмитриевич вызвался сопровождать четвертую партию духоборов-переселенцев (свыше 2 тысяч человек). Он пробыл с духоборами с мая 1899 г. по январь 1900 г., помогал их расселению в северо-западной части Канады, защищал их от полицейских придирок канадских властей. Все это время Владимир Дмитриевич неустанно собирал материалы тайной устной поэзии духоборов и записал так называемую «Животную книгу». Он получал интересовавшие его сведения не только от духоборов из опекаемой им партии, но и посещая селения духоборов, приехавших в Канаду ранее, а также вступив в переписку с духоборами Закавказья.

Чтобы расширить изучение русского сектантства и привлечь к этому делу внимание прогрессивной общественности, Владимир Дмитриевич стал распространять специальные программы и листки-обращения. За 1906—1917 гг. вышло 7 изданий «Программы для собирания сведений по исследованию и изучению религиозно-общественных движений в России (православие, сектантство, старообрядчество и пр.)». Программа была задумана очень широко — имелось в виду систематическое изучение не только религиозно-обрядовой стороны жизни сектантов, но и всех сторон их быта. Владимир Дмитриевич указывал в своей программе, что «желательно особенно полное описание всей хозяйственной жизни», «всего хозяйственного устройства, владения земли, всякого инвентаря и прочее тому подобное, а также чем по преимуществу занимаются. Работают ли только сами или при помощи наемных рабочих? Ходят ли сами на отхожие промыслы?». Такие вопросы программы подводили исследователя к пониманию социальной структуры сектантских общин, классового расслоения в них, отношения к окружающему несектантскому населению.

Еще находясь в эмиграции, Владимир Дмитриевич начал систематически публиковать собранные им материалы по сектантству. Совместно с В. Г. и А. К. Чертковыми он стал издавать в Лондоне «Материалы к истории и изучению русского сектантства»

(вып. 1—7, Лондон, 1901—1902). Впрочем, уже после первых выпусков «Материалов» обнаружилась непримиримая противоположность взглядов Чертковых, с одной стороны, Бонч-Бруевича, — с другой: тех интересовала исключительно религиозно-нравственная сторона сектантства, а Владимир Дмитриевич видел в нем прежде всего выражение стихийного крестьянского протеста против классового гнета. Чертковы продолжали издание без Бонч-Бруевича, хотя печатали материалы, собранные им. Вернувшись в 1907 г. в Россию, Владимир Дмитриевич самостоятельно продолжал издание «Материалов», но уже не в виде выпусков-брошюр, а как серию капитальных томов с солидным научным аппаратом, примечаниями, указателями, вводными статьями и пр. С 1908 по 1916 г. вышло 6 томов «Материалов к истории и изучению русского сектантства и раскола» (с 3-го выпуска вместо «раскола» в заглавии стоит «старообрядчества»; 6-й выпуск вышел под названием «Материалы к изучению религиозно-общественных движений в России»). Несколько выпусков остались неопубликованными.

На базе собранных Владимиром Дмитриевичем материалов и по его инициативе был создан в 1907 г. Сектантский отдел рукописного отдела библиотеки Академии наук; в 1909—1912 гг., по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук, он совершил поездки на юг России (в Кубанскую и Терскую области, в Закавказье и другие места) для изучения на местах быта и творчества сектантского населения.

Свою научно-исследовательскую работу Владимир Дмитриевич никогда не отрывал от практических задач. Будучи атеистом, врагом всяких суеверий, он в то же время энергично защищал тех, кто страдал от религиозных преследований, которые в царской России были обычным делом. Он печатал в прогрессивной прессе статьи о преследованиях сектантов, многократно выступал экспертом в их судебных процессах, писал корреспонденции из зала суда и пр. Защищая сектантов от судебных преследований, он оставался в стороне от движения протеста русской прогрессивной общественности против позорных преследований евреев. Во время пресловутого «дела Бейлиса» он напечатал в различных периодических изданиях до 25 статей, где опровергал черносотенные слухи о «ритуальных убийствах» и пр., — статьи эти вышли потом отдельной книгой «Знамение времени» (М., 1914).

Однако Владимир Дмитриевич всегда умел отличать неосознанный социальный протест угнетенных народных масс, выражавшийся в религиозной форме, от реакционной политики сектантских главарей и реакционной деятельности духовенства. Еще в эмиграции им был написан ряд антирелигиозных статей (например, «Боги, изготовленные дешевым фабричным способом», журнал «Свободная мысль» Женева, 1900, № 11). Составлен сборник «Из жизни духовенства» (изд. «Жизнь», 1902). После революции он пишет разоблачительные статьи и брошюры против церковных и сектантских реакционных руководителей («Живая церковь и пролетариат», М., 1922; «Кривое зеркало сектантства», М., 1922).

В первые годы советской власти Владимир Дмитриевич был целиком поглощен практической партийной и советской работой, но в дальнейшем он вновь все более активно занимается в научно-литературную деятельность. В 1932 г. он приступает к организации Литературного музея и на протяжении многих лет руководит им. В этом музее, помимо огромного количества историко-литературных материалов, он собрал очень много рукописей с фольклорными текстами и этнографическими записями. Фольклорный отдел Литературного музея стал, благодаря энергичной деятельности Владимира Дмитриевича и его сотрудников, крупнейшим в стране центром хранения памятников русского устного народного творчества. В числе этих материалов имеются рукописи ученых собирателей XIX и начала XX в., — собрание сказок Калинникова, неопубликованные записи былин А. В. Маркова, монографическое собрание фольклора Приангарья политического ссыльного Савельева, научный архив братьев Б. и Ю. Соколовых и многое другое. В архив Фольклорного отдела вошли переданные в Музей огромные фонды архив экспедиций, посылавшихся в 1930-х годах редакцией «Две пятилетки» для издания тома «Творчество народов СССР», архив экспедиций Московского отделения Гос. академии истории материальной культуры. Отдельные специальные экспедиции для собирания фольклорно-этнографического материала посылались и самим Литературным музеем. Результатом этих экспедиций были фольклорные издания, как два тома «Былин М. С. Крюковой» (в серии «Летописи Государственного Литературного музея», 1939, 1941), «Сказки И. Ф. Ковалева» (1941), «Рыбацкие песни и сказы» (1950). Под общей редакцией Владимира Дмитриевича вышли также «Онежские былины» (1948), собранные экспедицией братьев Соколовых в 1926—1928 гг. Отдельные фольклорные тексты редактировались и издавались В. Д. Бонч-Бруевичем в сборниках «Звенья» (8 выпусков). Большое влияние на работу советских фольклористов оказали сообщенные В. Д. Бонч-Бруевичем высказывания В. И. Ленина об устном народном творчестве. В последний год своей жизни Владимир Дмитриевич опубликовал большую статью «В. И. Ленин об устном народном творчестве» (журн. «Советская этнография» 1954, № 4).

Руководя огромной литературно-издательской и фольклорно-собирательской деятельностью Литературного музея, Владимир Дмитриевич не оставлял и своих личных интересов в области изучения религии. Он участвовал в литературной научно-атеистической пропаганде. С 1946 г. он целиком переходит на работу по изучению религии и атеизма, возглавляя соответствующий сектор в Институте истории АН СССР и Музее истории религии и атеизма (в Ленинграде). С 1954 г. он — председатель Координа-

ционной комиссии по вопросам организации научно-атеистической пропаганды при Президиуме АН СССР. За последние годы под его редакцией изданы два выпуска «Вопросов истории религии и атеизма» (М., 1950 и 1954) и подготовлены к изданию следующие два выпуска, а также составлен общий план издания серии классической мировой атеистической литературы. Вплоть до последних дней своей жизни, тяжело больной, Владимир Дмитриевич продолжал неустанно работать.

Научное наследство В. Д. Бонч-Бруевича состоит не только из множества книг и других изданий, составленных им или под его редакцией. Помимо этого, в его личном научном архиве хранится большое количество неизданных рукописей; огромная, почти исчерпывающая, библиографическая картотека по изучению сектантства, список лиц, подвергавшихся преследованиям за религиозные убеждения в царской России (ок. 5000 карточек), и пр.

Владимир Дмитриевич заботливо растил молодые научные кадры, воспитывая в своих сотрудниках большую научную принципиальность, требовательность, умение не гнушаться черновой работой в науке и издательском деле. Он умел привлекать к работе и старых специалистов. Необычайно отзывчив был он также и ко всем нуждам их личной жизни, стремясь помочь им чем мог, не жалея на это своего времени и сил.

Навсегда останется у советских людей светлая память о Владимире Дмитриевиче Бонч-Бруевиче — крупном ученом, чутком и отзывчивом друге и товарище, пламенном коммунисте-революционере.

Р. Липец, С. Токарев

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

МАТЕРИАЛЫ НЬЮ-ЙОРКСКОГО СЪЕЗДА ЭТНОГРАФОВ

В 1953 г. в издании Чикагского университета были опубликованы материалы съезда этнографов¹, состоявшегося в 1952 г. в Нью-Йорке. Ознакомление с этими материалами показывает, что нью-йоркский съезд был большим событием для этнографической науки США, для выяснения современного состояния и путей дальнейшего развития этнографических исследований. Целесообразно поэтому остановиться на важнейших проблемах, затронутых съездом. В съезде участвовало 82 человека, из них 53-американцы, среди которых находились такие столпы современной американской этнографии, как Кробер, Лоун, Линтон, Мид, Мордок, Беннет, Стюард, Чэппл, Купер и другие; присутствовал также Лесли Уайт.

Наука Старого Света была представлена очень бедно, а подбор делегатов был довольно случаен. Из числа наиболее известных европейских этнографов присутствовали Биркет-Смит и один из основоположников «школы культурных кругов» Копер Радклиф-Браун, также получивший приглашение, ограничился письмом, в котором подверг критике увлечение американцев «моделями» как отвлеченными конструкциями. Известный английский археолог Гордон Чайлд на съезд также не приехал. На съезде совершенно не были представлены Канада, Бразилия, Чили, Колумбия и многие другие страны американского континента.

К обсуждению были представлены 50 докладов итогового характера по отдельным проблемам этнографии, антропологии и археологии, составивших первый том материалов. Во второй книге опубликованы выступления по докладам.

Большая часть заседаний съезда была посвящена обсуждению различных теоретических проблем и концепций, выдвигаемых американскими этнографами за последние годы. Выступления целого ряда участников съезда вскрыли реакционный характер большинства этих «новых» концепций. Основные установки «психологического» направления в этнографии встретили решительный отпор со стороны многих делегатов съезда.

Основными вопросами, вокруг которых развернулись принципиальные споры, были вопросы о предмете, задачах и методе этнографии. Это определило собой постановку и таких вопросов, как изучение национального характера, содержание так называемых «моделей культуры», задачи «прикладной антропологии» (этнографии)².

* * *

Американские теоретики начали с определения этнографии как «культурной антропологии», части антропологической науки, объединяющей физическую антропологию, этнографию, археологию и лингвистику. В процессе обсуждения некоторые американские ученые остановились на определении, наряду с «культурной антропологией» «социальной антропологии». По словам Стюарда, он ввел это понятие в США для того, чтобы правительственным чиновникам, членам конгресса и другим было понятно, что антропология может изучать не только доколумбову культуру индейцев, но и современные народы. В выступлениях Лоуна, Кробера и других этнографов США социальная антропология определялась как часть этнографии, изучающая социальные отношения людей.

¹ «Anthropology Today: an Encyclopedic Inventory». «An Appraisal of Anthropology Today», University of Chicago Press, 1953.

² Напомним, что в англо-саксонских странах нет четкого терминологического разделения между антропологией и этнографией — антропология обычно именуется «физической антропологией», а этнография — «культурной антропологией» или просто «антропологией». Вновь выделенный американскими этнографами термин «прикладная антропология» правильнее перевести — «прикладная этнография». О характере этого направления американской этнографии см. ниже.

Выступивший с определением предмета этнографии профессор Чикагского университета Соль Такс свел задачи этой науки к шести самостоятельным проблемам, что получило одобрение многих американских делегатов. Это: 1) история культуры, включающая этнологию, археологию и историю языка; 2) культурные процессы: аккультурация, лингвистические процессы; 3) сравнительная социология; 4) «индивид-культура» или «этнос»³; 5) такие самостоятельные области, как техника и экономика, социальная и политическая организация, право, религия, искусство, наука, язык; 6) культурные ареалы по континентам и более ограниченными областям. Трудно представить себе что-либо более эклектичное и абсолютно лишенное исторического подхода к материалу, хотя термин «история» и упоминается в первом пункте формулировки. Под «историей культуры» имеется в виду этнографическое, археологическое и лингвистическое изучение отдельных культур, т. е. то, чем занималась краеведческая (называвшая себя «исторической») школа в американской этнографии. Фактически никакой истории в этом изучении не было, так как оно в основном сводилось к каталогизации культурных явлений и институтов — и культура данного народа представлялась как простая сумма отдельных культурных черт, соединенных случайностями заимствований, диффузии и аккультурации. Поэтому и в программе Такса все, что действительно составляет содержание культуры, механически расчленено на отдельные элементы — техника, экономика, социальная организация, религия и пр. При таком подходе исчезает культура как органическое единство, в котором все явления находятся в причинной связи одно с другим и все они в конечном счете определяются уровнем развития производительных сил данного общества. Признание американскими этнографами равнозначности всех элементов культуры приводит их к отрицанию закономерностей в развитии культуры, а следовательно, и к отрицанию ее познаваемости. Естественно поэтому, что в общих рассуждениях о культуре последняя лишена всякого конкретного содержания и трактуется как непознаваемая нематериальная субстанция. В высказываниях Кробера, например, она предстает как нечто мистическое; Кробер предлагает изучать ее «вне времени и пространства, в пустоте»⁴.

Вопрос о прогрессивном, поступательном развитии культуры различных народов совершенно снят с повестки дня этнографической науки. Ему противопоставляются механически понимаемые, не подчиненные никакой закономерности, случайно происходящие «культурные процессы»: аккультурация, диффузия, ассимиляция. Если же иногда и говорят о развитии культуры, то оно понимается как процесс биологического роста. Например, Кробер характеризует развитие культуры как процесс размножения.

Антиисторизм, господствующий пока в американской этнографии, ясно проявляется и в следующем пункте программы, предусматривающем сравнительные социологические исследования. Эти исследования предусматриваются в двух направлениях: в духе дюркгеймовской социологии и по линии определения «социальных структур», т. е. типов или «моделей» специальных отношений. Как известно, концепция «социальных структур», изложенная в 1949 г. в известной книге Мордока⁵, считающейся классическим трудом по данному вопросу, подверглась справедливой критике со стороны видного английского этнографа Шапера, хорошо показавшего необоснованность и ненаучность выводов Мордока⁶. На съезде вопрос о «социальных структурах» вновь поднимался в докладе Леви-Штрауса, основным положением которого является утверждение, что социальная структура это отвлеченная модель социальных отношений, не соответствующая эмпирически наблюдаемой реальности. Несколько иначе подошел к этому вопросу Кробер, который, биологизировав социальные отношения, объявил их более древними, чем человеческая культура, «встречающимися почти во всем животном царстве»⁷.

Исследования сторонников этнопсихологии предусмотрены в программе Такса под заголовком «индивид-культура, этнос». Индивид в этих исследованиях изображается не как общественный человек, а как биологическая особь, психику и поведение которой определяют подсознательные животные инстинкты, особенно инстинкты пола. Биологические законы существования человеческого организма подменяют здесь законы развития общества и культуры. Культура — это психология индивидов, писала Бенедикт, а поскольку природа человека относительно стабильна, то и культуры отдельных народов стабильны в своей специфичности и могут быть изменены только путем внешнего вмешательства. Реакционность этого учения заключается не только в субъективно-идеалистической трактовке человеческого общества, история которого определяется якобы психикой людей («сознание определяет бытие»), но и в расистских концепциях, оправдывающих любые насилия в отношении тех народов, которым этнопсихологи приписывают врожденную психическую неполноценность.

Как видим, Такс, пытаясь определить предмет этнографии, стремится отдать дань всем направлениям в американской этнографии. В его программе, как в зеркале, отра-

³ Под этим в американской этнографии подразумевается якобы характерный для каждого народа особый психофизиологический тип индивидуальности, который и определяет культуру данного народа.

⁴ An Appraisal... стр. 371.

⁵ G. Murdock, Social structure, New-York, 1949.

⁶ J. Schapera, Some comments on comparative Method in Social Anthropology, «American Anthropologist», 1953, No. 3.

⁷ An Appraisal..., стр. 365.

зилось современное состояние разброда в американской этнографии, заведенной в тупик идеалистическими концепциями культуры и общества.

Определив предмет и задачи этнографии, американские этнографы пригласили представителей других стран высказаться, «какое значение для них имеет американская классификация» этой науки. Подавляющее большинство иностранных делегатов не поддержало заслушанное ими запутанное определение. Видный датский этнограф Бирке Смит, выражая мнение этого большинства, заявил, что «антропология в англо-саксонском смысле не наука, а место встречи различных наук» и что «этнология в Дании предпочитает работать больше над конкретными проблемами, чем витать в философском тумане»⁸. Американское определение предмета и задач этнографии подверглось критике и в письме Радклиф-Брауна участнику съезда Леви-Штраусу в связи с докладом последнего об изучении «социальных структур». Очевиден тот факт, что этнография в большинстве стран Европы и Азии сохранила самостоятельность и не перестала быть наукой, несмотря на все усилия американцев подчинить ее своему идейному влиянию.

Более того, некоторые этнографы показали, чем в действительности в ряде случаев заняты американские исследователи в их странах. Представитель Японии Намба отметил, что многие американские ученые изучают японские общины и культуру Японии, но их работы сделаны «главным образом в интересах специфических нужд оккупационных войск и публике недоступны»⁹.

Получив такой отпор, руководители съезда не смогли скрыть свое недовольство. Кробер, подводя итоги выступлений, заявил, что американское определение антропологии — огромное достижение науки, до которого европейцы, якобы «связанные традицией», еще не дошли.

* * *

Как известно, с легкой руки Рут Бенедикт в арсенал идейного вооружения американских этнопсихологов поступили пресловутые «модели культуры», используемые и для обоснования реакционной концепции о расовой специфичности отдельных культур. Идея Бенедикт сводилась к тому, что каждому народу, в силу его психологических особенностей, свойственна только определенная и неизменная «модель» или тип культуры. Связь этих «моделей» с учениями Шпенглера и Фрейда была в свое время прослежена и убедительно показана в нашей литературе¹⁰. «Модели культуры» — один из краеугольных камней в здании современной американской этнографии. Однако характерно, что сами американские этнографы, отдавшие дань этой «новейшей» концепции, восстали против нее, как заводейшей науку в тупик. Оказалось, что это «аморфная концепция» (Клюхон¹¹) и что «никто не знает, как с нею обращаться» (Линтон¹²).

Однако наиболее полно и последовательно антинаучный характер «моделей культуры» был вскрыт японскими учеными. Рут Бенедикт, через несколько лет после изобретения «моделей культуры» остальным народам, распространила свою теорию на классовое общество и создала «модель» японской культуры, описав ее в книге под претенциозным заглавием «Хризантема и меч»¹³. Эта книга вызвала глубокое возмущение широких кругов японской общественности. В 1949 г. в Японии был выпущен специальный номер журнала «Японская этнология» (т. 14, № 4) под названием «Вопросы, вызванные книгой „Хризантема и меч“», с пятью критическими статьями. Кроме того, ряд статей был опубликован в 1951 г. в «Ниппон Таймс», в журналах «Сисо» и «Тисей». Летом того же года в Токийском университете состоялись 12 заседаний, посвященных детальной критике выводов Бенедикт. Японские ученые, справедливо отметив порочность трактовки японского современного общества без учета его классового расслоения, показали, что Бенедикт вообще далека от понимания культуры современной Японии, что она существовала «модель японской военной фашистской клики», модель «ультранационалистической японской военщины», что в книге ее дается разбор пережитков феодализма в современной культуре Японии, но ни в коем случае не описание культуры страны. Об этой критике книги Бенедикт рассказали на съезде японские ученые Исида Намба. «Критика, — сказал Исида, — была направлена, помимо других сторон, против ее (Бенедикт) обращения с историческим материалом. Оказалось, что Бенедикт делала то, чтобы определить модель японской культуры, почти в одинаковой степени использовала материал различных периодов истории Японии, например, данные XVII в. наряду с материалами довоенного и военного периодов. Разве не формируется национальный характер исторически и не меняется на протяжении истории? В какой степени можем мы говорить о постоянном, устойчивом национальном характере или модели, которые

⁸ An Appraisal..., стр. 220.

⁹ Там же, стр. 343.

¹⁰ См. статьи С. П. Толстова, И. И. Потехина и Н. А. Бутинова в сборнике «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XII, М., 1951.

¹¹ An Appraisal..., стр. 299.

¹² Там же, стр. 317—318.

¹³ Ruth Benedict, *The Chrysanthemum and the Sword*, Boston, 1946. Эта книга в 1952 г. вышла восьмым изданием.

выдерживают великие социальные изменения?»¹⁴. Второй японский ученый, Намба, в своем выступлении присоединился к этой критике¹⁵.

Таким образом японские ученые показали, что антиисторизм, сознательное искажение действительности, подгонка исторических фактов под надуманные «модели» являются основой «исследований» в области «моделей культуры». Чрезвычайно характерен тот факт, что в обзоре японской критики книги Бенедикт, данным Беннеттом в соавторстве с Миццо Нагаи, авторы не только одобряют эту критику, но и заявляют, что она выражает мнение «большинства американских социологов и этнографов — не сторонников моделей» (*American Anthropologist*, 1953, т. 55, № 3).

В последнее время арсенал этнопсихологов, наряду с концепцией «моделей культуры», пополнился некоторыми аналогичными ей построениями. Один из представленных съезду докладов — Клюкхона был посвящен «всеобщим детерминантам культуры» — неким биопсихическим постоянствам, являющимся якобы основой культуры¹⁶. По Кроберу, они существуют до культуры, т. е. еще до того, как человек выделился из животного царства. Расистский характер этой концепции очевиден: если культуру определяют некие биопсихические категории, то в них-то и надо искать причину культурных особенностей различных народов, что неизбежно ведет к признанию «высших и низших» культур и рас.

Таково же назначение еще одной концепции, которой многие американские этнографы придают в своих построениях большое значение — концепции «ценности» (value). Определение «ценности» не менее аморфно, чем определение «моделей культуры». В определении Кробера «ценности» — это принципы организации культуры, существующие в космосе, они непознаваемы, «их нужно чувствовать безотчетно»¹⁷. Мид, Леви-Штраус, Таннер и другие подвели под это понятие психобиологическую основу, связав его с расизмом. Связь этой концепции с расизмом откровенно показал Нортроп, заявив, что «одна культура лучше другой в той же степени, в какой ее система осмысления охватывает большее количество сырого материала, соприкасающегося с окончаниями чувствительных органов человеческой нервной системы», и посоветовал предпринимателям вывозить в другие страны не только машины, но и свою «систему осмысления», иначе другие народы не сумеют воспользоваться мышинами¹⁸.

Эта точка зрения Нортропа встретила должный отпор со стороны представителей Индии. Мажумдар отметил, что «наличие в Индии рабочих из различных племен, поселяющихся на плантациях и в городах на заводах и фабриках, и степень их овладения техникой не подтверждают просвещенных выводов профессора Нортропа»¹⁹. Другой представитель Индии Шах обратился к собравшимся с призывом: «Давайте не будем рассматривать каждую цивилизацию с точки зрения особого стандарта ценностей, а будем ее изучать без предвзятого мнения о превосходстве или неполноценности кого бы то ни было»²⁰.

Очевидно, что как бы ни абстрактно формулировалась та или иная концепция, выдвигаемая отдельными представителями американской этнографии, в конечном счете она выявляется как концепция, служащая единственно для прикрытия колониалистских и расистских построений. Такую теорию моделей, детерминант, ценностей и т. д., при помощи которых идеологи реакционной этнографии США пытаются доказать неполноценность тех или иных народов и оправдать направленную против этих народов экспансию американских монополий.

Сторонники психологического направления в этнографии США уделили много внимания пропаганде «психологического» подхода к изучению общественных явлений. Специальное заседание съезда было посвящено обсуждению методики такого рода исследований: проведению различного рода психологических тестов, собиранию информации, анализу снов, клиническому психоанализу и т. п. Подчеркивалась необходимость знакомства с учением Фрейда, а Мид договорилась до необходимости психоанализа самих этнографов в поле и записи и анализа их снов.

В ряде выступлений повторялись реакционные теоретические «организующих личностей» и «гениях» (Мид), социал-дарвинистские предложения выделить из населения наиболее интеллектуальные элементы, чтобы выправить «ненормальное положение», при котором «аристократы вырождаются, а неимущие размножаются» (Линтон). Но эти высказывания встретили решительные возражения со стороны целого ряда собравшихся на съезде ученых. Биркет-Смит указал, что «этнология не должна быть ни социологией, ни психологией»²¹. Представитель Австралии Надель также выступил против «психологизма» и «психологических» приемов в этнографии, отметив, что в их несостоятельности он убедился на своем собственном опыте²². Против рассуждений социал-дарвинистов выступил Мажумдар, указавший, что с изменением социальных условий наблюдается быстрый рост талантов среди населения, что видно на примере Индии.

¹⁴ An Appraisal..., стр. 139—140.

¹⁵ Там же, стр. 343.

¹⁶ Anthropology Today, стр. 507—524.

¹⁷ An Appraisal..., стр. 373.

¹⁸ Там же, стр. 331—332.

¹⁹ Там же, стр. 345.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 68—69.

²² Там же, стр. 93.

Многие из американских этнографов также выступили против психологизма и различного рода тестов в этнографии. Не только Лесли Уайт, который еще задолго до съезда чрезвычайно метко назвал период увлечения психологией «мрачным веком американской этнографии»²³, но даже Кробер вынужден был высказаться против увлечения психологическими тестами и психоанализом. Характерно выступление Мордока, отметившего, что если в свое время он ратовал за психологический подход, то теперь, когда увлечение психологией привело к игнорированию собственно этнографических исследований, он становится сторонником «историзма» «традиционной антропологии»²⁴. Это выступление говорит о настроениях той части американских этнографов, которые, как и многие честные люди Америки, разобрались в реакционной сущности психологического направления в этнографии.

Резкой критике подверглись на съезде и методы последователей психологического направления в области изучения национального характера.

От этой группы американских этнографов выступила Маргарет Мид, объявившая изучение национального характера новой линией изучения проблемы «личности и культуры». Если Р. Бенедикт сводила разнообразие культуры народов к «моделям культуры», то Мид сводит все к таким же стабильным «национальным характерам». Рассматривая нацию как сумму индивидов, Мид считает возможным изучать национальный характер народа на группе лиц данной национальности, даже не живущих в своей стране. Так, например, она считает достаточным собрать в Нью-Йорк или Чикаго группу эмигрантов и подвергнуть их обследованию при помощи манипуляций с психологическими тестами, психоанализа и т. п. Мид подчеркивает необходимость учитывать при этом «интрапсихическое» (?) поведение индивидов и проводить «клинические исследования», так как все обследуемые личности, по ее глубокому убеждению, имеют неполноценную психику. Небезинтересно, что в дальнейшем Мид сама раскрывает политические цели своих изысканий, говоря, что они продиктованы напряженностью в международной политической обстановке. Откровенно связывая свои исследования «национальных характеров» с военными приготовлениями США, Мид отмечает, что если кто-нибудь гарантирует ей мир в течение 25 лет, то она в течение этих 25 лет не коснется национального характера, потому что считает более важным поехать на Новую Гвинею²⁵. Служебная роль исследований Мид выявляется и из дальнейшего ее сообщения о том, что наиболее интенсивная работа в этом направлении проведена по Японии, Великобритании, Германии и Советскому Союзу²⁶. Не случайно интерес к этим странам был продиктован «государственными агентствами», по «просьбе» которых «были сделаны все проведенные до сих пор исследования» национального характера²⁷. Оказывает сама Мид, наряду с Горером, является «специалистом» по национальному характеру русских людей. О научной значимости ее исследований в этой области свидетельствует хотя бы тот факт, что решающим фактором в формировании русского национального характера Мид считает «...продолжительное и очень крепкое пеленание детей, якобы сообщающее русским чувство необходимости крепкой власти»²⁸. Здесь обращает на себя внимание не только замечательная наивность данного «научного» построения, и оперирование безнадежно устаревшими фактами, приписываемыми американскими исследовательницей советской действительности. О подобных «исследованиях» А. А. Жданов еще в 1946 г. метко сказал: «За последнее время появилось также много «исследований» на тему о характере советских людей вообще, о национальном характере в частности, причем во многих статьях не жалуют усилий для того, чтобы изобразить советских людей в самом неприглядном свете. Читаешь и удивляешься, как быстро русские люди изменились. Когда лилась наша кровь на полях сражений, восхищались нашей храбростью, мужеством, высокими моральными качествами, беспредельным патриотизмом. И вот теперь, когда мы в сотрудничестве с другими народами хотим реализовать свое равное право на участие в международных делах, нас начинают поливать потоками ругани, клеветы, поносить и заушать, приговаривая в то же время, что у нас якобы несносный и подозрительный характер»²⁹.

Деятельность Мид и ее коллег в области изучения национальных характеров встретила серьезный отпор со стороны ряда делегатов съезда. Представитель Таи Сангвиц справедливо заметил Мид, что для того, чтобы изучать национальный характер, например, сиамцев, нужно поехать в Сиам и познакомиться там с жизнью простого народа. Представитель Индии Мажумдар прямо заявил, что подобного рода исследования вообще не нужны, потому что они ведут к расизму и вызывают недовольство наций; в качестве примера он привел реакцию японцев на книгу Бенедикт «Хризантема и меч»³⁰. О ненаучности этих исследований говорил англичанин Дариль Форд, указавший, что

²³ «American Anthropologist», 1946, t. 48, No. 1, стр. 87.

²⁴ An Appraisal..., стр. 354.

²⁵ Там же, стр. 136.

²⁶ Anthropology Today, стр. 661.

²⁷ An Appraisal..., 135.

²⁸ М. М. С. а. d. Anthropology Today, стр. 64.

²⁹ А. А. Жданов, 29-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1946, стр. 25—26.

³⁰ An Appraisal..., стр. 138.

³¹ Там же, стр. 139.

все прочитанное им о национальном характере, носило «характер семейных и сексуальных отношений»³². Наконец, и среди американских этнографов раздавались голоса против откровенно прислужнического характера такого рода исследований. Этнограф Мандельбаум прямо заявил, что этнографы не должны быть подручными внешних агентов³³.

* * *

Служебная роль американской этнографии не ограничивается только исследованием национального характера. Дело поставлено значительно шире: создана особая отрасль этнографии, так называемая «прикладная антропология», организующим центром которой является Общество прикладной антропологии со своим уставом и печатным органом. «Прикладная антропология» — это, в сущности, этнография на службе монополий, о чем откровенно говорилось на съезде.

«Прикладные антропологи» решили широко осветить вопросы использования этнографии в интересах эксплуатации и порабощения народов. Вниманию участников съезда был представлен ряд докладов о «прикладной антропологии» в США, Британской империи и Нидерландах. Неизвестный Чэппл (глава E. D. Chapple Company Incorporated, New York) в докладе «Прикладная антропология в промышленности» подвел итоги деятельности своих коллег в области изучения отношений людей на производстве и вопроса поднятия производительности труда рабочих. Как выяснилось, один из сих ученых мужей «доказал», что утомляемость рабочих в процессе труда — явление не физиологическое, а... «результат маниакального мышления»³⁴, поэтому стоило лишь отвлечь рабочего от этого «мышления», как он перестанет чувствовать усталость. Когда в прениях докладчику был задан вопрос, почему профсоюзы против работы, какую ведут Чэппл и его коллеги, он ответил: «профсоюзы, за двумя-тремя исключениями, — вещь новая, и борьба с администрацией их главное занятие. Они не благосклонны к антропологии...»³⁵. Это признание Чэппла еще раз говорит о том, что американские рабочие понимают реакционное, служебное назначение «антропологии» Реслис-бергера, Чэппла, Мид и др.

Работники Государственного департамента США Кеннард и Мактрегор посвятили свой доклад роли этнографов в административных и военных организациях США, специально остановившись на использовании их в военное время. Американские этнографы принимают участие в подготовке различного рода «работников для заграницы», в частности, участвуют в подготовке «специалистов» по Китаю, Японии, Юго-Восточной Азии, Индии, Пакистану, арабскому Востоку и СССР.

Истинное значение «прикладной антропологии» показал на съезде представитель Таи Сангвицзян. Она «необходима лишь тогда, — сказал он, — когда белые превращают нацию в колонию или стоят перед проблемой национального меньшинства, как в случае с американскими индейцами или в вопросе индустриализации. Ничего этого в Сиаме нет... Правда, некоторые сиамцы с европейским образованием хотят переделать культуру Таи на американский лад. Я хочу, чтобы вы указали им, что западная цивилизация может быть полезна только некоторым, но не всему народу Таи»³⁶. Сангвицзян высказал здесь протест народа Таи против попыток «американизации», т. е. колонизации Таи американскими монополиями. Другие выступления по вопросам «прикладной антропологии» также достаточно ясно выявили ее реакционную роль.

* * *

Материалы съезда еще раз показали неприглядную сущность реакционной этнопсихологии, смыкающейся с расизмом. Как мы видели, далеко не все американские этнографы стоят на позициях этого направления, но общим для большинства из них является отрицательное отношение к так называемому «эволюционизму». Вопрос этот не раз поднимался на съезде. Почему он так беспокоит американских этнографов и что скрывается за их отношением к эволюционизму, становится понятным из заявления Стюарда: «Принятие марксистами и коммунистами эволюционизма XIX века, особенно схемы Моргана как официальной догмы (Толстой, 1952)³⁷, не способствовало принятию учеными западных наций чего бы то ни было под названием «эволюция»³⁸. Именно то обстоятельство, что учение Моргана было поддержано и развито марксизмом, вызывает против него бурную реакцию эпигонов американской реакционной науки.

³² An Appraisal, стр. 137.

³³ Там же, стр. 135.

³⁴ Anthropology Today, стр. 820.

³⁵ An Appraisal..., стр. 185.

³⁶ Там же..., стр. 183.

³⁷ P. Tolstoy, Morgan and Soviet Anthropological Thought, «American Anthropologist», 1952, v. 34, LIX, № 1.

³⁸ Anthropology Today, стр. 315.

Под видом критики эволюционизма ведется борьба с историческим материализмом с идеей единства исторического процесса. Этой идее американские теоретики противопоставили идею «плюрализма развития отдельных культур», вылившуюся в трудах Бенедикт, Мид и других в реакционное учение в «культурных моделях», «конфигурациях культур», «национальных характерах» и т. п.

Апологетом теории «плюрализма» выступил на съезде Стюард. Его выводы сводятся к тому, что идея единства исторического процесса уже отвергнута и единственно плодотворной является идея многолинейного развития. Что касается понятия «эволюции», то Стюард считает его приемлемым, если отбросить идею единства исторического процесса и всеобщности законов развития человеческого общества. Вот такая выхолощенная «эволюция» («эволюция поштучно», как правильно заметил Стюарду Лесли Уайт³⁹), устроила бы многих американских этнографов. Стюард поднял также вопрос о пересмотре существующих классификаций культур, безусловно отвергнув моргановскую периодизацию, а также периодизации, принятые прогрессивными учеными Лесли Уайтом и Гордоном Чайлдом, «как слишком общие». Его не удовлетворяют и существующие в настоящее время в США попытки классификации культур: по «культурным моделям» (Бенедикт), по «национальным характерам» (Мид и Горера), по «темам» (Оплера). Отмечая, что все они имеют в своей основе старое понятие «культурного ареала», служившее только целям подчеркивания культурных контрастов, он сам предлагает не менее искусственную классификацию по «культурным» или «социокультурным» типам, которая, по его мнению, выходит за пределы «культурного ареала». «Культурный тип» Стюарда характеризуется не всей совокупностью культурных элементов, а только несколькими «избранными» чертами, произвольно выделяемыми исследователем. В результате, как отмечает сам Стюард, «любому аспекту культуры может быть придано первостепенное классифицирующее значение»⁴⁰, в зависимости от интересов исследователя. Таким образом, «культурный тип» определяется субъективными взглядами исследователя, и тем самым исключается научная объективность этой классификации.

С критикой современных школ и течений в этнографии выступил также Дункан Стронг в докладе «Исторический подход в антропологии». Он критикует не только эволюционизм (Моргана, Лесли Уайта, Гордона Чайлда), но и диффузионизм, культурно-историческую школу и современные исследования в американской этнографии. Он ратует за исторический подход к этнографическому материалу, отмечая, что его не было в работах так называемой американской исторической школы.

Доклады Стюарда и Стронга показывают, в какой безвыходный тупик зашли наиболее влиятельные направления американской этнографии. Их не удовлетворяют больше старые теории. Концепция «культурных ареалов», противопоставленная в свое время стихийно-материалистическому учению Моргана, бессильна ответить на те вопросы, которые ставит перед учеными накопленный материал, но в то же время они не могут принять единственное учение, дающее возможность ответить на эти вопросы, — исторический материализм. Лишь немногие американские этнографы начинают понимать, что только по этому единственному пути может идти этнография, если она хочет развиваться как наука.

Характерен в этом отношении доклад Биднея. Критикуя современные направления в буржуазной этнографии, вскрывая их «историко-культурный идеализм», он высказывает симпатию не только к эволюционизму, но и к марксизму. Он призывает этнографов переходить к сравнительному изучению культур «с целью показа всеобщих принципов культурной динамики», отражая тем самым известный поворот части американских этнографов в сторону признания сравнительного метода исследования и необходимости установления закономерностей культурного развития⁴¹. Критикуя «культурных релятивистов», Бидней противопоставляет их концепции учение Маркса о классовой борьбе и ставит в вину американским этнографам, что они пренебрегли этим учением⁴².

Выступление Биднея не представляет собой исключительного явления в современной американской этнографии. И другие буржуазные ученые в той или иной форме, по тем или иным вопросам все чаще обращаются к марксизму. На том же съезде американский искусствовед Шапиро в своем докладе «Стиль» сослался на марксистское объяснение искусства⁴³, а француз Леви-Штраус солидаризировался с ним в том, что марксизм ближе всего подошел к правильному пониманию связи между стилем и жизнью общества⁴⁴.

³⁹ An Appraisal..., стр. 71.

⁴⁰ Anthropology Today, стр. 321.

⁴¹ Назовем также Эггана, который в статье «Social Anthropology and the Method of controlled Comparison» («American Anthropologist», 1954, т. 56, № 5, часть 1) видит выход из тупика в возврате к сравнительному методу Моргана и показывает широкие перспективы сравнительного изучения культуры американских индейцев; Аккернехта, который в статье «Сравнительный метод в антропологии» (опубликованной в сборнике «Method and Perspective in Anthropology», Minneapolis, 1953, под редакцией Спенсера) ратует за признание сравнительного метода, считая применение его ренессансом в науке.

⁴² Anthropology Today, стр. 688—689.

⁴³ Там же, стр. 311. An Appraisal..., стр. 65—66.

⁴⁴ An Appraisal... стр. 366.

* * *

Таковы, в основном, вопросы, обсуждавшиеся на этом итоговом съезде. Итоговым его можно считать лишь в том смысле, что он наглядно показывает тот тупик, в который зашла современная буржуазная этнография в США. Это признают, как мы видели выше, сами американские этнографы. Кробер в своем заключительном слове, говоря о современном состоянии этнографии, прямо заявил, что ему «не жаль бросить это дитя на съедение волкам»⁴⁵.

Съезд показал, что идеологам реакционного крыла в американской этнографии так и не удалось подчинить своему влиянию буржуазную этнографию Старого Света. Выступления ученых Европы и Азии показали, что они не принимают теоретические построения этнопсихологов, что они видят их расистскую сущность. Разоблачая и отвергая их, они выразили волю своих народов, борющихся за независимость своих стран.

Съезд показал, что реакционное этнопсихологическое направление не стало господствующим даже в американской буржуазной этнографии. Реакционная сущность этого направления отступила от него многих из прежних сторонников психологизма в этнографии. В рядах американских этнографов растет стремление найти новые пути этнографического исследования, которые вывели бы науку из состояния тупика. Вне всякой программы съезда, столь тщательно разработанной его руководителями, на нем были услышаны голоса ученых, решившихся принять отдельные положения марксизма и осмелившихся заявить об этом даже в условиях преследования за «неамериканский» образ мыслей.

Тенденции, наметившиеся на съезде, продолжают развиваться в литературе, вышедшей в самые последние годы. Все больше раздается высказываний за возврат к сравнительному методу исследования; еще в 1953 г. Фонд Веннер-Грен провел по этому вопросу специальное совещание. Американские этнографы все чаще говорят о наличии в их среде противников «моделей культуры», «национальных характеров» и им подобных реакционных концепций.

Ю. Аверкиева

НАРОДЫ СССР

Былины. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б. И. Богомолова. «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1954.

Серийное издание «Библиотека поэта» (Большая и Малая серии), имеющее своей целью популяризацию русской поэзии, в течение ряда лет печатает наряду с произведениями русских поэтов и сборники народнопоэтического творчества — былины, песни, частушек и пр.

Рецензируемый сборник является несколько переработанным повторным изданием в той же серии («Былины», 1950). Сборник содержит 27 текстов, взятых из печатных источников. Соответственно значению образов богатырей в национальном эпосе большее число текстов, дающих «поэтическую биографию» (стр. 13), отведено Илье Муромцу, затем — Добрыне Никитичу. Помещены также былины об Алеше Поповиче, Василии Игнатьевиче, Сахматии, Вольге, Микуле Селяниновиче, Чуриле, Ставре, новгородские былины о Василии Буслаевиче и Садко и о других героях эпоса. Сборник снабжен примечаниями, характеризующими сюжеты и некоторых, более выдающихся, сказителей, а также словарем и краткой библиографией «главнейших сборников былин».

Сборнику предпослана содержательная статья, освещающая ряд важных вопросов русского национального эпоса: происхождение былин, их значение в жизни древней Руси, их развитие и идейное содержание — патриотизм, демократизм, отсутствие завоевательных идей, утверждение труда как богатырского подвига. Рассмотрены также особенности поэтических средств былинного жанра, стихосложение и напевы.

Кроме классических изданий былин XIX — начала XX в., в рецензируемом сборнике использованы издания советского времени: «Былины Севера» в записи А. М. Астаховой, т. 1, 1938; «Былины Пудожского края», подготовленные к печати Г. Н. Париловой и А. Д. Соймоновым, 1941; «Онежские былины», собранные экспедициями под руководством Б. и Ю. Соколовых и опубликованные в серийном издании — «Летописи Государственного литературного музея», кн. 13, 1948. Тексты в основном взяты в передаче лучших сказителей — Т. Г. Рябинина, А. П. Сорокина, Л. Г. Тупицына, А. М. Крюковой, Г. А. Якушова и других. От сказительницы М. С. Крюковой имеется одна запись 1899 г.; записи более поздних лет, характеризующие ее зрелое творчество, не использованы.

В небольшом популярном сборнике очень ответственный выбор текстов, по которым широкий читатель будет знакомиться с русским эпосом в целом; поэтому встает задача отбирать не только наиболее художественные, но и наиболее типичные варианты. В этом отношении некоторые тексты сборника не вполне удовлетворительны. Не типичен

⁴⁵ An Appraisal..., стр. 366.

текст об «Исцелении Ильи Муромца», где Илью, в отличие от большинства других текстов, предостерегают от единоборства не только с Микулой («его любит мать-сыра земля»), но и с Самсоном и даже с Вольгой, который может взять «хитростью-мудростью», — это снижает образ непобедимого старшего богатыря. Напомним, что П. Н. Рыбников характеризовал Леонтия Богданова, чей вариант приведен в сборнике, не как первоклассного мастера устного слова. В «Состязании Добрыни Никитича с князем Владимиром» место Добрыни обычно занимает Иван Гостинич сын. В текст былины «Добрыня и Змей», записанный от одаренного сказителя Г. А. Якушова одновременно тремя лицами, как это практиковалось в экспедициях братьев Соколовых, вкрались некоторые несообразности, которые желательно было бы оговорить (стр. 119, 120, 124; например, «Как змея змею о сыру землю» — вместо бросил?). Спорно помещение сюжета о «Трех поездках Ильи Муромца», в котором мотив приключений богатыря в замке волшебницы сблизжает текст с лубочной сказочной литературой. Его можно было бы заменить, например, сюжетом о Потыке.

Следует отметить, что по сравнению с предыдущим изданием подбор текстов улучшился. Изъято несколько нехарактерных для традиционного эпоса текстов: «Наездников», «Бутман Колыбанович и царь Петр Алексеевич», «Птицы», «Ждан-царевич» (последний — единичное переложение в былинный размер сказочного сюжета). Некоторые варианты заменены более ценными в передаче Т. Г. Рябинина и Г. А. Якушова («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Святогор и Илья Муромец»).

Обращает внимание сильная модернизация текстов из сборника «Былины Пудожского края». Текст Н. В. Кигачева о Добрыне Никитиче и Дунае отличается прозаизмами, обилием придаточных предложений, не свойственных синтаксису былины. В тексте фигурируют «король черниговский», а вместо чудесных младенцев, готовых родиться, в золоте, серебре и звездах — «дитя-зародыш, необыкновенный сын» (стр. 148). Тексты А. М. Пащковой сбивчивы и испытали сильное воздействие литературных источников. Так, конец ее былины о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром (стр. 94) заимствован из баллады А. К. Толстого «Илья Муромец»:

Говорит тут старый казак да Илья Муромец:
«Двор мне княжеческий не нужен,
Не пиров держусь,
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус...»

В былине о Ставре упомянуты «дружины» «гусельщиков», «шахматчиков» и «стрельцов»; на правой руке жены Ставра, едущей по полю, сидит сокол, а на левой — голубь. Чувствуется, что сказительница не представляет себе, ни что такое дружина, ни что такое соколиная охота, а от эпической традиции произвольно отошла. Поэтому кажется спорным, что для сказительницы «характерно весьма активное, творческое отношение к былинным текстам» (стр. 311).

Кстати, если бы характеристики сказителей были даны не разбросанно в примечаниях, а компактно в статье, это позволило бы автору сделать некоторые общие выводы о сказительском мастерстве и показать, хотя бы бегло, галерею образов сказителей. Следует учитывать, кроме того, что примечания обычно читаются не подряд, и поэтому некоторые сведения о сказителях неизбежно будут читателем пропущены. То же относится и к данным о сюжетах былин в примечаниях.

Ценным, в особенности для данного серийного издания, является упоминание об использовании ряда былинных образов и типов сказителей писателями и композиторами (напр., образ Микулы в очерках Г. Успенского «Власть земли», описание выступления Ирины Федосовой в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина»). Можно было бы указать также и на использование А. К. Толстым образов богатырей в своих балладах (на основе былин о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром и об Алеше Поповиче и Тугарине, имеющих в сборнике; баллада «Змей Тугарин» близка как раз к данному варианту — Кириш Данилова: в эпизоде о «бумажных крыльях» змея, от угрозе Алешки Поповича перебрисать его через крышу дано почти дословное переложение А. К. Толстым этого варианта былины. Кроме оперы «Садко» Н. А. Римского-Корсакова, можно было также напомнить о картине И. Е. Репина, изображающей Садко в подводном царстве, причем мотив солнца, просвечивающего сквозь воду, возможно был подсказан художнику именно текстом А. П. Сорокина, помещенным в рецензируемом издании: «А увидел — сквозь воду печет красно солнышко» (стр. 280).

В отношении исторической специфики былинной обстановки представляется неточным утверждение, что «описание природы, бытовой обстановки, различных богатырских предметов обычно очень кратки» (стр. 31), — в том смысле, что этому в былинах уделено мало внимания. Краткость не исключает полноты, необходимой для красочности повествования, а бытовой фон былин очень ярок; кроме того, ряд описаний, ставших «общими местами» эпоса, дается развернуто: седланье коня, сборы богатыря в путь, пиры, состязания в стрельбе, убранство корабля и жилища, перечень оружия в «горнице оружейной» и т. д. В приложенном к сборнику словаре, содержащем около ста слов, отсутствует ряд старинных терминов, относящихся к материальной культуре

древней Руси, например, тканей «скурлат», «камка» с производными от них словами, что дало бы представление о древнерусской одежде. Не имея пояснений к словам «гудок» и «погудальце», читатель будет представлять себе скоморохов и Вавилу в былине М. Д. Кривополеновой с духовым инструментом — гудком (дудкой), тогда как в тексте речь идет о смычковом инструменте вроде скрипки, очевидно, того типа, который изображен на фресках Софийского собора в Киеве. Не зная, что «погудальце» — смычок, непонятным останется, почему скоморохи превратили в него именно «поногальце» — кнут, близкий к нему по форме (наряду с другими «чудесами», в чем, возможно, отразилось воспоминание о показывании фокусов, что могло входить в программу представлений скоморохов древней Руси). Современное значение слова «ярлык» — наклейка с надписью: поэтому у читателя может получиться неправильное понятие о былинном «ярлыке» — официальном послании, содержащем распоряжение, требование и т. п., синонимом которого в былинах является «грамота скорописчатая». Об определении слов «гридница» и «палица», недостаточно отражающем историческое своеобразие этих терминов, мне приходилось уже писать по поводу других сборников эпоса¹. В словаре тур неверно отождествлен с зубром: «Тур — дикий бык (зубр)» (стр. 323). Это смещение известно уже в литературе XVII в., когда туры почти вымерли.

В перечне «Главнейших сборников былин», в отличие от предыдущего издания, добавлены сборники из двух важных локальных очагов эпоса — Дона (А. М. Листопадов, «Донские былины», Ростов-на-Дону, 1945) и Сибири («Былины и исторические песни из южной Сибири», под редакцией М. К. Азадов-кого, Новосибирск, 1939; непонятно, однако, почему составитель не упомянул более позднего издания, в которое были внесены исправления по подлинным полевым записям из собрания С. И. Гуляева «Былины и песни южной Сибири», под редакцией В. И. Чичерова, Новосибирск, 1952).

Вообще было бы желательно выработать единообразие в составлении примечаний, словарей и указателей в сборниках фольклора. Обсуждение принципов издания научных и научно-популярных сборников значительно облегчило бы работу в этой области.

Отдельные указанные недочеты не снижают значения издания таких, составленных со знанием дела, сборников по русскому народному творчеству. Хотелось бы видеть в серийном издании «Библиотека поэта» сборники и других жанров фольклора, не нашедших еще себе здесь места.

Р. Лунец

Українські народні думи та історичні пісні, Видавництво Академії наук Української РСР, Київ, 1955.

Вопросам собирания, изучения и публикации народнопоэтического творчества на Украине уделяется большое внимание. Достаточно сказать, что за послевоенные годы одним только Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР было подготовлено к печати и издано 5 сборников: «Українська народна поезія про Велику Вітчизняну війну» (1953 г.), «Радянські народні частушки і коломийки» (1953 г.), «Українські народні прислів'я та приказки» (1955 г.), «Українські народні думи та історичні пісні» (1955 г.), «Народні співці Радянської України» (1955 г.). Из числа названных публикаций наибольшего внимания заслуживает сборник «Українські народні думи та історичні пісні» (составители П. Д. Павлій, М. С. Родина, М. П. Стельмах, вступительная статья и примечания П. Д. Павлія, под ред. М. Т. Рильского и К. Г. Гуслистого).

В большой статье (объемом более 3 п. л.) «Героїчна поезія українського народу» П. Д. Павлій обстоятельно охарактеризовал историю собирания и изучения украинских дум и исторических песен. Давая критико-библиографическую оценку дореволюционных изданий, посвященных украинской народной поэзии, П. Д. Павлій отметил их достоинства и недостатки. Последние обуславливались конкретно-историческими условиями и пагубным влиянием буржуазно-националистической идеологии некоторых дореволюционных исследователей и собирателей украинской народной поэзии. Что касается изданий по народному творчеству, осуществленных в послереволюционный период, то они, к сожалению, в статье охарактеризованы не полно. Автор ограничивается лишь беглым перечислением исследований и сборников украинской народной поэзии, не вникая в их сущность и не подвергая критике и анализу. Это, конечно, умаляет значение историографической части статьи.

П. Д. Павлій отметил большое значение для собирания и издания украинской народной поэзии деятелей русской науки и культуры (позов-декабристов, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Гоголя, Короленко, Жемчужникова и др.), украинских поэтов, писателей и композиторов (Шевченко, Франко, Леси Украинки, Манжуры, Лысенко и др.).

Последующая часть работы П. Д. Павлія посвящена раскрытию идейно-тематических и художественных особенностей дум и исторических песен. Он говорит о демократической направленности этих произведений, об их связи с поэтическим творчеством русского народа, об идеях свободолюбия, патриотизма и дружбы народов, во-

¹ См. «Советская этнография», 1952, № 2 и 1954, № 4.

площенных в украинской народной эпической поэзии, отмечает художественное своеобразие народных дум и исторических песен.

Сборник состоит из двух частей: «Дооктябрьские думы и исторические песни» и «Советские думы и исторические песни». Каждая часть, в свою очередь, разбита на историко-тематические разделы. Подобное распределение материала дает возможность проследить, как украинский народ откликнулся в своей поэзии на то или иное историческое событие, как крепили узы дружбы с великим русским народом, как росло классовое сознание трудящихся. Украинские крестьяне и рабочие вели непримиримую борьбу с иноземными захватчиками и внутренними врагами — помещиками и капиталистами. Борьба закончилась победой трудящихся и установлением на Украине советской власти, которую народ прославил в своих думах и песнях. Материал подобран и распределен по разделам в основном удачно. Правда, историко-тематический принцип не всегда выдержан. Так, песня «Ой, прослалась доріженька» (стр. 541), воспевающая воссоединение всех украинских земель в единой Украинской социалистической державе, должна была бы быть помещена в разделе «Освобождение западно-украинских земель и воссоединение их с Советской Украиной».

В сборнике встречаются отдельные случаи публикации не лучших из известных вариантов произведений. Так, на стр. 16 помещена песня «В Цариграді на риночку» (Пісня про Байду), в которой поется о глубоком патриотизме и мужестве героя песни, проявленных в борьбе с турецким султаном. В приведенном в сборнике варианте Байда, подвешенный по приказу турецкого царя за ребро крюком за то, что он отказался принять «прокляту віру», жениться на его дочери и идти царствовать, — просит лук у своего джуры (слуги), из которого стреляет в царя, царицу и царевну. Кончается песня обращением Байды к царю, в котором он говорит, как его надо было покарать. Сам по себе этот вариант неплохой. Однако широко известен (в частности, в Кировоградской области) вариант, по которому Байда обманывает турецкого царя, прося у него разрешения взять лук якобы для того, чтобы убить ему на ужин голубя. Получив разрешение, Байда стреляет в царя, царицу и царскую дочь. Кончается песня жизнеутверждающим мотивом. С большим подъемом Байда говорит, обращаясь к султану:

Тобі, царю, в сирій землі гнити,
а мені, Байді, Байді молодому,
мед-горілку пити.

Думается, что лучше было бы поместить в сборнике данный вариант песни.

Большое значение для науки о народнопоэтическом творчестве имеет проблема индивидуального и коллективного творчества народа. Особенно важно выявление значения поэтически одаренной личности в процессе коллективного творчества. Однако это отнюдь не значит, что под рубрикой народного творчества должны печататься произведения самостоятельных авторов лишь на том только основании, что их имена мало известны или совсем не известны широкому читателю, а форма их произведений будто бы продолжает традиции народной поэзии. Такой подход к отбору материала для публикации чисто формален. Разве не по формальным соображениям в собрании народной поэзии помещены произведения Ефросиньи Карпенко, выпустившей сборник «Розцвітає Україна», Прасковьи Амбросий, дважды опубликовавшей свой сборник «Буковинські співанки», и не включены, скажем, произведения М. Стельмаха, Платона Воронько и других советских поэтов, продолжающих традицию народной песенной поэзии? А ведь многие песни советских украинских писателей получили широкое распространение в народе, чего нельзя сказать о произведениях названных поэтов, так как часть из них вообще не является песнями (например, стихотворения «Розцвітає Україна» Ефросиньи Карпенко, «Розцвітає Буковина» Прасковьи Амбросий и др.) и перепечатана в сборник «Українські народні думи та історичні пісні» непосредственно из авторских сборников.

Подобное положение до недавнего времени имело место при публикации и изучении и народнопоэтического творчества русского народа, когда в разряд народных включались, например, в большинстве случаев слабые частушки Анисимовой, кандидата в члены ССП, автора ряда сборников, и других подобных поэтов и поэтесс и не включались песни М. Исаковского, получившие всенародное признание и распространение. Подобная практика справедливо вызвала критические замечания на страницах печати.

Сказанное отнюдь не означает, что произведения самостоятельных авторов и колхозных поэтов не нужно собирать и публиковать. Мы, например, всячески приветствуем выход в свет сборника «Народні співі Радянської України» (под редакцией М. Ф. Рыльского и В. С. Бобковой, Киев, 1955), куда включены лучшие произведения тридцати самостоятельных поэтов и кобзарей Советской Украины. Однако под рубрикой коллективного народного творчества поэтические произведения персональных авторов издавать не следует.

Значительное место в сборнике «Українські народні думи та історичні пісні» занимают думы с советской тематикой. Вопрос о новых думах представляется сложным и требующим детального рассмотрения.

Традиционные русские былины и украинские думы поражают величием воплощенных в них идей, разнообразием тематики, совершенством художественной формы.

Они доставляют эстетическое наслаждение благодаря единству формы и содержания, без которого искусство перестает быть искусством. Достаточно же в поэтической форму, закономерную для XVI—XVII вв., вложить новое, советское содержание, как их несоответствие неизбежно обнаружится и такие «произведения» перестанут оказывать эстетическое и идейное воздействие. Народ их не слушает и не читает. Хорошо известно, что «новины» М. Крюковой, советские былины Рябинина-Андреева и др. никто не читал, кроме фольклористов и студентов филологических факультетов, обязанных к тому учебной программой. В печати уже было отмечено, что ложное направление в творчестве некоторых талантливых людей в значительной степени было вызвано тем, что их сбивали на неверный путь стилизаторства отдельные фольклористы (особенно в годы Великой Отечественной войны и после нее).

Если для русской народной поэзии вопрос о новом былинном творчестве решен отрицательно, благодаря чему должно прекратиться искусственное насаждение отживших поэтических форм народной поэзии, то, судя по вышедшим за последнее время на Украине сборникам, для украинского народнопоэтического творчества он еще не решен, хотя и ставился в печати. В своей статье «Процесс переосмысления эпической традиции в думах о Великой Отечественной войне», опубликованной в 1947 г., А. М. Кинько писал: «В подавляющее большинство дум о Великой Отечественной войне, в отличие от лирических песен, очень мало внесено изменений в запас традиционных представлений, в них слабо раскрыто передовое мировоззрение советского народа. С другой стороны, проявилась тенденция (а не потребность) к возобновлению старых форм даже в ущерб новому содержанию... реставрация несоответствующих элементов старых традиционных форм вопреки новому содержанию, новым условиям бытования»¹.

Однако много дум с советской тематикой, несмотря на их слабость, нашло место и в сборниках «Українська народна поезія про Велику Вітчизняну війну» и «Українські народні думи та історичні пісні». В статьях, предпосланных сборникам, говорится о живучести этого жанра народной поэзии, о том, что он только несколько изменяется, утрачивая отдельные черты традиционных дум. «Дума про Олега Кошового», — читаем во вступительной статье к первому сборнику, — сложенная кобзарем Перепелюком, — имеет в себе много элементов старых дум; использованы они с тактом и вкусом, а поэтому данное произведение является интересным и хорошим образцом современной думы, следовательно и одним из свидетельств, что дума как жанр не умерла. (стр. 11—12).

Конечно, новые думы нельзя сравнить ни с новыми былинами, ни с «новинами», ни со сказами, которые создавались искусственно по указке отдельных фольклористов, — для этих дум, как правило, чужды нарочитая архаизация языка, стиля, употребление отживших компонентов поэтики традиционных дум. Советские думы, как правило, написаны тем языком, на котором в настоящее время говорит и творит свое богатое поэтическое искусство украинский народ, в них вводятся элементы песенной поэтики, богатой и красочной. И тем не менее большинство новых дум является продуктом не оригинального творчества, а стилизации. Особенно отчетливо стилизация видна в «Думі про Олега Кошового», которая, на наш взгляд, является худшей из дум в сборнике «Українські народні думи та історичні пісні».

Произведения искусства воздействуют на людей силой поэтических образов и художественно обобщенных явлений действительности. Фактографизм и описательство чужды подлинным произведениям искусства. Произведение искусства не фиксирует с научной точностью все известные в истории факты, а отбирает отдельные, наиболее типичные, помогающие с убедительной силой раскрыть явление или характер героя. Большую роль в создании художественных образов играет творческий вымысел автора. Однако в названной думе, как и в некоторых других, отсутствует художественное обобщение действительности, нет поэтических образов. В ней художественность изображения подменена голым перечнем совершенных героями подвигов (обязательно всех). При этом до некоторой степени искажается облик молодых советских патриотов, тесно связанных с коллективом и вместе с ним ведущих борьбу с врагом. В «Думі про Олега Кошового» герой выступает эдаким «лыцарем»² XVI в., кидающим «клич на всю Донеччину», на который отозвалось, по думе, всего четыре человека. В дальнейшем оказывается, что все известные подвиги совершил один Кошевой, героический коллектив молодогвардейцев в думе не показан. Сильный и коварный враг изображен в думе неверно: фашистские захватчики убегают от одних слов Кошевого, заявившего, что кто посмеет его убить, неминуемо погибнет сам:

Тоді ж то ті кати фашизнянські,
Людоїди поганські,
Як тее зачували,
То в собі великий страх мали,
Світ за очі тікали,
Хлопця молодого

¹ «Мистецтво, фольклор, етнографія», Київ, 1947, стр. 129.

² В традиционных думах так называются казаки.

Олега Кошового,
Напривольяще покидали. Гей, гей, гей!

В «Думу про Олега Кошового» механически переносятся не только элементы поэтики дум и стилистические обороты, но и целые отрывки дум и песен:

Тоді ж то хлопець молодий
Олег Кошовий
Як тее зачував,
То в собі добрую думку мав,
Своїх соколят собирав...

Или

Гей, Кошовий, гей, Кошовий,
Геройський ти козаچه,
За тобою, Олегію,
Вся Україна тужить та плаче. Гей, гей, гей!

Данное четверостишие механически перенесено из песни «Ой, ти, Морозенку», которая начинается словами:

Ой, ти, Морозенку,
Ой, ти преславный козаچه,
За тобою, Морозенку,
Вся Україна плаче (стр. 134).

О каком творческом использовании и развитии поэтики дум можно здесь говорить? Ясно: то, что у писателя осуждается как плагиат, у писателя, играющего на кобзе (а В. Перепелюк является именно писателем), поднимается на щит.

Сказанное отнюдь не значит, что в украинской критике не было указано на слабость «Думи про Олега Кошового» (см. цитированную статью А. М. Кинько). Однако резкая критика данной думы, подкрепленная анализом, не помешала затем трижды опубликовать ее среди лучших произведений украинской народной поэзии. Между тем сам автор думы В. Перепелюк не считает ее своей удачей. В личной беседе недостатки думы он объяснил спешностью работы, а механическое использование формы традиционных дум — тем, что так нравится фольклористам.

Подобные «произведения», лишенные признаков художественности, не могут оказывать того идейного и эстетического воздействия на слушателей или читателей, которое призваны оказывать произведения искусства. И сами кобзари чувствуют, что новые думы хуже воспринимаются слушателями, чем старые (об этом говорил нам В. Перепелюк). Впрочем, не нужно делать вывод, что кобзарям вообще не следует прибегать к поэтике традиционных дум. Думается, что ее использование может быть плодотворным при изображении давно прошедших событий, когда эпическая замедленность, поэтический язык и стиль способствуют передаче колорита изображаемых событий и эпохи (например, дума о 300-летиі воссоединения Украины с Россией).

Только высококачественные, наиболее совершенные в художественном отношении, богатые по языку произведения должны находить место на страницах научно-популярных и популярных сборников, так как они, охватывая наиболее широкие круги читателей, оказывают идейно-политическое и эстетическое воздействие на советских людей, способствуют развитию образности народного языка и служат образцом при создании новых произведений народной поэзии. Необходимо очень строго подходить к отбору новых дум для печати, пропагандируя только высокопоэтические произведения, развивающие народное искусство, а не стилизации под старинные думы, поэтика и образная система которых были созданы несколько столетий назад и обусловлены как характером изображаемых событий, так и уровнем развития культуры народа и его эстетическими вкусами в ту эпоху.

Представляет интерес также понимание составителями сборника жанра исторической песни.

В фольклористике утвердилось определение исторических песен как особого жанра народнопоэтического творчества, в значительной степени выросшего на основе эпической традиции и имеющего свои художественные особенности. И хотя указывалось на то, что историческая песня не являлась неизменной, что в годы советской власти она приобрела новые черты (см., например, «Русский фольклор» Ю. М. Соколова), однако рассмотрение произведений данного жанра народной поэзии, как правило, заканчивалось материалами, в которых наиболее отчетливо проявлялись жанровые признаки исторических песен.

Составители сборника не ограничили себя песнями, возникшими на основе поэтической традиции эпического народного творчества, поместив в сборнике песни различных жанров, отразившие конкретно-исторические события или характеризующие переживания народа в определенный исторический период. Это стремление составителей раздвинуть рамки исторических песен похвально, но теоретически не обосновано. Материал сборника показывает, что в этом вопросе еще много нерешенного в отношении определения жанра исторических песен в прошлом и настоящем.

Нечеткость определения жанра исторических песен, характерная для вступительной статьи, сказалась и на отборе материала. Так, в сборнике «Українські народні думи та історичні пісні» в состав исторических песен включены рекрутские песни, «Дубинушка», революционные песни («Смело, товарищи, в ногу» и др.), многие песни периода Великой Отечественной войны. Все ли из перечисленных песен являются историческими? Что вообще понимают составители под жанром исторических песен? И по каким поэтическим и тематическим признакам указанные песни отнесены к историческим?

Возможно, что составители, расширяя понятие исторических песен, в каком-то отношении правы. Может быть, действительно следует задуматься над расширением состава этого жанра и периодизацией исторических песен по различным историческим периодам, включая и современность? Но все это необходимо глубоко продумать и теоретически обосновать, внести дополнения в определение жанра исторических песен и т. п. В данном же случае без всяких убедительных оснований к историческим песням причислены такие, отнесение которых к историческому жанру является спорным.

Сборник сопровождается обширными примечаниями (57 страниц убогистого текста), составленными П. Д. Павлием. В них даются краткие характеристики исторических лиц, упоминаемых в думах и исторических песнях, объяснения многих малоизвестных событий и терминов. Однако и они не лишены некоторых недостатков. Иногда объясняются общеизвестные или понятные из текста положения (вроде того, что в песне нашло отражение недовольство крестьян помещиками) и не объясняются неизвестные (например, некоторые из многочисленных податей и налогов, которые платили крестьяне западноукраинских земель в панской Польше). Нуждаются в объяснении и некоторые грамматические формы и стилистические обороты речи. Неполны и не всегда убедительны объяснения названий городов, встречаемых в думах. Так, о городе Козлове (дума «Самійло Кішка») в примечаниях говорится, что это — древнее название города Евпатории, в котором в XVI—XVII вв. был большой невольничий рынок (стр. 576). Вместе с тем известно (см. БСЭ и «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона), что в указанный период на месте Евпатории был город Гёзлев, переименованный в Евпаторию в 1783 г. Название же «Козлов» является народной украинской огласовкой «Гёзлев». В песне «Жив дома — добра не знав» встречается название «Ковбань»:

Жив дома — добра не знав,
Пішов за Ковбаню,
З-за Ковбані до Ростова.

П. Д. Павлий говорит по этому поводу: «Ковбань — наверно, Нахичевань, старое название города Ростова-на-Дону; сейчас Нахичевань — один из районов этого города» (стр. 601). Объяснение это не убедительно, так как наряду с Ковбанью в песне назван и Ростов. Возможно, что Ковбань — Кубань, откуда герой песни пришел в Ростов, или название какого-либо другого места на пути к Ростову, но не сам Ростов.

В некоторых случаях вызывает сомнение датировка произведений. Так, возникновение песни «Є хороші пісні у мойй стороні» П. Д. Павлий относит к периоду подготовки Великой Октябрьской социалистической революции на том основании, что в ней имеется строка «Ленін дав заповіт перестроїти світ», которую составитель связывает с Апрельскими тезисами В. И. Ленина. Однако ленинское учение о перестройке старого мира проникло в народ задолго до апреля 1917 г. и могло войти в песню значительно раньше.

Встречаются в примечаниях и неточности, объясняемые недостаточно внимательной подготовкой рукописи к печати. Так, песня «Є хороші пісні у мойй стороні» в одних и тех же примечаниях называется то народной переделкой известной русской песни «Дубинушка», каковой она и является, то самостоятельным революционным произведением. На стр. 628 говорится о Стокгольмском воззвании Всемирного Совета Мира, хотя в действительности Стокгольмское воззвание было воззванием Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира. На стр. 596 в примечаниях к песне «Ой, виїхав із Гуманя козаченько Швачка» дается справка о Бондаренко, которая должна бы находиться в примечаниях к следующей песне, в которой его имя упоминается.

Книга «Українські народні думи та історичні пісні», являясь результатом большого труда коллектива сотрудников Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, представляет значительный интерес. Тем более необходимо при переиздании сборника подумать об устранении имеющихся в ней недостатков.

Б. П. Кирдан

Кавказский этнографический сборник, I, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XXVI, М., 1955.

Этнография народов Кавказа с давних времен была предметом внимательного изучения со стороны многочисленных русских исследователей. Большая работа в области кавказоведения проделана советскими этнографами старшего и младшего поколений. Однако, несмотря на обилие литературы, в кавказской этнографии есть еще

немало «белых пятен», немало серьезных пробелов, устранение которых является важной задачей советской этнографической науки. Необходимо, в частности, критический пересмотр всего литературного наследия прошлого по вопросам кавказской этнографии. Нужны обобщающие историко-этнографические очерки об отдельных народах Кавказа, отражающие современный уровень развития этнографической науки в нашей стране. Необходимо систематическая публикация архивных материалов, результатов экспедиционных работ и монографических исследований по актуальным вопросам кавказской этнографии. Вот почему нельзя не приветствовать инициативу Института этнографии АН СССР, приступившего к изданию серии «Кавказских этнографических сборников», первый том которой недавно вышел в свет.

Важное место в рецензируемом «Сборнике» как по объему, так и по значению принадлежит труду покойного профессора С. Д. Лисициана «Очерки этнографии дореволюционной Армении». В «Очерках» дается этнографическая характеристика армянского народа преимущественно в XIX в., а также рассматриваются некоторые явления более отдаленного прошлого, уже в предреволюционный период утратившие свой смысл и значение.

Работа С. Д. Лисициана насыщена большим фактическим материалом, частью которого впервые вводится в научный оборот. Особенно тщательно, с глубоким знанием дела описывает автор материальную культуру дореволюционной Армении — сельскохозяйственную технику, технологию различных отраслей ремесленного производства и т. д. При этом С. Д. Лисициан не ограничивается формальным описанием этнографических фактов, он стремится вскрыть их социальный характер. Следует отметить большую эрудицию автора. Работа изобилует примерами, аналогиями из этнографии соседних народов: азербайджанцев, иранцев и др. Нередко эти сравнения выходят далеко за пределы Кавказа и даже Ближнего Востока.

Отмеченные положительные стороны труда покойного исследователя делают его важным и познавательным. К слову сказать, этот труд обладает рядом преимуществ над многими работами того же автора, опубликованными ранее. Все же и здесь имеются недостатки и спорные положения.

Прежде всего бросается в глаза неравномерность распределения материала «Очерках». Больше половины их объема занимает раздел «Хозяйство и материальная культура». Гораздо меньше внимания уделено разделам «Семья и семейные обряды» и «Духовная культура». Последний раздел вообще очень схематичен. Между тем, в него входят такие важные вопросы, как народное искусство, народная гигиена, медицина, религия, верования и обряды, народные праздники и т. д. Каждый из этих вопросов хорошо освещен в армянской этнографической литературе.

В небольшом очерке «Сельская община» С. Д. Лисициан описывает армянскую сельскую общину, отдельные стороны и пережитки которой еще сохранялись в армянской деревне XIX в. Автор несколько идеализирует общинные отношения. Получается так, что в армянской сельской общине не было или почти не было классовой борьбы. Нет нужды доказывать, что армянская община отнюдь не была свободна от жестоких внутренних противоречий, особенно обострившихся во время распределения земель и воды между членами общины, назначения тануртов-кефхи и т. д.

В последнем разделе «Очерков», где автор говорит о духовной культуре армянского народа, о его религии, он ограничивается только констатацией фактов. Так, например, говоря о распространении католицизма среди части армян, автор пишет: «В время крестовых походов возникло течение, стоявшее за сближение армяно-григоринской церкви с папской. Движение это не встретило поддержки в широких массах, однако отдельные католические общины стали появляться со второй половины XV в. Массовый переход в лоно папской церкви произошел со второй половины XVII в. среди армян, живших в Польше, где львовский армянский архиепископ признал главенство папы, сохранив армянский язык и ритуал в богослужении» (стр. 256).

Такое «академическое» изложение факта насильственного принуждения армян принять католичество нельзя признать удачным.

В своих предыдущих работах С. Д. Лисициан, как и ряд других этнографов, отрицал вообще наличие армянского народного театра. За несколько лет до смерти он издал памятку для собирателя народного творчества, ни одним словом не упоминая о народном театре. В рецензируемой работе С. Д. Лисициан отошел от своих прежних взглядов, но еще не полностью стал на правильные позиции. На стр. 246 он пишет: «Народная драма не выделялась как особый вид народного словесного светского творчества, хотя, казалось бы, масленичные игры с переодеванием в «пашу» или в «хана» и целый ряд других народных представлений — обрядов с драматизацией образов могли послужить основой для того, тем более, что в них давно стали проникать и светские элементы» (стр. 246).

Автор не мог быть знаком с новыми исследованиями по этому вопросу, написанными за последние годы советскими учеными. Этим и надо объяснить наличие в «Очерках» остатков тех ошибочных взглядов, которых придерживалась армянская этнография на протяжении многих десятилетий.

Другой большой работой, вошедшей в «Кавказский этнографический сборник», является труд М. О. Косвена «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке». В рецензируемом томе помещена первая часть «Материалов». Вторая часть будет опубликована, как указывается в предисловии к сборнику, во втором томе этого издания.

По определению автора «Материалов», его работа «представляет собой собрание и систематизацию дореволюционной литературы по этнографии Кавказа, имея в основном био-библиографический характер» (стр. 265). Свою задачу М. О. Косвен видел в том, чтобы создать справочное пособие, необходимое для всякого кавказоведа и полезное для историков русской науки вообще (см. там же). Уже первая часть работы М. О. Косвена свидетельствует о том, что эта задача успешно им решена.

«Материалы» представляют собой первое энциклопедическое пособие по истории изучения этнографии Кавказа в русской науке, являющееся итогом кропотливого многолетнего исследования. В своей библиографической части работа М. О. Косвена отличается большой тщательностью. В ней отмечены не только более или менее известные литературные выступления в самых различных изданиях на протяжении многих и многих десятилетий, но и все то, что в какой-либо степени могло бы оказать помощь исследователю Кавказа. При этом автор подходит к рассматриваемым им литературным памятникам критически, оценивая их с точки зрения развития русского кавказоведения.

Изучаемый материал расположен в работе М. О. Косвена в хронологическом порядке, по десятилетиям. Однако по ходу изложения автор нередко, но всегда обоснованно, отходит от этого принципа, для того чтобы дать концентрированные сведения о работах по отдельным вопросам, независимо от того, когда и кем они были написаны. Так, на стр. 326 автор посвящает 15 строк этнографическому очерку о курдах, принадлежащему перу великого армянского писателя Хачатура Абовяна. В примечании к этому очерку М. О. Косвен приводит почти полную библиографию литературы по данному вопросу. Такие историко-библиографические экскурсы, встречающиеся и на многих других страницах работы, дают читателю возможность составить более полное впечатление о литературе по вопросам кавказоведения.

В заслугу автору следует поставить и то, что он не только по крупинкам собрал материал, разбросанный в самых различных изданиях и порой не известный исследователям Кавказа, но и тщательно проверил его, сопоставляя по различным источникам. Вот пример метода работы автора: П. С. Потемкин в 1784 году составил работу под названием «Краткое описание о кабардинских народах». Рукопись этого труда, как сообщает М. О. Косвен, хранится в ЦГВИА, фонд ВУА, дело 18473 (две копии). Далее автор пишет: «В 1794 году в г. Курске была издана книжка под титулом: Описание горских народов. Курск, 1794; на следующей странице над текстом другое заглавие: Краткое описание о кабардинских народах. Имени автора эта публикация не носит. Эта курская книжка во всех библиографических указаниях и ссылках фигурирует в качестве сочинения, автором которого оказывается выше упомянувшийся С. Д. Бурнашев. Однако текст ее совершенно совпадает с текстом упомянутого архивного списка сочинения Потемкина, с различными, впрочем, разночтениями, преимущественно стилистического характера, так что курская книжка представляет собой издание, повидимому, с некоторой редакционной правкой текста Потемкина» (стр. 282).

Следовательно, в работе М. О. Косвена читатель найдет не только библиографические сведения, но и чрезвычайно ценные уточнения и комментарии. В этом отношении «Материалы» значительно выходят за рамки авторского определения задач работы. Уже сейчас можно высказать пожелание об издании «Материалов» отдельной книжкой, так как потребность в такого рода пособии весьма велика, а тираж «Кавказского этнографического сборника» (2000 экземпляров) не обеспечивает самые скромные нужды читателей.

Конечно, переиздание работы М. О. Косвена не должно быть просто перепечаткой. Нужно устранить имеющиеся сейчас в работе недостатки, главным из которых является отсутствие необходимого научно-справочного аппарата. Речь идет об алфавитном указателе имен, словаре терминов и кратком биографическом справочнике, содержащем данные о всех заслуживающих внимания лицах, оставивших работы по этнографии Кавказа. Без этих материалов пользование работой М. О. Косвена в известной мере затрудняется.

В заключение хочется отметить, что работа М. О. Косвена уже получила высокую оценку в местной кавказской печати. В статье «Ценное пособие по этнографии народов Дагестана», опубликованной в газете «Дагестанская правда» от 19.VI.1955, говорится: «Работа М. О. Косвена особенно ценна тем, что раскрывает исторические корни дружбы русского народа с народами Кавказа, показывает огромную роль русских ученых в развитии кавказоведения и подъеме культуры народов Кавказа».

Наряду с работами таких известных ученых, как С. Д. Лисициан и М. О. Косвен, в «Кавказском этнографическом сборнике» опубликованы исследования молодых этнографов-кавказоведов. Среди них прежде всего следует отметить сравнительно большой очерк Я. С. Смирновой «Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX—XX вв.)», представляющий собой часть кандидатской диссертации автора на тему «Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху». Как известно, по этнографии абхазов имеется сравнительно большая литература — старая и новая. Я. С. Смирнова критически изучила печатные источники, использовала архивный материал и данные проведенных ею полевых работ в Гудаутском и Очамчирском районах Абхазской АССР. В результате получился вполне зрелый труд, в котором автор обстоятельно рассматривает вопрос о положении абхазки в прошлом и настоящем. Надо сказать, что критические замечания Я. С. Смирновой

относительно высказанных в литературе точек зрения по интересующему ее вопросу довольно убедительны. В целом очерк производит хорошее впечатление.

В первом томе «Кавказского этнографического сборника» помещена еще одна работа об абхазах — сокращенный вариант диссертации Л. Х. Акаба «Абхазы Очамчирского района». В этой работе Л. Х. Акаба добросовестно и со знанием дела отмечает изменения в хозяйстве, быту и культуре, в общественных и семейных отношениях абхазов, происшедшие в советскую эпоху.

К сожалению, обе работы об абхазах, едва появившись в свет, несколько устарели. Это объясняется тем, что со времени написания их и до опубликования прошло не менее трех лет. Такую медлительность с печатанием кандидатских диссертаций молодых этнографов-кавказоведов нельзя не поставить в упрек Институту этнографии и Издательству АН СССР.

Большой интерес представляет историко-этнографический очерк Л. И. Лаврова «Абазинны». Автор поднимает и успешно разрабатывает один из малоизученных вопросов этнографии народов Северного Кавказа.

«Кавказский этнографический сборник в какой-то мере заполняет существующий пробел в советской литературе по вопросам кавказоведения. Надо пожелать, чтобы очередные тома «Сборника» выходили регулярно и чтобы, наряду с ними, систематически издавались сборники исследований и материалов по этнографии других народов СССР и зарубежных стран.

А. М. Аршаруни

Сборник статей по истории Кабарды, вып. 3. Кабардинский научно-исследовательский институт, Нальчик, 1954.

С 1951 г. Кабардинский научно-исследовательский институт наряду с «Учеными записками» публикует «Сборники статей по истории Кабарды». В первый и второй выпуски этого издания вошли статьи собственно исторического характера. В третьем выпуске наравне с историческими значительное место отведено также этнографическим работам, которые и являются предметом настоящей рецензии.

Этнографические исследования имеют в Кабардинской АССР особенно большое значение, так как количество документальных источников по истории бесписьменной в прошлом Кабарды очень ограничено и данные этнографии являются важным, в ряде случаев решающим историческим источником. Только этнография в контакте со смежными дисциплинами может пролить свет на такие все еще не решенные вопросы, как соотношение земледелия и скотоводства в дореформенной Кабарде, особенности кабардинского феодализма и т. п. Вокруг этих вопросов уже ряд лет ведутся научные споры¹, остающиеся незавершенными и в значительной мере бесспорными именно вследствие слабой этнографической изученности Кабарды. Вот почему появление каждой новой серьезной работы по этнографии кабардинцев, касающейся указанной выше тематики, следует всячески приветствовать.

Этнографическая часть сборника открывается большой статьей Е. Н. Студенецкой «Быт и культура кабардинского народа (XVIII—XIX вв.)». Как указывает автор, это — историко-этнографический очерк, предназначенный для включения в коллективный труд по истории Кабарды, в частности в главы о социально-экономическом строе. Работа Е. Н. Студенецкой состоит из небольшого историко-культурного введения и ряда разделов, охватывающих все важнейшие стороны быта кабардинцев: основные занятия, промыслы и ремесла, селения и жилище, пища и утварь, одежда, семейно-общественный быт, религиозные верования, народное искусство. Таким образом, эта работа является первой в кавказоведческой литературе попыткой дать общую картину быта феодальной Кабарды и, надо сказать, попыткой в основном удачной. Особенно отрадное впечатление производит то обстоятельство, что автор не только внимательно анализирует описываемые явления с точки зрения их классовой сущности, не только в ряде случаев прослеживает их историю и причины бытования, но и стремится показать их связь с национальным характером кабардинцев (пища, одежда, орнамент, танцы и т. п.). Это, конечно, делает работу более уязвимой со стороны критики, но зато гораздо более интересной, нежели работы тех, к сожалению, еще довольно многочисленных авторов, которые осторожно остаются в рамках одного лишь фактографического описания. С этим же отчасти связаны некоторые спорные или, на наш взгляд, неверные положения автора, к рассмотрению которых мы переходим.

Нам представляется несомненным, что при изучении национального характера, как и при любом этнографическом исследовании, должна быть выявлена этническая специфика, конкретные этнические особенности. Однако Е. Н. Студенецкая идет по этому пути далеко не всегда. Она говорит о таких национальных чертах кабардинцев, как любовь к родине, свободе и независимости (стр. 145), благородство (стр. 191) и т. п., т. е. констатирует черты, характерные для всех народов, не выявляя специфических черт кабардинцев, присущих им одним. Думается, что в конкретном этнографическом исследовании подобного рода характеристики выглядят как общие места: они,

¹ См. отчеты о научных сессиях Кабардинского научно-исследовательского института в его «Ученых записках» и рецензируемом сборнике.

бесспорно правильны, но бессодержательны. В другом случае автор рассматривает как национальную черту кабардинцев умеренность в пище, что, по его словам, объясняется «не столько недостатком пищи, сколько вообще всем характером быта пастуха, наездника, воина, охотника, условиями, в которых трудно было рассчитывать на правильный и регулярный прием пищи» (стр. 161). Однако из той же статьи видно, что пастушество не было главным занятием большинства кабардинцев, охота являлась подсобным занятием для ограниченного круга людей, а наездниками и воинами в феодальной Кабарде были преимущественно феодалы и их дружинники. В другом месте работы говорится о явно недостаточном питании основной массы народа (стр. 163): видимо, именно в этом коренились причины умеренности в еде в дореволюционном прошлом, повсеместно характерной для широких масс населения.

Говоря о распространении ислама в Кабарде, Е. Н. Студенецкая совершенно правильно подчеркивает его реакционную роль, но отдельные попытки конкретизации этого общего положения кажутся нам спорными. «Насильственное внедрение ислама турками и крымскими ханами в Кабарде,— говорится в работе,— наложило реакционный отпечаток на культуру народа. Под влиянием ислама, распространявшегося огнем и мечом, начали изменяться многие народные обычаи, исчезать первобытные верования и остатки христианства... Мусульманское образование, как это будет видно далее, затемняло сознание кабардинцев» и т. д. (стр. 145). Думается, что автор здесь несколько упрощает диалектически сложный вопрос о роли ислама в Кабарде. Насильственно насажденный как идеологическое знамя отторжения кабардинцев от дружественного русского народа и его культуры, ислам сыграл большую реакционную роль в истории Кабарды. Но можно ли вообще усматривать реакционный отпечаток и в культуре народов, исповедующих ислам? Носит ли, например, реакционный отпечаток культура тех многочисленных народов Азии и Африки, среди которых ислам был распространен огнем и мечом? Конечно, не носит, хотя ислам как классовая религия внес в эту культуру определенные изменения, способствовавшие укреплению классового строя общества, а как религия завоевателей — изменения, способствовавшие упрочению их господства. А между тем автор, следуя принятой им схеме, усматривает реакцию, регресс даже в смене первобытных верований исламскими, даже в появлении мусульманского образования. Е. Н. Студенецкая, видимо, не учла, что в эпоху феодализма образование повсюду было религиозным и что сознание затемнялось не только мусульманским, но и всяким религиозным образованием.

Иного порядка, но сходную по характеру ошибку делает автор в вопросе о влиянии на культуру и быт кабардинцев передовой русской культуры. По словам автора, «надо видеть обе стороны этого влияния: положительную, обусловленную тесным общением с русским народом, и отрицательную, связанную с колониальной политикой царизма (стр. 146). В действительности культурная связь Кабарды с Россией, несмотря на все попытки царизма сохранить экономическую и культурную отсталость Кабарды, имела только одну — положительную сторону. Двойственным было общее положение Кабарды: с одной стороны, колониальный гнет, с другой — огромное значение присоединения к России для прогрессивного развития кабардинской экономики, культуры и общества. В рецензируемой работе это влияние высокой русской культуры хорошо показано на ряде конкретных примеров; к сожалению, хуже обстоит дело с показом культурных связей Кабарды с другими адыгами и Грузией, важность чего подчеркнута самим автором во введении.

Еще более серьезный упрек вызывают разделы, посвященные хозяйственному и общественному быту кабардинцев. Хорошо понимая, какое значение имеют этнографические данные для уточнения характера хозяйства и общества дореформенной Кабарды, автор счел возможным обойти молчанием наиболее сложные и острые вопросы, встающие при разработке этой темы. В разделе «Основные занятия» нет прямого ответа на давно волнующий историков вопрос о соотношении земледелия и скотоводства: последнее названо «второй основой», в отдельные исторические периоды приобретавшей «особое значение» (стр. 149—150). Ни в этом разделе, ни в разделе «Семейно-общественный быт» не говорится о конкретных формах эксплуатации в земледельческом и скотоводческом хозяйстве; отмечаемое в общем виде прикрытие феодальных отношений родовыми пережитками конкретизируется лишь на нескольких второстепенных и уже фигурировавших в литературе примерах феодализации родовых институтов взаимопомощи, гостеприимства и т. п. Видимо, именно стремлением автора уйти от большого вопроса о конкретных чертах кабардинского феодализма объясняется и объединение семейного быта с общественной жизнью в одном, композиционно нестройном разделе, и нечеткость ряда положений этого раздела. Так, по словам автора, «в феодальной Кабарде сохранялся патриархальный (а не патриархально-феодальный.— Я. С.) быт» (стр. 170). В соответствии с этим кабардинский элэпэк (группу отцовских родственников-однофамильцев, реликт распавшегося отцовского рода) Е. Н. Студенецкая рассматривает как род и говорит о живых еще вплоть до XIX в. родовых отношениях (стр. 171). В дальнейшем обстоятельно характеризуются патриархально-родовые этикет, нормы поведения, в то время как феодальный этикет оставляется без внимания. Несколько раз (стр. 148, 153) говорится об изобилии в Кабарде земли, в результате чего повисает в воздухе основа кабардинского феодализма. Вызывают досаду и некоторые другие, более частные оплошности. Так, нельзя согласиться с автором, что большая семья сложилась «на грани установления классового общества» (стр. 174); известно, что она возникла с установлением патриархата.

Неверно, что при кровной мести умышленное и неумышленное убийство всегда каралось одинаково (стр. 180). — уменьшение меры возмездия при случайном или неосторожном убийстве хорошо известно в этнографии, в том числе и у народов Кавказа (аварцев, осетин).

Предназначенная для включения в большой труд по истории Кабардинской АССР интересная и ценная работа Е. Н. Студенечкой, несомненно, подвергнется еще некоторой доработке. Можно думать, что при этом будут не только устранены отдельные неудачные формулировки, но и в какой-то мере восполнен существенный пробел историко-этнографической характеристике хозяйства и общества дореформенной Кабарды. Последнее, наряду с дополнительными полевыми сборами, потребует привлечения архивных материалов (прежде всего материалов ЦГА Каб. АССР и ЦГВИА), совершенно не использованных в данной работе.

Значительный интерес представляет и вторая этнографическая статья сборника — напечатанная в порядке обсуждения работа Л. И. Лаврова «О происхождении народов северо-западного Кавказа». Автор стремится показать автохтонность (по крайней мере с эпохи раннего металла) абхазо-черкесов северо-западного Кавказа, которых он считает потомками восточной группы киммерийских племен. Одновременно прослеживают главные этапы их этнической истории: множественность племен северо-западного Кавказа в скифо-сарматскую эпоху, их постепенная консолидация вокруг меотского, а с середины I тысячелетия н. э. зихского и абазгского центров, формирование абхазского, абазинского, черкесского и кабардинского народов.

Многие из рассматриваемых здесь Л. И. Лавровым вопросов уже не раз поднимались в литературе. Однако предлагавшаяся аргументация в большинстве случаев носила ограниченный, односторонний, порой даже случайный характер. Напротив, в работе Л. И. Лаврова сведены многочисленные данные лингвистики, археологии и античных источников, в своей совокупности представляющие серьезные доказательства в пользу большинства указанных выше положений автора. Выделяется, в частности, свежее этнонимическое и топонимическое обоснование автохтонности предков абхазо-черкесских племен северо-западного Кавказа (стр. 194 и сл.) и их расселения в античное время (стр. 200—201), удачное дополнение этими же данными археологических свидетельств о древних связях северо-западного Кавказа с Крымом и югом Украины (стр. 197—198). Все же не все положения автора подкреплены достаточно убедительной аргументацией. Так, предположение о киммерийском происхождении абхазо-черкесов, основанное на сопоставлении некоторых мест «Истории» Геродота (скифы вытеснили киммерийцев и захватили их земли; в то же время скифы обитали к западу от Дона и в степях Крыма, т. е. не заняли всех киммерийских земель), является лишь догадкой и, конечно, не может быть принято без других, более основательных доказательств. В других случаях выводы автора не могли быть не ослаблены тем, что вне его поля зрения остались данные этнографии. Так, например, положение о первоначальном поселении кабардинцев рядом с шапсугами (стр. 106—107), аргументируемое одними лишь данными лингвистики, могло бы, возможно, получить дополнительное солидное обоснование со стороны этнографии (орнаментальные мотивы, версии фольклора и т. п.). Бросается в глаза также и отсутствие данных антропологии, особенно важных для изучения ранних этапов этногенеза.

Заметным пробелом в работе Л. И. Лаврова представляется отсутствие в ней развернутого критического обзора различных точек зрения на происхождение и основные этапы этнической истории абхазо-черкесов. Ограничившись изложением положительной части исследования, автор как бы сузил значение своей работы. Упоминаемые в начале статьи миграционистские теории дореволюционных авторов отменяются «сплеча». Более подробно рассматриваются взгляды Н. Я. Марра, однако и здесь критика имеет несколько упрощенный характер. Так, опровергая вульгарный автохтонизм Н. Я. Марра, автор приводит ряд весьма поздних миграций, в числе которых фигурируют даже переселения в Турцию в 60—70-х гг. прошлого века (стр. 196). Вряд ли стоило говорить о подобных миграциях: ведь переселений, проходивших на глазах истории, не отрицали самые крайние последователи Марра. Некоторое сожаление вызывает и такой чисто технический момент, как отсутствие обычных литературных ссылок на многочисленные в работе сообщения древних авторов (ссылки на работы современных авторов имеются). Невольно задаешься вопросом: почему Страбон и Помпоний Мела поставлены автором в столь неравное положение с А. А. Иессеном и В. Д. Блаватским?

Все это, однако, лишь частности, которые не меняют общего весьма положительного впечатления от рецензируемой статьи Л. И. Лаврова, явившейся новым успешным шагом в его исследовании этногенеза абхазо-черкесских народов.

Вопросов этнической истории центрального Кавказа отчасти касается и П. Г. Акритас в заметке «Древнейшее название горы Бештау». Работы такого типа не лишены не только краеведческого, но и научного интереса, но в данном случае заметка производит впечатление некоторой надуманности. Автор приводит различные названия горы (адыг. Ошхитху, тюрк. Бишдаг и Бештау, русск. Пятигорье) и пространно доказывает, что «наиболее древним из этих названий было Ошхитху» (стр. 211), хотя и без того хорошо известно, что древнейших насельников этой области — аланов сменяли не турки и не русские, а кабардинцы. В научном отношении в заметке встречаются несообразности: «тюрко-татарский язык» (стр. 208, 209, 211), анализ текстов Ибн-

Батутта на основе «дел Пятигорского курортного музея» (стр. 209), «кабардинский» город в VI в. (стр. 212) и т. п.

Рецензируемый сборник показывает, что этнографические исследования уже заняли заметное место в работе историков Кабарды. Это настоятельно требует усиления активности этнографов, дальнейшей разработки старых и постановки новых исследовательских тем, в частности тем этнографии советского общества. Надо надеяться, что все это получит отражение в следующих выпусках «Сборника статей по истории Кабарды».

Я. Смирнова

Татар Халык Ижаты (Татарское народное творчество), Казань, 1954.

Сборник «Татарское народное творчество», второе издание которого недавно вышло в свет, представляет значительное явление в области изучения татарского фольклора. Рассчитанный в основном на массового читателя, сборник является одним из немногих обобщающих изданий и рекомендуется составителями как пособие для высших учебных заведений. Сочетание установки на массового читателя с установкой на учебное пособие, конечно, должно было отразиться и на характере самого сборника, и на вступительной статье к нему. Неизбежно должны были возникнуть серьезные трудности. С этими трудностями, надо сразу же сказать, составители в основном справились.

Профиль сборника определил самое расположение материала в нем. Сборник открывается разделом народного творчества советского периода; за ним следует раздел дореволюционного фольклора. Это расположение материала вполне обоснованно. Надо согласиться с мнением составителей сборника, которое сформулировано в предисловии к первому изданию: в сборнике, подготовленном в основном для массового читателя, народное творчество нашего времени закономерно выдвигается на первый план.

Материал, опубликованный в сборнике, в основном также вызывает одобрение. Сборник представляет татарский фольклор достаточно полно. Привычные разделы песен, сказок, баянов, пословиц и загадок в книге разнообразятся и такими видами народного творчества, как плясовые припевки, а также шутки о Ходже Насреддине, появившиеся в годы Великой Отечественной войны. Оставляет некоторое неудовлетворение только подбор песен. В сборнике, к сожалению, не опубликованы некоторые любимые татарские песни, например «Тэфтилэу», «Зэнгэр шэл», «Галия бану», «Тау астында салкын чишмэ», «Хэмдия», «Уракчы кыз». «Нигэ, нигэ сине шаян кузлэр». Без таких песен представление о песенном творчестве татарского народа неполно. То обстоятельство, что некоторые из этих песен имеют известных нам авторов, насколько, думается, не мешает их включению в сборник.

Как положительный факт особо следует отметить, что впервые за последнее время в обобщающий сборник включен материал по татарскому обрядовому фольклору (свадебные песни). Хорошо также и то, что в предисловии к сборнику даются краткие, но ясные сведения об обрядовой поэзии татар, по своему происхождению нередко связанной с древними народными верованиями. При этом правильно указывается, что влияние ислама содействовало сужению и заглушению этого вида народного творчества. Об этом свидетельствуют такие факты, как, например, запрет шариата оплакивать умерших, причитать над ними (это расценивалось как протест против воли божьей).

Татарские свадебные песни, включенные в сборник, являются отражением живых народных обычаев и поэтому имеют несомненную познавательную ценность.

Сборник не только удачно и полно представляет жанры татарского фольклора; в нем очевиден строгий и тщательный подбор текстов. Особенно отродно отметить хороший подбор материалов советского народного творчества: приводятся образцы советского фольклора, полноценные и в идейном и в художественном отношении. В первую очередь это относится к песням и баянам.

Тщательность подбора и требовательность должны, конечно, проявляться в каждой мелочи, потому что иногда пустячный, казалось бы, недочет может повредить красоте и значению целого произведения. В этом отношении в сборнике все же есть некоторые недостатки. Так, в песне «Кыска кара урман» («Дремучий лес»), приведенной в сборнике, имеется следующая строфа:

Кара урман аша
Кошлар сайраша,
Хайран тамаша.

(Вдоль всего дремучего леса
Поют птицы,
Удивление и величание...).

Так, кстати сказать, исполняет ее по радио и певица Зыфа Басырова. Песня эта — одна из стариннейших татарских песен, и в народе имеется другой ее вариант:

Кара урман аша
Кошлар сайраша,
Башлар адаша.

(Вдоль всего дремучего леса
Поют птицы,
Сбиваются с пути буйные головушки...).

Сравнение этих двух вариантов показывает, что тонкая символика народного творчества, говорящая о прошлой жизни, как о дремучем лесу, в котором было легко запутаться человеку, несомненно показывает преимущества традиционного народного варианта. Возможно, что в наше время песня стала петься в редакции, пропагандируемой по радио Зыфой Басировой. Но это в данном случае не может быть основанием для публикации менее полноценного варианта песни. Включая эту песню в дореволюционный цикл (где и есть ее подлинное место), следовало взять ее в форме, характерной для того времени.

Оговоримся, что подобные недочеты в подборе материалов сборника не могут нарушить общего благоприятного впечатления о нем.

Больше замечаний вызывает предисловие сборника и, в особенности, его часть, посвященная характеристике отдельных видов татарского народного творчества. Пояснения отдельных жанров сами по себе в основном правильны, но очевидно из расчета на малосведущего читателя, они излагаются в самой популярной — краткой и часто слишком общей форме. Размеры предисловия, видимо, не позволили автору дать материал в объеме, более удовлетворяющем запросы учащихся вузов. Вызывает возражение также и то, что в предисловии иногда смешиваются сведения о фольклоре татарского народа со сведениями о фольклоре других народов нашей страны. Так, в частности, в нем дается общее положение, которое по контексту можно воспринять как относящееся к татарскому фольклору: «Народная драма должна рассматриваться как самостоятельный жанр...» (стр. 26). Между тем говорить о существовании в татарском фольклоре особого жанра народной драмы мы не имеем основания.

Не учитывается в достаточной мере национальная специфика и при характеристике обрядового фольклора. Так, говоря об обрядовой поэзии, автор предисловия правильно упоминает о том, что татарские дети, так же как и русские, в пасху выносили на улицу крашенные яйца. Но он почему-то не указывает, что обычай этот у татар находил более четкое и характерное выражение во время одного из самых больших народных праздников Татари — сабан-туя (весеннего праздника плуга). Нам представляется, что если возникла необходимость говорить об обычаях, то лучше, конечно, выбирать примеры поярче.

Вызывают возражения также некоторые теоретические положения, выдвигаемые в статье. Так, например, сомнительно следующее положение автора: «невозможно, чтобы не появились сказки в период войны, но на них не было обращено, очевидно, достаточно внимания, и потому они не собраны» (стр. 55). Здесь чувствуется определенная теоретическая предвзятость. В русской фольклорной науке уже отмечалось, что в наше время народные сказки, если и создаются, то как стилизация и результат индивидуального творчества любителей архаических форм поэзии.

Вызывают некоторые замечания и пояснения к жанру песен. В них хорошо разбирается построение самой строфы в татарских песнях, но общая характеристика песен получилась неполной. Так, в сборнике песни делятся на сюжетные и «безсюжетные». Это деление формально, может быть, и имеет некоторое основание, но оно абстрактно. У татар само понятие песни соединяется скорее с определенной мелодией, чем с каким-либо сложившимся текстом (с той оговоркой, что «сюжетные» тексты чаще поются на «протяжные» мелодии, а отдельные куплеты на «короткие»). Самим народом песни согласно их напевам совершенно четко делятся на «протяжные» и «короткие». В предисловии об этом не говорится, и возникающий в результате отрыв текста от мелодии мешает полно и точно охарактеризовать особенности татарских песен с их художественной стороны. Нам кажется, что в предисловии следовало дать о песнях такой же полный и обстоятельный очерк, какой мы находим о баитах: относительно последних дается характеристика их поэтической формы (отклик на событие, песенный сказ), указываются их современные разновидности и анализируются причины сохранения этого жанра в советское время.

В предисловии к сборнику, кроме сведений об отдельных жанрах, имеется небольшой очерк истории изучения татарского народного творчества. Несмотря на относительную краткость этого очерка, в нем отмечают почти все ученые и литераторы, когда-либо внесшие вклад в дело собирания, издания или изучения татарского фольклора. Показано значение трудов русских ученых (И. И. Лепехина, М. Чулкова, К. Фукса, М. Ивашова, Н. Берга, Н. Ф. Катанова и др.), усилиями которых впервые начато было изучение татарского народного творчества и которые немало сделали в этой области. Это тем более важно, что прогрессивную роль русской науки в этом вопросе всячески старались умалять татарские националисты, панисламисты и пантюркисты, стремившиеся противодействовать дружбе и духовному общению русского и татарского народов.

Особо отмечается значение народного поэта Габдуллы Тукая в истории собирания, изучения и популяризации татарского фольклора (это выразилось, в частности, в его поэтических обработках произведений народного творчества). Однако вызывает сомнение то обстоятельство, что автор предисловия, правильно относя окончательное формирование татарской фольклористики как науки к послереволюционному периоду, все же неполно характеризует предшествующий этап, отодвигает это формирование к самому последнему времени. Из поля зрения выпал такой признанный татарский ученый, как Худжа Бадыгов, который и до революции был одним из немногих татарских ученых, специально занимавшихся фольклором, и который вел работу в области собирания

и издания фольклорных материалов после Октября¹. Нам кажется, что упоминание работы Х. Бадыгова с критической оценкой ее сделало бы более точным и верным историографический раздел статьи.

Однако, как уже говорилось, при всех имеющихся в этом издании недостатках, оно несомненно является шагом вперед на пути обобщения и систематизации татарского фольклора. Сборник явится хорошей базой для дальнейшей работы. Мы уверены, что он встретит заслуженное одобрение у читателей.

Ким Давлетов

Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР, вып. 2, Якутск, 1955.

Рецензируемый сборник содержит статьи по истории, этнографии, антропологии, языку и литературе Якутской АССР, представляющие значительный интерес для этнографов и историков.

В статье «К вопросу о переходе к земледелию тунгусов (эвенков) Якутского округа» И. С. Гурвич опубликовал хранящийся в Центральном государственном архиве Якутской АССР документ, содержащий новые сведения об истории перехода части тунгусов Якутского округа к оседлости. Комментируя публикуемый документ, автор справедливо подчеркивает роль русского крестьянства, способствовавшего внедрению земледелия среди охотников и скотоводов, какими являлись якуты и тунгусы в XVII—XVIII вв. Одно из положений автора представляется нам требующим уточнения.

И. С. Гурвича можно понять таким образом, что усть-майские тунгусы перешли к земледелию, минуя полукочевое скотоводство. Но территория майских тунгусов находится очень близко к бассейну Вилюя. А вилюйские тунгусы (угуляты, калтакули и др.) перешли к земледелию через полукочевое скотоводство. Повидимому, такая последовательность была вызвана тем, что бывшему кочевнику тунгусу легче было вначале принять полукочевое скотоводство, а затем перейти к оседлому земледелию. Это наводит на мысль — не прошли ли и майские тунгусы аналогичный скотоводческий этап, прежде чем перейти к земледелию?

Опубликованный И. С. Гурвичем документ показывает, что этнические процессы в Якутии нужно рассматривать в тесной связи с историей развития промыслового хозяйства, скотоводства и земледелия. Например, пока тунгусы занимались охотой и вели кочевую жизнь, их экономические взаимоотношения с соседями-якутами были гораздо слабее, чем после оседания. Поэтому переход тунгусов к земледелию не только поднимал их на более высокую ступень хозяйственной деятельности, но и способствовал еще большему сближению с якутами.

Г. В. Наумов в статье «К истории хозяйственного освоения бассейна реки Вилюй», пользуясь конкретным полевым материалом, нарисовал живую картину освоения края. Особенно ценны сведения о путях продвижения древних переселенцев, типах их хозяйства, борьбе за преобразование облика девственной тайги. Но, описывая примитивные способы борьбы древних переселенцев за освоение края, автору следовало бы отметить восходящие к ним пережиточные явления у современных вилюйчан. Например, от древней огневой системы сохранилось бытующее по настоящее время примиренческое отношение некоторой части вилюйчан к лесным пожарам. Говоря о древней мелиорации, следовало бы подвергнуть критике популярную еще в некоторых районах Вилюя идею спуска озер. Вилюй — край довольно засушливый. Он может быть плодородным лишь при умелом использовании наличных ресурсов воды. Следовательно, на Вилюе нужно отстаивать сохранение имеющихся водоемов для обводнения соседних лугов.

Вызывают возражение и некоторые положения автора, касающиеся истории освоения якутами бассейна Вилюя. Автор совершенно прав, говоря об освоении в XVII—XVIII вв. верхнего и среднего течения Вилюя переселенцами из центральной Якутии, но история освоения низовьев Вилюя им освещена не совсем правильно. По мнению Г. В. Наумова, до прихода русских якутами было освоено лишь одно устье Вилюя. Это не соответствует действительности, так как атаман Иван Галкин еще в 1638 г. собирал ясак с «Ковийского озера» (современное озеро Кобяй) — с «князца» Очигия и тагусца Мениктюбека и с «их улусных людей», всего 9 соболиных шуб и 2 лисицы красные (ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, лл. 58—59). Обнаружение Ив. Галкиным якутов на оз. Кобяй свидетельствует о том, что якуты ко времени прихода русских жили не только близ устья Вилюя, но и гораздо глубже и дальше вверх по этой реке.

Кроме того, охотничье-рыболовческую культуру населения низовьев Вилюя

¹ В числе изданных им сборников можно назвать: «Сборник народной литературы», состоящий из четырех частей и включающий пословицы, загадки и частушки, байты, напевы и, наконец, песни («Халыҕ эдэбиаты маҕмугэсэ», 1912, изд. «Гасыр», переиздан в 1919 г.); сборник 1926 г. («Халыҕ эдэбиаты, маҕаллар, табыш-мақлар». Казань), включающий 1200 пословиц и 335 загадок; цитируемый в рецензируемом издании сборник 1922 г. Мы не говорим уже о статьях и архиве Х. Бадыгова, сданных в фонд Казанского филиала АН СССР.

автор рассматривает как упадок скотоводческой культуры Средней Лены и как результат объединения бывших скотоводов Амгино-Ленского междуречья, переселившихся на Вилюй. «Первый путь,— пишет автор,— которым воспользовались якуты, повидимому еще до прихода русских,— это путь вниз по Лене к устью Вилюя, где они и закрепились в междуречье Вилюя и Линды. Там, в чрезвычайно суровых условиях, они потеряли весь свой скот и вынуждены были перейти к озерному рыболовству» (стр. 9).

В действительности, повидимому, и центральная Якутия, и низовья Вилюя издревле составляли две части древней Якутии и являлись центрами двух локальных культур якутского народа. Низовья Вилюя вместе с некоторой частью современного Намского района¹, видимо, представляли собой локальный центр охотничье-рыболовческой культуры древних якутов, а луговая часть Амгино-Ленского междуречья была центром скотоводческой культуры. У одного и того же народа не может быть резких границ между двумя его локальными культурами, и эти две локальные культуры местами сосуществовали там, где были благоприятные для этого условия. Этим, видимо, объясняется наличие рыбаков в центральной Якутии и конных якутов в низовьях Вилюя.

Якутские охотники-рыбаки не могли оказаться просто обнищавшими скотоводами и потому, что охотничье-рыболовческая культура уходит глубокими корнями в далекие неолитические времена.

А. П. Окладников на неолитических стоянках на реках Кууллаты и Ымыяхтаах, в пределах современной центральной Якутии, находил большое количество остатков рыболовной снасти и костей рыб. В частности, на р. Кууллаты была обнаружена круглая яма диаметром около 1 м, обложенная берестой, с остатками рыбьих костей на дне². Эта яма похожа на ямы вилюйских рыбаков, в которых они зарывали и квасили рыбу. У вилюйских рыбаков такая яма тоже была круглой, диаметром около 1 м и глубиной около 1 м, и они также обкладывали ее берестой. Такой способ квашения рыбы вилюйчане называли «сыма».

Г. В. Наумов в основном правильно отмечает, что на Вилюе в XVII—XVIII вв. во время массовых переселений встречались две культуры: полукошечная скотоводческая и кошевая охотничье-промысловая. Но это правильное положение он не конкретизировал, в результате чего столь сложное явление не получило должного освещения. При чтении статьи остается даже впечатление, что все якуты-переселенцы были только скотоводами, а тунгусская культура, не оставив никаких следов, была оттеснена на самые отдаленные окраины.

По нашему мнению, автору следовало бы особенно подчеркнуть, что среди якутов-переселенцев XVII—XVIII вв. наряду со скотоводами были и рыболовы («пешие» и «худые якольцы — балыксы»). Нужно добавить также, что сами якуты-скотоводы удачно сочетали скотоводство с охотой и рыболовством в тех случаях, когда условия местности позволяли заниматься с тем и другим.

Говоря об оттеснении тунгусов на окраины Вилюя, автор совершенно упускает из виду, что вследствие близости рода занятий некоторой части якутов (рыбаков и охотников) и тунгусов и перехода части последних к скотоводству значительное число тунгусов, видимо, слилось с якутами. Для примера приведем угулятов («фугляды»), кельтяков («калтакули»), жакутов, нанагиров («брангаты»), которые, сливаясь с якутами, образовывали якутские наследи.

Именно в этом смещении якутов и тунгусов, в слиянии их культур заключается все своеобразие и сложность культуры вилюйских якутов. Слияние это было до того прочным, что теперь трудно решить, какие элементы были тунгусскими и какие якутскими. Поэтому, на наш взгляд, нельзя признать вполне приемлемым положение автора о том, что все тунгусы с приходом якутов были оттеснены на окраины Вилюя. Такое «оттеснение» для тунгусов было бы бедствием. В действительности было наоборот: переселение якутов на Вилюй принесло тунгусам более высокую скотоводческую культуру, чем прежде тунгусское охотничье-рыболовческое хозяйство.

Автор, на наш взгляд, преувеличивает значение междоусобных войн. Конечно, столкновения между отдельными родами были. Но эти мелкие инциденты вряд ли можно назвать настоящими войнами. После прихода русских на Вилюе не было крупных столкновений ни между тунгусскими родами, ни между тунгусами и якутами. Единственное более или менее значительное столкновение между тунгусскими родами после прихода русских на Вилюй произошло в 1647 г. В нем участвовали, с одной стороны, вилюйские шологоны, мургаты и калтакули, а с другой — нижнетунгусские шелягиры (маугиры). Жертвы при этом столкновении были незначительны. Повидимому, в сокращении численности вилюйских тунгусов сыграла значительную роль эпидемия оспы, а также уход части их в другие области.

В сюринке помещена статья Г. Ф. Дебеца «О черепах Суор-Бугдука и Леглю-Беге», посвященная вопросам антропологии якутов. В дополнение к этой статье З. В. Гоголевым даны исторические справки о героях дюпсинских и бегунских преданий — Суор-Бугдуке и Леглю-Беге.

¹ Будучи летом 1954 г. на Вилюе, мы обратили внимание на сходство рыболовческой культуры намских и вилюйских рыбаков.

² А. П. Окладников, История Якутии, т. 1, Якутск, 1949, стр. 76.

В целом второй выпуск «Ученых записок» Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР содержит интересный материал по истории, этнографии, языку и литературе якутского народа. К сожалению, внешнее оформление «Ученых записок» мало удовлетворительно.

С. Николаев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Клод Руа. *Ключи к Китаю* (перевод с французского), М., 1954.

Клод Руа — прогрессивный французский журналист, побывавший в Китае и Корее в 1952—1953 гг. Задача, которую он ставил перед собой, отправляясь в новый Китай, ограничивалась формулой: «смотри и записывай». Однако опыт показал, что смотреть можно по-разному. Многие гости из капиталистических стран, отправляясь в Китайскую Народную Республику, по заранее заданному плану подбирали примеры к уже готовым статьям или книгам «антикоммунистического», т. е. антинародного характера. В отличие от них Клод Руа приехал в Китай смотреть своими глазами и слушать своими ушами.

Книга Клода Руа поражает разнообразием литературных форм. От путевого дневника и публикации страниц записной книжки автор легко переходит к биографическому очерку; географические описания не только перемежаются стихами, но и сами — себе поэтичны; политический памфлет на тему «бремя белого человека» построен в форме документальной записи диалога. И все это объединено четким сюжетным стернем.

Не менее поразительно обилие вопросов и проблем, поднятых автором. Готовясь к поездке в Китай, Клод Руа перечитал много старой и новой литературы о Китае, в том числе книг китайских авторов. Это позволило Клоду Руа стать подготовленным наблюдателем и в известной мере компетентным судьей в самых различных вопросах. Он хорошо знает современную китайскую литературу, интересно (хотя и не всегда точно) пишет о фольклоре, широко эрудирован в области философии. Его интересует не только классический китайский театр музыкальной драмы, но и местные театральные формы (например, шаосинский женский театр), «янгэ», теневой театр и т. д. Вся его книга построена как своеобразный популярный курс истории Китая, хотя и ошибочно освещаемой в начальной ее части.

Мастер короткого очерка, Клод Руа широко использует в своей книге биографическое и автобиографическое повествование. Здесь советский читатель найдет биографии политических деятелей: Мао Цзэ-дуна, Чжу Дэ, Чжоу Энь-лая, Сунь Ят-сена, писателей: Лу-Синя, Лао Шэ, Дин Лин, Чжао Шу-ли, Ли Бо-чжао, Гао Юй-бао, студентки из народа мон Лян Чжао-фу, китайки фельдшера Ли Хуай, крестьянки — секретаря Женского союза деревни «Четыре ивы» У Чэн, великого актера Мэй Лань-фана, директора завода, выдвинутого из рабочих, Лю Инь-юаня, профессора Фын Ю-ланя и др. Встретит советский читатель здесь и биографический очерк «генерала Фисташки» — злейшего врага китайского народа Чан Кай-ши. В исполненной злого юмора зарисовке Клод Руа разоблачает Чан Кай-ши и его клику, которую иногда и сейчас еще пытаются представить как «законное правительство» Китая.

Вспоминая о противодействии принятию Китайской Народной Республики в ООН, Клод Руа с вполне уместной иронией пишет: «Франция не признала китайское правительство. А признает ли Франция, что вода закипает при температуре сто градусов и замерзает при ноле?» (стр. 14).

Еще шире, чем биографическим очерком, для показа жизни и быта нового Китая пользуется Клод Руа записью бесед. Он встречался с представителями самых разнообразных слоев населения КНР. Его беседы — это живой и очень прямой разговор на темы, наиболее острые, наиболее близкие его собеседникам. Благодаря этому книга Клода Руа очень этнографична: ведь он встречался с людьми в обычной для них бытовой обстановке, видел их в будничном костюме, занятых будничным, но великим по своему значению делом — созиданием нового общества. В деревне «Свиной рынок» он наблюдал проведение аграрной реформы и правдиво описал «собрание горестей», определение «классовой принадлежности» сельского населения и т. п. При этом от частного случая он умело переходит к обобщению. Аграрная реформа в новом Китае это для Клода Руа революционный перелом, а не «один из этапов эволюции» Китая на его историческом пути «от общины древности к социализму», как пишут теперь частично даже дружелюбно к Китаю настроенные западные наблюдатели. Обобщая, Руа очень образно выразил тот наглядный подъем благосостояния трудящегося китайского крестьянства, который стал ощутим уже в первые годы после проведения аграрной реформы: «В тех районах, где реформа проведена давно, хлопчатобумажные костюмы крестьян яркосиние, новые, не заштопанные, не заплатанные. В остальных районах одежда выцветшая, дырявая, штопаная-перештопаная... Счастье — это яркий цвет. Нищета — это сплошная серость» (стр. 80—81).

Две главы в книге («Несчастье быть женщиной» и «Когда женская доля бывает счастливой, или шесть дней в китайской деревне») посвящены революции в китайской семье, ликвидации феодально-крепостнического отношения к женщине.

Глава «Ханьцы и варвары» посвящена революции в отношениях между народами Китая, происшедшей благодаря неуклонному осуществлению национальной политики Коммунистической партии и Народного правительства. Четыре главы книги (непропорционально много с точки зрения советского читателя) автор посвящает доказательству ложности колонизаторских представлений о Китае и китайцах, вредности мальтузианских построений и воплей о «желтой опасности». Не следует забывать, что книга писалась для западноевропейского читателя, в значительной степени отравленного шовинизмом, вздорными измышлениями об «агрессивности коммунистического Китая» и т. п.

Оптимизмом и верой в светлое будущее проникнуты заключительные страницы книги, где говорится о счастье человечества, о сближении народов.

Не все одинаково удачно у Клода Руа. Борясь против искаженного восприятия явлений китайской действительности, он и сам нередко грешит в том, что называется «преломлением китайского луча сквозь европейскую призму». Наиболее ярко сказалось это в обрисовке образа главного героя широко известной «Правдивой истории А-Ку» (или в китайской передаче А-гуя) великого китайского писателя Лу Синя. Клод Руа пишет: «А-Ку — человек, у которого даже нет своего имени, это никто, и это сын своего народа; это кули, наивный и хвастливый, безобидный и хитрый, простодушный и лукавый; он привык сносить пинки, унижения, его заставляют делать самую грязную работу, и кажется, он не живет на самом деле, а словно видит во сне свою жалкую жизнь... А-Ку это нечто вроде brave солдата Швейка, но только более мрачный и еще более обездоленный. Это протест из народа, но народа колониального, еще не освободившегося от феодального ига» (стр. 176). В этой характеристике ошибочна ее суть. А-гуй это не «сын своего народа», а кичливое ничтожество, хвастливая мразь. Чувство человеческого достоинства ему не знакомо. Собственную трусость он прикрывает «предопределением», покорностью судьбе, полную пассивность он оправдывает удобной формулой «ничего не поделаешь». Революцию он воспринимает как период, когда можно пограбить. Недаром и сам Лу Синь, и коммунистическая партия Китая призывают к борьбе против агущицины — как своеобразной идеологии люмпенпролетариата. А вот буржуазным писателям было выгодно представить А-гуя типичным сыном китайского народа. У Клода Руа эта ошибка идет от «традиции».

Иногда ошибки Клода Руа идут от не критического восприятия прочитанных им книг о Китае. К таким ошибочным положениям относится, например, «традиционное» в буржуазной синологии представление о «пришлости» китайцев в Китай откуда-то с Запада. Это утверждение, идущее от Вигера и Форке и пропагандируемое сейчас американским синологом К. Бишопом, органически чуждо Клоду Руа, но он дважды повторяет его, не задумываясь над тем, правильно ли оно. Ему не может быть не известно, что наука нового Китая (как и советская наука) вполне доказательно утверждает, что почти все народы Китая сложились, в основном, на его нынешней территории. Отнесение же «варваров» на окраины страны связано с формированием хань (китайцев) как народности и как нации.

Некоторые ошибки происходят от небрежности автора. Так, в главе пятой «Ханьцы и варвары» и в тексте, и в заглавии встречаются три названия одного и того же народа — «йи», «носу» или «лоло» как этнонимы разных народов. Следует отметить, что и в русском переводе эта ошибка не исправлена.

В общем качество перевода не всегда удовлетворительно. Например, вместо «Мын-Цзян Нюй», т. е. «дочь семей Мын и Цзян» напечатано «Мын-Цзян ну», что означает «раб семей Мын и Цзян»; вместо династии Цин или Дай-цин (XVII—XX вв.) напечатано Цинь (III в. до н. э.); Аурелий Стейн переделан в Орела Штейна, а Вэйли — в Уэля. «Реставраторы фарфора» (стр. 29) это всего навсего починщики посуды. Фарфоровые изразцы крыши Храма Неба (стр. 32) — это глазурованная черепица. Книжка Артура Смиса «Chinese characters» не «Характерные черты китайцев», а «Китайские очерки», «Зарисовки в Китае». Перевод слова «натирания», «умащивания» словом «масть» («и благовоение мастей твоих лучше всяких ароматов» — стр. 394) меняет смысл фразы.

Трудно объяснить, почему редакционные комментарии относятся только к одной из многих тем, затронутых в книге Клода Руа, — к средневековой и древней философии (философия нового и новейшего времени комментируется от случая к случаю). Ведь ошибки и искажения имеются и в других местах книги. Во всех таких случаях редакции следовало бы помочь советскому читателю книги Руа составить о Китае правильное представление.

Однако недостатки оригинала и перевода не снижают значения работы Клода Руа, безусловно хорошей, интересной и очень полезной. Особо следует отметить живой, образный язык книги. Повесть о новом Китае, согретая теплом искренней дружбы, буквально искрится остроумием.

А. Грэд, *Земля и крестьянин в Японии*. Перевод с английского Л. М. Панчешниковой и В. А. Попова, под редакцией Н. А. Ваганова. М., 1954.

Не только специалисты, но и широкие круги советской общественности всегда проявляли интерес к политической, экономической и общественной жизни Японии. Но если в области политики, торговли, промышленности этот интерес более или менее удовлетворялся, то для ознакомления с повседневной жизнью японского народа, особенно его наиболее многочисленной части — крестьянства, не было других источников, кроме поверхностных очерков, русских и переводных, изданных в начале XX в., фактический материал которых, а тем более освещение этого материала безнадежно устарели. Да и для специалиста-японоведа сельское хозяйство Японии, жизнь японской деревни оставались наименее разработанными, «темными» вопросами. Понятно поэтому, какое внимание должна была привлечь книга А. Грэда, вышедшая недавно в русском переводе.

Автор книги — известный американский буржуазный экономист. Рецензируемая книга написана им на очень богатом фактическом материале. Автор не только использовал большое количество литературы, в которую вошли и труды японских марксистов, но во многом основывался на личных наблюдениях. Он имел возможность ознакомиться с жизнью японской деревни на месте, беседовал с крестьянами во время неоднократных поездок в Японию в 1930—1947 гг. Это значительно повышает ценность его книги.

Автор поставил перед собой задачу всесторонне осветить сельское хозяйство Японии. Поэтому в его книге затронуты не только социально-экономические, но и физико-географические проблемы, приведены сводные данные, характеризующие природные условия.

Основное внимание автор уделит экономическим проблемам. В специальных главах он рассматривает состояние сельского хозяйства Японии до войны и во время войны, проведение земельной реформы и современное положение.

Служебное положение А. Грэда, находившегося при штабе оккупационных войск, наложило известный отпечаток на книгу — местами он приукрашивает политику оккупационных властей. Обнаруживаются также неумения автора вскрыть классовый характер тех или иных явлений. Однако эти недостатки не могут существенно умалить большую познавательную ценность рассматриваемой книги.

Для этнографа наибольший интерес представляют главы «Агротехника», «Семейная организация крестьянского хозяйства», «Деревенская организация».

Много нового узнает читатель из приводимого автором сельскохозяйственного календаря. Это не простой перечень посева, уборки и других полевых работ, а краткий очерк цикла всей деревенской жизни. В нем нашли отражение праздники, жизнь детей, школа, послевоенные изменения в жизни деревни, а самое главное — выпукло обрисована напряженность труда японского крестьянина, который круглый год, не покладая рук, работает на своем клочке земли.

Отдельные параграфы главы «Агротехника» посвящены различным культурам. Наиболее подробно описана основная культура Японии — рис. Автор не ограничивается агротехническими сведениями, но дает много сведений, очень важных для этнографа, — о специфической таре, способах использования риса, рисовой соломы и пр. Например, в параграфе, посвященном культуре риса, он пишет: «В Японии рис имеет разнообразное применение: он является продуктом питания, идет на приготовление всевозможных приправ, а также используется в промышленных целях. К столу рис подается либо в вареном виде, либо как клейкое желе, либо в виде кондитерских изделий, либо как хлеб.

Из риса готовят несколько десятков различных приправ и напитков: «сакэ» (рисовая водка с небольшим содержанием алкоголя), «сётю» (более крепкий напиток), «бакусю» (разновидность пива), уксус, «мирин» (сорт сладкой водки), «сёю» (соус, для приготовления которого рис подвергают длительному брожению, а затем вываривают в рассоле; однако в большинстве случаев сёю готовят из соевых бобов), «мисо» (паста, чаще приготавливаемая из соевых бобов) и дюжина других. Рис также используется для производства крахмала, клея и ряда других промышленных товаров.

Рисовые отруби служат удобрением, кормом для скота, лекарством и используются еще для многих других целей. Рисовая мякина используется как топливо, материал для хранения и упаковки, подстилка для скота и изоляционный материал. Из рисовой соломы делают бумагу, различные коврики, циновки, сумки, корзины, веревки, сандалии. Соломой также кроют крыши и используют ее для удобрения, в качестве корма скоту и для других целей» (стр. 130—131).

Шелководство, к сожалению, освещено почти исключительно с экономической точки зрения, хотя в Японии оно накладывает специфический отпечаток и на быт.

Ценные сведения даны по ирригации, удобрениям, использованию скота. Читатель познакомится с особенностями скотоводства в Японии, где коровы, например, используются «не как производители молока и мяса, а как рабочий скот. Коровы в Японии ценятся дороже, чем лошади» (стр. 149). В книге дается и объяснение такого положения: в парцеллярном хозяйстве, где объем полевых работ сравнительно невелик, для их выполнения достаточно коровы, а содержать ее дешевле, чем лошадь.

На конкретном материале автор доказывает, что без большого напряжения Япония может осуществить механизацию сельского хозяйства, для этого необходимо только, чтобы средства, получаемые с японской крестьян, шли не на производство вооружения, а на сельскохозяйственные машины.

Значительный интерес представляет глава «Семейная организация крестьянского хозяйства». В ней обрисована тяжелая участь японской женщины. Она работает в поле наравне с мужчиной и выполняет все домашние дела — приготовляет пищу, ухаживает за детьми, шьет и т. д., а вместе с тем занимает в семье приниженное положение.

Подробно описываются в книге Грэда взаимоотношения между «главной» семьей и «боковыми» семьями, которые образуются при выделении младших сыновей.

«То, что выделяется такой семьей, — пишет автор, — как правило, недостаточно для ее существования. В период Токугава по закону не разрешалось делить между наследниками надел, если он не достигал размеров в одно тэ¹. С реставрацией это запрещение было отменено, но действительное положение не изменилось. Второй или третий сын могут жить вместе со старшим сыном; если они основывали собственную боковую семью, то они могли арендовать землю у главной семьи. По праздникам глава главной семьи пользуется самыми большими почестями в боковой семье. Он не только дает советы, но и имеет решающий голос в таких важных делах боковой семьи, как, например, женитьба одного из сыновей. Под новый год главе семьи надлежит поднести соответствующий подарок. То же самое делается и в праздник «бон». От боковой семьи также требуется помощь главной семье при пересадке риса. От японца можно услышать такие слова: «Сказанное главной семьей подобно словам бога» (стр. 171—172).

В книге показана идеализация этих семейных отношений реакционными идеологами довоенной Японии, уподобляющими всю страну сочетанию «боковых семейств», возглавляемых императорской фамилией. Из материалов Грэда видно, что несмотря на конституционные реформы на практике эти феодальные пережитки остаются почти неизменными.

Глава «Деревенская организация» содержит в основном описание административной структуры деревни. Не лишены интереса рассеянные в этой главе сведения такого, например, порядка, как о пожарных дружинах. Из отдельных строк ясно видно, что под этой безобидной формой практически создается военный резерв.

По различным поводам Грэд делает вывод о том, что вывести сельское хозяйство Японии из тупика может только кооперирование усилий крестьян. Однако сам автор в специальной главе убедительно показывает, что в условиях капиталистического строя подобное мероприятие не в состоянии серьезно улучшить положение крестьянства.

Несмотря на некоторые недостатки, книга Грэда заслуживает внимания всех интересующихся жизнью современной японской деревни.

С. А. Арутюнов

НАРОДЫ АФРИКИ

The Peoples of Kenya speak for themselves. By Mbiyu Koinange. Kenya Publication Fund, Detroit, 1955.

Книга «Народы Кении говорят за себя» принадлежит перу известного африканского деятеля, члена Исполкома Союза африканцев Кении и представителя этого Союза в Лондоне — Мбийю Коинанге.

В послевоенные годы в Кении, как и во многих других колониях Африки, наблюдается значительный рост рабочего и национально-освободительного движения. Профсоюзы Кении составили основное ядро Восточно-Африканского конгресса профсоюзов, запрещенного колониальными властями в 1950 г. Возникла и развернула широкую деятельность массовая национальная организация — Союз африканцев Кении. В 1952 г. он от имени народов Кении обратился к английскому правительству с требованием возвращения африканцам части отнятой у них земли, осуществления ряда демократических реформ, ликвидации расовой дискриминации и т. д. В ответ на эти требования Англия объявила о введении в Кении чрезвычайного положения «для борьбы с террористической организацией Мау Мау». В Кению были направлены войска; народы Кении, гикуйю прежде всего, вынуждены были в порядке самообороны взяться за оружие. В связи с этим в Англии появилось большое количество работ, имеющих целью обелить действия колонизаторов в Кении и доказать, что национально-освободительное движение народов Кении препятствует их экономическому и культурному развитию².

В свете этого книга Коинанге, правдиво рассказывающая о положении в Кении, представляет большой интерес.

Здесь освещается ряд актуальных вопросов — система колониальной эксплуата-

¹ Около 1 га.

² С. Wilson, Who killed Kenya, London, 1953; W. Carey, Crisis in Kenya, London, 1953; C. J. Wilson, Before the White man in Kenya, London, 1953.

ции народов Кении (экспроприация земли, экономическая дискриминация и т. д.), положение рабочих и рабочее движение, кооперативное движение, организация и деятельность Союза африканцев Кении, движение за создание независимых школ, женское движение, движение сопротивления карательным мерам английских властей (1952—1955) и другие. Большую ценность представляют приложенные к книге документы Союза африканцев Кении, петиция женщин Кении королеве Англии, документы партии европейских колонистов — Союза избирателей Кении и т. д.

Хотя автор и не этнограф, в его книге содержится много интересного и ценного этнографического материала.

Много нового мы узнаем о постановке народного образования в Кении. О состоянии его можно судить по ассигнованиям из колониального бюджета на содержание школ африканцев и детей европейских колонистов. По данным Коинанге, на каждого школьника европейца отпускается в год 59 ф. ст., на каждого школьника индийца или араба — 14 ф. ст., а на каждого школьника африканца только 1½ ф. ст. Эти цифры являются ярким показателем политики расовой дискриминации, осуществляемой колониальными властями по отношению к африканскому населению.

Начальное образование находится почти полностью в руках европейских религиозных миссий. Коинанге резко критикует систему воспитания учащихся в миссионерских и немногочисленных правительственных школах, где африканским детям прививают религиозные идеи смирения и покорности колониальным властям, а в европейских детях воспитывают расистское пренебрежение к африканцам. Африканские, европейские и азиатские дети, пишет Коинанге, не знают никаких расовых различий. Как правило, у детей европейцев няни — африканские женщины, которые кормят, одевают их, укладывают спать; малыш подчас слушается няню больше, чем своих родителей. Нередки случаи, когда малыши — европейцы и африканцы — играют вместе, европейские дети учатся говорить на африканских языках, поют африканские песни, знают африканские танцы. «Только после того как ребенок начинает посещать школу, в его голову вбивается новая доктрина различия рас. Европейские дети обучаются языку суахили в форме приказаний — Приди! Сделай это! Дай ешь! и т. д.» Цель всего этого — внушить детям европейцев мысль, что они призваны в жизни повелевать и руководить.

Детей же африканцев, учатся ли они в правительственных или в миссионерских школах, в начальных или неполных средних школах или даже в колледже в Макерере, учат беспрекословному повиновению и покорности. Еще в школе под угрозой исключения им внушают мысль о необходимости избегать всякой политики, не общаться с людьми, которые «считаются агитаторами» и т. д. Полиция и разведка вербуют из них своих агентов. «...Некоторые студенты африканцы, — пишет Коинанге, — которые учились в Англии, были исключены не потому, что они примкнули к какой-нибудь политической группировке, а потому, что они отказались стать осведомителями» (стр. 44).

По данным Департамента просвещения за 1950 г., из общего числа учащихся 127 тыс. закончили первый класс, 70 тыс. — второй класс, 50 тыс. — третий класс и только 593 человека — десятый класс³. Следовательно, абсолютное большинство детей, которые согласно отчетам колониальных властей считаются охваченными школьным обучением, учатся не более двух лет и едва успевают научиться читать и писать. Слабые и непрочные знания, полученные в школе этими детьми, в дальнейшем не закрепляются систематическим чтением вследствие отсутствия библиотек и забываются. В результате основная масса населения остается неграмотной. Только очень немногие африканцы, в основном дети состоятельных родителей, могут учиться в колледже в Макерере (Уганда), дающем близкие к высшему образованию знания, и в Англии.

Между тем африканцы уже давно оценили значение образования. Тяга к образованию среди народов Кении исключительно велика. Поэтому еще в 1920-х годах, по инициативе передовой части национальной интеллигенции гикуйю, началось движение за создание своих, независимых от колониальной администрации, школ. Характер обучения в этих школах должен был соответствовать интересам коренного населения. «Африканец считает образование для своего ребенка столь же необходимым, как пищу», — говорится в докладе Английского национального комитета по защите детей⁴.

Африканцы Кении, особенно гикуйю, отдавали последние гроши на постройку школьных зданий и содержание учительского персонала. Общее руководство независимыми школами осуществляли Ассоциация независимых школ гикуйю и Просветительная ассоциация гикуйю. Колониальные власти не только не обеспечивали эти школы учителями, но под предлогом недостаточной квалификации учителей закрывали в 1938 г. независимые школы. Тогда африканцы решили создать свой колледж для подготовки учителей — Колледж учителей Кении.

Коинанге с большой любовью описывает создание этого колледжа. Строительство колледжа превратилось в общенародное дело. По всей стране развернулась

³ «Children in the British Colonies», No. 2. Kenya and West Indies. National Committee for the Defence of Children, London, стр. 5.

⁴ Там же.

кампания по сбору средств. Далеко не все африканцы имеют денежные средства, поэтому каждый вносил то, что мог,— кто отдавал корову или осла, кто зерно, кто мотыгу, а один из старейшин внес в общий фонд полакра принадлежавшей ему плантации австралийской акации. Те, кто вносил минимум (в 5 ф. ст.), становились членами «совета попечителей», который и распоряжался собранными средствами.

Большую помощь в строительстве колледжа оказали старейшины, как люди более богатые и располагающие большими возможностями. Одни из них предоставляли в распоряжение строителей колледжа строительный материал (лес, камень), другие — перевозочные средства (быков, грузовые автомобили и т. д.). Один из старейшин в течение трех месяцев кормил сто студентов колледжа.

Чрезвычайно любопытно использование при строительстве колледжа институтов возрастных классов.

У народов Кении до сих пор сохраняется деление на возрастные классы: все прошедшие обряд инициации в одном году составляют один возрастной класс. Интересно происхождение названий этих возрастных классов. В 1919 г., когда проходила инициацию сам Коинанге, в стране была эпидемия; поэтому возрастной класс, к которому принадлежит Коинанге, называется *Kimiri*, что значит «эпидемия». Возрастной класс, образованный в год введения колониальными властями новой денежной системы (восточноафриканский шиллинг), получил название *Ciringi*, что значит «шиллинг». Каждый возрастной класс, соревнуясь с другим, брал на себя определенную задачу: так, *Kimiri* и *Kihiumwiri* должны были купить землю, *Ciringi* — организовать водоснабжение, остальные — либо построить больницу для колледжа, либо классные комнаты и т. д. Большую роль в строительстве колледжа сыграли африканские женщины.

В 1939 г. Колледж учителей Кении был, наконец, открыт. Число принятых студентов намного превысило предполагаемую первоначальную цифру (225) и достигло 400. К 1946 г. их было уже 900 человек. Для организации питания студентов было создано свое подсобное хозяйство. Студенты привлекались к строительным и другим работам, следили за порядком в общежитии и т. д. Жалованье учителей было значительно выше, чем то, которое они получали в школах, субсидируемых правительством. В отличие от этих школ, мужчины и женщины в колледже получали одинаковую оплату.

Коинанге подробно рассказывает о постановке системы воспитания будущих учителей в колледже и в независимых школах. Среди учащихся воспитывалось чувство общности интересов всех африканцев, независимо от племенной принадлежности, чувство уважения к представителям других рас и т. д.

Воспитательная работа в колледже имела целью развить у учащихся чувство национального единства африканцев Кении, национальной гордости за свой народ.

Вот несколько примеров. Большие трудности руководство колледжа испытывало в организации питания. Разные племена питаются по-разному. Студенты из разных племен первое время или требовали изготовления привычной для них пищи, или вообще отказывались от пищи. У разных племен по-разному совершается обряд инициации. Луо из провинции Ньянца вырывают передние зубы, гикийю совершают обрезание и т. д. Поэтому студенты луо отказывались признавать гикийю, прошедших обрезание, за взрослых людей, а гикийю насмехались над луо с выбитыми передними зубами.

Чтобы преодолеть эти племенные различия и воспитать чувство национального единства, руководство колледжа создавало учебные группы независимо от племенной принадлежности, устраивало вечера самостоятельности, на которых исполнялись песни и танцы различных племен, по этому же принципу организовывалась спортивная работа. На эту тему читались лекции, проводились беседы. «Таким образом, новичку прививался иной взгляд на студентов другого племени. Студенты приучались смотреть на вещи не с точки зрения своего племени, а с общей национальной точки зрения», — пишет Коинанге (стр. 41).

Очень интересны страницы, посвященные описанию изучения в колледже народного творчества. «Наша программа», — пишет автор, — включает в себя не только обычные предметы, но также изучение африканского народного творчества (*folkways*). Мы сообщили директору департамента просвещения, что быстро умирающую африканскую культуру могут сохранить только сами африканцы. Должны ли мы ждать, пока юноши получат университетские дипломы за границей и, вернувшись, начнут изучение африканского народного творчества, или мы должны изучать его теперь, пока еще живо старое поколение, которое может дать нам сведения?» (стр. 40). Было решено, что каждый учащийся в каникулы должен узнать от своего деда или прадеда несколько сказок, рассказов, легенд. Два-три ученика вместе с учителем разучивали танцы, игры, песни и затем обучали всему этому других. Африканцы, принадлежавшие к другим племенам, — масаи, луо и другие, — должны были обучать своим песням и танцам. Каждая песня записывалась и затем разучивалась.

Создание независимых школ и Колледжа учителей Кении сыграло огромную роль в постановке народного образования африканцев. К 1952 г. существовало 400 независимых школ, в них обучалось 62 тыс. детей африканцев. В литературе не раз отмечалось, что большое число независимых школ давало возможность учиться детям африканцев, которые без этого остались бы неграмотными. Но колониальные

власти усмотрели в движении за создание независимых школ угрозу своему господству. С объявлением чрезвычайного положения в октябре 1952 г. большая часть независимых школ была закрыта. Дети африканцев были лишены возможности получить хотя бы начальное образование. Был закрыт и Колледж учителей Кении, запрещены Ассоциация независимых школ и Просветительная ассоциация гикуйю. Им было предъявлено обвинение в «распространении учения Мау Мау».

Оставшиеся независимые школы правительство поставило под строгий контроль. Им было приказано в короткий срок «очиститься» от учителей, которые являются членами организации Мау Мау». Новый закон об образовании, вступивший в силу в январе 1953 г., предусматривал обязательную регистрацию всех школ. Преподавать в них получили право только те, кто имеет от властей особое удостоверение.

Из книги Коинанге мы впервые узнаем кое-что о положении женщин и женском движении в Кении.

По старым обычаям, на женщине лежат все сельскохозяйственные работы, большая часть обязанностей по изготовлению домашней утвари, одежды и пр., не говоря уже о ведении домашнего хозяйства. Наиболее трудоемкие сельскохозяйственные работы, как, например, подъем целины, в прошлом выполняли мужчины. Сейчас большинство мужчин постоянно находится вне дома, зарабатывая на плантациях или на рудниках средства, нужные для уплаты налогов и покупки необходимых предметов домашнего обихода. Поэтому на женщину теперь часто ложатся и те работы, которые раньше выполнялись мужчинами. Наиболее типичная картина африканской деревни: мужчина на заработках, женщина с детьми ведет все хозяйство и кое-как сводит концы с концами.

Женщина так же бесправна, как и мужчина, но, в отличие от него, она испытывает еще гнет древних патриархальных порядков, поддерживаемых колониальными властями. Ее кругозор не выходит за пределы своей деревни: если мужчина все же бывает в городе, ездит по железной дороге, то женщина постоянно прикреплена к своему клочку земли.

По переписи 1948 г.⁵, в наиболее крупных городах Кении насчитывалось:

Город	Общая численность африканского населения	Женщин	Мужчин
Найроби	64 397	13 252	51 145
Момбаса	33 548	9 965	23 583
Накуру	12 845	3 856	8 989
Эльдорет	5 408	1 152	4 256

Здесь бросается в глаза несоответствие численности мужчин и женщин: преобладание мужского населения. Это объясняется тем, что значительную часть мужчин африканцев в городах составляют временные жители — отходники. Однако за последнее десятилетие отмечается значительный рост и женского населения в городах. Женщины работают на немногочисленных фабриках, в портняжных мастерских, в амбулаториях и больницах, в парикмахерских и т. д.; большое число женщин занято в услужении в европейских семьях. Есть женщины среди учителей, фельдшеров и других лиц интеллигентного труда.

Женщины Кении постепенно вовлекаются в рабочее и национальное демократическое движение. В годы второй мировой войны в Кении была создана Лига африканских женщин, для вступления в которую, впрочем, как сообщает Коинанге, требовалось письменное разрешение мужа. К 1952 г. Лига насчитывала 10 тыс. членов. Коинанге подробно описывает участие Лиги африканских женщин в строительстве независимых школ и учительского колледжа.

В 1940 г. к Коинанге, который был тогда директором колледжа, явилось несколько женщин с просьбой разрешить им осмотреть колледж. Они высказали свое недовольство тем, что юноши живут в каменных зданиях, а девушки — в хижинах, сделанных из глины. Объяснение, данное Коинанге: девушек очень немного, и большинство из них возвращается вечером домой — ни в коей мере не удовлетворило посетительниц, и они решили взяться за дело сами. Прежде всего был организован сбор

⁵ «African Population of Kenya Colony and Protectorate. Geographical and Tribal Studies (Source: East African Population Census, 1948)». Publ. by the East African Statistical Department [Nairobi], 1950.

средств среди женщин. Иногда женщины приходили за 30—50 миль, чтобы внести свою долю. На собранные деньги были куплены необходимые материалы и наняты каменщики и плотники. Женщины сами таскали камни и помогали строить. «Африканские женщины,— пишет Коинанге,— большинство из которых не умело ни читать, ни писать, собрали 85 тыс. шиллингов и построили хорошее общежитие для 60 девушек, с современным оборудованием, столовой, гостиной и т. д. Их работа послужила примером для женщин других дистриктов Кении. Из 400 независимых школ 7 было построено Лигой африканских женщин. Женщины построили также три амбулатории и одну коммерческую школу» (стр. 51—52).

В 1955 г. женщины Кении направили послание Всемирному конгрессу матерей в Париже. Приводим выдержки из этого послания.

«Мы женщины Кении особенно женщины кикуйю, сообщаем вам, что мы были бы счастливы, если бы вы смогли донести наш голос до женщин всего мира и рассказать им, что действия правительства, направленные против нас, заставляют нас страдать так, как не страдает ни один народ в мире...». Далее рассказывается об убийствах женщин и детей, о сожжении домов, о тюрьмах и концлагерях, в которых содержатся тысячи ни в чем неповинных людей, и т. д. Женщины и дети увозятся за много километров от своих домов, и их ждет голодная смерть. «Все эти страдания вызваны не какими-то незаконными действиями, а тем, что мы требуем удовлетворения своих прав, свободы, земли, которая была насильно отнята у нас европейскими поселенцами, лучших условий труда — т. е. всего того, что считается неотъемлемыми правами всех людей»⁶.

Заканчивая обзор событий в Кении в 1952—1955 гг., Коинанге пишет: «Африканцы знают, за что они борются. Сегодня даже реакционному большинству колонистов должно быть ясно, что африканцы Кении никогда, никогда не возвратятся к прошлой жизни. Они связали свою судьбу со всем современным миром... Их свобода — это свобода всего мира... Прежняя Восточная Африка с иностранным владычеством и домашним рабством умерла» (стр. 76).

Р. Исмаилова

⁶ «Africa Bulletin», London, vol. 2, No. 6, June 1955, стр. 8—9.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1955 году

Задачи советской этнографии в проведении научно-атеистической пропаганды. (1), 3.
В. К. Соколова (Москва). Первая русская революция в народном песенном творчестве. (2), 3.

Вопросы общей этнографии и антропологии

- Б. Ф. Поршнев (Москва). О древнейшем способе получения огня. (1), 7.
М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров (Москва). Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. (4), 3.
А. И. Першиц (Москва). Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории. (4), 18.

Вопросы этногенеза и исторической этнографии

- А. Бернштам (Ленинград). К вопросу о происхождении киргизского народа. (2), 16.
Р. Яблонските-Римантене (Каунас). О древнейших культурных областях на территории Литвы. (3), 3.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

- А. Н. Рогачев (Ленинград). Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV (Маркина Гора). (1), 29.
П. И. Борисковский (Ленинград). Раскопки палеолитического жилища и погребения на стоянке Костенки II в 1953 г. (1), 39.
Г. Ф. Дебец (Москва). Палеоантропологические находки в Костенках. (1), 43.
Л. Н. Чижикова, М. Н. Шмелева (Москва). Современное русское крестьянское жилище (с. Вирятино. Тамбовской области). (1), 54.
М. В. Витов (Москва). Гнездовой тип расселения на русском севере и его происхождение. (2), 27.
А. А. Росляков (Ашхабад). Аламаны. (2), 41.
О. А. Сухарева (Ташкент). Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии. (3), 30.
А. Д. Бехман (Воронеж). Черты нового в архитектуре русского крестьянского жилища. (3), 43.
В. Н. Даниленко (Киев). Волошский эпилеолитический могильник. (3), 56.
Г. Ф. Дебец (Москва). Черепа из эпилеолитического могильника у с. Волошского. (3), 62.
Т. А. Жданко (Москва). Историко-этнографический атлас Средней Азии. (3), 20.
М. Г. Рабинович (Москва). Из истории быта городского населения Руси в XI—XVII вв. (4), 33.
Т. А. Жданко (Москва). Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков. (4), 56.
Н. Н. Ершов (Сталинабад). Система водопользования в дореволюционном кишлаке (По материалам с. Кыстакоз, ныне Чкаловск, Ленинабадской области Таджикской ССР) (4), 70.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- М. В. Чураков (Ленинград). Берберы и арабы в этнической истории Алжира. (1), 72.
Ю. В. Кнорозов (Ленинград). Письменность древних майя (Опыт расшифровки). (1), 94.
В. Штейниц (Берлин). Некоторые вопросы немецкой этнографии. (2), 54.
С. И. Брук (Москва). Этнический состав стран Передней Азии. (2), 66.
Л. Файнберг (Москва). К вопросу о родовом строе у эскимосов. (2), 82.
О. Нагодил (Прага). Чехословацкая этнография за десять лет. (3), 74.

- Б. И. Шаревская (Москва). Судьба молодежи из коренного населения в современной Австралии. (3), 84.
 С. Рамадани (Тирана). Народное жилище северной Албании. (4), 79.

Из истории этнографии и антропологии

- М. О. Косвен (Москва). Материалы к истории русской этнографии XVII века (1), 126.
 К. И. Козлова и Н. Н. Чебоксаров (Москва). Этнография в Московском университете. (2), 100.
 В. Е. Гусев (Челябинск). Проблемы народной поэзии в русских журналах 50–60-х годов XIX века. (3), 91.
 Э. Померанцева, В. Чичеров (Москва). Борис Матвеевич Соколов (1889–1930). (4), 97.
 Б. П. Полевой (Ленинград). Этнографические наблюдения Г. И. Невельского (1849 год). (4), 106.

Дискуссии и обсуждения

- В. Чичеров (Москва). Вопросы изучения народного творчества (К итогам дискуссии). (3), 111.

Народы мира

(Информационные материалы)

- М. К. Кудрявцев (Ленинград). Кашмирцы. (2), 112.
 А. И. Першиц (Москва). Арабы Саудовской Аравии. (3), 127.

Заметки. Сообщения. Рефераты

- А. П. Окладников (Ленинград), В. В. Нарышкин (Анадырь). Новые данные о древних культурах на Чукотском полуострове. (1), 151.
 Н. Начинкин (Ленинград). Материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева (1), 159.
 Г. Громов (Москва). Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища. (1), 164.

Хроника

- Обсуждение корреспонденции «Вульгаризаторы в позе марксистов», опубликованной в газете «Правда». (1), 172.
 Л. Пушкарёва (Москва). Совещание авторского коллектива по теме «Семья и семейный быт колхозного крестьянства народов СССР». (1), 173.
 Л. Чижилова (Москва). Совещание авторского коллектива по теме «Современное жилище колхозного крестьянства народов СССР». (1), 175.
 У. Б. Далгат-Чавтараева (Москва). Совещание по вопросам изучения эпоса народов СССР. (1), 178.
 И. Золотаревская (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1954 году. (2), 126.
 М. К. Ивасюта (Львов). Украинский государственный музей этнографии и художественного промысла АН УССР в 1953 и 1954 годах. (2), 129.
 Г. А. Гулиев (Баку). Музей истории Азербайджана. (2), 131.
 И. Гурвич (Якутск). Этнографические материалы в Якутском краеведческом музее. (2), 133.
 Г. Стратанович (Москва). Выставка прикладного искусства Китайской Народной Республики. (2), 136.
 Иван Баллаша (Будапешт). Десять лет работы Этнографического музея в освободженной Венгрии. (2), 142.
 Цветана Абаджиева (София). Материалы экспедиции Института и Музея этнографии Болгарской академии наук. (2), 147.

Марк Константинович Азадовский. (2), 149.

М. Я. Берзина, Я. Р. Винников (Москва). II съезд Географического общества СССР. (3), 142.

Сессии, посвященные итогам экспедиционных работ 1954 года. (3), 147.

И. Джаббаров (Ташкент). Обсуждение монографии «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства» в Академии наук Узбекской ССР. (3), 162.

А. Орлова (Москва). Обсуждение тома «Народы Африки». (3), 164.

Роберт Андреевич Пельше. (3), 169.

Николай Васильевич Кюнер. (3), 171.

Т. А. Жданко, М. Итина (Москва). Совещание по вопросам археологии и этнографии Средней Азии. (4), 117.

- В. Соколова (Москва). Совещание по вопросам изучения исторического эпоса восточнославянских народов. (4), 125.
 Е. П. Бусыгин (Казань). Этнографические исследования материальной культуры русского населения Среднего Поволжья в 1954 году. (4), 131.
 А. К. Писарчик (Сталинабад). Гармская этнографическая экспедиция 1954 года. (4), 141.
 Н. Гусева (Москва). Выставка индийской культуры и искусства. (4), 141.
Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. (4), 145.

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- Г. И. Михайлов (Москва). Гэсэриада. (1), 182.
 Ю. Аверкиева (Москва). Материалы Нью-Йоркского съезда этнографов. (4), 148

Общая этнография и антропология

- Л. Файнберг (Москва). The beginning of diplomacy. A sociological study of intertribal and international relations. By Ragnar Numelin. (1), 189.
 В. П. Якимов (Ленинград). G. H. R. van Koenigswald. Gigantopithecus blacki van Koenigswald. A giant fossil hominid from the Pleistocene of Southern China (2), 153.

Народы СССР

- Т. М. Акимов (Саратов). Сборник «Русское народнопоэтическое творчество». (1), 192.
 Б. Н. Путилов (Ленинград). Русское народное поэтическое творчество. (2), 155.
 Л. В. Домановский (Ленинград). А. П. Разумов. Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко (2), 158.
 М. А. Сергеев (Ленинград). Семен Бытовой. На счастливой реке. (2), 160.
 Я. Смирнова (Москва). Ш. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов; Его же. К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии. (2), 162.
 Г. Г. Стратанович (Москва). Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. III. (2), 166.
 З. Соколова (Москва). С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. (2), 169.
 В. Алексеев (Москва). М. Г. Абдушелишвили. К палеоантропологии Самтаврского могильника. (2), 169.
 М. А. Сергеев (Ленинград). Литературное творчество народов Севера. (3), 173.
 Е. А. Давидович (Сталинабад). П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. (3), 187.
 Г. Е. Марков (Москва). Новые работы о туркменах. (3), 193.
 Б. Кармышева (Сталинабад). Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. (3), 196.
 Р. Липец (Москва). Былины. (4), 155.
 Б. П. Кирдан (Москва). Українські народні думи та історичні пісні (4), 157.
 А. М. Аршарун (Москва). Кавказский этнографический сборник. (4), 161.
 Я. Смирнова (Москва). Сборник статей по истории Кабарды. (4), 164.
 Ким Давлетов (Казань). «Татар Халык Ижаты» (Татарское народное творчество). (4), 167.
 С. Николаев (Москва). Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР, вып. 2, (4), 169.

Страны народной демократии

- Ю. В. Иванова (Москва). Искусство в Народной Республике Албании (I), 197.
 И. Калоева (Москва). Новый этнографический журнал в Народной Республике Болгарии. (2), 172.

Народы зарубежной Европы

- И. Гроздова (Москва). Джейн Уолш. Так не должно быть. (2), 177.

Народы зарубежной Азии

- А. Першиц (Москва). Ж. Велерс. Крестьяне Сирии и Ливана. (2), 179.
 Г. Стратанович (Москва). Клод Руа. Ключи к Китаю. (4), 171.
 С. А. Арутюнов (Москва). А. Грэд. Земля и крестьянин в Японии. (4), 173.

Народы Африки

- Р. Исмагилова (Москва). The Peoples of Kenya speak for themselves. *By Mbiyu Koinange*. (4), 174.

Народы Америки

- Ю. Аверкиева (Москва). *E. Colsen*. The Makah Indians (2), 182.

Народы Океании

- Н. Бутинов (Ленинград). *A. Riesenfeld*. The Megalithic culture of Melanesia. (2), 183.

Письмо в редакцию

- А. Н. Москаленко (Воронеж). Об одной несообразности в учебном плане исторических факультетов университетов. (3), 199.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы общей этнографии и антропологии

М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров (Москва). Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области	3
А. И. Першиц (Москва). Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории	18

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

М. Г. Рабинович (Москва). Из истории быта городского населения Руси в XI—XVII вв.	33
Т. А. Жданко (Москва). Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков	50
Н. Н. Ершов (Сталинабад). Система водопользования в дореволюционном кишлаке (По материалам с. Кыстакоз, ныне Чкаловск, Ленинабадской области Таджикской ССР)	70

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

С. Рамадани (Тирана). Народное жилище северной Албании	79
--	----

Из истории этнографии и антропологии

Э. Померанцева, В. Чичеров (Москва). Борис Матвеевич Соколов (1889—1930)	97
Б. П. Полевой (Ленинград). Этнографические наблюдения Г. И. Невельского (1849 год)	106

Хроника

Т. А. Жданко, М. Итина (Москва). Совещание по вопросам археологии и этнографии Средней Азии	117
В. Соколова (Москва). Совещание по вопросам изучения исторического эпоса восточнославянских народов	125
Е. П. Бусыгин (Казань). Этнографические исследования материальной культуры русского населения Среднего Поволжья в 1954 году	131
А. К. Писарчик (Сталинабад). Гармская этнографическая экспедиция 1954 года	134
Н. Гусева (Москва). Выставка индийской культуры и искусства	141
Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич	145

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Ю. Аверкиева (Москва). Материалы Нью-Йоркского съезда этнографов	148
--	-----

Народы СССР

Р. Липец (Москва). Былины	155
Б. П. Кирдан (Москва). Українські народні думи та історичні пісні	157
А. М. Аршарун (Москва). Кавказский этнографический сборник	161
Я. Смирнова (Москва). Сборник статей по истории Кабарды	164

Ким Давлетов (Казань). «Татар Халык Ижаты» (Татарское народное творчество)	167
С. Николаев (Москва). Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР, вып. 2	169

Народы зарубежной Азии

Г. Стратанович (Москва). <i>Клод Рюа</i> . Ключи к Китаю	171
С. А. Арутюнов (Москва). <i>А. Грэд</i> . Земля и крестьянин в Японии	173

Народы Африки

Р. Исмагилова (Москва). <i>The Peoples of Kenya speak for themselves. By Mbiyu Koinange</i>	174
---	-----

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1955 году	179
--	-----

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
31	17 св.	титул IX	титул LX
33	14 сн.	пришествленную	пиршествленную
77	1 сн.	т. 1,	т. е.
141	21—22 св.	и Бостон).	и Куляба (Бостон).
149	34 сн.	специальных отношений	социальных отношений